

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА»

ВЕСТНИК
Красноярского
государственного
педагогического
университета
им. В.П. Астафьева

2006 (3)

Главный редактор:

Н.И. Дроздов

Редакционная коллегия:

В.Р. Майер, Я.М. Кофман, А.А. Баранов, А.М. Гендин, А.Ж. Жафяров, В.Е. Пэшко,
А.И. Завьялов, Т.Г. Игнатъева, М.П. Лапчик, М.И. Лесовская, Н.И. Пак,
Л.Г. Самогик, Н.Т. Селезнева, А.Н. Фалалеев, О.В. Фельде, Т.В. Фуряева,
С.П. Царев, В.П. Чеха, М.И. Шилова, Л.В. Шкерина,
С.П. Васильева (*ответственный секретарь*)

**Вестник Красноярского государственного педагогического университета
им. В.П. Астафьева. 2006(3) / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. –
Красноярск, 2006. – 268 с.**

ISBN 5-88981-130-6

ISBN 5-88981-130-6

© Красноярский
государственный
педагогический
университет
им. В.П. Астафьева, 2006

Содержание

ЛИНГВИСТИКА.....	7
Коваленко Н.А. ПРОСОДЕМА И СВЕРХПРОСОДЕМНОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО	7
Самотик Л.Г. ЭКЗОТИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	12
Фельде О.В. (Борхвальдт) ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОГРАФИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ.....	21
Штейнгарт Е.А. МОТИВОЛОГИЧЕСКОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ	30
Бойко Е.С. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАКИ-ЧЕТЫ В РЕЧИ СТАРОВЕРОВ НА ЕНИСЕЕ ...	35
Куликова Л.В. ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	45
Магировская О.В. АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА	53
Ревенко И.В. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГРАДАЦИОННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА	57
Леонова Ж.В. ПРИНЦИПЫ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ 1904 ГОДА.....	61
Гаврилина Л.Е. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ЧАСТОТЫ ОСНОВНОГО ТОНА В ПРОСОДЕМНОМ И СВЕРХПРОСОДЕМНОМ ПРОСТРАНСТВАХ	64
Коршунова А.В. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА	69
Пихутина В.И. О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ «АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)»	76
Штейнгарт Л.М. ОБРАЗНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАРТИНЫ МИРА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ	86
Солнышкина М.И., Морозова О.А. СОСТАВ И МИКРОСТРУКТУРА СЛОВАРЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖАРГОНА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ РУССКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО НЕФТЯНОГО ЖАРГОНА)	91
РЕЦЕНЗИИ	97
Васильев А.Д. ЗАВЕТНОЕ СЛОВО АКАДЕМИКА О.Н. ТРУБАЧЁВА	97
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	107
Закаблуква Т.Н. ЗНАКОВЫЕ ОБРАЗЫ В ЖИЗНИ ПОКОЛЕНИЙ СИБИРСКОЙ СЕМЬИ.....	107
Дегтярева В.В. МИФОЛОГЕМА ВОДЫ / ОКЕАНА / РЕКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ В.П. АСТАФЬЕВА И Г. МЕЛВИЛЛА	113
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ	118
Дроздов Н.И., Макулов В.И., Чеха В.П. ГЕОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ ТУВЫ.....	118
Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Макулов В.И. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ КАНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ.....	144
Дацышен В.Г. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ГЛАВЫ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ АРХИМАНДРИТА ПЕТРА (П.И. КАМЕНСКОГО) В ФОНДЕ Г.И. СПАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ	165
Журавков С.П., Зайка А.Л. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ НОВОСЕЛОВСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ	172

ФИЛОСОФИЯ	177
Машевский Б.М. СЦИЕНТИЗМ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУКИ	177
Логунова Л.В. ДИАЛЕКТИКА ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ В СЦИЕНТИСТСКОЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	181
Минеев В.В. НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В РЯДУ СТРАТЕГИЙ АДАПТАЦИИ К ФАКТУ КОНЕЧНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ	189
Штумпф С.П. К ВОПРОСУ СТРУКТУРИЗАЦИИ ДУХОВНОСТИ: ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ	196
Грекова И.Н. ОБРАЗОВАНИЕ: ИСКУССТВО ИЛИ НАУКА?.....	204
Максимов С.В. ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	208
Данилова В.Е. К ВОПРОСУ О ЗОНАХ И ФОРМАХ НЕКОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ И ДЕНОМИНАЦИЙ В РОССИИ И МИРЕ	219
Доброновская А.П. ТЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА И ВЕРУЮЩИХ В СБОРНИКЕ «РЕЛИГИЯ И ВЛАСТЬ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. 1917–1991 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)»	227
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	230
Фалалеев А.Н. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВУЗОМ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	230
Малинова Т.П. ФОРМИРОВАНИЕ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПОВЕДЕНИЯ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	239
АННОТАЦИИ	251
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	265

Introduction

LINGUISTICS	7
Kovalenko N.A. PROSODEM AND SUPRAPROSODEMIC LANGUAGE SPACE	7
Samotik L.G. LITERARY TEXT EXOTISMS	12
Felde O.V. (BORHVALDT) HISTORICAL TERMINOGRAPHY IN KRASNOYARSK KRAI	21
Shteynhart E.A. MOTIVOLOGICAL SCIENCE OF TERMINOLOGY	30
Boiko E.S. SYMBOLIC CHARACTERS – CHETYI – IN THE SPEECH OF OLD BELIEVERS ON THE YENISSEI RIVER	35
Kulikova L.V. PRAGMALINGUISTIC CATEGORIZATION OF COMMUNICATIVE STYLE IN GERMAL POLITICAL DISCOURSE	45
Magirovskaya O.V. ANTHROPOCENTRICITY OF CONCEPTUAL LANGUAGE ORGANIZATION	53
Revenko I.V. SEMANTIC TYPES OF GRADED SYNTACTIC STRUCTURES IN THE WAR FICTION BY V.P. ASTAFIEV	57
Leonova ZH.V. PRINCIPLES OF ORTHOGRAPHIC NORMALIZATION IN LINGUISTIC DISCUSSIONS OF 1904	61
Gavrilina L.E. BASE FREQUENCY REGULARITIES IN PROSODIC AND SUPERPROSODIC SPACES	64
Korshunova A.V. STYLISTIC DEVICE AS A TOOL FOR EMOTIONAL EFFECTIVENESS IN COMMERCIAL SLOGANS	69
Pikhutina V.I. ON «ACCENTOLOGICAL VARIABILITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE» DICTIONARY (BY EXAMPLES OF PRONOUNS)	76
Shteynhart L.M. IMAGERY AS REFLECTION OF NATIONAL SPECIFICS OF THE RUSSIAN GERMANS' WORLDVIEW	86
Solnyshkina M.I., Morozova O.A. COMPOSITION AND MICROSTRUCTURE OF PROFESSIONAL TECHNICAL LANGUAGE (BY EXAMPLE OF DICTIONARY OF RUSSIAN PROFESSIONAL PETROLEUM WORKERS' LANGUAGE)	91
REVIEWS	97
Vassiliev A.D. SACRID WORD OF ACADEMICIAN O.N. TRUBACHEV	97
THEORY AND HISTORY OF LITERATURE	107
Zakablukova T.N. HALLMARK IMAGES IN THE LIFE OF SEVERAL GENERATIONS OF A SIBERIAN FAMILY	107
Degtyareva V.V. WATER/OCEAN/RIVER MYTHOLOGEM IN THE ART WORLD OF V.P. ASTAFIEV AND H. MELVILLE	113
HISTORY AND ARCHEOLOGY	118
Drozdov N.I., Makulov V.I., Cheha V.P. GEOLOGY AND ARCHEOLOGY OF SOUTHERN TYVA	118
Drozdov N.I., Artemiev EU.V., Makulov V.I. NEW EVIDENCE ON THE STONE AGE IN KAN FOREST-STEPPE	144
Datsyshen V.G. DOCUMENTS AND MATERIALS OF HEAD OF “SPIRITUAL MISSION” IN BEIJING, ARCHIMANDRITE PETER (P.I. KAMENSKY) IN G.I. SPASSKY FOUNDATION OF KRASNOYARSK KRAI STATE ARCHIVE	165
Zhuravkov S.P., Zaika A.L. HISTORY OF PETROGLYPHS IN NOVOSELOVO DISTRICT (KRASNOYARSKS KRAI)	172

PHILOSOPHY	177
Mashevsky B.M. SCIENTISM AND AXIOLOGICAL DIMENSION OF SCIENCE	177
Logunova L.V. DIALECTICS OF TIME AND ETERNITY IN SCIENTISTS' SCIENTIFIC- PHILOSOPHICAL THINKING	181
Mineev V.V. SCIENTIFIC KNOWLEDGE AMONG STRATEGIES OF ADAPTATION TO THE FINITUDE OF EXISTENCE	189
Schtumpf S.P. ON STRUCTURING OF SPIRITUALITY: DYNAMIC MODEL	196
Grekhova I. N. EDUCATION: ART OR SCIENCE?	204
Maximov S.V. CHARACTERIZATION OF VALUE SYSTEM OF RUSSIAN STUDENTS UNDER MODERN CONDITIONS	208
Danilova V.E. ON ZONES AND FORMS OF UNCONTRADICTION RELATIONSHIP BETWEEN CHRISTIAN DENOMINATIONS IN RUSSIA AND IN KRASNOYARSK KRAI TERRITORY	219
Dobronovskaya A.P. THE SUBJECT OF POLITICAL REPRESSION OF MINISTERS OF RELIGION AND BELIEVERS IN «RELIGION AND POWER DURING SOVIET PERIOD OF RUSSIAN HISTORY» PROCEEDINGS 1917–1991 (KRASNOYARSK KRAI MATERIALS)	227
ECONOMIC THEORY	230
Falaleev A.N. STRATEGIC MANAGEMENT OF UNIVERSITY IN MARKET ECONOMY.....	230
Malinova T.P. HOUSEHOLD FORMATION AND SPECIFICS OF ITS BEHAVIOUR IN TRANSITION ECONOMICS.....	239
ABSTRACTS	251
CREDITS	265

ЛИНГВИСТИКА

Н.А. Коваленко

ПРОСОДЕМА И СВЕРХПРОСОДЕМНОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

В многоярусной языковой структуре различается множество разнопорядковых единиц, представляющих собой исходный материал, из которого строится вся сложная конструкция системы языка. Люди постоянно пользуются языком, творят его системно, не задумываясь над тем, как он устроен. Логически выявленные языковые элементы (фонемы, просодемы и т. д.) и их отношения не дают полной структурной картины языкового пространства, так как целостные свойства системы возникают только тогда, когда отношения между элементами приобретают характер устойчивых внутренних связей, выявление которых представляет известную сложность.

Языковая единица – просодема – однозначно соотнесена с означаемым и означающим, характеризуясь при этом взаимопроникновением в сверхпросодемное пространство путем сцепления просодем в высокоорганизованные структуры (предложения, тексты). Система языка может быть подвергнута иному расчленению, и тогда будут получены другие элементы в рамках системы другого уровня. Ввиду сложности анализа просодемного и сверхпросодемного пространств вводится понятие минимальной просодемы. Минимальная просодема – это языковая единица смыслоразличения, позиционно обусловленного ударением, абстрагированная из речевых материальных воплощений на основе принципов минимальности, изоморфизма, внутреннего единства, инвариантности и оппозиционности.

Внутренняя регуляция единиц-просодем в сверхпросодемном пространстве – это сложный механизм взаимодействия детерминантной и гетерогенной сил, в котором просодема описывается не как таковая, а с учетом ее места в сверхпросодемном пространстве. Прежде чем перейти к описанию внутренней сбалансированности просодем в сверхпросодемном пространстве, приведем схематичную картину языковых пространств (рис.).

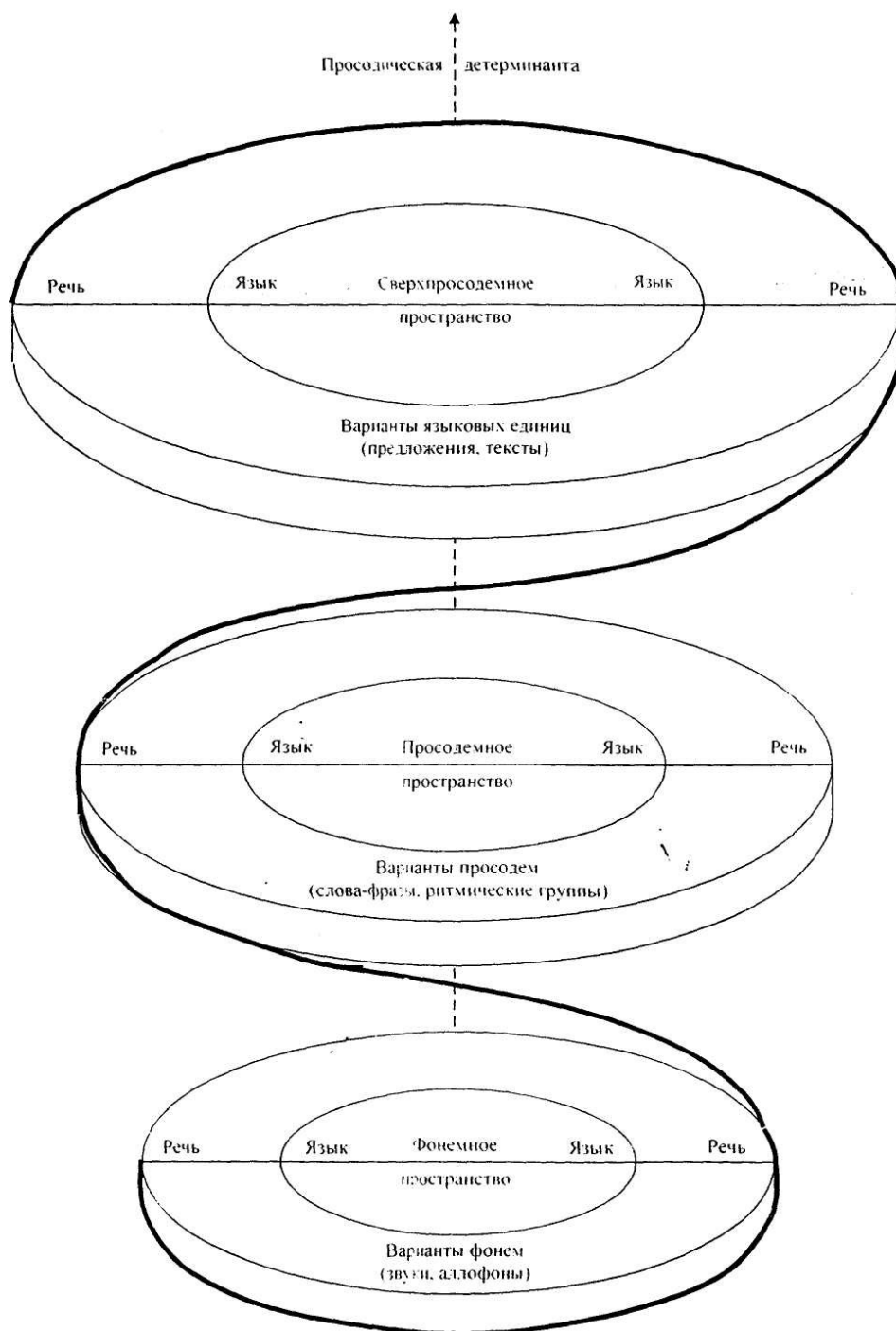

Рис. Языковые пространства

Три энергетических пространственных уровня, сбалансированные внутренне разными по форме и «жесткости» связями, обеспечивают состояние, близкое к равновесию и зависящее от многих факторов. Если языковая система находится вдали от точки неустойчивости, то для нее характерны малые локальные флуктуации, а крупномасштабные флуктуации маловероятны. Упорядоченность

просодемы выше, чем сверхпросодемого пространства (предложений, текстов), поэтому необходимы специальные механизмы сохранения и совершенствования организации всей языковой системы в условиях неупорядоченных воздействий возмущающих факторов (эмоциональные наслоения и т. д.). Так как языковая система – это самонастраивающаяся система, то эти механизмы обнаруживаются внутри самой системы, а просодема и сверхпросодемое пространство связаны друг с другом по типу обратных связей. Отрицательные обратные связи поддерживают организацию, а положительные обратные связи позволяют этой системе совершенствоваться.

Описание сверхпросодемого пространства в целом отлично от описания просодем (неаддитивность системы и суммы ее элементов), при этом интенция говорящего – это среда, которой противопоставлена языковая система, в основе ее лежит внутренняя активность. Целостность предложений и текстов характеризуется новыми качествами и свойствами, не присущими просодемам, но возникающими в результате их взаимодействия в определенной системе связей. Системообразующими связями являются такие связи, когда та или иная совокупность может быть выделена как явление нового порядка, способное к сохранению своей качественной определенности в данных условиях.

Сверхпросодемое пространство представляет собой сложное переплетение единиц, явлений, процессов, уровней, пространств, в котором просодическая детерминанта играет роль управляющего параметра, указывая на маркированность членов оппозиции в сверхпросодемом пространстве. Просодическая детерминанта восходящей звучности (немецкий, английский языки) свидетельствует о маркированности восходящего движения тона, в то время как просодическая детерминанта нисходящей звучности (русский язык) является маркером нисходящей мелодии. В русском языке два едионаправленных вектора – детерминанта нисходящей звучности и мелодия повествования (мы говорим в основном повествовательными предложениями) – усиливают друг друга и свидетельствуют о высокой степени эластичности русского языка. Немецкий и английский языки, имея единую историческую траекторию развития и просодическую детерминанту восходящей звучности, тем не менее развили две разные системы языков путем перепрограммирования ядра просодемы.

Условием взаимодействия просодем является их соответствие друг другу. Однако для возникновения четкой языковой организации необходимо лишь такое соответствие, при котором свойства просодем, возникающие в процессе взаимодействия, объективно служат сохранению системы языка. Подобный вид соответствия просодем друг другу и есть целесообразность организации. Для просодем это соответствие будем называть внешней целесообразностью, а для системы сверхпросодемого пространства – внутренней.

Каждая просодема, вступая в систему отношений типа экстенсивной и интенсивной структуры с другими просодемами, участвует в этой системе определенным набором свойств. Какое количество свойств она при этом обнаруживает, зависит от ряда факторов: от числа элементов данного целого и его свойств, от соотношения целого и внешних условий и т. д.

С переходом на уровень сверхпросодемого пространства нарастает роль дифференциации конвергенции и дивергенции. Это приводит к качественному своеобразию сверхпросодемого пространства в сравнении с просодемым. Свойства просодемы не могут быть механически перенесены на предложения и тексты, которые, в свою очередь, не унифицирует свойства просодемы, а преобразуют их в зависимости от степени возмущающих факторов. Просодема, реализуясь в речи в качестве вариантов, проявляет субстанциональную асимметрию тонемы и акцентемы в зависимости от маркированности членов оппозиции, осуществляет ядерные связи, обладает высоким уровнем упорядоченности и соответственно низким значением энтропии. Попадая в сверхпросодемое пространство, просодема изменяет свои свойства в той части, в которой система позволяет что-то изменить, оставляя инвариантное ядро без существенных изменений. Размах вариативности ядра просодемы имеет свои пределы, выявляемые переходом языковых единиц в позицию нейтрализации. Каждая просодема является моделью единиц сверхпросодемого пространства, по ней можно восстановить целое, т. е. предложения, тексты и язык в целом, ориентируясь на закономерности механизма функционирования и развития просодемы.

Инвариантные связи, выявленные ранее, – ядерные, универсальные, базисные – стремятся к стабильности, что обеспечивает сохранность и надежность всех пространств и гарантирует постоянное функционирование языка в речи. Оптимальная активность языковой системы проявляется при нарушении равновесия в зависимости от среды. Импульсы единиц сверхпросодемого пространства оттранслируются в первую очередь связям управления, осуществляемого просодической детерминантой. Просодическая детерминанта, в свою очередь, непосредственно связанная со всеми пространствами (фонемным, просодемым и сверхпросодемым), готова к восстановлению единообразия по принципу восходящей звучности (немецкий, английский языки) и нисходящей звучности (русский язык). От того, насколько быстро и часто происходит в языке переход просодических свойств в позицию нейтрализации, зависит степень эластичности языка. Замечено, что гораздо чаще это явление наблюдается в немецком и английском языках уже в нейтральной речи, в то время как для русского языка переход языковых единиц в свою противоположность наблюдается под влиянием сильных эмоций [Коваленко, Краев, 2004 : 12–129].

Внутренняя активность языковой системы напрямую зависит от неустоявшихся связей – узлов противоречий, которые располагают определенным запасом энергии. При солидных возмущающих воздействиях энергия может истощиться на работу по корректировке системы и нормальная работа остальных «подопечных» может нарушиться, при этом возможно изменение свойств и функций всех других компонентов просодической системы. Стремление языка противостоят деструктивному воздействию возмущающих факторов – одно из наиболее характерных свойств проявления языка в речи. На опасность увеличения внешнего воздействия язык отвечает поиском приспособительного механизма, тем самым восстанавливая утраченную гармонию.

Возникновение и исчезновение узлов противоречий также относятся к непосредственной регуляции – защите от внешних воздействий. Узлы противоречий, или активные центры, возникают во всех пространствах, и их значимость в проявлении возрастает – начиная от фонемного к просодевному и от него к сверхпросодевному пространству. Противоречие *тонема – акцентема* в пределах просодемы реализует свое противопоставление через ядерные связи. Противопоставление *повествование – вопрос* воплощает в речи базисные связи. Противоречие *просодема – сверхпросодежное пространство* зависит от числа элементов, входящих в предложения, тексты, и типа коммуникативного предложения. *Текст – интенция говорящего* реализует соотношение целого и среды. Внешнее влияние стремится все изменить, а внутреннее сопротивление восстанавливает равновесие. *Сжатие – растяжение речи* осуществляется волнообразным движением длительности в сверхпросодежном пространстве. Расширение и сужение диапазона частоты основного тона является главным противоречием в различении единонаправленных и неединонаправленных оппозиций в просодежном пространстве.

Языку выгодно иметь прочные стабильные связи, так как это экономия физических затрат и повышение возможности целесообразной организации.

Все выявленные языковые пространства постоянно настраиваются по заданной для каждого конкретного языка просодической детерминанте. Внутренние свойства пространств противодействуют влиянию факторов, ведущих к нарушению сложившейся системы языка, и одновременно облегчают действия факторов, благоприятствующих повышению организации системы языка. Самонастраивание системы языка, направленное в сторону оптимизации по детерминанте, – один из способов обеспечения и повышения устойчивости, упорядоченности и связности системы.

Мы говорим, как правило, предложениями, текстами, т. е. реализуем в речи закономерности сверхпросодежного пространства, внутренняя гармония которого не допускает крупномасштабных флуктуаций. Если происходит увеличение объема флуктуаций и отмечается их переход в просодежное пространство, при этом затрагивается ядро просодемы вплоть до его перепрограммирования, то дается толчок к новой ветви эволюции другого конкретного языка.

Библиографический список

1. Коваленко, Н.А. Системный подход к фразовой просодии слова / Н.А. Коваленко. – Красноярск: РИО КГПУ, 1998. – 120 с.
2. Коваленко, Н.А. Язык как самоорганизующаяся система / Н.А. Коваленко, А.Ю. Краев // Язык и время: материалы межвузовской конференции, г. Красноярск. 15–17 ноября 2004 г. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004.

ЭКЗОТИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Исторический роман – традиционный жанр русской литературы. Стремление осмыслить и переосмыслить прошлое – одна из характерных черт русской интеллигенции. История представляет особый интерес переоценкой многих ее фактов в связи с изменением общественного уклада. Это делает особо значимой историческую прозу.

«Турецкий гамбит» – это рассказ о русско-турецкой войне (24 апреля 1877–3 марта 1878). Произведения Б. Акунина (Григория Чхартишвили) популярны в стране, жанр исторического детектива соединяет в себе т. н. коммерческую литературу и историческую прозу [Тодоров 2001 : 41].

Наблюдения над языком произведений Б. Акунина имеют право на существование вне их исторической и эстетической ценности как анализ современного «языкового материала» [Щерба 1974 : 26]. Нами выдвигается следующая рабочая гипотеза: одной из основных функций художественного стиля литературного языка является моделирование определенной речевой среды; тип речевой среды определяется по ее культурной доминанте, соответствует жанру произведения; анализируемый роман Б. Акунина относится к исторической прозе, в нем изображена национальная речевая среда, автор для ее моделирования использует специфические языковые выразительные средства; одним из ведущих выразительных средств современной прозы является внелитературная лексика; Б. Акунин представляет оригинальную версию построения внелитературной лексической системы художественного текста.

Национальная литература, независимо от того, написан ли текст изначально на русском языке, переведен ли на русский, авторизованный ли это перевод, отличается использованием большого количества экзотизмов. Л.П. Крысин по этому поводу пишет: «В русском языке выделяется особая (хотя сама по себе неоднородная) группа экзотизмов – слова, принадлежащие языкам бывшего Советского Союза. Употребление и употребительность этих слов зависят, как очевидно, от тематики и ситуации речи. Ср., например, слова: *аксакал, арык, пичала, мазар, минарет, бесбармак* и т. п.» [Крысин 2004 : 64]. Основная их функция – передача местного колорита. Значительное их число включено в русскую речь нерусских. В нашей действительности, в нашей многонациональной стране русский язык нерусских представлен широко, различными вариантами, связанными со степенью освоения. «Нациолект» долгие годы рассматривался в лингвистике как объект совершенствования методики преподавания русского языка в национальных условиях, но не как самостоятельная форма существования русского языка, отражающаяся в художественных текстах (кроме, пожалуй, одной работы об украинизмах [Амитин 1968]).

В лингвистической литературе внелитературная лексика современного русского языка специально не рассматривалась. Не представлена она и как выра-

зительное средство художественных текстов. Впервые как ведущие лексические средства изображения национальной речевой среды рассматриваются в совокупности экзотизмы, варваризмы и нациолектизмы.

Традиционным в русской литературе средством маркировки художественного текста являются экзотизмы – слова, обозначающие явления нерусской действительности. Этот термин не устоялся в лингвистике. О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» под лексикой экзотической понимает «слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемых для придания речи особого колорита» [Ахманова 1969 : 214]. Не принимал такого «сужения термина» А.В. Калинин, который рассматривал экзотизмы как лексически не освоенные заимствования [Калинин 1978 : 71–76]. О.Н. Емельянова в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» [Емельянова 2001 : 760] пишет: «экзотизмы – иноязычные наименования вещей и понятий, свойственных природе, жизни и культуре тех стран и народов, у которых эти названия возникли». В других стилистических словарях этого термина нет. Такое понимание экзотизмов не всегда соответствует реальности, так, например, некоторые из них, связанные с культурой народов Севера, не имеют точной этимологической соотнесенности с языками этих народов: «*чум* – принятое у русских название переносного жилища некоторых народов Сибири и северо-востока европейской части СССР», «*парка* – верхняя зимняя одежда в Северной Сибири, сшитая обычно из оленьих шкур мехом наружу» (МАС) и др. Кроме того, путь экзотизмов в русский язык часто не является прямым, это происходит через ряд языков-посредников. Так, Италию мы видим в основном глазами французов: *карабинер*, *каравелла*, *арлекин* и др. Такое определение ставит экзотизм одновременно в два различных раздела русистики: собственно лексикологию и семасиологию (лексическую семантику). Нам кажется приемлемым чисто семасиологическое определение экзотизма.

В Красноярске в 2005 г. был издан словарь по «Турецкому гамбиту» Б. Акунина [Самотик 2005]. Экзотизмы в анализируемом тексте маркируют место действия (Болгария, Румыния, вне пределов России), основные события (война с Турцией), основных действующих лиц (журналисты-международники из разных европейских стран) [Самотик 2006]. Точно отобраны литературные (т. е. фиксированные в словарях литературного языка – МАС) экзотизмы, связанные в русском языке с представлениями о Востоке и презентующие традиционные тематические группы [Ср.: Миртов 1941] (иноверец, многоженство, одежда, пища, оружие, представитель сословной и чиновничьей структуры, обращение, воин): *басурман*, *башибузук*, *гяур*; *наложница*, *гарем*, *евнух*; *бешимет*, *феска*, *чадра*, *шальвары*; *чурек*; *ятаган*; *драгоман*, *бей*, *бек*, *дей*, *падишах*, *паша*, *султан* (ср.: «При всей примитивности ханства внутри его затаилась сложнейшая структура правления, в которой русские часто запутывались: султаны, мурзы, калги, агасы, беи, эфенди, кадии, муфтии!» [Пикуль 2001 : 83]): «*Наступающая армия почти не встречает сопротивления, если не считать комариных укусов, которые наносят по русским коммуникациям летучие отряды так называемых башибузуков («бешеных голов») – полуразбойников-полунар-*

тизан, известных своим диким нравом и кровожадной свирепостью» (С. 7). «*Мои коллеги, британские археологи, не добрались до раскопок – на них напали всадники Рифат-бека, который считает **гяуров** детьми Шайтана, и вырезали всех до единого»* (С. 62) и т. д. [Самотик 2005].

Используются также внелитературные экзотизмы, хоть и не отмеченные в словаре, но широко известные в русской культуре: *везир* (в такой орфографии, а не с более привычным *визирь*; ср., например, у В. Пикуля «Я сумею уговорить **визиря**. **Визирь** уговорит и султана нашего» [Пикуль 2001 : 14, 83]), *великий везир, ханум, аскер, эфенди*.

Значительна группа внелитературных экзотизмов, не известных широкому читателю: *вилайет, гедикль, икбал, исканхане, каймакам, кизляр-агазы, кучук-кадинэ, кучук-ханум, шейх-уль-ислам, табор* (в значении, 'батальон в турецкой армии'). Их употребление соответствует стилистической доминанте произведения (как исторический роман оно прежде всего опирается на историзмы и архаизмы), так как значительная их часть обозначает устаревшие понятия. Представление о Востоке расширяется также за счет употребления перифраз: *Тень Всевышнего, Хранитель Веры* по отношению к правителю Турции.

Познавательное значение текстов Акунина (такая функция не выделяется в работах, посвященных классической литературе [Кальнова 1992]) связано с «гlossарным» методом введения экзотизмов. В тексте романа выделены курсивом внелитературные экзотизмы – *кизляр-агазы, икбал, гедикли* – и сразу объяснено их значение. В современной русской культуре большое внимание уделяется словарному запасу индивида. Популярностью пользуются различные кроссворды, чайнворды, сканворды и т. п., конкурсы на угадывание слов. Этот интерес к необычным словам и использует писатель: «*Под его руководством Анвар открыл в этих краях дилижансное сообщение, построил железные дороги, а также учредил сеть “исланхане” – благотворительных учебных заведений для детей-сирот как мусульманского, так и христианского вероисповедания»* (С. 40). «*Благодари Бога, Зуров, что не старшая жена, а всего лишь “маленькая госпожа”, “кучум-кадинэ”. «Не “кучум”, а “кучук”, – поправил Фандорин и вдруг покраснел»* (С. 71) и т. д. Эти слова не привязаны ни к одному персонажу, не играют никакой роли в сюжете. Таким образом, экзотизмы, традиционно репрезентирующие в русской культуре прием отчуждения текста от читателя [Новикова 2006], от его речевого опыта, приближают текст к современнику. Б. Акунин выстраивает систему выразительных средств языка художественного текста так, что он встает в один ряд с произведениями современного европейского художественного творчества, направленного на максимальное приближение к культуре прошлого (современные прочтения классики и т. д.).

Внелитературные слова вписываются в одну систему со словами ЛЯ. Лексическая система произведения позволяет их понимать, хотя, будучи выделенными из текста, они часто непонятны (как и отдельные слова периферии ЛЯ): «*В ту пору он был генерал-губернатором Дунайского **вилайета**»* (С. 39). «*Хайрулла пакета не взял, громко заругался по-своему и выставил нас с **драгоманом** за дверь»* (С. 69) и т. д.

В тексте есть экзотизмы, связанные с представлениями о других славянских культурах: *корчма* (литературный экзотизм), *водач*, *кантина*, *каруца*, *куруш*, *механа*, *четник* (внелитературные экзотизмы этого плана), экзотизмы, отражающие представления о Франции: *канкан*, *кокотка* (литературные экзотизмы), *шевалье* (внелитературный, но широко известный экзотизм). Расширяются наши сведения о французской культуре за счет использования внелитературных слов, написанных славянским шрифтом, но передающих слова французские (в сущности варваризмы): *бельвю*, *вульгар*, *мушир*, *пенсион*, *компрометаж*, *гарде*, *реноме* (есть в МАС), *парвеню* (есть в МАС). В тексте используется большое количество заимствований, большая часть которых принадлежит французскому языку, что создает своеобразный флер произведения, некоторую изысканность и элегантность. Есть внелитературные экзотизмы, обозначающие немецкие понятия: *зельц*, *вурст*, *медхен-гредхен*; английские: *блумеры*, *суффражистка*, *редингот*; польское: *паненка* (их нет в МАС).

Группы экзотизмов со знаковой в русской культуре функцией выражения представления о какой-либо стране расположены в тексте рядом. Делает это автор совершенно сознательно. Ср.: «*Поговорили о бульварах, о канкане, о кокотках. Полковник совсем расстрогался...*» (С. 65) – это представление о Париже. На этом фоне даются внелитературные экзотизмы, получается как бы несколько планов, что создает объем в тексте. «*Этакая куколка, медхен-гредхен: золотые кудряшки, глазки, ротик, щечки. Ничего особенного*» (С. 81). «*Всего неприятней то, что после избрания третьеразрядного немецкого принца румынским властителем сия дунайская провинция, самой своей автономией обязанная исключительно России, стала попахивать вурстом да зельцем*» (С. 95) – представление о немецкой культуре. Значительное место в тексте занимают сведения о Турции – противнике России в войне и родине центрального героя, вражеского лазутчика эфенди Анвара и одновременно корреспондента парижской газеты д'Эвре. Турецкая культура представлена многочисленными экзотизмами, фиксированными в словарях литературного языка и внелитературными. Значительная часть из известных в русском литературном языке обозначает вообще восточные реалии и понятия, которые конкретизируются как турецкие только в тексте произведения: *басурман*, *башибузук*, *бей*, *бек*, *бешмет*, *гарем*, *гяур* и др. (см. выше), часть – специфически турецкие (внелитературные): *гедикль*, *ислаххане* и т. д.

Очевидно, что часть внелитературных экзотизмов имеет традицию употребления в русском языке (*паненка*, *шевалье*, *ханум* и др.), некоторые же несут индивидуально-авторский характер, они или являются результатом словесного творчества писателя (*медхен-гредхен*, *попахивать вурдом да зельцем*), или, вероятно, вводятся им впервые в русский язык (*гедикль*, *икбал*, *кучук-кадинэ* и др.).

Элементы «иноземной» культуры передаются и через т.н. варваризмы (слова или фрагменты иноязычного текста), которые чаще всего даются латиницей: «*Банк составил в минуту, и вскоре в палатке зазвучало волшебное: “Шелех-восточка пошла”*». – «*А мы ее султанчиком, господи!*» – «*Las de carreau* (снос-

ка: *Туз бубей*)» – «*Ха-ха, бито!*» (С. 76) и т. д. Болгарская речь, турецкая передается кириллицей: «*Возница, подлый вор Митко, начал ныть: “Да запоим конете, да запоим конете”. Вот и напоили коней*» (С. 8) и т. д. Такое обозначение иноязычной речи соответствует традиции.

В письме русского посла в Турции Николая Павловича Гнатъева, очевидно, написанного по-французски, латиницей даются английские вкрапления: «*В первый же день воцарения Мурада, когда все еще выглядело лучезарно, **our mutual friend** (англ.: наш общий друг) вдруг попросился секретарем к принцу Абдул-Гамиду, брату султана и престолонаследнику*» (С. 46) и т. д.

Иноязычная речь представлена в тексте и нациолектизмами (внелитературной лексикой, передающей маркированную русскую речь нерусских), термин используется, например, в работе Эрнста Кресса [Кресс 1995 : 74], хотя существуют и другие – макароническая речь и т. п. [Кириенко 1992]: «*История умалчивает, зачем прелестной креолке понадобилось пускаться в плавание по кишацим пиратами морям. Известно лишь, что у берегов Сардинии судно захватили корсары, и француженка попала в Алжир, на невольничий рынок, где ее купил сам алжирский дей – тот самый, у кого, по утверждению **monsieur Popristchine** (сноска: Мсье Поприщина), под носом шишка*» (С. 75). Текст д' Эвре: «*По совету **monsieur Perepyolkin** я ознакомил со своим интервью штаб великого князя*» (С. 66).

В речи одного героя – английского корреспондента – последовательно (четырежды) текст на русском языке передается латинским шрифтом, т. е. латиница используется в оригинальной функции, в функции отчуждения речи, это способ передачи нациолекта – произношения русских слов с иностранным акцентом (говорят герои вообще-то по-французски): «*Нас притащил сюда Мишель, – пожал плечами британец, а точнее, ирландец... А, вон они возвращаются, и, конечно, как говорят русские, **ne solono klebavshi***» (С. 28). Ср.: «*Корреспондент ошибся, заявив, что преследователи возвращаются **не солоно хлебавши** – Варя с радостью увидела, что пленного офицера они все-таки отбили: двое казаков за руки и за ноги везли обмякшее тело в черном мундире*» (С. 29) и т. д.

Использование латинского шрифта для выделения нациолекта имеет прецеденты в русской литературе: «*Марья Дмитриевна подошла к окну.*

– Здравствуйте, **Woldemar!** Ах, какая славная лошадь. У кого вы ее купили?» [Тургенев 1987 : 203]. Имя Вольдемар могло бы быть написано и кириллицей, но в данном случае, очевидно, передается его произношение на французский манер.

В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» читаем: «*На диване с утра сидел выписанный из Германии за большие деньги немецкий специалист, инженер Генрих Мария Заузе... Генрих Мария Заузе подскочил на диване и злобно посмотрел на полыхаевскую дверь, за которой слышались холостые телефонные звонки. «**Wolokita!** – взвизгнул он дискантом и, бросившись к великому комбинатору, стал из всей силы трясти за плечи...» [Ильф, Петров: 438–439]. Итак, латиница для русских слов в речи иностранца на фоне кириллицы*

в передаче переведенного текста дает представление о нациолекте, об особом произношении этих слов.

Отдельные черты нациолекта переданы в русской графике, например, ломаная русская речь у того же Маклафина: «**Чэтники?** – спросил цивильный с сильным английским акцентом... **О-о, ви дама?** – на мясистом добродушном лице англичанина отразилось изумление. – Однако какой **мэскаррад!** Я не знал, что русские **ползуют дженцин для эспианаж. Ви хироуиня, мэдам.** Как вас зовут? Это будет **отчен интэрэсно** для моих **тчитатэлэй**» (С. 27).

Нарушение графического образа слова «коттэдж» (вм. «коттедж») в сущности ничего, кроме привлечения внимания, не дает (произносится оно все равно с твердым согласным – *тэ* [Орфоэпический словарь 1985 : 224]). Очевидно, автор обращает наше внимание на тот факт, что частотное сегодня слово вошло в русский язык еще в тот период (Л.В. Зубкова в современной поэтической орфографии выделяет архаизмы, анахронизмы, фонетическое письмо, сознательное использование типичных ошибок, иконическую передачу длительности, неалфавитное обозначение букв [Гик, Панова 2002 : 264]).

В речи другого героя, якобы француза, русская речь передается с картавым г (нациолект): «Сняла **пегчатку?** – с видом эксперта переспросил д’Эвре. – Да это не шутки, господа. **Пгогок** считал **хогошенькие гучки** самой соблазнительной частью женского тела и **стгого-настгого запгетил** **благогодным мусульманкам** ходить без **пегчаток**, чтобы не **подвеггать** соблазну мужские **сегца**. Так что снятие **пегчатки...**, как если бы **евгопейская** женщина сняла... **Впгочем**, **воздегжусь от пагаллелей**» (С. 166). После разоблачения грассирование исчезает: «**Анвар-эфенди** (про д’Эвре следовало забыть) **достал часы: “Пять минут седьмого. Мне понадобился “весь этот балаган”, чтобы выиграть время...”**» (С. 190). Французское грассирование в русском тексте было камуфляжем ловкого турецкого шпиона, т. к. слова *выиграть* и *время* в последнем тексте записаны с буквой *р*. Это единственный случай, когда употребление нациолектизма несет сюжетообразующую функцию.

1. Итак, в романе Б. Акунина значительное место занимает изображение инокультурной (нерусской) действительности, в том числе создается образ национальной (нерусской) речевой среды. При этом автор использует традиционные средства: экзотизмы, варваризмы и нациолектизмы.

2. Экзотизмы не привязаны ни к одному конкретному персонажу, не играют никакой роли в сюжете, их использование в тексте носит поверхностный характер, они не связаны с внутренним миром героев, его динамикой, с психологией действующих лиц и т. д. Их употребление соответствует стилистической доминанте произведения, так как значительная их часть обозначает устаревшие понятия.

3. Экзотизмы представлены различными тематическими группами, как литературными (фиксированными в словарях современного русского языка), так и внелитературными словами (используются внелитературные экзотизмы, хоть и не отмеченные в словаре, но широко известные в русской культуре и, очевидно,

впервые вводимые автором в русскую речь). Употребление разных экзотизмов позволяет создать несколько планов, что создает объем в тексте.

4. В целом в произведении использовано небольшое количество экзотизмов. Точно отобраны литературные экзотизмы, связанные в русском языке с представлениями о Востоке, и хотя значительная часть из них обозначает в русском языке вообще восточные реалии и понятия, они конкретизируются в тексте произведения как турецкие. Представление о Востоке расширяется также за счет употребления перифраз.

5. Экзотизмы, историзмы и архаизмы часто в романе используются компактно, в одном контексте или одном эпизоде, таким образом, сознание читателя фокусируется, происходит связь между единичным предметом и значением слова, что облегчает восприятие.

6. Основные функции экзотизмов в тексте следующие: придание достоверности материалу, познавательная-развлекательная. Экзотизмы у Б. Акунина не используются в номинативной функции. Единичен случай употребления нациолектизма в сюжетобразующей функции.

7. Элементы «иноземной» культуры передаются и через т.н. варваризмы. В тексте варваризмы чаще всего даются латиницей, слова и фрагменты сербско-болгарского и турецкого текстов переданы кириллицей.

8. Иноязычная речь представлена в тексте и нациолектизмами. Латиница используется в оригинальной функции отчуждения речи, это способ передачи нациолекта – произношения русских слов с иностранным акцентом. Использование латинского шрифта для выделения нациолектизмов имеет прецеденты в русской литературе, таким образом, это хотя и несколько «неправильно», но понятно читателю, создает иронический подтекст.

9. В передаче русского языка нерусских Б. Акуниным можно выделить несколько уровней. Между иностранной речью, переданной латиницей, и правильной русской речью, переданной кириллицей, расположены: 1) отдельные иностранные слова, переданные латинским шрифтом в русской речи русских, что подчеркивает специфику их произношения, близкую языку-источнику (варваризмы); 2) отдельные русские слова, переданные латинским шрифтом в речи иностранцев, что подчеркивает их нерусское произношение (нациолект); 3) передача кириллицей иностранного текста, что подчеркивает плохое его произношение русскими; 4) передача русским шрифтом так называемой «ломаной» русской речи иностранцев с явлениями интерференции (нациолект). Таким образом, нациолект входит, с одной стороны, в сложную систему передачи речи нерусских, с другой – в изображение русской речи.

10. В тексте Б. Акунина формируется новый для русской литературы прием приближения текста исторического романа к современному читателю, соответствующий направлению европейской культуры.

Библиографический список

1. Акунин, Б. Турецкий гамбит / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2003. – 212 с.
2. Амитин, В.Н. Украинизмы в языке советской художественной литературы 20-х годов и их стилистические функции: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / В.Н. Амитин. – Самарканд, 1968. – 28 с.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. Энцикл., 1969. – 606 с.
4. Гик, А.В. Международная научная конференция «Текст. Интертекст. Культура». 4–7 апреля 2001 года в Институте русского языка РАН им. В.В. Виноградова / А.В. Гик, Л.Г. Панова // Русистика сегодня: журнал Отделения литературы и языка РАН. – 2000. – № 1–4. – М., 2002. – 287 с.
5. Емельянова, О.Н. Экзотизмы / О.Н. Емельянова // Культура русской речи: эциклоп. Сл.-справ. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 760.
6. Ильф, И. Двенадцать стульев. Золотой теленок: романы / И. Ильф, Е. Петров. – Красноярск: Универс, 1995. – 487 с.
7. Калинин, А.В. Лексика русского языка / А.В. Калинин. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 232 с.
8. Кальнова, О.И. Функции экзотизмов в русском тексте / О.И. Кальнова // Художественная речь. – Самара, 1992. – С. 164–168.
9. Кириенко, М.Ю. Макароническая речь как функция иноязычных вкраплений: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / М.Ю. Кириенко. – Ростов-на-Дону, 1992. – 31 с.
10. Кресс, Э. Российские немцы на перекрестке языков и культур: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Эрнст Кресс. – М., 1995. – 260 с.
11. Крысин, Л.П. Русское слово свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
12. Миртов, В.В. Лексические заимствования в современном русском языке из национальных языков Средней Азии / В.В. Миртов. – Ташкент; Самарканд, 1941. – 104 с.
13. Новикова, М.Л. Отстранение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста: на материале произведений русских писателей: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / М.Л. Новикова. – М., 2006. – 38 с.
14. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; под ред. Р.И. Аванесова. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 702 с.
15. Пикуль, В. Фаворит. Кн. 2.: Его Таврида / В. Пикуль. – М.: Вече АСТ, 2001. – 362 с.
16. Самотик, Л.Г. Язык «Турецкого гамбита» Б. Акунина: очерк и словарь / Л.Г. Самотик. – Красноярск: РИО ГОУ КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – 136 с.
17. Самотик, Л.Г. Проблема понимания диалектизмов и экзотизмов в пространстве художественного текста / Л.Г. Самотик // Вестник КрасГУ. – № 11. – Красноярск: РИО КрасГУ, 2006. – С. 266–273.

18. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981 (МАС).
19. Тодоров, Л. Бессмертна ли мафия? О нравственном смысле современных детективных повествований / Л. Тодоров // Русская словесность. – 2001. – № 4. – С. 41–43.
20. Тургенев, И.С. Дворянское гнездо / И.С. Тургенев // Избранные сочинения. – М.: Художественная литература, 1987. – 376 с.
21. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 334 с.
22. Щерба, Л.В. О тройном аспекте и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 24–39.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОГРАФИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Становление исторической терминологии как автономной отрасли русистики совпало с расцветом исторической лексикологии и лексикографии русского языка в 70–80-е гг. XX столетия. Фиксация специальной лексики прошлых эпох имела большое научное и социокультурное значение, поскольку способствовала изучению лексики материальной и духовной культуры отечества в самых разных аспектах. В частности, позволяла судить о процессе становления отраслевых терминологий и социальном расслоении словарного состава русского языка XIV – XVII и XVIII – XIX вв. В разных регионах страны, в том числе и в Красноярском крае, началась работа по созданию исторических и историко-терминологических словарей русского языка. При этом словники исторических словарей русского языка, например, «Словаря языка мангазейских памятников XVII – первой пол. XVIII вв.» [Цомакион 1971] и др. включали значительное число специальных наименований. С начала 80-х гг. в научных сборниках Красноярского государственного педагогического института начинают печататься материалы к историческим словарям рыбного и пушного промыслов Восточной Сибири XVII – XVIII вв. [Попова 1982; Якубайлик 1983]. Их источниками стали деловые документы Енисейского острога и памятники легендарной Мангазеи, хранящиеся в РГАДА и Государственном архиве Красноярского края.

Спустя десятилетие интерес красноярских лексикографов к лексике местных промыслов и производств не угас. «Словарь золотого промысла Российской империи» [Борхвальдт 1998] стал одним из первых в стране исторических отраслевых словарей, изданных отдельной книгой. В него включено около 5 тысяч терминов, профессионализмов и профессиональных жаргонизмов русских золотодобытчиков XVIII – нач. XX вв. Источниками этого словаря послужили документы золотопромышленных округов Российской империи, хранящиеся в государственных архивах Барнаула, Екатеринбурга, Красноярска, Москвы; специальная литература за период с 1735 по 1907 гг.; политехнические, горные и минералогические словари XIX столетия, а также этнографические сочинения, относящиеся к указанному периоду. По объему представленного материала и числу лексикографических параметров «Словарю золотого промысла...» до сих пор нет аналогов в практике отечественной терминологии. Вскоре был опубликован и «Исторический идеографический словарь наименований золота и золотых сплавов», в котором детально разработан хронологический параметр, введены специальные пометы, характерные для словарей вхождений терминов [Борхвальдт 1999]. Подготовка этих словарей предшествовала появлению фундаментального труда, в котором дан многоаспектный анализ подъязыка отечественной золотопромышленности.

Работу по созданию исторических отраслевых словарей в Красноярске продолжают Г.Л. Гладилина (ее «Исторический словарь лесного сплава» подготовлен к печати) и Г.А. Якубайлик, завершившая многолетний труд по созданию исторического словаря пушного промысла Восточной Сибири (план издания – 2007 г.). Публикация этих словарей расширит наши представления о формировании лексических систем локально ограниченных промыслов, позволит ввести в лингвистический оборот сотни ранее не изучавшихся специальных наименований.

Актуальной задачей красноярской исторической терминографии является создание комплексных диахронических словарей специальной лексики местных промыслов, производств и занятий. Такие словари могут дать представление о формировании подъязыков, их системно-структурных особенностях; могут отразить специфику регионального языкового существования человека, дать представление о наивной картине мира, запечатленной в терминологиях и профессиональном просторечии. Комплексный словарь способен воплотить идеи современной лексикографии о создании словарей активного типа, ориентированных не только на фиксацию семантического содержания, но и на отражение динамики слова в процессе его функционирования; о подготовке неалфавитных многоаспектных словарей с семантическим принципом организации словников, а также идею усиления социокультурной составляющей словарей. Он в полной мере соответствует задаче интегрального описания языка, при котором слово представляется не только как лингвистическая единица, но и как элемент, связанный с духовной и материальной культурой этноса.

Комплексный диахронический «Словарь хозяйственного освоения Приенисейской Сибири XVII – XIX вв.», подготовка которого началась в Красноярске, сочетает жанровые признаки лингвистического отраслевого, энциклопедического и страноведческого словарей. Его словник включает различные разряды специальной лексики (прототермины, термины, профессионализмы, предтермины, терминомимы); некоторые виды онимов (например, в словаре фиксируются названия наиболее важных в хозяйственном освоении Приенисейской Сибири мануфактур, фабрик, рудников, приисков, компаний, а также имена и фамилии людей, чей вклад в хозяйственное освоение края особенно значителен). Словарные статьи, посвященные микропонимам, эргонимам, антропонимам, носят энциклопедический характер.

Источниками словаря являются: 1) деловые документы Приенисейской Сибири, хранящиеся в РГАДА и Государственном архиве Красноярского края; 2) опубликованные памятники местной письменности XVII – XVIII вв. (например, Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 2005. Вып. 7: Енисейск, Мангазея и др.); 3) этнографические сочинения XIX в. о Енисейской губернии (книги и статьи М.Ф. Кривошопкина, Н.В. Латкина, В.И. Семеновского, А.П. Степанова и др.); 4) краткие летописи Енисейского и Туруханского края Енисейской губернии (1601–1893); 5) местные периодические издания XIX в. («Енисейские губернские ведомости», «Живая сибирская старина» и др.); 6) материалы опубликованных региональных исторических словарей.

В качестве справочных источников привлекаются современные энциклопедические словари, исследования по истории Красноярского края и Хакасии.

Предполагается издавать Словарь отдельными выпусками: Вып. 1: Горное дело и золотопромышленность; Вып. 2: Охота и рыболовство; Вып. 3: Лесное дело и лесосплав; Вып. 4: Кустарные промыслы и ремесла; Вып. 5: Сельское хозяйство. Именно эти отрасли и занятия являлись ключевыми для Енисейской губернии на протяжении XVII – XIX столетий.

По принципу расположения материала Словарь хозяйственного освоения Приенисейской Сибири XVII – XIX вв. является алфавитно-тематическим. В каждом из выпусков выделяются тематические группы: «Наименования лиц по должности и роду занятий»; «Названия орудий труда, механизмов и специальных приспособлений»; «Названия объектов хозяйственной деятельности»; «Названия промежуточных и конечных продуктов деятельности»; «Названия способов и видов профессиональных (промысловых) действий»; «Названия помещений специального назначения»; «Названия производственной (промысловой) одежды, обуви, головных уборов». Кроме того, в каждый выпуск помещается большой раздел, условно названный нами «Отраслевой ономастикон», в котором даются энциклопедические толкования некоторых антропонимов, эргонимов и микропонимов.

Как известно, главное свойство комплексного словаря – разнообразные сведения о слове или словосочетании. Задачей «Словаря хозяйственного освоения Приенисейской Сибири XVIII – XIX вв.» является разностороннее описание отобранного лексического материала. Помимо толкования лексического значения, дается грамматическая, хронологическая, ареальная, стилистическая характеристика специального наименования. Отображаются его парадигматические связи. Приводятся, если таковые зафиксированы, устойчивые словосочетания и выражения, в состав которых входит толкуемое слово. Для заимствованных лексем даются указания на язык-источник.

Грамматическая характеристика сводится к указанию на часть речи заголовочного слова (для однословных специальных наименований). Отмечается, если оно использовалось только в единственном или только во множественном числе. Для глаголов приводятся сведения о виде и переходности.

Функционально-стилистическая характеристика заключается в определении преимущественной сферы употребления специального наименования и его ряда. При этом особо отмечаются стилистически маркированные наименования: профессионализмы (*проф.*), профессиональные жаргонизмы (*проф. – жарг.*), предтермины (*предтерм.*), терминоиды (*терминд*). Отсутствие функционально-стилистической пометы говорит о том, что в словарной статье представлен однословный термин или терминологическое сочетание. Номены и термины отмечаются соответственно пометами *номен*, *терминон*. При указании на преимущественную сферу употребления используются пометы: *ЗП* – в подъязыке золотопромышленности, в том числе металлургии золота; *горн.* – в подъязыках отраслей горного дела (включая минералогии); *охотн.* – в подъязыке охотничьего промысла; *рыболов.* – в подъязыке рыболовного промысла; *лесн.* –

в подъязыке лесного дела; *кедр*. – в подъязыке кедрового промысла и др. При выборе пометы, указывающей на основную сферу использования того или иного специального наименования, учитываются историко-лексикологические наблюдения за его функционированием, а также данные отраслевых и политехнических словарей XIX века.

При определении стилистической окрашенности слова учитываются его значение, характер цитатного материала, отраженность в отраслевых словарях XIX в., словообразовательные особенности, наличие синонимов в языке науки, происхождение слова, частотность использования в памятниках определенных жанров, интуитивное определение слова в стилистической парадигме.

Хронологические сведения даны в области иллюстраций, через указание года наиболее ранних источников, в которых зафиксировано специальное наименование, включенное в Словарь, а также с помощью некоторых динамических знаков.

При динамической характеристике специальных наименований использованы достижения исторической лексикографии, в частности, установки, выработанные авторами Словаря русского языка XVIII века [Сл.РЯ XVIII в.: Правила... 1984]. «Словарь, задающий целью описать динамику лексико-семантической системы, должен включить в число своих задач описание словоупотребления, т. е. функциональный статус слова. Динамические характеристики должны распространяться на уровень употребления, так как здесь зачастую – начальная (или конечная) ступень семантической эволюции», – справедливо отмечала Л.Л. Кутина [1977: 86]. Динамические сведения сообщаются во всех областях словарной статьи. Кроме того, вводится ряд знаков, которые обозначают:

- 1) новации XVII в. – ▲;
- 2) новации XVIII – нач. XIX вв. – ⊥;
- 3) новации XIX в. – ■;
- 4) новации конца XIX – первой четверти XX в. – ●;
- 5) выпадение специального наименования до XVIII в. – ◀ ◀;
- 6) выпадение слова или его варианта в пределах XVIII в. – ◀;
- 7) выпадение слова или его варианта в пределах XIX в. – ▶;
- 8) вхождение специального наименования и выпадение его в течение XVIII – первой пол. XIX вв. – ⊥ ◀;
- 9) вхождение специального наименования и выпадение его в течение XIX в. – ■ ▶;
- 10) вхождение специального наименования или его формы на рубеже XIX – XX вв. и выпадение в течение XX в. – ● ▼;
- 11) выпадение специального наименования в течение XX в. – ▼.

Отсутствие особых лексикографических знаков свидетельствует о том, что специальное наименование было известно в русском языке задолго до XVII в. и продолжает употребляться в профессиональной речи до сих пор.

Парадигматическая характеристика специальных наименований заключается в том, что они включаются в состав терминологических групп, терминологических подгрупп, дается указание на варианты, синонимы, антонимы, если та-

ковые имеет заголовочное слово. Сведения о синонимах, антонимах даны в конце словарной статьи после сокращений *син.*, *ант.* Вариантные наименования (фонетические, словообразовательные, морфологические варианты) представлены в одной словарной статье и перечисляются в круглых скобках после заголовочного слова в алфавитном порядке.

К словам, устаревшим уже к концу XIX столетия, приводится помета «устар.» К этому периоду устарели, например, почти все названия горных чинов: *оберберггауптман*, *берггауптман*, *обербергмейстер*, *бергмейстер*, *обергиттенфервалтер*, *гиттенфервалтер*, *берггешворен* и нек. др. Горные чины перестали присваиваться в 1834 г., когда образовался Корпус Горных Инженеров, и лишь те, кто получил горный чин до 1 января 1834 г. и по каким-либо причинам не был переведен в горные инженеры, продолжали его сохранять.

С большой осторожностью автор вводит локальные пометы (*енис.*, *урал.*, *сиб.*), т. к. установить точный ареал распространения того или иного профессионализма не всегда предоставляется возможным. При отнесении слова к территориально ограниченной группе специальной лексики учитываются лексикографические данные (прежде всего территориальные пометы в словаре В.И. Даля), жанр письменных памятников и особенности контекста, указывающего на диалектный характер слова. В этом случае в иллюстративную часть словарной статьи обязательно включаются цитаты, в которых говорится о территории появления и распространения слова. Например:

● ▼ КАЛТАЙ, м.; ЗП, проф. – прост., енис. Обычай поддерживать неуспевающего в работе. – *Был принят обычай у нас, весьма распространенный в тайге под названием «калтая». Окончившие раньше других урок вывозили каждый по одной лишней таратайке, которая потом засчитывалась отставшим* [Уманьский 1888 : 137].

Локальные пометы не приводятся к тем профессиональным наименованиям, которые утратили свой местный характер в пределах рассматриваемого периода. В этом случае в иллюстративную часть статьи включаются примеры, содержащие указание на территорию возникновения (или вхождения в профессиональную речь) того или иного слова.

За областью лексикографических помет следует дефиниция (толкование) лексического значения специального слова или терминосочетания. При описании семантики слова учитываются показания лингвистических и энциклопедических словарей XVIII – XX вв. и данные контекстуального анализа.

Значение слова или словосочетания раскрывается описательным, синонимическим или отсылочным способом. При отглагольных существительных и уменьшительных именах даны типовые словообразовательные определения: ПЛОТИНКА, ж.; прост. Уменьш. к плотина.

В некоторых случаях семантика заголовочного слова раскрывается определением-цитатой из специальных источников и словарей XVIII – XIX вв. В том случае, если значение толкуемой словарной единицы не удалось установить с достоверностью, вводится знак [?].

Лексические значения специальных наименований сопровождаются примерами их употребления в региональных текстах XVII – XIX вв. Область иллюстраций отделяется от дефиниции знаком – (тире). Цитаты подобраны таким образом, чтобы наиболее полно раскрыть семантику, подтвердить данную стилистическую и ареальную характеристику, а в ряде случаев проиллюстрировать процесс постепенной терминологизации профессионального наименования. При отборе иллюстративного материала предпочтение отдается контекстам, содержащим фоновые культурно-исторические сведения.

Количество иллюстративного материала связано с характером лексического и коннотативного значения слова, особенностями его сочетаемости, необходимостью отметить частотность толкуемой единицы. Обширность приведенных иллюстраций усиливает культурологическую ценность словаря и ставит его не только в ряд лингвистических, но и культурно-исторических памятников.

«Слово в речи, – писал В.В. Виноградов, – помимо своих и переносных значений несет еще и потенциальную энергию быть выражением или отображением побочных, ассоциативно связанных с ним образов, чувств, идей» [Виноградов 1935 : 62–63]. Комплекс социокультурных ассоциаций, возникающих в связи с тем или иным словом у первичного носителя языка, образует коннотативный компонент лексического значения. Ему до сих пор не уделялось должного внимания в практике отечественной терминографии. Комплексный диахронический словарь призван восполнить этот пробел.

В «Словаре хозяйственного освоения Приенисейской Сибири XVII – XIX вв.» используются различные способы подачи социокультурных коннотаций. Эксплицитные:

1. Включение социокультурных сведений в дефиницию и иллюстративную часть словарной статьи. Например: ■ ▶ КУЛИБИНКА, ж.; ЗП, проф. Особый род золотопромывального устройства, изобретенный К.А. Кулибиным. – Распространена также теперь на промыслах Енисейского округа так называемая «кулибинка» (по имени ее изобретателя горн. инж. К.А. Кулибина) – более усовершенствованный вид прежней бутары: она представляет собой систему 2-х параллельных шлюзов, на которых промывка песков производится движением водою без всяких других растирочных механизмов [Семевский, II : 159].

2. Вынесение социокультурных сведений в особую зону словарной статьи, выделение этой зоны шрифтом: ■ ▼ РЕЗИДЕНЦИЯ, ж; ЗП. Местопробывание главного управления, складов и некоторых др. служб частных золотых промыслов. – Резиденциями называются здесь складочные места для провианта, сена и других припасов, необходимых для приисков. Тут же строят, конечно, и жилые здания для смотрителей, принимающих припасы от поставщиков и для самих владельцев или управляющих приисками, которые останавливаются здесь временно летом или живут зимою [Чаусов 1865 : 238]; В средней части долины красуется резиденция горного исправника южной тайги, здесь находится его канцелярия, квартиры его помощника, приисковой акушерки и прочие служебные строения [Латкин 1898 : 16].

*** Резиденции сибирских золотопромышленников были важными торгово-экономическими центрами в малозаселенных районах Северо-енисейского и Южно-енисейского золотопромышленных округов. Главными поставщиками енисейских резиденций во второй пол. XIX века были мелкие купцы-мануфактуристы, так называемые «вязниковцы» (от г. Вязники Владимирской губернии). Они ввозили 2/3 всей мануфактуры с запада и господствовали в розничной продаже во всех городах Енисейской губернии [Смирнов 1928. Ч. 2 : 12].

3. Включение словарных статей энциклопедического характера (таковы, например, словарные статьи, рассказывающие о хозяйственной деятельности ссыльных декабристов, о первом енисейском губернаторе А.П. Степанове, крупном промышленнике и меценате А.П. Кузнецове; о первооткрывателе месторождений графита и золота на енисейском Севере купце 1 гильдии М.К. Сидорове, о североенисейском прииске «Эльдорадо» и др.).

Социокультурные коннотации могут отражаться и имплицитным способом, с помощью специально подобранных примеров. Большое значение при отборе иллюстративного материала придается контекстам, в которых представлены сведения о традициях, суевериях, культурных ассоциациях, связанных с толкуемым словом. Например:

● **КРУПКА**, ед., ж.; ЗП, проф. – жарг., енис. То же, что россыпное золото. – *Крупка название золота у тех, кто им тайно торгует, зовут также пшеницей или пшеничкой* [Латкин 1869 : 145]; *Мне приходилось слышать в енисейской тайге слова «пшеничка» и «крупка», применяемые к золоту. Рассказывают, что золотоискатели иногда как бы избегают произносить само слово «золото». Моет какой-нибудь золотоискатель золотой песок, а в это время подойдет приятель из другой группы. «Ну, как, ребята, промышляете?» – «Да, что промышляем, моем да воем». – «Ну, как пшеничка-то?» – «Да что пшеничка? Плохо». Такого рода разговоры наводят на мысль, что перед нами осознанное стремление подменить слово «золото» каким-нибудь другим подставным термином. Слова «крупка» и «пшеничка» широко распространены и в воровском приискательском жаргоне. О золоте тайные торговцы издавна приучились выражаться иносказательно. О «пшеничке» и «крупке» как о краденном золоте встречаем упоминания в газете «Сибирь» (1878 – № 7; 1882 – № 2, № 312) [Попов 1928 : 95].*

[Син.: ПШЕНИЦА, ПШЕНИЧКА, ПЕСЧАНОЕ (ПЕСКОВОЕ, ПЕСОШНОЕ, ПЕСОЩАТОЕ) ЗОЛОТО; АЛЛЮВИАЛЬНОЕ ЗОЛОТО; ДИЛЮВИАЛЬНОЕ ЗОЛОТО; НАНОСНОЕ ЗОЛОТО; РЕЧНОЕ ЗОЛОТО; РОССЫПНОЕ ЗОЛОТО.

Ант.: КОРЕННОЕ ЗОЛОТО; ГОРНОЕ ЗОЛОТО; ЖИЛЬНОЕ ЗОЛОТО; ЗОЛОТО САМОРОДНОЕ В КАМЕННЫХ ПОРОДАХ; МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ ЗОЛОТО; РУДНОЕ ЗОЛОТО].

Публикация первого выпуска «Словаря хозяйственного освоения Приенисейской Сибири: горное дело и золотопромышленность» поможет не только полнее представить процесс формирования лексики местных промыслов и производств, но и осветить многие моменты исторической и экономической жизни земли, которой на протяжении последних трех веков прирастало могущество России.

Библиографический список

1. Борхвальдт, О.В. Словарь золотого промысла Российской империи / О.В. Борхвальдт. – М.: Русский путь, 1998. – 240 с.
2. Борхвальдт, О.В. Исторический идеографический словарь наименований золота и золотых сплавов / Борхвальдт, О.В. // Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. – Красноярск: РИО КГПУ, 2000. – С. 353–400.
3. Виноградов, В.В. Язык Пушкина / В.В. Виноградов // Пушкин и история русского литературного языка. – М.; Л., 1935. – С. 62–63.
4. Гладилина, Г.Л. Материалы к историческому словарю лесного сплава XVIII – первой пол. XX вв. // Гладилина Г.Л. Лексика лесного сплава в аспекте исторического терминоведения русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2005. – С. 230–382.
5. Кутина, Л.Л. Динамика семантической системы языка и возможные аспекты ее показа в лексикографии / Л.Л. Кутина // Проблемы исторической лексикографии / отв. ред. Ю.С. Сорокин. – Л., 1977. – С. 82–94.
6. Кытманов, А.И. Рыболовство по р. Енисею от Енисейска до Гольчихи / А.И. Кытманов // Русское судоходство. – 1898. – № 3. – С. 4–49 [названия лодок, рыболовных снастей, способов копчения рыбы и др.].
7. Латкин, Н.В. Очерк северной и южной системы золотых промыслов Енисейского округа и описание американского способа промывки золота / Н.В. Латкин. – СПб., 1869. – С. 143–149.
8. Попова, Н.Е. Материалы к словарю сибирских памятников XVII – XVIII вв. / Н.Е. Попова // Материалы и исследования по сибирской диалектологии / отв. ред. К.П. Михалап. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1982. – С. 115–130.
9. Сороколетов, Ф.П. Общая и учебная лексикография / Ф.П. Сороколетов. – Л.: Наука, 1985. – 252 с.
10. Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников / сост. Л.Л. Кутина, О.Е. Березина, А.А. Алексеев; общ. ред. Ю.С. Сорокин. – Л.: Наука, 1984. – С. 38–40 с.
11. Цомакион, Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой пол. XVIII вв. / Н.А. Цомакион. – Красноярск, 1971. – 581 с.
12. Якубайлик, Г.А. Названия шкурок молодых животных в сибирских памятниках XVII – XVIII вв. / Г.А. Якубайлик // Русская историческая лексикология XVI – XVIII вв. / отв. ред. В.Н. Рогова. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1983. – С. 102–109.

Источники

1. Кривошапкин, М.Ф. Енисейский округ и его жизнь / М.Ф. Кривошапкин. – СПб., 1865. – Т. 1–2.
2. Латкин, Н.В. Очерк северной и южной систем золотых промыслов Енисейского округа и описание американского способа промывки золота / Н.В. Латкин. – СПб., 1869.
3. Латкин, Н.В. На сибирских золотых приисках: из таежных воспоминаний / Н.В. Латкин. – СПб., 1898.
4. Попов, Н.П. Приисковый быт / Н.П. Попов // Сибирская живая старина. – Вып. 8–20. – Иркутск, 1928. – С. 67–108.

5. Семевский, В.И. Рабочие на сибирских золотых приисках / Историческое исследование В.И. Семевского. Т. 1. От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 года. – СПб., 1898. – LXXXIV, 578 с.; Т. II. Положение рабочих после 1870 г. – СПб., 1898. – VI, 915, [1] с.
6. Смирнов, В.А. Исторический очерк Приенисейского края. – Ч. 1: Край до русских. Русское завоевание, хозяйство и быт в XVII и XVIII веках; Ч. 2. Учреждение Енисейской губернии, население и колонизация в XIX веке, хозяйственная эволюция Приенисейского края в XIX веке / В.А. Смирнов // Библиотека Приенисейского краеведа. – 1928. – № 12–14.
7. Степанов, А.П. Енисейская губерния. В 2 ч. / А.П. Степанов. – СПб., 1835. – Ч. 1 / [Отделение 1 – IV]. – [6], II, 7–276 с.; Ч. 2 / [Отделение V – VIII]. – [4], II, 139, [3], XIV с., 1 п.л.; 1 карта.
8. Уманьский, А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге / А. Уманьский. – СПб., 1888.
9. Чаусов. Об описании Калифорнийского способа разработки золотоносных россыпей // Горный журнал. – 1865. – № 8. – С. 235–276.

МОТИВОЛОГИЧЕСКОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

Терминоведение – это комплексная лингвистическая дисциплина. В ее парадигму включено множество отраслей и направлений, которые различаются степенью разработанности, аспектами и целевыми установками.

В настоящее время в рамках терминоведения активно продолжает развиваться мотивологическое направление. Оно возникло в последней трети XX в. У его истоков стоят такие ученые, как О.И. Блинова (1981), С.В. Гринев (1993), Т.Л. Канделаки (1977), Т.Р. Кияк (1982, 1988, 1989), В.М. Лейчик (1998), С.Д. Шелов (1982, 1995). Автономность направления подтверждается наличием специфических предмета, объекта, проблематики и методик исследования.

Мотивологическое направление в терминоведении (мотивологическое терминоведение, далее МТ) – это самостоятельное направление терминоведения, изучающее явление мотивации специальной лексики в разных аспектах: динамическом, лексикографическом, методологическом, онтологическом, сопоставительном, социолингвистическом, функциональном и др.

Объект МТ – специальные лексические единицы, вступающие в мотивационные отношения с другими лексическими единицами языковой системы. *Предмет МТ* – явление мотивации слов в специальной лексике.

Мотивологическое терминоведение имеет тесную родовую связь с *семасиологическим терминоведением*, которое занимается исследованием различных проявлений системности специальной лексики. Семасиологическое терминоведение рассматривает отношения мотивации как эпидигматические системные отношения (отношения лексических единиц, объединяемых в сознании говорящего/слушающего на основе общности формальной и содержательной сторон слова).

Наиболее полно мотивированность специальной лексики изучена в семасиологическом ключе. *Цель МТ* состоит также в исследовании явления мотивации специальной лексики в следующих аспектах: гносеологическом, динамическом, лексикографическом, методологическом, ономасиологическом, онтологическом, социолингвистическом, функциональном и др. *Динамический аспект* предусматривает анализ языковых процессов, связанных с мотивированностью специальных наименований [Алексеева 1998]. *Лексикографический аспект* подразумевает разработку концепций мотивологических словарей специальной лексики и их составление [Штейнгарт 2005а]. *Методологический аспект* выявляет принципы, методы и приемы исследования явления мотивации специальной лексики [Канделаки 1977; Кияк, 1982; Штейнгарт 2005б и др.]. *Ономасиологический аспект* предполагает исследование особенностей мотивированности специальных лексем различных структурных форм, анализ процессов номинации специальных понятий, оказывающих непосредственное влияние на их мотивированность [Гринев, 1993]. *Онтологический аспект* связан с разработкой поня-

тийного аппарата мотивологического терминоведения [Гринев 1993; Татаринев 1996 и др.]. *Дескрипционный аспект* изучает явление мотивации специальной лексики в синхронном срезе [Басова 1991; Бялик 1985; Грицева 1986 и др.]. *Сопоставительный аспект* предполагает исследование общности и специфики явления мотивации специальной лексики в сопоставляемых языках или подъязыках для специальных целей одного языка [Барышникова 1999; Бейсенова 1999; Белова 1993 и др.]. *Функциональный аспект* связан с выявлением функций внутренней формы специального наименования, функций мотивации в сфере подъязыка для специальных целей.

Одной из актуальных проблем МТ является *установление специфики терминологической мотивированности*¹. В мотивологическом аспекте изучались преимущественно такие специальные единицы, как термины. Мотивированность других стратификационных разрядов специальной лексики (номенов, профессионализмов, терминомимов и др.) осталась практически неисследованной. Общеизвестным является утверждение о том, что мотивированность термина, в отличие от мотивированности слова-нетермина, имеет особый характер. Традиционно мотивированность термина рассматривается как «его семантическая прозрачность, свойство его формы давать представление о называемом термином понятии» [Гринев 1993 : 173]. В терминоведении специфичность этого свойства обосновывают наличием у термина «нестрогой специальной» или «строгой терминологической системности» [Подробнее об этих понятиях см.: Гринев 1993 : 172]. Мотивированность термина может указывать на место обозначаемого понятия в целой иерархии взаимно подчиненных понятий. В.М. Лейчик отмечает: «Действительно, когда лексическая единица начинает выступать в функции термина, нас уже интересует не объясненность ее значения и формы последним предшествующим лексическим значением, а объясненность терминологического значения и выбора формы последним предшествующим нетерминологическим значением (если оно есть у лексической единицы) и местом термина в системе терминов» [Лейчик 1998 : 30]. Т.Л. Канделаки и С.Д. Шелов видят особенность мотивированности термина в его связи с дефиницией [Канделаки 1977; Шелов 1995]. Л.М. Алексеева утверждает, что специфичность этого свойства заключается в текстовой природе термина в рамках процесса терминопорождения. Исследование проблемы мотивированности термина необходимо усилить за счет рассмотрения динамической природы термина, а также изучения функций термина, связанных с вербализацией результатов различных этапов мыслительной деятельности [Алексеева 1998].

Установление особенностей мотивированности термина необходимо для решения *проблемы предпочтительности мотивированного / немотивированного термина*. С одной стороны, в русской терминологии преобладает мотивиро-

¹ *Терминологическая мотивированность* понимается в работе как структурно-семантическое свойство слова, являющегося единицей подъязыка для специальных целей. Это свойство позволяет осознать взаимообусловленность звучания и значения специального наименования на основе его соотносительности с другими лексическими единицами языка и принадлежности к определенному терминополью.

ванный тип номинации. С другой – отсутствие или неполная мотивированность есть «скорее правило, чем исключение, не противоречащее, а согласующееся с природой термина» [Шелов 1995 : 265]. Ученые высказывают много соображений по поводу недостатков мотивированных терминологических единиц. Например, мотивированность термина не всегда отражает внутреннюю логическую структуру понятия. В некоторых случаях затемнение внутренней формы специального наименования просто необходимо (например, если объект характеризуется размытостью границ) [Даниленко 1977; Лемов А.В. 2000 и др.]. Для решения этой проблемы необходимо установить, «какие признаки терминируемого понятия кладутся в основу номинации» и «каково оптимальное число этих признаков, необходимое и достаточное для создания адекватного термина» [Лейчик 1998 : 32]. Распространенное мнение о том, что термин должен отражать наиболее существенные признаки денотата, оказалось идеалистическим. Мотивированность – это понятие синхронных процессов, а системность изменяется в диахронии в силу изменения логико-понятийной структуры отрасли [Татаринов 1996]. К тому же процесс создания термина далек от идеального, так как не всегда возможно вычленение существенного признака. Зачастую разные ученые или школы принимают за «существенные» разные признаки объекта. Вопрос о количестве признаков, необходимых для создания термина, тоже не имеет однозначного решения. Стремление к созданию мотивированных терминов приводит к появлению недериватоспособных многокомпонентных единиц. Их длина препятствует осмыслению научного понятия. Функционирование таких единиц затруднено. Решение *проблемы противоборства тенденции к мотивированности и тенденции к краткости* в языке науки – актуальная задача терминоведения.

Достаточно актуальна для МТ и *проблема выявления типов мотивированности специальных наименований*, а также *изучения их систематизирующих свойств в различных профессиональных подсистемах языка*. Во-первых, это необходимо для установления специфики терминологической мотивированности. Во-вторых, типы мотивированности могут служить надежным типологическим критерием [Барышникова 1999; Бейсенова 1999 и др.].

Автономность мотивологического терминоведения подтверждается также наличием *специфических методов исследования*. К наиболее оптимальным методам исследования мотивированности специальной лексики относятся метод количественной оценки, предполагающий построение бинарных семантических деревьев [см. работы Т.Р. Кияка, Э.Ф. Скороходько, 1974; Т.Р. Кияка, 1982; В.Д. Бялик, 1985], а также метод полевого анализа, предусматривающий выявление и описание мотивационных полей [Штейнгарт 2005б].

Подведем итоги. Мотивологическое терминоведение – это вполне сформировавшееся направление терминоведения, изучающее явление мотивации специальной лексики в разных аспектах. Оно характеризуется автономностью, что подтверждается достаточным количеством работ по проблеме мотивированности специальной лексики. Мотивологическое терминоведение имеет свой предмет и объект исследования, располагает специфическими методами изучения материала, отличается оригинальностью проблематики.

Библиографический список

1. Алексеева, Л.М. Проблемы термина и терминообразования: учеб. пособие по спецкурсу / Алексеева Л.М. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 120 с.
2. Барышникова, Т.Д. Структурно-семантические и мотивационные свойства флорнимов в английском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук / Т.Д. Барышникова. – Пятигорск, 1999. – 216 с.
3. Басова, Г.Д. Типовые семантические мотивации производных наименований лиц в современном русском языке: дис. ...канд. филол. наук / Г.Д. Басова. – Киев, 1991. – 208 с.
4. Бейсенова, Ж.С. Мотивация эпизоотологических терминов в русском и казахском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж.С. Бейсенова. – Алматы, 1999. – 23 с.
5. Белова, А.Ю. Проблема мотивированности терминов (на материале русской и немецкой ботанической терминологии): дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Белова. – Саратов, 1993. – 194 с.
6. Блинова, О.И. Термин и его мотивированность / О.И. Блинова // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 28–37.
7. Бялик, В.Д. Структурно-семантические особенности и мотивированность научно-технических терминов в современном английском языке (на материале терминологии вычислительной техники): дис. ...канд. филол. наук / В.Д. Бялик. – Киев, 1985. – 195 с.
8. Гринев, С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М.: Моск. лицей, 1993. – 309 с.
9. Грицева, А.П. Виды мотивированности терминов : на материале терминологии кожевенно-обувного производства: дис. ...канд. филол. наук / А.П. Грицева. – Днепропетровск, 1986. – 265 с.
10. Даниленко, В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 243 с.
11. Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов / Т.Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
12. Кияк, Т.Р. К проблеме мотивированности научно-технических терминов (на материале немецких и русских терминов международного электротехнического словаря) / Т.Р. Кияк // Структурно-семантические особенности отраслевой терминологии. – Воронеж, 1982. – С. 3–12.
13. Кияк, Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения: учеб. пособие / Т.Р. Кияк. – К.: УМК ВО, 1989. – 104 с.
14. Кияк, Т.Р. Мотивированность лексических единиц / Т.Р. Кияк. – Львов, 1988. – 160 с.
15. Кияк, Т.Р. О некоторых количественных оценках мотивированности терминов / Т.Р. Кияк, Э.Ф. Скороходько // Структурная и математическая лингвистика. – Киев, 1974. – Вып. 2.
16. Лемов, А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии) / А.В. Лемов. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 192 с.
17. Татаринов, В.А. Теория терминоведения. В 3 т. Т. 1 : Теория термина: История и современное состояние / В.А. Татаринов. – М.: Моск. лицей, 1996. – 311 с.

18. Шелов, С.Д. Опыт построения терминологической теории: значение и определение терминов: дис. ... докт. филол. наук / С.Д. Шелов. – М., 1995. – С. 242–293.
19. Шелов, С.Д. О смысловой мотивированности математического термина / С.Д. Шелов // Структурно-семантические особенности отраслевой терминологии: сб. науч. ст. – Воронеж, 1982. – С. 12–20.
20. Włodimierz M. Lejczyk. Terminoznawstwo: przedmiot, metody, struktura/ Włodimierz M. Lejczyk, Luba Biesiekirska. – Białystok, 1998. – 184.
21. Штейнгатт, Е.А. Мотивационный словарь профессиональной лексики алюминиевой промышленности / Е.А. Штейнгатт. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005а. – 82 с.
22. Штейнгатт, Е.А. Лексика алюминиевой промышленности в свете теории мотивации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Штейнгатт. – Томск, 2005б. – 26 с.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАКИ-ЧЕТЫ В РЕЧИ СТАРОВЕРОВ НА ЕНИСЕЕ

Староверы – это русские люди, исповедующие исконное русское Православие, которое было официальной религией на Руси до 1652 года. В 1653 году патриархом Русской Церкви был избран Никон, он с царем Алексеем Михайловичем провел реформу по обновлению Русской Церкви. Многие русские люди этого обновления не приняли. На соборе 1666–1667 года не принявших обновления отлучили от церкви, по их преследованию были изданы различные циркуляры. Многие отлученные покинули обжитые места и ушли от преследований в отдаленные уголки России. Не принявшим обновления царские чиновники в 1785 году присвоили этноним «старообрядцы», но сибиряки именуют себя «староверами», *потому что соблюдаем старую веру, а чё тако обряды не знам*, заметила одна безграмотная староверка в п. Южный Красноярского края. На Енисее староверы подразделяются на пять толков: австрийцы (=белокриницкие), беглопоповцы, единоверцы – поповцы; поморцы, стариковские (= часовенные) – беспоповцы. Объединяются староверы поповцы и беспоповцы тем, что одинаково исправляют службу, используя книги, изданные до раскола или перепечатки с них.

Материалы собраны нами в основном у беспоповцев часовенного толка, стариковских, и отчасти у прихожан австрийского, белокриницкого, толка. Слово «четы» обычно встречается в жанре рассказа, который староверы называют «Сказание о чем-либо», например: «Сказание об одёжи», «Сказание о домашней утвари» и т. д.

Слово *чѣты* в речи староверов употребляется в нескольких вариантах: *чѣты* – *чѣтя* (большинство), *чѣти* – *чѣть* (9 человек), *чѣты* – *чѣта* (2 человека). 10 человек отметили, что *правильно надо говорить чѣтии – чѣтия, но мы по небрежению говорим чѣты – чѣтя, как Мѣрья заместо Мѣрия и друго чѣ.*

Слово *чѣты* (*чѣтии*) имеет два значения. Первое значение в Православии общеизвестно, оно обозначает в сочетании с другим словом *миня* – *чтение жизнеописания святого к прилучившемуся дню*. Святитель Макарий (а с 1542 года – митрополит Московский и всея Руси) составил 12-томное жизнеописание всех чтимых на Руси святых, известное под названием «Великие Чѣтии-Миней». Второе значение этого слова нигде в научной и богословской литературе не зафиксировано. В речи же староверов на Енисее слово *чѣты* (*чѣтии*) обозначает знаки, передающие символическое значение определенного *чѣна* (= правила) православия, которые отражают различные стороны духовной и материальной культуры у староверов.

Понятие «символический смысл» в языке староверов обозначается несколькими специальными наименованиями: *божественный ўмысел* (*ўмысал*), *возбодный ўмысел*, *тѣйный ўмысел*, *тѣйник*, *прѣточник*, *прѣточник*, *тол-*

кование, *у́мысел (у́мысал)*. Из них чаще используется термин *Божественный у́мысел* или просто *умысел*, а затем *тайнник*. Термин *возбодный у́мысел* хранится в тезаурусе небольшой группы староверов (6 муж. и 1 жен.), а также *прéточник* и *прíточник* (8 муж., 1 жен.). Чаще же всего при разъяснениях *знаков-четий* староверы не пользуются указанной терминологией, а говорят: «Здесь не прямо, а друго надо понимать»; «Чё здесь – это сокрыто, это по-другому надо понимать».

О свойстве личности держать в памяти только содержание термина – дефиницию – мы уже писали, давая характеристику речи студентов, фиксируя, что запас слов-терминов в определенной отрасли знаний у студентов меньше, чем содержаний к ним [Бойко 1997 : 382]. Правомерность такого свойства тезауруса личности подтверждается как исследованиями в области диалектной речи, так и литературной. Собирая ремесленный словарь ткачей, В.Д. Бондалетов обнаружил следующее: из тысячи терминов в тезаурусе отдельного ремесленника хранится только около 200 слов, что не мешает представителям этого социума качественно работать и общаться в своем кругу. В.П. Тимофеев приводит приблизительный классический минимум для общения сообществ в зависимости от избранной темы и языковой среды, отмечая эту же особенность [Тимофеев 1971 : 57].

Знания о *четиях*-символах в социуме староверов на Енисее – удел избранных. Нами обследовано более семи тысяч информантов, которых по знанию Православной символики можно разделить на две неравные части. В одну входят около шести тысяч человек, которые знают, как исполняется «чин Православия», но символики его не знают. Вторую группу составляют личности, знающие о том, что чины Православия раскрываются не только в Писании, но и в иконописи, и в «ритуалах» исполнения правил Православия.

Они подразделяются на три подгруппы личностей по уровню знаний о *четьях*. В первую подгруппу входят языковые личности, знающие слово *четьи* и его символическое значение, а также его место в духовной и материальной культуре (27 человек). Вторую подгруппу составляют языковые личности, не употребляющие термина, но знающие дефиницию к нему, где наиболее частыми являются термины и терминологические очетания: *божественный умысел (умысал)*, *тайнник* и *толкование*. В тезаурусе личностей этой группы (105 человек) есть понимание, что и духовный, и материальный мир взаимосвязаны: «Ничё не так просто, чё в духовном и в быту, – отмечают они, – но на все божий промысал». Или: *Все с божественным у́мысалом* и под.

В последнюю подгруппу входят 384 человека. Они не знают слова *четьи* и актуализируют только какое-либо отдельное значение той или иной *четьи*. Но эта подгруппа языковых личностей тоже важна для исследователя, так как их высказывания подтверждают те или иные значения слова *четьи*.

Следует отметить, что поколение староверов, рожденных до 1920 года, проживающих на Малом Енисее или в средней части Красноярского края, более отчетливо знало о символических значениях «чинов» Православия (правил, действий, ритуалов и т. д.). Каждый седьмой мог объяснить, что обозначает та

или другая *четья* (= символический знак). В настоящее время только единицы имеют представление о взаимосвязи духовных и бытовых чинов и могут объяснить, почему изображены те или иные знаки на иконах, почему надо складывать именно так руки в процессе богослужения, почему надо изготавливать такого образца одежду и т. д., хотя все догматы соблюдаются как «крепкими», так и «некрепкими» староверами.

В числе наших информантов имеется и группа, так называемых «отошедших от староверов» и вернувшихся в лоно церкви. Эту группу составляют более 800 человек. Они, как правило, утратили знания о догматах ритуальной одежды, крестного знамения, о типе изготовления подрушника и т. д.

В задачи настоящего исследования входит: во-первых, описать сами знаки, выражающие *четьи*; во-вторых, рассмотреть их символические значения; в-третьих, указать место *четий* в догматах Православия; в-четвертых, актуализировать взаимосвязи духовного и бытового.

В данном исследовании используется контаминированный подход к описанию понятия *четьи*, потому что «коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки, в которых складывается менталитет народа» [Толстой 1995 : 36]. Мы избираем гомогенный ряд в исследовании: язык – религия – верования – обычаи – поведение, который применял в своих исследованиях Б.Л. Уорф [Уорф 1960 : 135–140]. М.И. Зуй отметил: «Религиозное сознание принадлежит к обыденному уровню и несет на себе печать синкретизма, отражая все типы отношений, лежащих в мире культуры» [Зуй 1991 : 53].

Знаки *четьи* по форме соотносятся с церковнославянскими буквами, которые сходны по начертанию с геометрическими фигурами: углом, квадратом, ромбом, двумя параллельными линиями, кругом и эллипсисом. Пятеро староверов даже объяснили, почему данные знаки называются *четьями*, потому что *читай, видь* (=воспринимай), *разумевай, видь друго, а не чё написано, читай, ну понимай, чё обозначат это*.

Символическое значение угла «читается» в трех церковнославянских буквах: Г (= глаголь), V (= ижица), Я (= юс малый). Символический квадрат передается выносной буквой *веди* [в], которая пишется над словом, пропускаясь в строке, в форме квадратика – □, например: *сла+* (= *слаВа*), *гла+* (= *глаВа*, раздел книги), *В оно+* (= *в оно ВРЕМЯ* – то, далекое время) и др. Идею круга передает буква *он*, имеющая три варианта начертания: **0**, **∠**, **Q**, которые распределяются в трех геометрических фигурах: круга – **0**, ромба – **∠**, эллипсиса – **Q**. В речи староверов эти различия заложены в соответствующих терминах: **0** – *булочка, шанежка*; **∠** – *тárка*; **Q** – *пирожок, яичко*. «*Ну кады' он* (=буква) *шанежкой, то это – круг*». «*Еслиф он* (=буква) *тárкой, то это – четырехугольник*». «*Он-то* (=буква) *пирашкóм, как яичко, то это – вытянутой круг*», – объяснили некоторые староверы (10 чел.). Остальные языковые личности знают данные термины, но связывают их только с формой хлебных изделий. Сюда надо отнести еще и треугольник, который в речи староверов называется *кúрничком* и обозначает сдобное изделие из сладкого теста, начиненного ягодой.

Таким образом, по форме можно выделить три группы *четий*: угол – Г, V, Я; квадрат – □; две линии (= ковчег) – ||; круг – O, ∅, Q. Всего восемь *четий*, но одна *четья* – он (= ∅) воспринимается по-разному: то ромбовидный квадрат, то круг, поэтому можно считать, что их девять. Такой подсчет не выдумка исследователя, а вывод одного из информантов: «Здесь число девять сокрыто, как в числе Песен канонов. Ить девять – это архангельское число, а восемь, вернее ОСМЬ, состоит из двух четверак и обозначает время и место. Эта так на земле, а в горних селениях друго».

Общее возводное (= символическое) значение *четей*, обозначающих угол (Г, V, Я) – *ча́ша* или гнева Господа, или благодати. У *четии* улауоль (= Г) еще три дополнительных значения: *уосподь*, *блауовествоват*ь и *бирюзовый цвет*, а у *юса малого* (= Я) дополнительное значение – *церковь*.

Общее значение у символического квадрата, обозначенного буквой *веди* (= □) и буквой *он* (= ∅) – *время* и *место*. Но они могут расходиться в значениях, где *веди* обозначает *ведать*, *разумевать* (= быть сопричастным, понимая и делая), а *четья он* (= ∅) передает значение *Боу* и *белый цвет*.

Четья «параллельные линии», изображенная выносной буквой *како* (= ||), имеет значение *ковчег*, то есть защита от напастей и бед под покровом, вернее *окормлением*, Бога.

Символический круг, имеющий три варианта начертания: O, ∅, Q, обозначает *вечность*, *соединенность* – *общность* и *Боу*.

Четьи г, в, о передают на письме число. Две буквы – эксплицитно (открыто): гВ – «3», ∅В – «70», а три: O, || и Q имплицитно (скрыто), потому что значение количества здесь формируется от типа начертания. Так, вВ – строчная – это «два», кВ – это «двадцать», а число, складывающееся из количества компонентов сторон «фигуры», воспринимается как «четыре» в □ (= веди) и ∅ (= он), а в || (= како) – «два».

Актуализированные *возводные умыслы* в *четьях* более полно используются на Православных иконах. Так, например, на иконе *Распятие* обрамление складывается из трех компонентов: наружной линии по краю иконы, затем идут квадратики, а за ними внутренняя линия (см. икону «Распятие»). Староверы (12 человек), сведующие в *тайнниках* (= *возводных*, скрытых смыслах), называют обрамление иконы словом *радужье* (от радуга) или *ометы*, где закладывается значение числа «три», ассоциируясь со *Святой Троицей*. В **параллельных линиях** формируются три значения: 1) *Боу Отец* и *Святой Дух*; 2) *ковчег* (= *окормление*) – защита Богу Сыну, Иисусу Христу; 3) две *ипостáси* Иисуса Христа: *Боуа* и *Человека*. **Квадраты** обозначают, что Иисус Христос вечен и ему поют славу везде и всегда, что представлено в выражении *на крылосáх* (крыльях). *Крылосы* – это перекладина креста, где располагаются руки Иисуса Христа. Надпись под ними звучит так: крсет9 твоём9 поклоняѠсся влдо, свтВое воскресѠне твое2 сла1вимъ. На этой же иконе изображены и другие *четьи*. В нимбе (= *венчике*) Иисуса Христа крест изображен так, что в нем отражаются различные *возводные смыслы*: *ковчег* – на каждой *перекладине*, изображается двумя параллельными линиями, между *перекладинами* – *чаши*, изображенные буквой *ижица* (=

v). Четей *он* в виде буквы \diamond на иконе «Распятия» три: в нимбе *Бога Отца* – две, наложенные друг на друга так, что получается восьмиконечная звезда, а третья чета \diamond написана на животе Иисуса Христа, она обведена двумя линиями, которые в совокупности обозначают 1) *вечный живот* (= вечную жизнь), которую дает Иисус Христос своей крестной смертью, и 2) две линии – две *ипостаси* Иисуса Христа – Бога и Человека, а 3) совокупно – Святую Троицу. На этой же иконе еще два *ковчеза* – концы креста, где руки Иисуса Христа. Их старoverы еще называют *кры'лосами*, поэтому и плечи старoverы зовут *кры'льцами*. *Ковчез* составляют и две вертикальные линии, обозначающие *копие* и *трость*. Положение стоп ног Иисуса Христа изображено четв'ей *глаголь* или *ижица* и толкуется частью старoverов как *уосподь* (20 человек), частью как *говорит, благовествует* (8 человек), а частью как *чаша*, которую *испил Иисус при распятии за нас грешных*. Такое положение ног, как у Иисуса Христа на иконе «Распяtie», обязательно для старoverов в процессе стояния во время богослужения. И большинство старoverов утверждает, что «*надо так: по-другому – урех*». На иконе «Распяtie» есть и четв'и *он*, изображенные буквой *О*. Их держит *Боу Отец*: в левой руке – земной шар с *антимисом*, символизирующим волю Бога Отца, заложенную в завете о спасителе, а в правой – круг, обозначающий *вечность* и *жезл*. Четв'я *эллипсис* изображена на подножии креста у правой ноги Иисуса. Эта четв'я символизирует истекшую и запекшуюся кровь Иисуса Христа в виде яйца. «*Вот почему, – разъясняют некоторые старoverы, – красим яйца на Пасху и только луковой шелухой. По-другому нарушается чин воспоминания крестной смерти Иисуса Христа*».

На этой же иконе *четв'я юс малый* использована для передачи Церквей, которые расположены на переднем плане. «*Одна – одесную (= справа), другая – ишую (= слева), это Церковь и Иисус – первосвященник как на земле, так и на небе. Чрез него только связываются наши грехи. Как он говорил апостолам – первосвященникам из людей: “Чё свяжите, то и я свяжу, а кому нет, тому и я откажу”. Вот, смотри, этот узел у иво на животе, ну нашей жизни, он и показывает, что связывают урехи. Вот почему платы скалывают, а не связывают, и узел-то на иконе как “веди” и два “ковчеза” рядом*», – разъяснил священник из старoverов австрийского толка Церкви на Малом Енисее. Церкви уже не было: ее сожгли, поэтому *окормлял он паству* на дому.

Квадраты, треугольники и круги являются разделителями в многочастных иконах, рассказывающих о событиях жизни Иисуса Христа на земле.

Таким образом, рассмотрение *четий* на иконах позволяет увидеть, что *чин* (= правило) письма иконописи связан с использованием *возводных знаков*, которые находят свое место и в ритуале изготовления одежды и предметов, используемых в процессе богослужения как в церкви, так и дома.

Глухой ворот

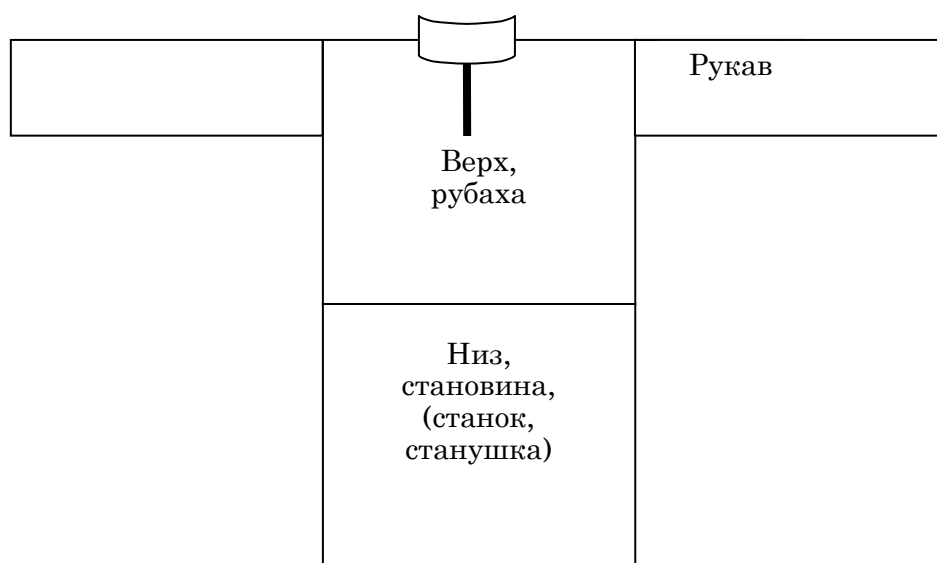

Рис. 1. Чертеж рубахи-становины

Теперь остановимся на изображении *четий* в одежде староверов для богослужения. Квадрат – *веди* – является основной частью одежды староверов. Так, *становина* – женская рубаха – состоит из двух частей: *верха* (*рукавов, рубахи*) и *низа* (*становины, станка, станушки*). Измеряется у женщины размер бедер, затем ткань складывается вдвое и строится из нее квадрат. Один идет на покрой спины, другой переда. По *чину* пройма для рукавов не вырезается, а пришивается прямо по линии (по мужскому типу) или, если позволит ширина материи, сразу же *прямой цельнокроенный рукав*. Нижняя часть тоже состоит из двух квадратов. Таким образом, формируются и ширина, и длина женской рубахи-становины. Длина рукава определяется по сгибу пальцев – *фалангам*.

Сарафан, который носит название *горбач* или *горбун*, выкраивается из двух квадратов. Размер одного квадрата определяется ростом женщины. Если длина *горбача* (*горбуна*) 1 м 20 см, то ширина его будет равняться 2 м 40 см. Посередине делается вырез – *чаша* и пришивается *глухой воротник*, а пройма делается как *веди*, то есть срезают спереди и сзади по прямой столько, сколько в сумме будет нижняя линия под руками.

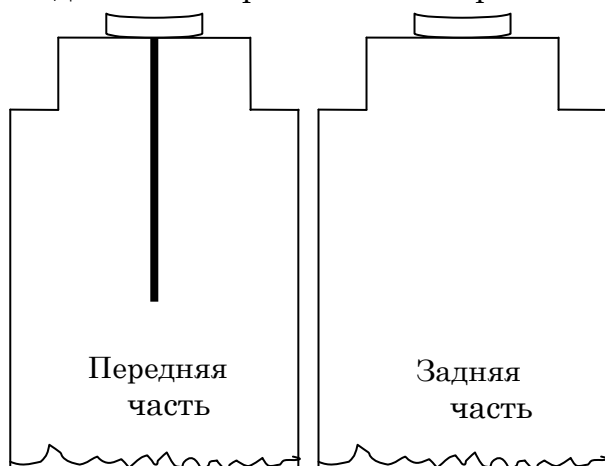

Рис. 2. Чертеж горбача (горбуна)

Мужская *риза* (*ряса, кафтан*) выкраивается так же, как и женская рубаха, но измерение ширины верхней части

идет тоже по бедрам, а нижняя – по ширине составляет два квадрата. Затем пришивается сборкой.

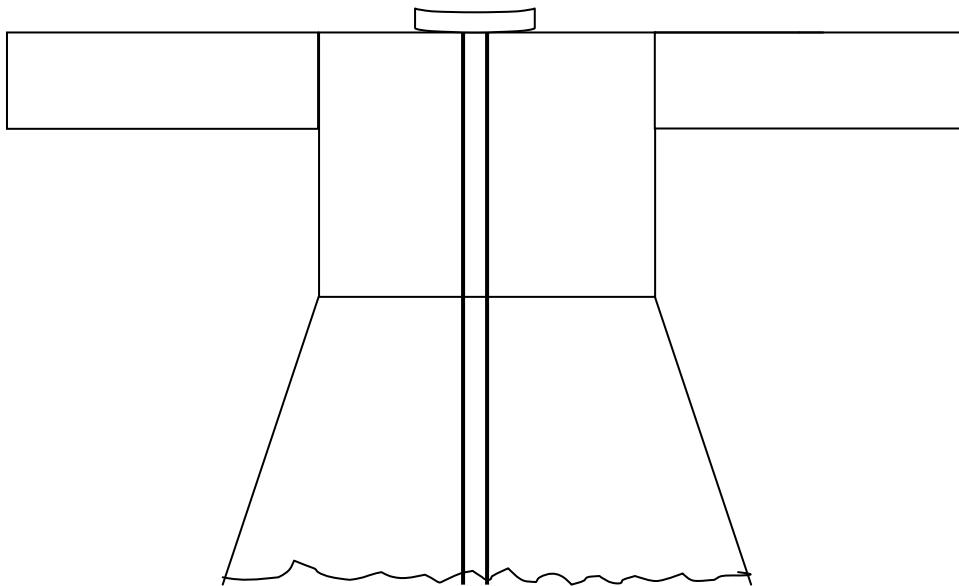

Рис. 3. Общий вид ризы спереди

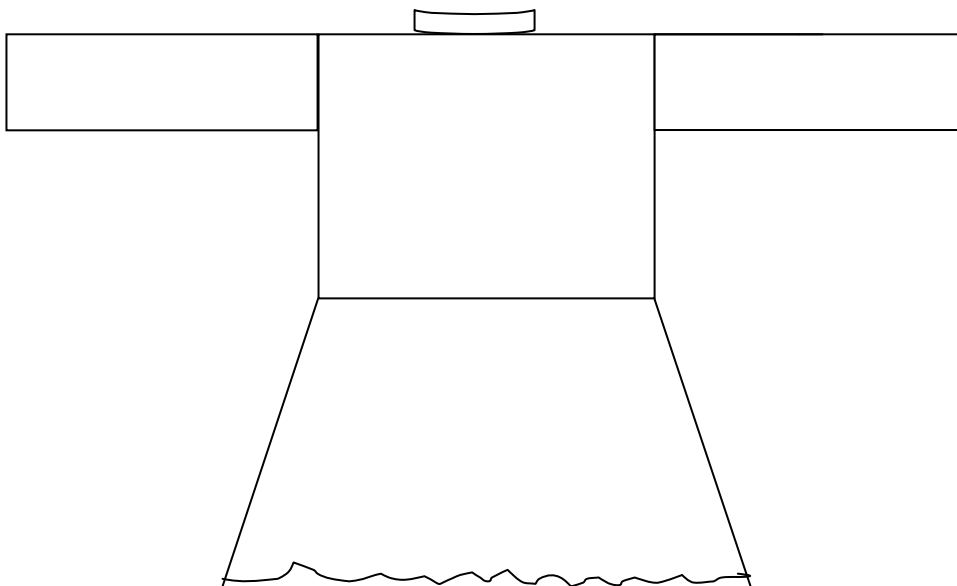

Рис. 4. Общий вид ризы сзади

Все виды ритуальной одежды для моления семеро староверов определили как *четырёхскутные*, то есть сшитые из четырех частей. В женской рубахе-становине и мужской ризе (рясе, кафтане) части отрезаны и сшиты, а в горбаче (горбуне) и мужской рубахе разделение на части имитирует пояс. «*Такое оболчение, – сказал один старовер, – заповедал нам сам Господь. Это не суесловие: об этом толкуется в Кормчей*» [Кормчая 1650 : 518–523].

У иноков и женщин обязательным элементом является четья *круг*: шапочка (у иноков), у женщин (замужних) – шашму́ра и у всех женщин – платочек, завязанный сзади и облегающий голову. На четью *круг*: *накидывают плат* (= квадратный большой платок, который складывается *ковчегом*). Сзади он смотрится как квадрат – *веди*, на плечах – *глаголь*, а спереди – *струится божья благодать – чашами*. Длина плата до конца лопаток. Всю символику раскрывать не будем, так как наше внимание сосредоточено на *четьях*.

В настоящее время, особенно старoverы поповцы, носят платок треугольником, скалывая его булавкой под подбородком. Однако в наших материалах есть *увещевания* священника австрийского толка, что *надо носить плат, а не платок, а то – грех*.

Одежда для погребения – *смертная рубаха* – шьется *ковчегом*, то есть четьей *како*, а *саван* – *эллипсисом*.

Гроб называется по уставу *домови́ной*, которая по форме является *оном* – пирожком (= эллипсисом). Так изображена домовина на иконе «Успения Богородицы». Крепкие старoverы считают, что в современных гробах хоронить – *грех*, потому что они похожи на *ковчег*, а *мы идем к Ббуу, поэтому уже небесное окормление*. Могила у старoverов называется *гробом*, она в форме ковчег, потому что здесь покоится плоть, а не душа, а вся могила – холм – *чаша Господня*, потому что *умираем за наши грехи*.

Лестовка (= четки) старoverов тоже – набор *четий*: в ней четыре треугольника, два квадрата, один большой круг, чаша – зев лестовки, а все остальные части – ступени – *ковчегами* (см. Приложение). В процессе молитвы стоят так, что изображают *четьи*. Ноги: пятки – вместе, носки – врозь – это *чаша*. Руки складывают так, что вместе с плечами, *раме́нами*, символизируют *чету веди*. В процессе крестного знамения руки складываются четьей *он* на животе выше пупа, соприкасаясь концами пальцев, или на *подру́шнике* (= коврике на полу) в ряд. Одни утверждают, что надо рядом располагать ладони, а другие – оставлять *чашу* – *четью улауоль*.

Коврик – *подру́шник* – тоже составлен из *четий*. Он состоит из нижней (изнаночной) части – «земли», шьется из черного квадратного лоскута, а верхняя (лицевая) часть – «подру́шник» – в целом квадрат, который поделен на части: по углам – четьи *веди*, по сторонам четьи – *како*, а в середине – тоже квадрат, но поделенный на четыре четьи – *глаголь*, сшитых крест-накрест.

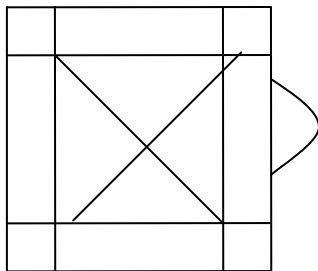

Рис. 5. Подрушник

Небольшая группа староверов усматривает *четы* и в быту. Так, жилище строили как квадрат: одна изба больших размеров и без крыши (староверы-поморцы). Староверы других толков утверждают, что *жилье с крышей – непогрешительно, как Церковь*, то есть *четы* юс а вот *бани* и *стайки* должны быть, как *четы* веди, а *юсом* – *грех*: *баня* – *нечистое* место, а *стайки* – для животных: *оне не молятся*.

С *четы*ями связывают (7 человек) и устройство переднего угла, места для икон, божницу. Сама божница – это треугольная полочка в углу избы, которая направлена на восток. Восток – место Бога, и самого Иисуса называют иногда «Восток». Форма треугольной полочки воспринимается как *четы* глаголь и *знаменует* (= обозначает) *Боу*. Полочку-божницу *занавешивают* *положком* (= занавеской). *Зановесочка* из льна, обычно светло-голубого цвета – *поднебесного*. Цвет этот еще раз подчеркивает, что здесь присутствует Господь. Положок разрезают по вертикали, но не до конца, прикрепляют его на гвоздиках веревочкой, а разрез раздвигают так, что получается форма *четы юс малый*. Таким образом создают Божию Церковь в домашних условиях.

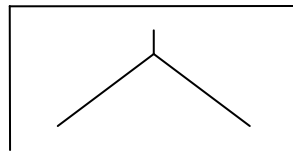

Рис. 6. Божница

С формой *четий* связывают сведующие староверы и форму хлебных изделий, и форму посуды для приготовления хлеба. Так, *сельница* (*сельниса*) (= сосуд для просеянной муки) должна быть *круглай*, *по-другому* – *грех*, а *плїца* (*плїса*) – *ковчегом*, сито – *круглым*, а решето – *квадратным*: «Через сито чистую муку пропускаем, а через решето – грязную».

По мнению крепких староверов, *хлеб* нужно *выкатывать* *только* *булкой*; *булочкой* и *калачом*; то есть *круглые* изделия, а *по-другому* *грех*. *Это* *жа* *тело* *Иисуса Христа*, а *Боу* – *вечнай*. *От* и *круг*, *ну* *вѣлии* *он* (= буква **О**). «Преснўшки – это пресное тесто, не на дрожжах, выкатывали по-разному. Адне делали пирожком, други – таркой, алиф курничком», – рассказывают все женщины, а 7 человек староверов (6 муж., 1 жен.) разъясняют, что это не просто так выкатывают. «Здесьяка возводнай умысал. Ить хлеб-то – тело Иисуса Христа, поэтому и изображаем по-божественному: кругла, квадратом, треуголкой, пирожком. Все это божии промысал». «Вот ить, – говорит другой, – почему русска печь так бьетса, да это жа указ свыше, штоб знали, што хлеб на землю Богом дается людѣм. От и чета жа являтса – это окормление божие, ковчег: пишишу нам дает».

В заключение отметим, что знаки *четы* помогают увидеть, что духовное и материальное в менталитете староверов слито воедино и зиждется на *божьем промысле*, что все – *умысал божий*, а статистический подсчет показывает, что знающих *четы*, сведующих языковых личностей на Енисее немногим более

3 % от всех староверов. Это придает особую значимость фиксации лексики староверов.

Приложение

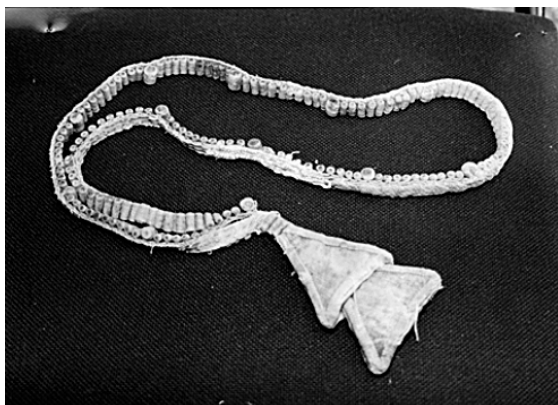

Рис. 7. Зев у лестовки в верхнем треугольнике, где располагаются «передвижки»

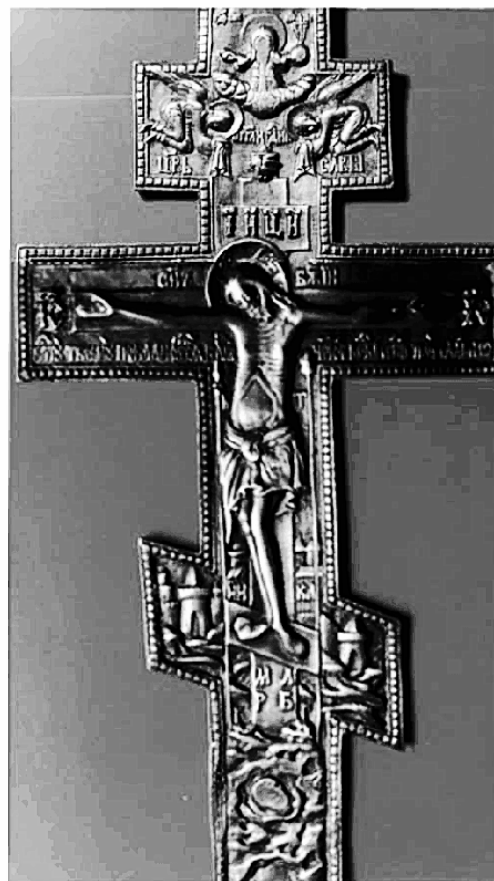

Рис. 8. Икона «Распятие»

Библиографический список

1. Бойко, Е.С. К вопросу о речевой деятельности студентов / Е.С. Бойко // Методическое обеспечение учебного процесса – важный фактор в совершенствовании подготовки специалистов: материалы межвуз. науч.-прак. конф. Ч. II. – Красноярск, 1997. – С. 381–385.
2. Зуй, М.И. Онтологические предпосылки этики / М.И. Зуй // Философские науки. – 1991. – № 19.
3. Кормчая, 1650. – Без выходных данных.
4. Тимофеев, В.П. Личность и языковая среда / В.П. Тимофеев. – Шадринск, 1971. – 131 с.
5. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – Изд. 2-е, испр. – М.: Индрик, 1995.
6. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Политический дискурс, представляющий собой определенный вид институционального общения¹, характеризуется в работах коммуникативно-прагматического направления в языкознании как понятие, равнозначное понятию «политическая коммуникация», которую, в свою очередь, конституируют любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики [Шейгал 2000 : 17, 23].

Под концептообразующей категорией работы «коммуникативный стиль» автором понимается устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и в национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка. Данное определение стиля коммуникации как интегрального явления уровня национальной прецедентности включает не только метакоммуникативный аспект общения, затрагивающий план интересубъективности в коммуникативном взаимодействии, но и пропозициональное содержание, а точнее, макропропозицию как своеобразный культурный код глобальной организации смысла в национальном дискурсе (например, речевой акт поздравления по поводу Рождества бессмысленен и неадекватен в арабских лингвокультурах). Национальный коммуникативный стиль специфицируется (приобретает специфические черты) в разных социально-коммуникативных сферах, в контекстах разных институциональных дискурсов, сохраняя базовые культурно обусловленные коммуникативно-языковые характеристики.

Основу культуры современной немецкой политической коммуникации формируют нормативные и ценностные ориентиры ее главных действующих лиц. При этом, по мнению немецкого лингвиста Й. Клайна, можно говорить об эффекте двойного воздействия нормативности на коммуникативное поведение политиков [Klein 1996 : 8–10]. Прежде всего, презюмируется соответствие речевой деятельности политика общим максима́м или заповедям коммуникативной этики: говори искренно, обоснованно, сущностно, информативно, ясно и честно, что, собственно, коррелирует с известными постулатами количества, качества, релевантности и способа общения, выделенными Г. Грайсом [Grice [1975] 1979 : 249]. Однако политики как представители конкурирующих сторон (партий) руководствуются в своей речевой практике чаще не коммуникативно-этическими

¹ Институциональный дискурс понимается как специализированная клишированная разновидность общения между людьми, коммуникативное взаимодействие которых осуществляется в соответствии с нормами данного социума [Карасик 2002 : 279].

правилами, а принципами партийной целесообразности, представляющими собой суть прагматические категории.

Конфликт нормативных подходов с перевесом в пользу стратегий партийной солидарности (*Parteiräson, Parteisolidarität*) не может не отражаться на коммуникативном стиле и языке немецких политиков. При этом речь идет об основных суггестивных техниках как неотъемлемом компоненте акта политической (читай: персуазивной) коммуникации, что прослеживается на разных уровнях от слова до речевого действия (события), включая тематические предпочтения. На уровне семантики языковых знаков суггестивное воздействие реализуется в основном посредством метафоры и антонимии. По мнению исследователей, метафоры в политическом дискурсе полифункциональны [Drommel, Wolff 1978 : 71–86]. Их употребление упрощает сложное содержание сообщения, служит положительному или негативному оцениванию референциальных объектов, интерпретирует политические действия. В частности, это касается так называемой органометафоры, активирующей ассоциативный ряд, апелляцию к знакомым и доверительным вещам. Например, достаточно часто цитируемая в недалеком прошлом метафора «*Politik der ruhigen Hand*» стала своего рода девизом (символом) политической деятельности бывшего федерального канцлера ФРГ Г. Шредера. Так, в одной из его речей находим: «*Ich bitte also einfach darum zu verstehen, dass die Bundesregierung den Kurs, den ich beschrieben und begründet habe, beibehalten wird, dass sie sich einer hektischen Debatte nicht anschließen will und aus nationalen wie internationalen Erwägungen nicht darf sowie dass sie ganz entschieden eine Politik weiterverfolgen wird, die in der Finanz- und Wirtschaftspolitik auch deshalb eine Politik der ruhigen Hand genannt wird, weil sie auf Kalkulierbarkeit setzt*»¹. Метафорическое выражение *политика спокойной руки* выполняет функцию положительно ориентированной интерпретации и оценки политических действий федерального правительства Шредера, коннотируя такие понятия, как постоянство, надежность и невозмутимость (*Stetigkeit, Verlässlichkeit, Gelassenheit*). В такой перспективе данная метафора вызывает у людей ассоциации, характеризующие роль ведущего политика как уверенного штурмана, управляющего кораблем вопреки всем бурям и ненастьям. В то же время на примере этой метафоры можно проследить процесс ее использования политическими противниками на основе переоценивания и наполнения новым содержанием (рефрейминг содержания). Вместо вышеназванных положительно коннотированных признаков «политика спокойной руки» коррелирует в подаче оппонентов с негативно окрашенными понятиями «бездеятельности и застоя» (*Untätigkeit, Stillstand* – введение нового слота во фрейм метафоры): «*Bei Schröder dagegen: Stillstand und Ankündigungspolitik... Drei Regierungserklärungen, vier SPD-Regionalkonferenzen, x Kommissionen, aber keine Ergebnisse...*». Подобное переосмысление метафорического значения побуждает к ответному коммуникативному ходу, что проявляется в интерпретациях собственной метафоры в многочисленных интервью Г. Шредера.

¹ Из речи Г. Шредера 26.06.2001 по поводу 10-летнего юбилея фирмы «Jenoptik»; цит. по [Girnth, 2002 : 58].

На уровне речевых действий в коммуникативном стиле немецких политиков доминируют стратегии *легитимации* собственной позиции и *делегитимации* позиции партийного оппонента, трансформируемые часто в самовосхваление, с одной стороны, и в полемику с элементами диффамации (клеветнических выпадов) в отношении противоположной стороны. Обе стратегии разворачиваются в коммуникативном модусе аргументации и объяснения. Аргументативный фрейм, в свою очередь, включает когнитивно-языковые операции индукции, аналогии, каузальности, тавтологии и ссылки на авторитет, используемые в целях манипуляций мнением населения как коллективного адресата политической коммуникации. Типично ярко выделенные стратегии встречаются в речах лидера баварской партии ХСС (христианско-социальный союз) Э. Штойбера: «*Ganz Deutschland kann sehen: Es gibt eine bessere Politik als die von Rot-Grün in Berlin. Es gibt eine Politik, die Wort hält. Es gibt eine Politik, die nicht nur redet, sondern auch handelt, und zwar erfolgreich handelt. Bayrische Politik ist das Kontrastprogramm zur rot-grünen Show-Politik in Berlin, das Kontrastprogramm zur rot-grünen Beliebigkeit, das Kontrastprogramm zu Zick-Zack-Kurs... Bayern ist das einzige Land, in Deutschland, das in den letzten zehn Jahren substanziell zusätzliche Arbeitsplätze geschaffen hat: Plus 105.000;... 5.300 zusätzliche Lehrer; 1,3 Milliarden Euro für die High-Tech-Offensive; Konsequenter Abbau der Neuverschuldung*» (аргументирующая легитимация политики своей партии с элементами самовосхваления). «*...Wir haben es der Weitsicht und Durchsetzungskraft von Männern wie Alfons Goppel und Franz Josef Strauß zu verdanken*» (апелляция к авторитету, использование прецедентных для данного социума имен). И далее: «*...Tagelang wurde in den Medien nicht darüber diskutiert, dass der Mann (Kanzler) kein Konzept für die Finanzierung der Steuerreform hat, sondern darüber wohin die Familie Schröder in den Urlaub fährt. «Rimini oder Hannover» ist wirklich nicht die deutsche Schicksalsfrage. Deutschland braucht keinen Medienkanzler*»¹ (очевидная стратегия делегитимации действий политического оппонента с элементами диффамации).

Проявление коммуникативного стиля на тематическом уровне в политическом дискурсе сегодняшней Германии отмечено, как показывает исследование, рядом доминирующих тем (макропозиций), затрагивающих внутренние и внешние проблемы страны. Достаточно ярко тематические предпочтения в дискурсивной деятельности современных немецких политиков, представляющих ключевые партии Германии, нашли отражение в правительственных предвыборных дебатах и выступлениях летом 2005 года. Наш анализ позволил выделить несколько основных тематических направлений политической коммуникации этого времени: *Außenpolitik, Steuern, Arbeitsmarkt, Marktwirtschaft, Innere Sicherheit, Zuwanderung, Rente, Gesundheit, Gesellschaft und Familie, Bildung und Forschung, Umwelt und Energie, Bundeswehr*.

Партийно-политические манипуляции на тематическом уровне осуществляются с помощью таких дискурсивных техник, как односторонний выбор тем и аргументов, сопровождающихся упрощением смысла, поляризацией, гипербо-

¹ Из речи председателя ХСС Э.Штойбера на 68 съезде партии 19.07.2003 (Нюрнберг).

лизацией и эмоционализацией обсуждаемого содержания. Коммуникативно-прагматические наблюдения за особенностями немецкого коммуникативного стиля в контексте политического дискурса позволяют сделать вывод о его ярко выраженной детерминированности культурной константой «свой – чужие», что с очевидностью проявляется на всех рассмотренных выше уровнях экспликации стиля. Сигналом противопоставления «свой круг» – «чужой круг» можно считать также обращение как коммуникативное средство адресации, имплицитное партийную принадлежность говорящего и тех, к кому он апеллирует. Так, для коммуникативного стиля, конституирующего официальный дискурс СДПГ (SPD), характерно обращение «*(liebe) Genossen und Genossinnen*» либо в менее официальной обстановке «*liebe Freunde und Freundinnen*». В одном из текстов выступлений лидеров ХСС (CSU) маркером указания на «чужих» является в том числе саркастически-ироничное упоминание типичного для партийных оппонентов обращения: «...*Wer die Empörung von Müntefering und Schröder im Ohr hat, der wird es nicht glauben: Einen Brief vom heutigen Vorsitzenden der SPD an die lieben Genossinnen und Genossen...*»¹.

Традиционным для стиля коммуникации в рамках политического общения блока ХДС/ХСС (CDU/CSU) выступает обращение «*Meine Damen und Herren*», с помощью которого устанавливается и поддерживается речевой контакт с массовым адресатом в течение всей ситуации коммуникативного взаимодействия. Анализ многочисленных выступлений представителей этих партий позволяет отметить значительную частотность употребления обращения (например, в речах Э. Штойбера до 25 раз за выступление), выполняющего, по сути, метакоммуникативную функцию. Прежде всего, обращение реализует здесь фатический метакоммуникативный ход и, кроме того, играет роль дейктической единицы, привлекая внимание слушателей к введению нового тематического блока и указывая на его значимость.

В политическом общении партии «Зеленых» («Grüne») распространено обращение «*Kollegen / Frau Kollegin*» как маркер партийной корпоративности. На заседаниях бундестага обычно принято обращаться «*(meine) sehr geehrte (n) Damen und Herren*». Своеобразными надпартийными формами обращения государственных лиц к общественности являются нейтральные «*liebe Mitbürger und Mitbürgerinnen*».

В плане оппозиции «свой» – «чужой», лежащей в основе легитимирующей и делегитимирующей коммуникативной деятельности современных политиков Германии, представляется возможным выделить еще одну особенность немецкого коммуникативного стиля, обозначенную в нашем исследовании как именные и/или партийные экспликации. Как показывает анализ основных коммуникативных пространств немецкого политического дискурса, большинство озвучиваемых в них текстов (за исключением сферы законодательной деятельности) традиционно содержит прямые критические апелляции к политикам и их партиям, в том числе к лицам, занимающим высшие посты в государстве. Многочисленные именные экспликации, часто сопровождаемые разнообразными

¹ Из материалов политической встречи членов партии и сторонников ХСС в Пассау 09.02.2005.

средствами вербальной агрессии, можно считать в целом коммуникативной нормой политического институционального общения Германии сегодня. Напомним при этом, что суть вербальной агрессии в широком понимании заключается в нацеленности на ниспровержение оппонента, понижении его политического статуса [Шейгал 2000 : 131].

Не редки в немецком политическом дискурсе определенные манипуляции с именами известных политиков. В некотором смысле, как представляется, можно соотнести политически обусловленное употребление имен политиков с теорией лексической политической семантики [Hermanns 1992; Klein 1989].

В рамках вышеназванной теории исследователи выделяют в контексте политической коммуникации программные или знаковые слова [также сигнальные слова (*Schlagwörter*): Юдина, 2001] как своего рода конденсаторы партийных программ; лозунговые или «знаменные» слова (*Fahnenwörter*) как позитивно коннотированные лексемы, апеллирующие к ценностной системе координат своей группы, и стигматизмы (*Stigmawörter*), отрицательно коннотированные слова, соотносимые с идеологической парадигмой политических противников. Исходя из данного подхода, оскорбительные манипуляции, например, в отношении имени председателя ХДС А. Меркель: «*Angela Merkel, asoziales Ferkel*» (грубое пародирование имени за счет конструирования ассоциаций по созвучию)¹ или подобное «*Merkelsteuer wird teuer*»², можно рассматривать как именные стигматизмы, используемые представителями партийной оппозиции. Тогда как в кругу сторонников имя лидера явно идентифицируется со знаковым лозунговым словом.

Наши наблюдения за актуализацией немецкого коммуникативного стиля в условиях естественного политического дискурса позволяют сделать вывод о некоторой разнице его проявлений в ситуациях непосредственного публичного выступления политика перед массовым адресатом и в опосредованных масс-медиа ситуациях телевизионных интервью, бесед, дебатов. Коммуникативный стиль выступления перед живой массовой аудиторией в целом гораздо в большей степени, чем стиль общения с ведущим телепрограммы, маркирован невербально, харизматичен, характеризуется большей силой речевого воздействия (суггестивностью) и показной манерой коммуникативного поведения. В этой связи можно говорить о разной риторической самопрезентации и самоподаче политического деятеля в разных контекстах дискурсивной деятельности.

В прагматическом плане контекст проявления коммуникативных стилей политиков обусловлен в том числе локально-темпоральными условиями взаимодействия. Для коммуникативной ситуации открытого публичного выступления характерна дистанция публичного общения в режиме оратор – публика. Это контактное общение, когда слушатели находятся в поле зрения говорящего, в отличие от дистантной массовой коммуникации (например, в ситуации телевизионного интервью), осуществляемой посредством СМИ.

¹ Из публикации «*Ich mach´ das allein*». «*Frankfurter Allgemeine*», 24.07.2005. S.3.

² F. Müntefering (SPD) – из телевизионной передачи (ZDF).

Нижеследующий фрагмент из телевизионного интервью цикла первого немецкого канала «Репортаж из Берлина» демонстрирует большинство из выделенных признаков коммуникативного стиля, свойственного контексту реализации в режиме интервью, а также других признаков культурно обусловленного немецкого коммуникативного стиля, выявленных в результате нашего исследования.

В предлагаемом эпизоде главный редактор программы Т. Рот (R) и его заместитель Т. Бауман (B) интервьюируют бывшего федерального канцлера Г. Шредера (K) по поводу предстоящих выборов в немецкий Бундестаг и нового канцлера ФРГ:

(...)

B : 5,2 millionen arbeitslose haben wir erfreulicherweise nicht mehr – es sind äh 4,7 millionen – aber herr bundeskanzler – wenn man diesen satz von peter hartz hört – dann muss man doch feststellen – ihre bundesregierung hat äh viel versprochen – aber nicht geliefert.

K : 1. ich glaube nicht – dass man in so kurzer zeit den arbeitsmarkt in ordnung bringen kann – 2.16 jahre lang vor unserer zeit ist nichts geschehen – während andere länder – äh wie etwa die skandinavier – die notwendigen reformen in den 90er jahren durchgesetzt haben – und jetzt die erfolge ernten – 3. es braucht zeit – nehmen sie das bitte nicht als ausrede – sondern als hinweis darauf – dass das begonnene fortgeführt werden muss – denn – es beginnt erfolge zu zeitigen – 4. wir haben die niedrigste jugendarbeitslosigkeit in europa – das wird gelegentlich übersehen – 5. aber das ist ein erster erfolg der reformpolitik – 6. wir müssen uns kümmern um diejenigen – die äh älter sind – und wir haben es geschafft – die erwerbstätigkeit von älteren menschen – die reale erwerbstätigkeit – nach oben zu bringen – 7. das reale renteneintrittsalter war früher bei 59 – ist jetzt deutlich über 60–8. das sind alles dinge – die mit den reformen zu tun haben – 9. aber wenn sie sich die wirtschaftsdaten anschauen – dann wird diese Mischung aus reformen auf dem arbeitsmarkt – und wachstumserwartung – berechtigte wachstumserwartung – auch zu einer reduzierung der arbeitslosenzahlen führen – 10. ich bin sehr vorsichtig geworden – auch äh aus erfahrung – wenn sie so wollen – was prognosen angeht – 11. sie können die äußeren einflüsse – zum beispiel – selten kontrollieren – dass es einen ölpreis von 60 dollar pro barrel und darüber gab – während wir am anfang bei – äh glaube ich – wenn ich es richtig im kopf habe – knapp über 20 waren – manchmal darunter – 12. das ist durch nationale politik nicht zu beeinflussen – 13. das hat natürlich auswirkungen auf die wirtschaft.

R: ja – aber gibt es das problem bei hartz nicht – gibt es nicht zwei probleme – einmal – sie haben es vorher nicht gesagt – dass er kommt – und zum zweiten – ist es in wirklichkeit nicht ein programm – dass dann funktioniert auf dem arbeitsmarkt – wenn die konjunktur gut ist – die ist aber nicht gut.

S: ja – sie haben ja recht – herr roth – dann funktioniert es besser – aber sie können ja nicht darauf warten – sie haben völlig recht und auch die experten – die darauf hinweisen – (...) – aber zuwarten war nicht möglich – sonst wären uns die systeme bei der alterssicherung – bei der gesundheit zusammengebrochen¹.

Вопрос, собственно представляющий собой оценочную реплику журналиста, звучит прямолинейно обличительно: «...*Ваше правительство много обещало, но ничего не добилось (не сделало)!*», что свойственно эксплицитному стилю низкоконтекстной коммуникации. Коммуникативный фокус сконцентрирован на информации по поводу безработицы (приводятся цифры). Кроме того, вопрос имплицитно эгалитарные отношения коммуникативных партнеров, соответ-

¹ Из телевизионного интервью с канцлером ФРГ Г. Шредером 07.08.2005: Bericht aus Berlin (ARD).

ствующие небольшой дистанции власти в немецкой культуре, что позволяет задавать прямые нелицеприятные вопросы одному из первых лиц в государстве.

Ответ канцлера отражает особенности рационального личностного коммуникативного стиля, ориентированного на говорящего и на реализацию конечной цели интеракции: предоставление фактических данных и аргументов для убеждения слушателей. Предлагаемая аргументация разворачивается линейно, информация структурируется по тематическим блокам на основе причинно-следственных и интенционно-инструментальных связей (реплики 2, 4–8, 11–13). Сигналами индивидуальной идентичности в ответе канцлера выступают средства авторизации («*Ich glaube...*», «*Ich bin sehr vorsichtig geworden,...*», «*...glaube ich, wenn ich es richtig im Kopf habe...*»), передающие личностное мнение, оценки и предложения. Отметим также наличие в высказывании метакоммуникативных выражений адресации: («*...nehmen Sie das bitte nicht als Ausrede, sondern als Hinweis darauf,...*», «*...wenn Sie so wollen,...*»).

Второй в этом фрагменте вопрос, как и второе высказывание Г. Шредера, актуализируют стратегию диссонанса (разногласия), типичную для немецкого коммуникативного стиля в пространстве институциональных дискурсов (die «*ja-aber*» Strategie). «Да, ... – но... – стратегия» реализуется посредством краткой позитивной оценки «да», выполняющей, кроме всего прочего, в качестве фатического компонента высказывания контактоподдерживающую функцию, и союза «но» как дискурсивно-прагматического элемента, вводящего контраргумент: «*Ja, aber gibt es das Problem bei Hartz nicht...*»; «*Ja, Sie haben ja Recht, Herr Roth. Dann funktioniert es besser. Aber Sie können ja nicht darauf warten.*».

С прагмалингвистической точки зрения стиль ответных реплик канцлера реализует информационно-персуазивную языковую функцию, интенционально направленную на модификацию общественного сознания, анализ и оправдание действий своей партии как одного из политических институтов. Номилируемые при этом политически релевантные события служат в первую очередь легитимации собственных позиций и приоритетов, позитивной самопрезентации правительства: *erster Erfolg der Reformpolitik, die reale Erwerbstätigkeit, das reale Renteneintrittsalter, die niedrigste Jugendarbeitslosigkeit, berechtigte Wachstumserwartungen, Reduzierung der Arbeitslosenzahlen*. Делегитимация партийной оппозиции проявляется в интервью, как нами было отмечено выше, достаточно корректно по сравнению с публичным речевым поведением: «*16 Jahre lang vor unserer Zeit ist nichts geschehen...*». Коммуникативный ход заканчивается аргументом по аналогии, призывающим адресата самому судить о последствиях бездеятельной политики предыдущей исполнительной власти: «*... während andere Länder, wie etwa die Skandinavien, die notwendigen Reformen in den 90-er Jahren durchgesetzt haben und jetzt die Erfolge ernten.*».

Таким образом, в контексте прагмалингвистической категоризации коммуникативного стиля яркими доминантами немецкого стиля коммуникации в сфере политического дискурса являются:

- акцентирование оппозиции «свой – чужой» (индикация «своих» на основе сугубо позитивных, «чужих» на основе сугубо негативных смыслов);

- коммуникативный фокус на легитимность действий своей партии и иллегитимность деятельности партии политического противника;
- ярко выраженная метафоризация политических речей;
- использование обращений как сигнала партийной корпоративности;
- демонстрация вербальной агрессии в политической дискуссии;
- использование политических инвектив (именных «стигматизмов») в публичном дискурсе;
- антропонимическая персонификация носителей политических идей;
- широкое использование политических прецедентных текстов;
- ярко выраженная суггестивность публичного выступления;
- преобладание конфронтативной стратегии.

Библиографический список

1. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002.
2. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал; Институт языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000.
3. Юдина, Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи: дис. ... д-ра филол. наук / Т.В. Юдина. – М., 2001.
4. Drommel, Raimund H./Wolff, Gerhart (1978): Metaphern in der politischen Rede. – In: Der Deutschunterricht 30, 71–86.
5. Grice, H. P. (1975): Logic and conversational implicature. In: Cole, P. (Hg.), Syntax and Semantics. New York. – S. 411–458.
6. Hermanns, F.: Ein Wort im Wandel: Deutsch – was ist das? In: Burkhardt, A. / Fritzsche, K. (Hrsg.): Sprache im Umbruch. Berlin; New York, 1992. – S. 253–265.
7. Klein, Josef. Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik. In: Josef Klein (Hrsg.): Politische Semantik: bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung. Opladen: Westdt. Verl., 1989.
8. Klein, J. (1996): Dialogblockaden. Dysfunktionale Wirkungen von Sprachstrategien auf dem Markt der politischen Kommunikation In: J. Klein (Hrsg.): Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Berlin; New York. – S. 3–30.
9. Pfetsch, Barbara. Politische Kommunikationskultur. Politische Sprecher und Journalisten in der Bundesrepublik und den USA im Vergleich. Westdeutscher Verlag, Wiesbaden, 2003.

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Современная система лингвистических идей и представлений, появившаяся в результате перспектив новой реальности, ведет к дальнейшим научным поискам. Процесс гуманизации научного знания определяет особый интерес лингвистической мысли к проблемам языка и способам его ментальной организации.

В настоящее время вся когнитивная наука в целом и когнитивная лингвистика в частности проникнуты интересом к человеку как центру Вселенной. Именно человек с его представленностью в языке и влиянием на язык рассматривается современной когнитивной лингвистикой как краеугольный камень всех исследований. Это позволяет повернуть когнитивный анализ языка в новое русло – в русло антропоцентричности.

Становление антропоцентризма как одного из приоритетных принципов научных исследований было подготовлено всеми периодами развития языковедческой мысли, начиная с положения В. фон Гумбольдта об объективном и субъективном в языке. Младограмматики, указывая на психологическую природу языка, считали, что в процессе взаимодействия человека с миром в языке находят отражение не только предметы и явления этого мира, но и субъективный взгляд на них. Ф. де Соссюр, выделивший субъективность в качестве признака языка, Э. Бенвенист, отмечавший, что данное свойство представляет собой особую черту языкового устройства, и целый ряд других лингвистов доказали, что данный языковой признак напрямую связан с речевой деятельностью, т. е. с конкретным моментом речи и с конкретным сознанием конкретного индивида. И только в конце второй половины прошлого века лингвисты полностью осознали и приняли факт неперменной антропоцентричности языка.

Антропологическая ориентация лингвистической науки привела к смене всей парадигмы научного знания. Как четко зафиксировано в названии принципа, из трех основных субстанций (человека, окружающей его действительности и языка) основной сущностью является человек. В свою очередь, все, что окружает человека в процессе жизнедеятельности, отражается и перерабатывается в его сознании и лишь затем находит материализацию в языке как наиболее удобном и четко организованном средстве хранения и передачи информации. Еще Анна Вежбицка писала, что язык отражает не только и не столько сам мир, сколько «нашу концептуализацию мира» [Wierzbicka 1980 : 50]. Данное выражение, давно ставшее классическим, подчеркивает, что язык неотделим от человека-концептуализатора.

Язык, принимая участие во всех видах осмысления мира, непременно несет на себе отпечаток мыслительной деятельности человека. «Изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям, поскольку,

как показывает опыт лингвистики и когнитивной науки, мыслительные категории практически неотделимы от языковых категорий» [Баранов, Добровольский 1997 : 14]. Когнитивная деятельность человека в результате познания мира постоянна и активна. Соответственно язык отражает не саму действительность, а ее концептуализацию, происходящую в сознании человека в процессе ее осмысления. Благодаря этой особенности языка он служит средством познания концептов, имеющих в сознании их носителей.

Схематически представленная цепь трех взаимосвязанных сущностей (человек – реальность – язык), а также тот факт, что вне человека язык может существовать только как обезличенная система, во многом объясняют, почему языковая система изучается современной когнитивной лингвистикой в непосредственной связи с когнитивной системой человека и процессами речемыслительной деятельности.

Необходимость комплексного анализа языковых, ментальных и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в ходе исторического развития общества становится все очевиднее и все реже оспаривается. Целесообразность подобного подхода обусловлена множеством причин. В первую очередь необходимо отметить невозможность и односторонность анализа целого ряда важнейших языковых явлений в отрыве от его носителя. Так, например, исследование языка в отрыве от человека делает невозможным изучение многих проблем языковой коммуникации, представляющей собой многосторонний процесс, язык в котором представляет собой лишь одно из звеньев – информационный канал, средство передачи мысли. Более того, проблема переработки информации также не смогла бы получить полного освещения. И только комплексное рассмотрение языка и его носителя позволяет понять механизмы кодирования и декодирования сообщений, стратегии и тактики осуществления процесса коммуникации, выбора и извлечения различного рода знаний и т. д.

Автономное изучение языка, рассмотрение его в качестве абстрактной сущности, конечного набора знаков было приемлемо еще в первой половине XX века (например, в рамках структурализма). Когнитивная лингвистика несколько не отрицает автономности языка. Более того, ею используются все наработки предшествующих языковых исследований. Но она стремится проникнуть в глубь языковых явлений, что, в свою очередь, невозможно в отрыве от человека. Этим объясняется тот факт, что оба глобальных феномена – язык и его носитель – несмотря на автономность каждого из них рассматриваются в своем непосредственном взаимодействии, причем человеку отводится роль творца.

Сложность такого изучения заключается в целом ряде факторов. Во-первых, обе системы имеют комплексный характер. Как язык, так и человек используют несколько знаковых систем. Взаимодействие языка и индивида в процессе коммуникации приводит к тому, что каждый из них по-своему перерабатывает различные знаковые системы. Так, человек должен хорошо ориентироваться в различных типах речи в графической либо языковой реализации. В свою очередь, в языке отражается человек с гораздо более широким спектром знаковых сис-

тем, что обусловлено тем, что человек как социокультурный продукт является неотъемлемой частью макрокосма.

Взаимодействие двух систем происходит не только на уровне коммуникации. Оно начинается непосредственно на уровне мышления (и шире, сознания). Соотнесенность с сознанием вплетает отношения человек – его язык в еще более сложное взаимодействие. Язык – неотъемлемый компонент мышления. Он не является простым набором лексических и грамматических единиц и структур, а также правил их употребления, в рамках которых находится человек, используя их как своего рода клише для построения высказываний. Наоборот, вся языковая система подчинена человеку. Именно от человека зависят выбор используемых языковых единиц, вложенный в них смысл и, как следствие, создание новых единиц и приращение концептуальных смыслов. Иными словами, антропологический принцип исследования языка предполагает креативность в использовании языка.

Наибольший интерес и особую сложность представляет проблема антропоцентричности концептуальной организации языка. Всею совокупностью свойств и выполняемых функций язык обеспечивает человеку возможность быть представленным в языке. Причем представленность в языке может быть как косвенной (в случае выражения человеком своего отношения к вербализуемому фрагменту окружающего мира, сформированного в процессе взаимодействия и во многом обусловленного индивидуально-личностными характеристиками человека – возрастом, полом, социальным положением, способностями и т. д.), так и прямой, когда человек сам присутствует в языке как отправная точка высказывания. Таким образом, правомерно говорить о том, что присутствие человека в языке представляет собой объективную основу концептуальной организации языка. Пользуясь языком, человек не только выражает свое отношение к миру, описывает особенности своего бытия в нем, но и, что принципиально важно, отражает себя в языке.

Базовое положение о том, что любая языковая единица, любая языковая категория, как и любая языковая функция, соотносится прежде всего с человеком и только через него с окружающей реальностью, дает основание считать «субъективность в языке» (термин Ю.С. Степанова) в любом ее проявлении фундаментальным свойством языка. Соответственно можно констатировать приоритетность категории «я» в языке, которая вследствие обязательной антропоцентричности языка всегда присутствует в нем независимо от способа ее выражения (эксплицитного или имплицитного).

Таким образом, несмотря на то, что язык как знаковая система, имеющая свою онтологию, является объективной сущностью, он субъективен «как сущность, целиком и полностью производная от закономерностей мыслительной деятельности индивидов, образующих тот или иной социум» [Коровкин 1993 : 3–4]. Иными словами, язык становится субъективным с того момента, когда им начинает пользоваться индивид.

Антропоцентрическая организация языка проявляется на двух основных уровнях. В одном случае в языке проявляется субъективность сознания его но-

сителя, «проецирующего» на язык особенности своего организма, специфику ассоциативного механизма, выбор ракурса рассмотрения осмысливаемого отрезка реальной действительности, культурную принадлежность и т. д. Этот тип субъективности активно исследуется в настоящее время. В другом случае субъективность заключается в присутствии в языке лишенного каких-либо индивидуальных и социальных черт человека-концептуализатора. Данный тип субъективности лежит в основе высказывания, что обуславливает правомерность его рассмотрения в качестве базового. Изучение присутствия концептуализатора в языке представляет собой особый интерес в силу целого ряда причин. Во-первых, данная координата функциональной представленности человека в языке еще не получила должного научного освещения. Во-вторых, анализ особенностей репрезентации концептуализатора в языковом пространстве позволит продвинуться значительно вперед в исследовании антропоцентрической организации языка, что, в свою очередь, откроет дальнейшие перспективы решения многих вопросов лингвистической науки.

Библиографический список

1. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН. – Сер. «Литература и язык», 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11–21.
2. Коровкин, М.М. Язык и мышление: учебно-методическое пособие / М.М. Коровкин. – Рязань: РГПУ, 1993. – 56 с.
3. Wierzbicka, A. The Case for Surface Case / A. Wierzbicka. – Ann Arbor, Karoma, 1980. – 182 p.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ
ГРАДАЦИОННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР
В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА

Семантика интенсивности реализуется на разных языковых уровнях. Разноуровневые средства репрезентации интенсивности образуют систему, организованную по принципу поля. Конституенты поля по-разному выражают интенсивность, в связи с чем подразделяются на ядерные и периферийные. «На современном этапе развития функциональной грамматики... признается возможность существования не только моноцентрических, но и полицентрических полей» [Карповская 1998 : 7]. Категория интенсивности представляет собой полицентрическую категорию. В военной прозе В.П. Астафьева один из центров в ядерной зоне образуют синтаксические средства, реализующиеся на уровне словосочетания и сложного предложения.

В системе сложноподчиненного предложения интенсивность выражается большим количеством конкурирующих и дополняющих друг друга языковых средств, которые, по утверждению Е.И. Шейгал, «объединяются значением градуированности объема признака, качества, действия» [Шейгал 1990 : 88]. Одним из наиболее ярких средств репрезентации интенсивности на синтаксическом уровне являются градационные структуры.

Под градационными синтаксическими структурами мы понимаем местоименно-союзные и местоименно-соотнесительные предложения, структурная схема которых включает местоимения-интенсификаторы *такой, столько* и др., выполняющие роль градатора. Градатором называется единица, указывающая на степень несовпадения с нормой и маркирующая передвижение интенсемы по шкале интенсивности.

Обычно конструкции с местоимением-градатором указывают на отклонение от ординарного уровня в зону «+» на шкале (превышение степени проявления признака). При выражении интенсивности в сложноподчиненном предложении органично участвуют обе части – главная и придаточная. При этом придаточным предложением выражается следствие интенсивности действия, названного в главном предложении. Наличие в структуре предложения указательного местоимения *такой* свидетельствует о том, что придаточная часть выступает в качестве конкретизатора степени интенсивности. В предложении: *И так пошла, что хоть верьте, хоть нет, я едва не разревелся: такая она была худенькая, усталая, такая жалостная – ну спасу нет никакого!* («Звездопад») [Астафьев 1993] предельная степень проявления признака передается при помощи местоимения *такая* и «поддерживается» за счет введения устойчивого выражения *спасу нет никакого*.

Градаторы в структуре сложноподчиненного предложения могут относиться к словам разных частеречных классов и выражать различные значения.

Присоединяясь к глаголу, градатор указывает на степень проявления процессуального признака предмета. В таких случаях интенсивность выражается в конструкции «глагол + градатор + придаточная часть сложноподчиненного предложения»: *Он опять чего-то **траванул такое, что госпиталь закачался от гогота*** (Звездопад) [Астафьев 1993].

В приведенном примере местоимение присоединяется к глаголу, называющему однократное интенсивное спонтанное действие и находится по отношению к нему в постпозиции. Такая позиция оказывается значимой, поскольку в этом случае градатор выступает не только показателем еще большего отклонения в сторону крайней точки положительного вектора шкалы интенсивности, но является также своеобразным знаком последующей конкретизации степени этого отклонения. В качестве показателя степени отклонения, конкретизатора, в таких конструкциях выступает придаточная часть сложного предложения.

Градаторы выступают не только как элементы структурной схемы сложноподчиненного предложения, но и определенным образом влияют на его семантику. В зависимости от характера выражаемого значения градаторы подразделяются на следующие группы:

- 1) с количественно-усилительным значением;
- 2) с усилительно-качественным или качественно-характеризующим значением;
- 3) со значением меры количества.

Местоименные слова *настолько, столь, до того, до такой степени* в предложениях, построенных по схеме «*настолько...что*», имеют количественно-усилительное значение: *Фома – знаменитый пират, **до того свирепый и кровожадный, что** вместо черепа и костей на черном знамени флотилии...нарисован беленький невинный ягненок* («Соевые конфеты») [Астафьев 1993].

Актуализация усилительно-качественного или качественно характеризующего значения у градаторов связана со значением определяемого слова. Местоимение *такой* имеет отчетливое усилительно-качественное значение при отвлеченных существительных, обозначающих признак или состояние: *Матери-лась она при этом так страшно **с такой** ямщицкой **осатанелостью, что Капа прижалась ко мне...*** («Где-то гремит война») [Астафьев 1993].

То же значение *такой* имеет при сочетании с вещественными существительными, допускающими количественную характеристику по степени проявления наиболее значимого признака предмета: *Мы выпили по рюмке **такого самогона, что** у меня сперло дыхание в груди...* («Звездопад») [Астафьев 1993].

Приведенный пример интересен тем, что в нем имеет место пропуск признакового слова, по сути представляющий собой импликацию, которая имеет отношение только к формальной стороне, поскольку на содержательном уровне этот признак не «изымается» из высказывания. Доказательством этому служит возможность реконструкции высказывания за счет восстановления в его структуре пропущенного признакового слова: *Мы выпили по рюмке **такого крепкого самогона, что** у меня сперло дыхание в груди...*

Значение меры количества реализуется в конструкциях со словом *столько*, которое способно употребляться в приименной и приглагольной позиции.

В приименной позиции местоимение сочетается с именем существительным в форме Р.п. При этом оно имеет усилительный смысл и синонимично сочетаниям *так много* или *так мало*. Существительное в таких конструкциях называет количественно характеризуемый предмет: ...*Паром сииб столько пташек, что нагребли их почти полное ведро* («Соевые конфеты») [Астафьев 1993].

Значение меры количества сохраняется в эллиптических конструкциях, в которых пропущены местоимение-градатор и союз: ...*На Манской гриве рыжиков и брусницы будет, по приметам, – хоть коробом вози* («Где-то гремит война») [Астафьев 1993].

В таких конструкциях пропущенные элементы легко поддаются восстановлению. Ср.: *На Манской гриве рыжиков и брусницы будет столько, что хоть коробом вози*.

Значение интенсивности передается не только местоименно-союзными, но местоименно-соотносительными (по Белошапковой В.А., местоименно-соотносительными отождествительного типа) сложноподчиненными предложениями [Белошапкова 1989]. Особенность предложений этого типа заключается в том, что в их структуру входят местоимения, которые семантически связаны с союзом, «открывающим» придаточное предложение. При этом местоимение и союз образуют устойчиво воспроизводимые пары, например: *то...что, тот...кто, там...где, оттуда...куда, столько...сколько, такой...какой* и др.

По характеру значения коррелятивные пары, включающие местоименно-соотносительное слово и союз, неоднородны. Выделяют коррелятивные пары с 1) предметным (*тот (та)...кто, тот (та)...что*), 2) обстоятельственно-пространственным (*туда...где, оттуда...откуда*) и 3) определительным значением (*так...как, такой...какой*) [Грамматика современного русского литературного языка 1970].

Наиболее благоприятные условия для выражения интенсивности создаются при использовании в предложении коррелятивных пар с определительным значением. Чаще всего в военной прозе В.П. Астафьева используется коррелятивная пара «*такой...какой*». Соотносительное слово *такой* в предложении занимает позицию при существительном или при полном прилагательном: ...*И ночь ему будет казаться бесконечной, а боль такой, какой ни у него, ни у кого другого еще не было...* («Сашка Лебедев») [Астафьев 1993]. И в той, и в другой позиции коррелятивной парой реализуется значение степени.

Репрезентация интенсивности при помощи местоименно-соотносительных предложений фразеологизированного типа имеет весьма существенную особенность. «Значение интенсивности...в словах “так”, “такой” актуализируется только за счет придаточного, отсюда скованность синтаксической модели и приобретение интенсивами и всей синтаксической конструкцией вторичной функции, погашение указательного значения в соотносительных словах, приобретение ими значений, близких к усилительной частице...» [Гаврилова 1993 : 8].

В качестве градатора могут выступать не только местоимения, но и местоименные наречия (*так, настолько* и др.), которые реализуют усилительно-количественное значение при глаголах, по отношению к которым допустима характеристика по степени: *Пересылка содрогнулась так, что воробьи по ней заметались...* («Звездопад») [Астафьев 1993].

При других глаголах *так* имеет качественно характеризующее значение с некоторым оттенком усиленности: *Когда конфету возьмешь в рот, она по мере согревания начинает набухать, растекаться, склеивать рот так, что его уже не раздереши...* («Соевые конфеты») [Астафьев 1993].

Градационные синтаксические структуры имеют интегральные структурные и семантические признаки. Структурная общность проявляется в наличии в схеме градатора как показателя несовпадения с ординарным уровнем. Семантическая общность проявляется в том, что такого рода структуры реализуют значение усиления степени проявления признака, действия, состояния.

Общая семантика усиления реализуется в частных разновидностях, указывающих на : 1) усиление, связанное с увеличением количества признака; 2) усиление, связанное с выделением ведущего, наиболее значимого качественного признака; 3) усиление, связанное с указанием на меру количества.

Библиографический список

1. Астафьев, В.П. Проза войны. В 2 т. / В.П. Астафьев. – Иркутск, 1993.
2. Гаврилова, Г.Ф. Категория интенсивности и способы ее выражения в сложноподчиненном предложении / Г.Ф. Гаврилова // Единицы языка в коммуникативном аспекте. – Ростов-на-Дону, 1993.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
4. Карповская, Н.В. Категория интенсивности атрибутивного признака в испанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Карповская. – Воронеж, 1998.
5. Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989.
6. Шейгал, Е.И. Градация в лексической семантике / Е.И. Шейгал. – Куйбышев, 1990.

ПРИНЦИПЫ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ 1904 ГОДА

Чрезвычайно актуальный в наши дни вопрос об усовершенствовании орфографической системы обсуждался более века назад на первом заседании Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшемся 12 апреля 1904 г.

Как следует из Протокола заседания Комиссии, усилия учителей-словесников, лингвистов, представителей различных учебных ведомств распутать «... орфографические путы, которые тормозят свободное развитие школы и задерживают стремление к живому знанию...» оказались тщетными и показали необходимость реформы правописания «сверху» [Протокол, 1905 : 4]. Поэтому повод для образования Комиссии был следующим: «... хотя употребительное ныне и обязательное для всех школ правописание, рекомендованное Я.К. Гротом, считается *академическим*, сама Академия Наук не придерживается строго этого правописания, как видно из ее изданий» [Там же : 3–4], т. е. назрела острая необходимость в реформировании русской системы орфографии, а значит, и необходимость в пересмотре ее теоретических основ. Как отмечал приват-доцент П.Н. Сакулин: «Два основных мотива побуждали Московское Педагогическое общество стоять за необходимость орфографической реформы: один педагогический, другой – научный» [Там же : 15].

В центре внимания Комиссии 1904 года были вопросы о педагогическом значении предстоящей реформы орфографии и внедрении научной мысли в общеобразовательные программы: «Нельзя создать два правописания – для народа и для интеллигенции. Учитель волей-неволей стремится к идеалу, т. е. к правописанию «по Гроту» [Там же : 59]. Также дискуссионной была проблема единства идеи, принципов, положенная в основу правописной реформы. Все собравшиеся согласились с тем, что с развитием письма возникла необходимость «дать пишущим *теоретические основы правописания* (курсив мой. – Л.Ж.) и, следовательно, возможность сознательного отношения к письму» [Там же : 20].

К моменту создания Комиссии единственным источником оформления грамотного письма было «Русское правописание» академика Я.К. Грота, который отмечал, «что русское правописание является “двойким” [Грот 1888 : 21], т. е. представляет сочетание фонетического письма и этимологического, ... в котором однако преобладает характер этимологический», «когда в письме с одной стороны соблюдается производство слов, а с другой отражается древнее, уже изменившееся произношение, или вообще употребляются общепринятые издавна начертания, не указываемые живой речью», и господство этимологического принципа «заключается в том, чтобы, согласно с непрерывно развивающейся исторической жизнью языка в начертаниях ясны были следы происхождения и состава слов». При примирении обоих начал – фонетического и этимологическо-

го – на роль ведущего Я.К. Грот выдвигает этимологический, или исторический, принцип.

Сторонник реформы академик Ф.Ф. Фортунатов подчеркнул: «Правописание основывается, конечно, не только на произношении, но также и на происхождении звуковой стороны слов; однако применение исторического, т. е. этимологического, принципа имеет пределы [Протокол 1905 : 11]. И пределы эти указывают «практические цели правописания». Позиция академика Фортунатова такова: «Орфографические требования, основывающиеся на происхождении звуковой стороны слов, должны находить опору в фактах современного языка, т. е. должны иметь в виду ту или другую звуковую мену, наблюдаемую в современном языке при сопоставлении, например, различных форм одного и того же слова... в виду желательного однообразия слов» [Там же : 12]. То есть Ф.Ф. Фортунатов проводит идею морфологического основания русского письма.

Вслед за Ф.Ф. Фортунатовым отстаивает незыблемость этимологического (морфологического) принципа русской орфографии и представитель Московского педагогического общества приват-доцент П.Н. Сакулин: «Правописание, служащее практическим потребностям жизни, нельзя отождествлять с научно-фонетической транскрипцией. Помимо, конечно, этимологических оснований, оно может и должно отличать звуковую сторону речи лишь постольку, поскольку она воспринимается простым человеческим умом» [Там же : 27].

Защищая идею реформирования, профессор П.А. Кулаковский отмечает, что «...дети, когда пишут, задумываются над тем, как согласовать слова» [Там же: 47], т. е. руководствуются принципом аналогии (словопроизводственным).

Подчеркивая необходимость «легкости и удобства построения проекта реформы, ставя перед собой задачу «удовлетворять требованиям удобопонятности и действительной наличности живого языка», профессор Е.О. Будде выдвигает фонетический принцип на роль ведущего в русской орфографии: «Принцип этот – условие обнаружения природы гласного и согласного в современном русском языке. Этот принцип – фонетический», при сохранении и «исторической традиции, не изменяющей его по существу». Но «...в тех случаях, где историческая традиция не сложилась в однообразной форме, а фонетический принцип способствует проведению единства идеи правописания, комиссия решила предпочесть единство идее...» [Там же : 35–36]. Профессор Будде ратует за компромисс двух принципов: при ведущей роли фонетического с действующим традиционным (историческим).

Горячо и серьезно защищавший идею перестройки русской орфографии на фонетической основе профессор Р.Ф. Брандт предлагает письмо по слуху «... в виду... ненадежности показаний диалектологии и этимологии» [Там же : 39–40]. Например, «не только *собака* и *корабль* но и *са-ка-*». Кроме того, двоякое написание способно, по мнению Р.Ф. Брандта, облегчить обучение письму.

Один из противников реформы профессор А.С. Будилович выступил за сохранение установившейся исторической системы русского правописания, объясняя свою позицию тем, что «переход от исторической системы правописания к системе фонетической вызовет сильное противодействие в обществе» [Там же : 47].

Два принципа, по мнению Ф.Ф. Ольденбурга, должны соблюдаться при разработке проекта новой системы правописания: первый – стремление «к созданию орфографии наиболее простой для усвоения и применения», и второй – «возможно меньше отступать от традиционного способа письма» [Там же : 56].

Поддержавший Ф.Ф. Ольденбурга приват-доцент Н.М. Каринский подчеркнул, что «русская орфография... должна во многих случаях придерживаться исторической традиции».

В результате первого заседания орфографической Комиссии вопрос о реформировании русского правописания был решен в утвердительном смысле.

Как и век тому назад, в современной лингвистической науке проблема ведущего принципа русской орфографии остается дискуссионной.

Обратим внимание, что в лингвистических изданиях последних лет находим огромное число критических высказываний по поводу ныне действующих «Правил орфографии и пунктуации 1956 г.», как, например: «Текстом этих правил давно никто не пользуется, вместо них широко применяются различные справочники по правописанию, а в них нередко содержатся противоречивые рекомендации» [Лопатин 2001 : 55]. «Ныне действующие “Правила русской орфографии и пунктуации” утверждены и опубликованы в 1956 году... давно уже стало ясно, что правила эти устарели. Практика письма все больше отступала от них... Неоднократно отмечалась неполнота действующего свода правил... которая объясняется и изменениями, происшедшими в самом языке. Таким образом, направления работы над новым “Сводом правил русского правописания” определялись установками на полноту, на учет современной практики письма, современного состояния русского языка...» [Свод правил... 2000 : 12–13].

Как и сто лет назад, в настоящее время вопрос о пересмотре правил русского правописания «... уже давно назрел в связи с общим прогрессом культурных понятий нашего общества» [Протокол... 1905 : 32]. Лингвистические дискуссии 1904 года привели к реформе орфографии. Чем закончатся попытки современных языковедов усовершенствовать русскую орфографию и решить вопрос о ведущем принципе? Ответ остается открытым, и этот факт подчеркивает необходимость и актуальность дальнейших исследований в этой области.

Библиографический список

1. Грот, Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отдела императорской Академии наук / Я.К. Грот. – Изд. 7-е. – СПб., 1888.
2. Лопатин, В.В. О новом своде правил русского правописания / В.В. Лопатин // Русский язык в школе. – 2001. – № 2. – С. 55–60.
3. Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904. – СПб., 1905.
4. Правила орфографии и пунктуации. – М., 1956.
5. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. – М., 2000.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ЧАСТОТЫ ОСНОВНОГО ТОНА В ПРОСОДЕМНОМ И СВЕРХПРОСОДЕМНОМ ПРОСТРАНСТВАХ

Уровневый подход к языковой структуре долгое время остается одним из важнейших теоретических подходов в языкознании. Уровни языка – участки языка, не изолированные друг от друга, но в силу иерархических отношений теснейшим образом связанные между собой и характеризуют объективное устройство языковой системы [Бенвенот 1977]. Современная модель языковой системы представляется как пространственная, поскольку любая материя, в частности языковая, не может существовать вне пространства. Исследуя просодический уровень языка, мы проверяем закономерности в фонологической системе, которые уже были выявлены Н.А. Коваленко на материале немецкого языка. Для теоретического обоснования системы просодического уровня языка Н.А. Коваленко была выявлена наименьшая единица данного уровня, которая и была названа минимальной просодемой [Коваленко 1998 : 37].

Целью данной статьи является наблюдение над изменением значений частоты основного тона в просодемном и сверхпросодемном пространствах. Первоначально было проведено сравнение однословных предложений с назывной интонацией структур ($\uparrow -$, $- \uparrow$) с аналогичными структурами в переспросе (рис. 1).

В результате проведенного сравнения было выявлено, что более широким диапазоном в обоих коммуникативных типах предложений характеризуется структура с ударением на конечном слоге ($- \uparrow$). В этой связи следует упомянуть тот факт, что структура ($- \uparrow$) требует от говорящего больше физических усилий и не всегда отражает повествование понижением тона, что затрудняет понимание речи реципиентом. Наряду с этим замечено, что начало произнесения данных структур, характеризуется большим размахом вариативности, чем конец предложения. Это явление можно объяснить тем, что узел противоречий минимальной просодемы находится в начале предложения (З : 17).

Статистические данные (рис.2) показали, что просодема, попадая в предложение, имеет сильные позиции в начале и в конце предложения, при этом, как выяснилось, более вариативна частота основного тона в начале предложения, что свидетельствует о значимом различии с другим германским языком (немецким), где более вариативен конец предложения. Вариативность зависит в первую очередь от локализации узла противоречий, который в английском языке находится в начале слова-предложения [Краев 2005 : 17].

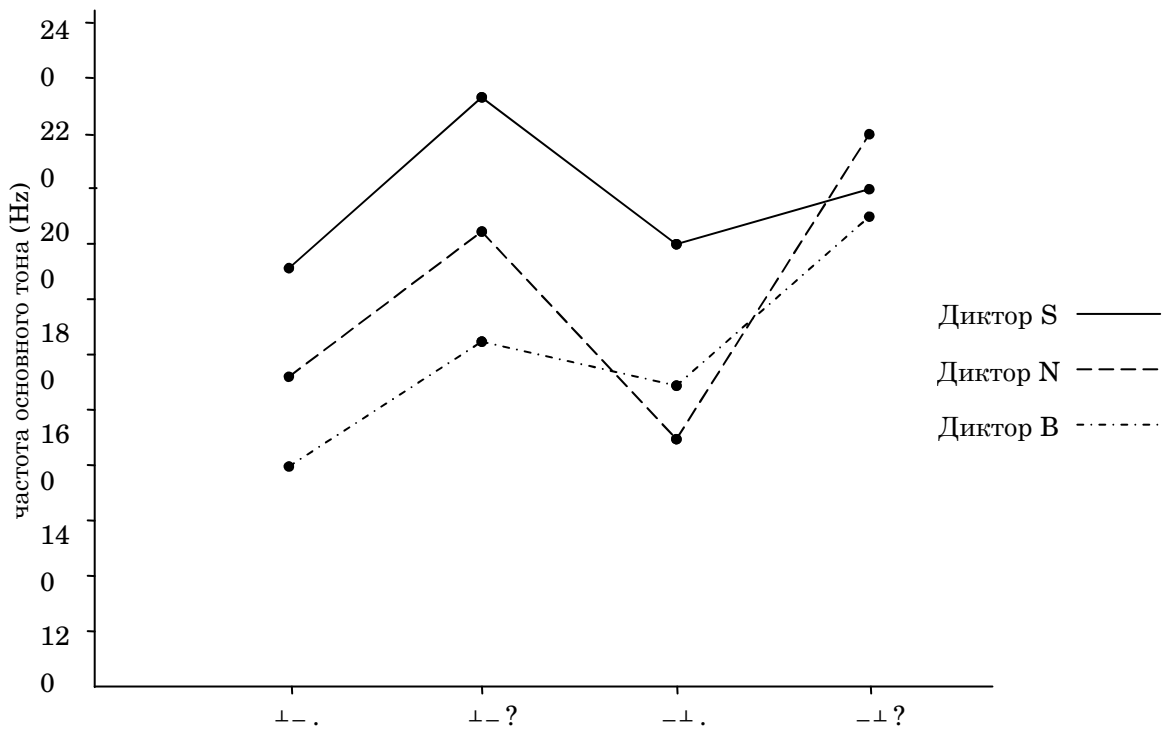

Рис. 1. Изменение диапазона частоты основного тона в однословных назывных предложениях и переспросах

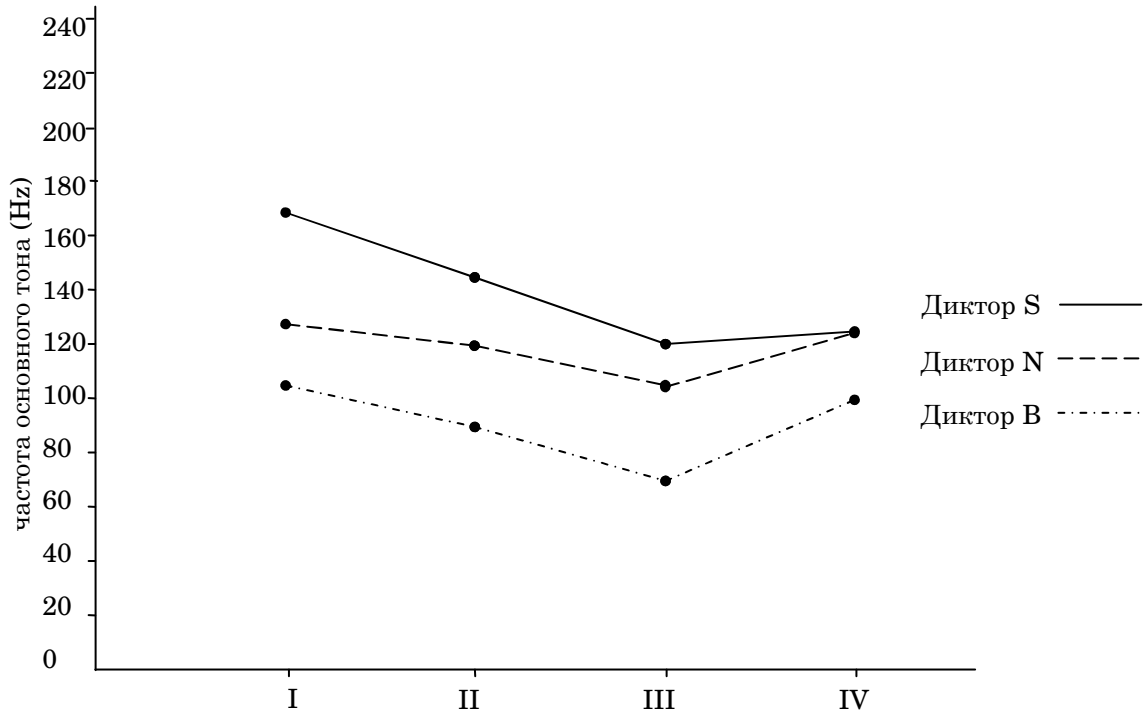

Рис. 2. Изменение диапазона частоты основного тона в назывном однословном предложении – I и в разных позициях (начальная – II, срединная – III, конечная – IV) утвердительного предложения

Просодема, попадая в разные местоположения многословного предложения, стремится к изоморфности (подобию), но проявляет свойства, часто противоположные признакам наименьшей просодемы. Данное явление объясняется вторжением исследователя в сверхпросодемное пространство, где под влиянием возмущающих факторов (наслоение эмоций) закономерности, выявленные для описания просодемного пространства, могут претерпевать крупномасштабные изменения, которые, однако, не затрагивают основные закономерности, свойственные единицам просодемного пространства. Опираясь на этапы развития языка (от слова к предложению), можно утверждать, что просодические характеристики, сложившиеся для минимальной просодемы, несмотря на расширяющийся контекст, стремятся к реализации себя в полном объеме, но никогда его не достигают, так как в сверхпросодемном пространстве действуют закономерности, свойственные многословным предложениям и подвергающиеся большему влиянию возмущающих факторов.

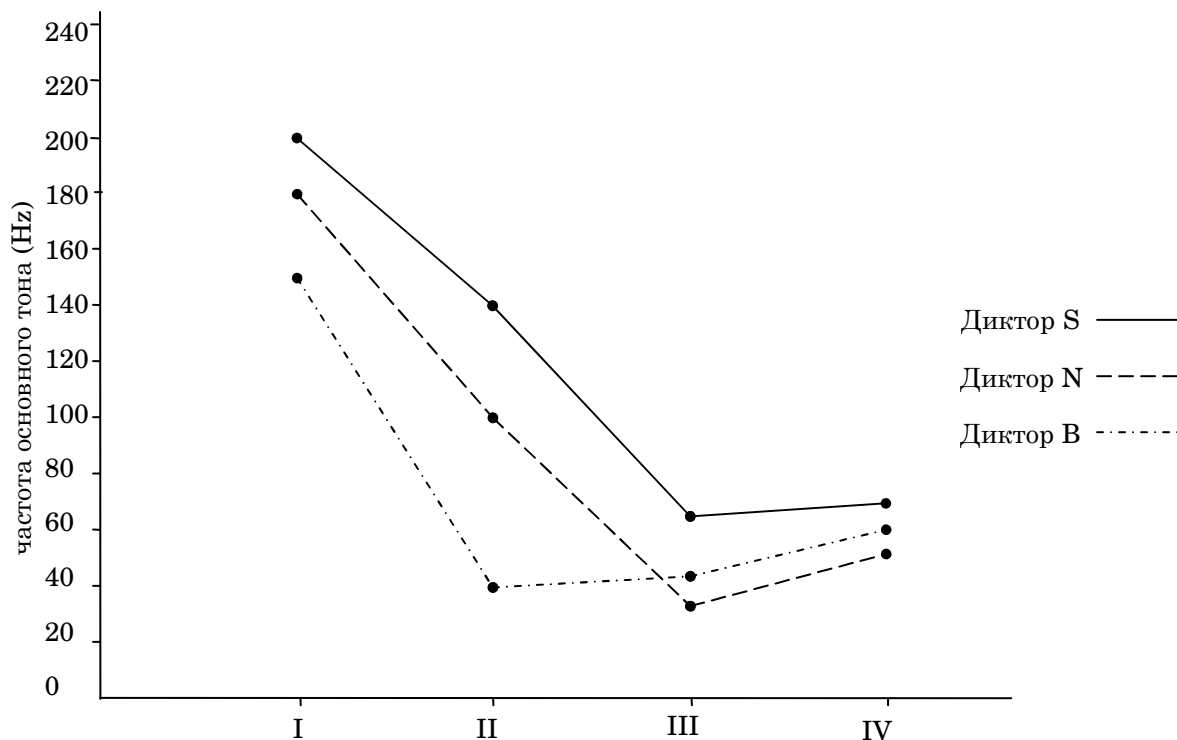

Рис. 3. Изменение диапазона частоты основного тона в назывном однословном предложении – I и в разных позициях (начальная – II, срединная – III, конечная – IV) утвердительного предложения

Просодическая детерминанта, находя свое выражение в параметре частоты основного тона, управляет всем процессом речеобразования, то есть и в просодеме, и в начальной позиции она проявляет свою основную сложившуюся закономерность. Данная закономерность заключается в высоком начале английского предложения и резком падении тона, если просодема занимает срединную по-

зицию многословного предложения (рис. 3), причем чем дальше от начала предложения располагается просодема, тем ниже диапазон звучания.

Конечная позиция просодемы характеризуется некоторым повышением частоты основного тона. Это объясняется тем, что просодическая детерминанта в английском языке имеет восходящую звучность (рис. 3).

С увеличением количества предударных слогов увеличивается размах вариативности частоты основного тона в начале предложения, а также расширяется частотный диапазон.

Далее рассматривается изменение диапазона частоты основного тона в общем многословном вопросе и однословном переспросе. Известно, что просодическая детерминанта восходящей звучности в английском языке имеет сильную позицию в общем вопросе и переспросе. Как выяснилось, расширение диапазона частоты основного тона в переспросе более наглядно, чем в общем вопросе, что видно на рис. 4. Обнаруженное явление можно объяснить более ярким проявлением упомянутой закономерности просодической детерминанты в однословной просодеме, употребленной в качестве переспроса, и наложением интонации переспроса.

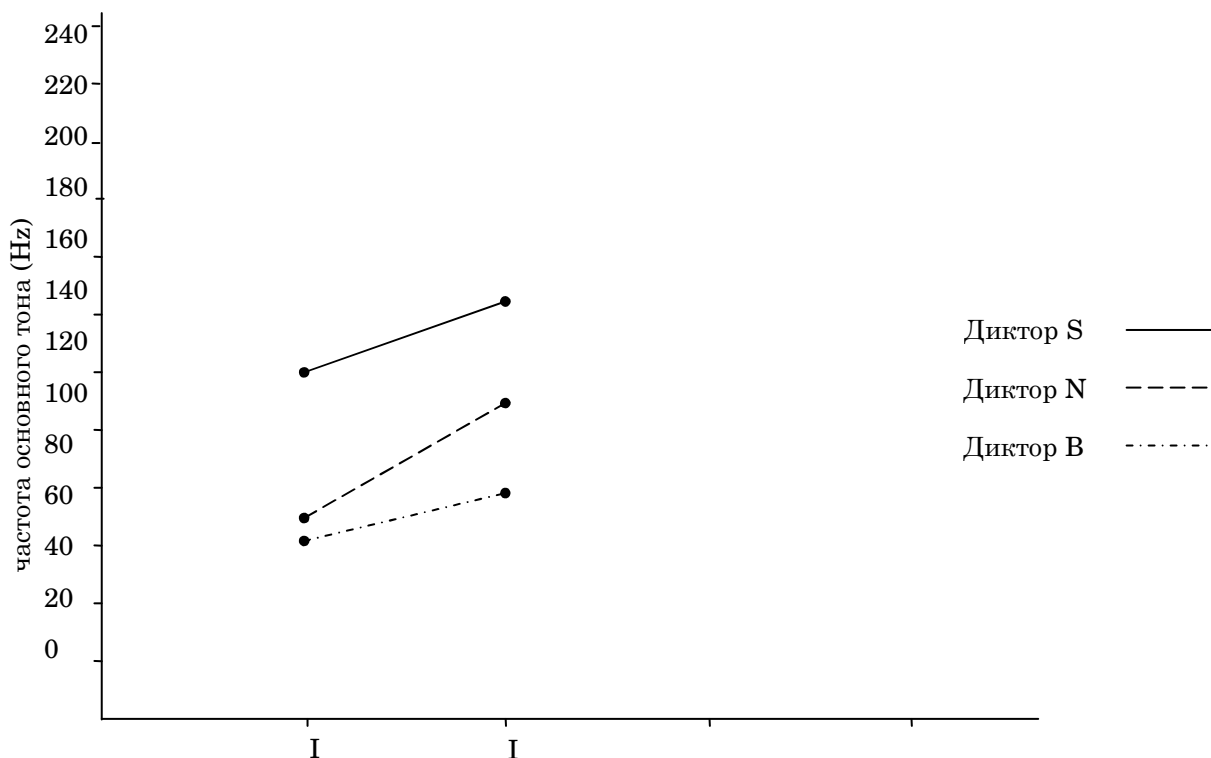

Рис. 4. Изменение диапазона частоты основного тона в общем вопросе – I и переспросе – II

Рассматривая оппозицию однословное назывное предложение (– ⊥) и многословное, состоящее из двух слов (– ⊥), можно констатировать, что диапазон частоты основного тона (рис. 5) имеет тенденцию к сужению по мере перехода данной просодемы в сверхпросодедное пространство.

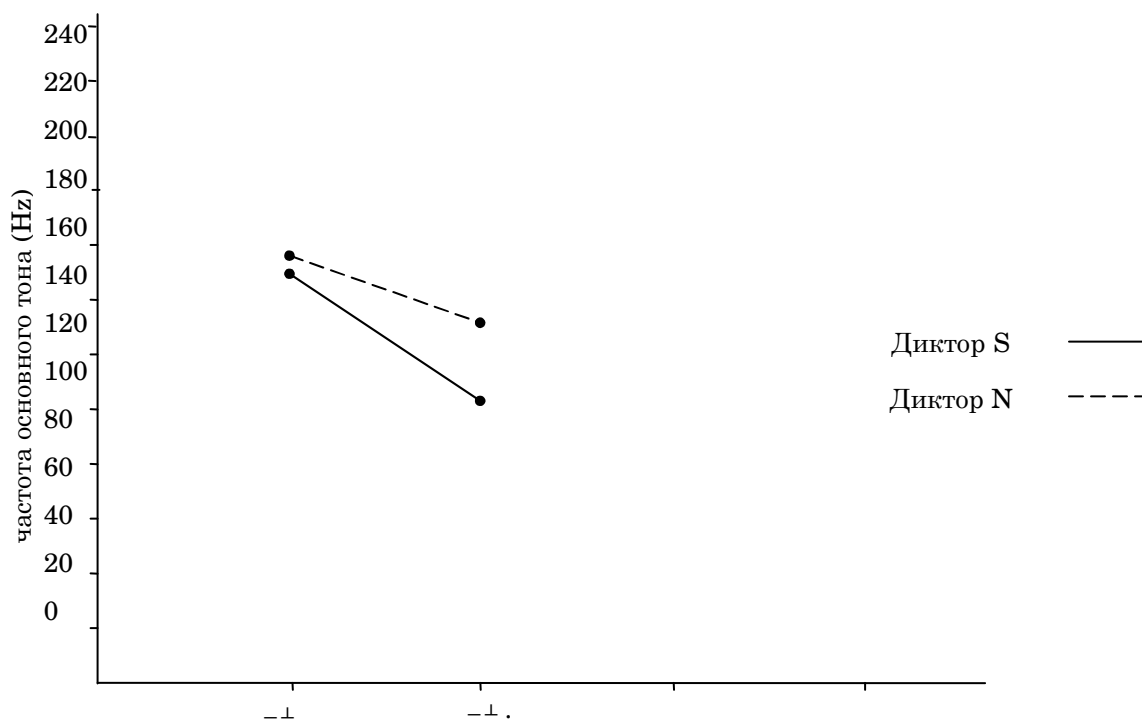

Рис 5. Противопоставление диапазона частоты основного тона в назывном предложении и многословном (из двух слов) повествовании

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Диапазон частоты основного тона является постоянной величиной, характеризующей исследуемый язык.
2. Наименьшая просодема, будь то повествование или переспрос, показывает расширение диапазона частоты основного тона по сравнению с соответствующими многословными предложениями.
3. Отличительной чертой английского языка является конечное расширение диапазона частоты основного тона в назывных предложениях.
4. С увеличением возмущающих факторов изменяется диапазон частоты основного тона в переспросе в сторону его расширения.

Библиографический список

6. Бенвенист, Э. Уровни лингвистического анализа / Э. Бенвенист // Общая лингвистика. – М., 1974.
7. Коваленко, Н.А. Системный подход к фразовой просодии слова / Н.А. Коваленко. – Красноярск, 1998.
8. Краев, А.Ю. Фразовая просодия слова в современном английском языке: системно-синергетический подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Краев. – Иркутск, 2005.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА

Коммуникация в жизни современного человека в значительной мере связана с mass media и, в частности, с рекламой. Следует признать, в настоящее время реклама выходит за рамки экономической сферы, она отражает образ жизни людей, формирует его и воздействует на него посредством широкого комплекса методов и приемов. Специфика воздействия рекламы и ее восприятие потребителем тесно связана с лингвостилистическими особенностями рекламного текста. Реклама демонстрирует современный, живой язык и отражает состояние культуры в обществе, является своеобразным зеркалом изменений в языке. Оригинальные и эффективные сочетания языковых средств, используемых в рекламе, находятся на своеобразном «пике» массового использования и популярности. Иногда реклама идет впереди уже существующих норм языка, формируя новые образы и модели речевой коммуникации в процессе поиска максимальной эффективности воздействия, которые лишь позднее становятся неотъемлемым элементом языковой культуры.

В последнее время усиливается интерес к изучению закономерностей употребления стилистических ресурсов языка в различных областях речевой деятельности. Целью работы является попытка исследования взаимосвязи применения стилистических приемов с эффективностью воздействия рекламы, определения инструмента формирования эмоциональной эффективности на материале жанровой разновидности рекламного текста – рекламного слогана.

Следует заметить, что в данном случае речь идет о вербальной составляющей рекламного сообщения, в котором, вне зависимости от выбранной формы, представляется возможным выделить три основных структурных компонента: вербальный текст, визуальный ряд, звучание. Мы поддерживаем такое членение рекламного сообщения, предложенное Е.В. Медведевой [2003 : 7], признавая его условность, так как вербальный текст может быть изображенным в печатном издании или на телеэкране или звучащим как в устной, так и во внутренней речи при прочтении печатного текста. Структурные компоненты рекламного сообщения представляют собой переплетение вербальной, визуальной и звуковой составляющих, тем самым обеспечивая единообразие в целях и средствах рекламы. «Множественность семиотических языков» (термин Г.Н. Почепцова), используемых в рекламном сообщении (в вербальной, визуальной, аудиальной составляющей), создает множественность образов, возникающих в рекламе. При этом каждый язык призван передавать не только прямые значения своих знаков, но и метафорические, проявляющиеся во взаимосвязях языковых единиц [Медведева 2003 : 36]. Все структурные компоненты рекламного сообщения

имеют собственное семантическое наполнение и, будучи взаимосвязанными, дополняют и расширяют эффект действия друг друга. Структурная и функциональная многослойность рекламного сообщения придает ему вид «мраморного кекса» (*marble cake* – термин Д. Огилви), каждый «слой» которого обладает своим «вкусом», имеет собственное значение. Однако лингвистический компонент несет основную смысловую нагрузку, а одним из важнейших элементов рекламного текста и любой рекламной кампании является слоган, вместе с фирменным знаком и именем рекламируемого товара обеспечивающий единство формы и содержания рекламной кампании и называемый рекламной константой.

В настоящее время в рекламных агентствах при разработке слогана его ценность и значимость определяются двумя группами параметров: маркетинговыми (значимость и ценность товара с точки зрения его продвижения на рынок) и художественными (стилистические приемы, используемые в слогане).

Маркетинговая ценность слогана заключается в содержащейся в нем фактической информации об объекте рекламы. Художественная ценность рекламной фразы складывается из тех художественных приемов, которые автор применил при ее создании. Удачное художественное решение делает слоган более запоминаемым, легким для воспроизведения. Благодаря этому слоган получает возможность лучше донести до потребителя ту важную информацию, которая в нем заложена.

Механизм рекламной коммуникации, *восприятие – запоминание – вовлечение*, можно соотнести с этапами, которые проходит потребитель, взаимодействуя с рекламной информацией.

На этапе восприятия человек впервые знакомится со слоганом, его сознание сортирует сигналы, поступающие извне, допуская к активному уровню сознания только важные, остальные отпадают еще на подсознательном уровне. Восприятие происходит быстро и сознание не успевает обработать и проанализировать содержание фразы: оно просто реагирует на необычный стимул, на непривычный, яркий сигнал. Поэтому основным элементом воздействия на этапе восприятия является форма слогана, выполняющего аттрактивную функцию.

Этап запоминания возможен лишь в том случае, если восприятие прошло успешно. Слоган допускается на второй уровень, где обрабатывается содержание рекламной фразы. Но успешное восприятие еще не означает, что слоган принят потребителем. Он вполне может оказаться несостоятельным с точки зрения содержания. В этом случае он не будет занесен в долгосрочную память, где хранится вся нужная индивидууму информация. Для того чтобы запомниться, слоган должен обладать для потребителя определенной ценностью. Ценность эта может быть как утилитарной (слоган содержит важную фактическую информацию), так и художественной (слоган представляет собой удачную с художественной точки зрения фразу).

Этап вовлечения – самый важный. На этом этапе слоган доказывает свою пригодность, способность выполнить возложенные на него рекламные задачи. Суть вовлечения заключается в том, насколько информация о продукте, содер-

жащаяся в слогане, способна подвигнуть потребителя на конкретные действия: покупку рекламируемого товара. Не каждый слоган, прошедший этап восприятия и запоминания, в состоянии обеспечить вовлечение. Проявляется вовлечение в момент обдумывания и совершения потребителем покупки. Если в этот момент слоган извлекается из памяти как один из источников информации о продукте, то его вовлекающая способность может быть признана высокой.

Таким образом, эффективность воздействия рекламного сообщения на потребителя определяется не только лишь правильным и точным содержанием, немаловажную роль играет также форма. Важны также и вызываемые им бессознательные, эмоциональные реакции как ответ на обработанную информацию, к которым можно отнести и эстетическое наслаждение, получаемое от стилистически значимого сообщения.

Стилистическое значение определяется как особая, экспрессивная окраска языковой единицы (или высказывания), определяющая ее как яркую, выразительную, необычную или нетипичную для определенной речевой сферы, являющаяся результатом реализации стилистического задания в речевом развертывании, т. е. намерения говорящего достичь стилистического эффекта в восприятии адресата. Объединяясь, эти три аспекта формируют «узуально-стилевой комплекс», стилистическую структуру коммуникативного акта [СЭСРЯ 2003 : 493].

Согласно концепции Т.Г. Винокур, стилистическое содержание высказывания создается «выравниванием функций» разных по происхождению экспрессивных элементов «на коммуникативной линии узуса». Речевое общение обслуживается «узуально-стилевым комплексом», основными элементами которого являются стилистическое задание, значение, средство, прием и эффект. В соответствии с экспрессивным заданием языковые единицы, обладающие стилистическим значением, употребляются в высказывании с помощью стилистического приема, чем достигается определенный выразительный эффект [СЭСРЯ 2003 : 623].

Стилистическим заданием является специальное (продуманное) намерение говорящего создать выразительное, экспрессивное высказывание, способное вызвать в восприятии адресата стилистический эффект. Представленное в тексте стилистическое задание проявляет себя как его стилистическая окрашенность, зафиксированная с помощью тех или иных стилистически значимых приемов [СЭСРЯ 2003 : 491].

Стилистическое задание говорящего определяет степень экспрессивности сообщения и относится к экстралингвистической области языковой деятельности и представляет собой внешний по отношению к самому процессу речеобразования стимул выбора и сочетания в высказывании тех или иных языковых единиц. Стилистическое задание семантически связано с экспрессией, с речевым конструированием экспрессивно значимых текстов. Стилистически отмеченное языковое выражение является в то же время экспрессивным. В оппозиции «экспрессивное высказывание – нейтральное высказывание» первый компонент означает структуру с повышенной выразительностью по сравнению со вторым компонентом, называющим структуру, передающую лишь предметно-логическую информацию.

Языковой состав высказывания зависит от конкретной цели общения, т. е. от частной функции: сообщение, убеждение, волеизъявление, обмен мнениями, фатическое общение, поэтому справедливо определить стилистическое задание как стилистически осознанную цель высказывания, т. е. волевою установку автора речи на создание стилистически значимого высказывания.

Таким образом, стилистическое задание – это внелингвистическая целевая установка говорящего на создание стилистически выразительного, экспрессивного высказывания, рассчитанного на достижение в восприятии адресатом особого эффекта.

Стилистический эффект – заложенное в высказывании и реализованное в нем с помощью специальных языковых средств намерение автора вызвать у адресата определенную эмоциональную реакцию на это высказывание. Языковое средство становится стилистическим, получая стилистическое значение в процессе образования с его участием стилистического приема, т. е. при функционировании языковой единицы в речи, тексте [СЭСРЯ 2003 : 488]. Стилистический эффект зависит прежде всего от отклонений. Основной стилистической оппозицией становится оппозиция между нормой и отклонением от нормы, или, пользуясь термином, предложенным Ю.М. Скребневым, между традиционно обозначающим и ситуативно обозначающим. Ситуативная замена традиционного обозначения на его более редкий вариант дает повышение экспрессивности [Арнольд 1990 : 56].

Понятия стилистического задания и стилистического эффекта составляют двунаправленное единство коммуникативного акта: стилистическое задание исходит от автора речи, стилистический эффект направлен на получателя речи. Стилистическое задание может быть реализовано на единицах разных уровней – от слова до текста.

В рекламе успешной реализации коммуникативной интенции рекламодателя в значительной степени способствует использование традиционных риторических приемов.

Понятие *риторический прием* считается наиболее общим (родовым) в ряду таких понятий, как стилистический прием, литературный прием, художественный прием, поэтический прием, троп, стилистическая фигура, риторическая фигура [Сковородников, Копнина 2002 : 75]. Авторы определяют его как «способ построения высказывания, основанный на прагматически мотивированном отклонении от собственно языковых, речевых, логических, лингвоэтологических и онтологических норм с целью воздействия на адресата» [Сковородников, Копнина 2002 : 79]. В иерархической системе элокутивных понятий позицию первого ранга занимает понятие риторического приема, позицию второго ранга – понятие стилистического приема, а позицию третьего ранга – понятие стилистической фигуры и тропа [СЭСРЯ 2003 : 373]. Таким образом, понятие стилистического приема является гиперонимом, т. е. родовым по отношению к понятию стилистической фигуры и тропа, являющимися гипонимами, т. е. разновидностями по отношению к стилистическому приему [СЭСРЯ 2003 : 452].

Троп – это оборот речи, стилистический прием, заключающийся в употреблении слова в переносном значении в целях достижения большей выразительности. В основе тропа лежит сопоставление двух понятий, связанных тем или иным смысловым отношением [СЭСРЯ 2003 : 559]. В рекламе тропы, традиционно считающиеся изобразительными средствами языка, используются для создания наиболее выпуклого и зримого рекламного образа. Изобразительные средства служат описанию и являются по преимуществу лексическими. Сюда входят такие типы переносного употребления слов и выражений, как метафора, метонимия, гипербола, литота, ирония, перифраз и т. д. Изобразительные средства можно характеризовать как парадигматические, поскольку они основаны на ассоциации выбранных автором слов и выражений с другими близкими им по значению и потому потенциально возможными, но не представленными в тексте словами, по отношению к которым им отдано предпочтение.

Стилистические фигуры, относимые к выразительным средствам, увеличивают эмоциональность и экспрессивность высказывания за счет необычного синтаксического построения. К ним относят разные типы повторов, инверсию, параллелизм, градацию, многочленные сочинительные единства, эллипсис, сопоставление противоположностей и т. д. Выразительные средства являются синтагматическими, так как они основаны на линейном расположении частей и эффект их зависит именно от расположения.

Особую группу образуют фонетические стилистические приемы: аллитерация, ассонанс, ономастопея и другие приемы звуковой организации речи. Стилистический прием может ограничиваться одним уровнем, но по характеру используемых приемов уровни эти различны: тропы характерны для лексики, фигуры – для синтаксиса, инструментовка (эвфония) – для звукового уровня.

Анализ стилистических приемов, используемых в рекламном слогане, показал их активное использование на всех языковых уровнях. На фонетическом уровне особой частотностью отличаются:

- рифма: *The Best Of Waking Up Is Folger's In Your Cup!* (кофе Folger's), в том числе внутренняя: *Beanz Meanz Heinz* (консервированные продукты);
- звукоподражание: *Plop, plop, fizz, fizz, oh what a relief it is!* (анальгетик ALKA-SELTZER);
- аллитерация: *The passionate pursuit of perfection* (автомобиль LEXUS);
- ассонанс: *I tease you, you squeeze me, I please you!* (сыр Hendrix's Cheese).

Использование намеренно ошибочного написания добавляет выразительности слогану:

- *Wanna win? Then you gotta log in!* (компьютерное обеспечение) – стандартизированный графон;
- *Nothin' says lovin' like somethin' from the oven* (продукты Pillsbury Foods) – интерьерный графон;
- *Drinka Pinta Milka Day* (молочные продукты) – коллизия слов.

На морфологическом уровне встречается грамматическая транспозиция, при которой экспрессивность актуализируется в результате нарушения привычных грамматических валентностных связей:

- *Nobody doesn't like...Sara Lee* (продукты Sara Lee Food Products);
- переход слов из разряда в разряд также дает экспрессивные коннотации, примером подобной транспозиции может служить персонификация, относимая также к лексическому уровню:
It beats as it sweeps as it cleans (пылесосы HooverVacuum Cleaners).

В процессе анализа выделены следующие тропы:

- *No bottles to break – just hearts* (духи ARPEGE PERFUME) – метафора;
- *The City never sleeps* (банк Citibank) – метонимия;
- *I Scream You Scream We All Scream About The Ice Cream!* (мороженое) – каламбур, основанный на паронимической аттракции;
- *Have a Coke and a Smile* (COCA-COLA) – зевгма;
- *Where was Moses when the Lights Went Out? – Groping for a pack of Meccas* (сигареты Mecca Cigarettes) – аллюзия с обыгрыванием названия продукта;
- *MGM means great movies* (киностудия MGM) – игровая деаббревиация;
- *Be a Pepper!* (напиток DR. PEPPER) – антономасия;
- *Just What The Doctor Ordered* (L&M) – использование цитаций.

Повышение экспрессивности на синтаксическом уровне происходит за счет использования разнообразных фигур, таких, как:

- анафора: *Double your pleasure, double your fun* (жевательная резинка Wrigley's Doublemint);
- эпифора: *Look sharp, feel sharp* (лезвия Gillette);
- антитеза: *Women, Stand Up For Your Right To Sit Down At Dinner Time* (готовые ужины Salton Hottray);
- парцелляция: *Anything goes. Except irresponsible drinking* (слабоалкогольный напиток Kahlua Rum-Cola).

Во многих случаях находит реализацию принцип конвергенции:

- *They are GR-R-R-EAT* (хлопья FROSTED FLACKES) – звукоподражание и игра слов;
- *Taking the 'if' out of 'gift'* (сеть магазинов LORD TAYLOR DEPARTMENT STORES) – рифма и каламбур;
- *My Goodness. My Guinness* (пивоварни GUINNESS BREWERY) – анафора и паронимическая аттракция;
- *If it wasn't in VOGUE, it wasn't in vogue* (VOGUE MAGAZINE) – эпифора и каламбур.

Анализ языкового материала продемонстрировал качественное и количественное накопление стилистических приемов: активно функционируют тропы, каламбуры, окказионализмы. Чрезвычайно экспрессивен синтаксис, где часто используются парцелляции, различного вида повторы и пр. В объективную информацию привносится дополнительная, имеющая субъективную направленность. Она образуется главным образом за счет стилистически окрашенных лексики и синтаксиса, позволяющих создать конкретно-чувственный образ рекламируемых объектов, эмоционально оценить факты, о которых идет речь; через систему изобразительно-выразительных средств языка реклама не только

информирует читателя, но и формирует у него яркий, четкий рекламный образ, способствующий как привлечению внимания, так и запоминанию.

Таким образом, экспрессивность и эмоциональность, а следовательно, и эффективность рекламных слоганов, которые являются «боевым кличем» и своеобразной маркой компании, повышаются благодаря применению разнообразных стилистических приемов, которые образуют парадигму из различных уровней: фонетического, морфемного, лексического, синтаксического и семасиологического и являются инструментом формирования эмоциональной эффективности рекламного слогана.

Библиографический список

1. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – М., 1990.
2. Медведева, Е.В. Рекламная коммуникация / Е.В. Медведева. – М., 2003.
3. Сквородников, А.П. Об определении понятия «риторический прием» / А.П. Сквородников, Г.А. Копнина // Филологические науки. – 2002. – № 2.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / О.Н. Емельянова, Н.В. Данилевская, М.Н. Кожина, Г.А. Копнина, Г.А. Салимовский, А.П. Сквородников и др.; под общ. ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта-наука, 2003.

**О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ
«АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)»**

Вариантность как языковое явление уже давно находится в центре внимания лингвистов. Это обусловлено специфической многомерностью данной категории, возможностью ее изучения как в плане системы языка, так и в плане употребления конкретных вариантных единиц и реализации их семантических и стилистических потенциалов. С проблемой вариантности неразрывно связана и проблема нормативности, ведь само обращение к норме возникает в тех случаях, когда встречаются несколько параллельных способов выражения.

Общеизвестным и бесспорным является утверждение, что норма должна быть стабильной, с одной стороны, и не может оставаться неизменной – с другой. В идеале кодифицированная норма существует для того, чтобы в каждом конкретном случае варьирования снимать это противоречие. Но на практике мы сталкиваемся с трудностями, связанными с тем, что «нормой становится само варьирование» [Воронцова 1977 : 205]. Это указывает на то, что нормативные предписания не всегда совпадают с объективной реальностью. Поэтому необходимо выявить, насколько вариативные пары соответствуют реальной употребительности вариантов. А для этого сначала нужно проследить, насколько однообразна словарная оценка этих вариантов. Исходя из сказанного, представляется необходимым, по нашему мнению, исследование нескольких нормативных словарей разного типа: толковых, орфоэпических, акцентологических и иностранных слов.

Большинство словарей, выпускаемых в последнее время, содержат сведения об ударении слов. Но в изданных словарях, как правило, приводится лишь один способ выражения, признанный нормой. Ярким подтверждением этому является «Словарь ударений русского языка» под редакцией Ф.Л. Агеенко и М.В. Зарва, выпущенный в 2002 году. Варианты ударения в нем не указываются. Такая подача слов обусловлена традицией, которая опирается на работы отечественных русистов конца XIX – первой половины XX века, стремившихся закрепить как нормативный один из сосуществующих вариантов. Однако умолчание относительно вариантов и колебаний нормы едва ли способствует делу нормализации. Ведь именно эти языковые факты чаще всего привлекают внимание общественности, а поэтому нуждаются в нормативной оценке. Другие словари, например, «Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение» Н.А. Еськовой (М., 2000) и «Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение» И.Л. Резниченко (М., 2003), включают значительное количество акцентных вариантов. Предпочтение при выборе

единственного рекомендуемого образца в данном случае отдается наиболее употребительным традиционным литературным акцентным вариантам. Хотя в некоторых случаях авторы намеренно рекомендуют не самые распространенные варианты, а варианты, употребляемые «носителями элитарного типа речевой культуры» [Сиротинина 2001 : 314–317]. Делается это для того, чтобы «словарь способствовал сохранению еще живых традиционных образцов русского ударения, представленных в настоящее время в речи еще довольно большого числа культурных людей» [Штудинер 2004 : 7].

Однако в имеющихся на данный момент публикациях нигде не сведены все варианты вместе, исчисления вариантов не представлены в одном источнике. Поэтому необходимо провести исчисление всех вариантов, хотя бы на примере одной части речи, для устранения разночтений в норме. Ведь основной принцип, лежащий в основе научной кодификации, – адекватность реальной норме – в издаваемых в настоящее время словарях нередко нарушается, кодификация отстает от реальной нормы – фиксирует, как правило, только то, что существует в течение долгого времени. Помимо этого, в рекомендациях может в той или иной степени присутствовать элемент субъективизма: исследователи расходятся в своих рекомендациях в оценке вариантов.

Настоящее издание ставит своими задачами установление круга номенклатуры акцентных вариантов национального языка и отражение акцентных норм, зафиксированных в различных словарях и реализующихся в устной речи, сравнение в оценке акцентных вариантов характеристик толкового, орфографического и орфоэпического словарей, т. к. все они представляют кодифицированную норму одних и тех же слов.

В словаре-справочнике приводятся данные словарей разных типов: толковых, орфографических, орфоэпических, словарей трудностей русского языка, ударения и иностранных слов. Эти данные позволяют сопоставить и выявить закономерности в постановке ударения. Каждое слово данного справочника имеет полное толкование, снабжается этимологическими и стилистическими характеристиками, указывающими нормативное употребление слова. Словарь выделяет литературную норму и сообщает о распространенных отклонениях от нее, иными словами, описывает все имеющиеся акцентные варианты. Издание подготовлено под общим руководством и научным редактированием Л.Г. Самотик.

Сведение данных о кодифицированной норме словарей разных типов, различного рода характеристики позволяют комплексно охарактеризовать приводимую в словаре лексику. Как нам думается, сближение способов представления слова в лексикографических изданиях разного типа отражено в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина (М., 2001), представляющем собой образец словаря «нового» типа. Поскольку в целом создание комплексных словарей находится в русле тенденций развития современной лексикографии, при составлении словарной статьи мы во многом опирались на образец, приводимый в данном словаре.

Словарь содержит около 1500 словарных статей, представляющих как общеупотребительную лексику, так и специальные термины. Ограничение словника

определяется задачами словаря, а именно необходимостью освещения разных речевых сфер с целью сопоставления материала. Отбор слов произведен с учетом акцентных особенностей. В словарь включены имена существительные, у которых наблюдаются акцентные варианты, причем часть вариантов находится за пределами литературной нормы. Выбор данной части речи объясняется широким употреблением именных словоформ и в разговорной речи, и в специальных сферах.

Словарь отражает как нормативные, так и ненормативные факты, но оценивает их с нормативной позиции. В основу данного издания положен словник «Орфоэпического словаря русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы» (М., 1999) и частично словник «Орфографического словаря русского языка» (М., 2000). Выбор последнего объясняется включением в него большего количества слов, вошедших в употребление в последнее время.

Макроструктура издаваемого словаря представлена Предисловием со списками сокращений основных источников (словари, справочники, энциклопедии), условных знаков и сокращений, употребляемых в словаре. Далее – собственно словаря и приложений.

В предисловии рассматриваются основные виды норм русского языка, описываются пометы нормативного и запретительного характера, приводимые в словаре. Дается подробная характеристика знаков, употребляемых в издании. Кроме этого, приводится описание акцентных типов, снабжаемое пояснениями и примерами из словаря, а также самостоятельные стилистические пометы. При этом выделяется основной, нормативный вариант общенародного языка, допустимые варианты и варианты, стоящие за пределами нормативного употребления.

Помимо сравнительно-сопоставительной характеристики в словаре-справочнике представлен и иллюстративный материал: даны словосочетания и предложения, позволяющие судить о функционировании данных вариантов в речи. Кроме того, все слова данного издания разделены и по тематическим группам, что тоже в какой-то мере позволяет судить о степени распространенности вариантовности.

Микроструктура словаря представлена в структуре словарной статьи, которая состоит из следующих зон.

1. Представительная зона

1. Заголовочное слово в его исходной форме

Заголовочное слово пишется с абзаца и снабжается знаком «акут» – ´. При постановке ударения авторы в основном опирались на «Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы» С.Н. Боруновой, В.Л. Воронцовой, Н.А. Еськовой под редакцией Р.И. Аванесова (М., 1999). Однако, если среди данных, представленных в справочной части, встречаются другие, равно признаваемые нормой варианты (не менее чем в 2-х словарях-источниках), они также обозначаются знаком ´ в той же заголовочной форме слова.

А́верс...

При наличии расхождений всего лишь с одним словарем-источником вариант, представленный в последнем, в заголовочной форме слова дается со знаком ударения –̣, например:

Ма́нты ...

Варианты ударения, допускаемые современной литературной нормой, даются в той же заголовочной форме слова со знаком ударения –̣, например:

Бѣ́та...

Варианты, имеющие единственную помету *устарел.*, сопровождаются знаком –̣, например:

Неврóлòг ...

Ударение варианта, выходящего за рамки литературной нормы, обозначается знаком –̣^х в той же заголовочной форме слова, например:

Катáлог...

Варианты ударения профессиональной речи отмечаются знаком –̣^х:

Аммиа́к, аммиа́кã...

Односложные слова знаком ударения не помечаются, т. к. в них не может быть сомнения о месте ударения.

2. Указание других форм, имеющих варианты ударения

Эта часть содержит только те формы слова, в которых наблюдаются или могут наблюдаться колебания ударения. Формы слова приводятся полностью.

Каза́к, каза́ка, мн. каза́ки, каза́ков...

Равноправные варианты, имеющие разное написание, даются через тире, например:

Пу́дель, мн. пу́дели – пуделя́, пу́делей...

Вариант, имеющий другое написание и выходящий за рамки литературного языка, помещается в скобках и обозначается соответствующим знаком ударения^х, например:

Ра́кель, мн. ра́кели (ракеля́), ра́келей...**II. Информативная зона****3. Акцентный тип**

Определяется по классификации, предложенной Л.Л. Касаткиным в книге «Русский язык» (М., 2001). (См. также: Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т.1. – М.: Наука, 1980. – С. 511–531.) Выделяются акцентные типы по соотношению неконечного и конечного ударения словоформ. Место ударения указывается отдельно для форм единственного и множественного числа.

Акцентный тип А – неподвижное ударение на одном и том же слогe основы во всех формах, тип В – неподвижное ударение на флексии во всех формах, тип

С – подвижное ударение. Таким образом, выделяются 2 типа неподвижного (АА, ВВ) и 6 типов подвижного ударения (АВ, ВА, АС, ВС, СА, СС). Например:

Акцентный тип АА – неподвижное ударение на одном и том же слоге основы во всех словоформах единственного и множественного числа:

Да́йджест, АА...

Акцентный тип ВС – ударение на флексии в формах единственного числа и ударение на основе в форме именительного падежа множественного числа и на флексии во всех остальных формах:

Ноздря́, мн. ноздрей, ВС...

4. Этимология

Зона содержит указание на язык (или языки) – источник заимствования у слов иностранного происхождения. Данные в основном приводятся по «Толковому словарю иноязычных слов» Л.П. Крысина (ТСИС), где «сделана попытка проследить путь вхождения иноязычного слова в русский язык». Например:

Дискáнт... [нем. < ср. – лат. < лат.].

Во многих словарных статьях указываются «цепочки» слов-прототипов, а знак < показывает движение соответствующей древнегреческой или латинской основы в русский язык» [Крысин 2001 : 11]. Например:

Йо́гурт... [англ. < тур.].

В тех случаях, когда равновероятны разные языки – источники заимствования, приводятся два и более языка, например:

Метони́мья... [нем., фр. < греч.].

5. Стилистические пометы

(ко всему слову или к отдельным его значениям в тех случаях, когда слово многозначно)

В словаре встречается два вида стилистических помет: первый сообщает о сфере преимущественного употребления слова, второй включает собственно стилистические пометы. Например:

Кве́ршла́г... *горн.* Горизонтальная подземная горная выработка.

Коло́тье... *нар. – разг.* Резкая, колющая боль.

Отдельно приводится характеристика стилистических помет акцентных вариантов. Варианты ударения, стоящие за пределами нормативного употребления, сопровождаются самостоятельными стилистическими пометами, которые даются сразу после заголовочных слов или их форм в скобках.

Основной нормативный вариант, а также равноправные варианты общенародного языка даются без помет.

При расхождении понимания нормативного варианта всего лишь в одном случае последний сопровождается пометой *единич.* «единичное».

Ому́ль, омуля, мн. омуле́й (единич.) ...

Акцентный вариант, употребляющийся только в разговорной форме языка, имеет помету *разг. – обих.* «разговорно-обиходное». В орфоэпических словарях данный вариант имеет помету «допустимо».

Печь, *пéчь* (*разг. – обих.*)...

Варианты просторечные, среди них просторечно-литературные, имеющие в орфоэпических словарях помету *не рек.*, и собственно просторечные с пометой *неправ.* и *грубо неправ.*, имеют помету *прост.* «просторечное».

О́гниво (*прост.*)...

Слова, имеющие помету *устарел.* в «Словаре трудностей современного русского языка» К.С. Горбачевича (СГ) или *устар.* в «Орфоэпическом словаре русского языка: Произношение. Ударение» И.Л. Резниченко (Орфоэп. 2003), поскольку означают варианты, в настоящее время воспринимаемые как архаизмы и в живой речи практически не встречающиеся, при отсутствии других помет в словарях-источниках даются с пометой *устарел.* «устарелое».

О́кунь, *мн. ъкуней* (*устарел.*) ...

Варианты, характеризующие профессиональные сферы употребления, имеют помету *проф.* «профессиональное».

Ко́мпѡс (*проф.*)...

6. Толкование слова

Приводится так же, как и в обычных толковых словарях. Толкование может включать в себя другие слова, имеющие в данном словаре самостоятельные словарные статьи. Они выделяются в тексте толкования курсивом. Например:

Патриархія, *АА. Церковная область*, управляемая патриархом.

В конце толкования после точки с запятой могут указываться синонимы и антонимы данного слова. Например:

Вѣнтерь... Ставное рыболовное орудие типа ловушки; то же, что мережа.

Толкование слов дается, как правило, на основе словников «Толкового словаря русского языка» (М., 1996) и «Большого толкового словаря русского языка» (СПб., 2000). При отсутствии слова в этих источниках значение иноязычных слов приводится в основном по данным «Толкового словаря иноязычных слов» Л.П. Крысина (М., 2001). Ряд других слов в качестве источника значения имеют специальные энциклопедические словари, словарь В.И. Даля и др. Наряду со словарными данными использовались и ресурсы Интернета при поиске значений отдельных слов.

7. Устойчивые обороты

С данным словом даются после знака \diamond и снабжаются кратким толкованием. Например:

По́лымя... \diamond Из огня да в по́лымя – из плохого положения в еще худшее.

8. Аналоги

Слова, близкие (но не синонимичные) или соотносительные с данным словом по смыслу.

Зона аналогов содержит перечень слов той же тематической группы или терминологического ряда, к которым принадлежит и данное слово. Каждое из упоминаемых в зоне аналогов слов имеет в данном словаре собственную словарную статью, также содержащую зону аналогов.

Аналоги позволяют сравнивать друг с другом соотносительные по смыслу слова, видеть различия в их значениях и употреблении.

Зона аналогов имеет формальную метку в виде двух вертикальных линий и начинается с сокращения «Ср.» (= Сравните); перечисляемые в ней слова даются в алфавитном порядке, у многозначных слов указан номер значения. Например:

Ванту́з... 1. *тех.* Приспособление, автоматически выпускающее из водопроводных труб воздух, мешающий течению воды. || Ср. вентиль 2, нишпель.

Венти́ль... 2. *тех.* Приспособление в камере шины, допускающее накачивание воздуха в камеру и препятствующее его выходу обратно. || Ср. вантуз1, нишпель.

III. Иллюстративная зона

Помещенная в Приложении 2, включает примеры употребления акцентных вариантов.

IV. Справочная зона

9. Сравнительная характеристика ударения

Содержит данные разных словарей с пометами, принятыми в них. Здесь же указываются региональные варианты ударения, выявленные в ходе проведенного эксперимента и отражающие постановку ударения в речи жителей Красноярского края. При этом принята следующая дифференциация:

уст. («устойчиво») – частотность варианта 100 % или более 80 % от числа всех опрошенных лиц;

распр. («распространено») – частотность варианта более 50 % от числа всех опрошенных лиц;

встр. («встречается») – частотность варианта менее 50 % от числа всех опрошенных лиц.

Разделы 1, 2, 3, 6, 9 – обязательные: они есть в словарной статье любого слова; остальные – факультативны: заполняются лишь при наличии соответствующей информации в словарях-источниках.

Типы словарных статей

Дед, *мн.* де́ды (*прост.*), де́дов (*прост.*), АА/(АВ). 1. Отец отца или матери. 2. *разг.* Старый человек, старик.

Орф. – дед

Орфоэп. – дед, *мн.* де́ды, де́дов! *неправ. мн.* деды, дедов

Орфоэп. 2003 – дед, *мн.* де́ды, де́дов! *неуместно в строгой лит. речи* деды, дедов

СУ – дед, *мн.* де́ды, де́дов! *не* деды, де́дов

СУВ – дед, *мн.* деды и *прост.* деды, дедов

СОРУ – дед, *мн.* де́ды, де́дов! *не* деды, дедов

СТРЯ – дед, *мн.* де́ды, де́дов! *неправ. мн.* деды, дедов

СТРП – ---

СГ – дед, *мн.* де́ды, де́дов! *неправ.* деды, дедов

СО – дед, *мн.* де́ды и де́ды

БТС – дед

ИС – ---

БСИС – ---

НСИС – ---

ТСИС – ---

регион. встр. – деды, дедов

Кво́хтанье (*единич.*), А. Издавание коротких, прерывисто повторяющихся звуков (о курах и самках некоторых других птиц).

Орф. – квохта́нье	СГ – ---
Орфоэп. – квохта́нье	СО – квохта́нье
Орфоэп. 2003 – квохта́нье	БТС – кво́хтанье
СУ – квохта́нье	ИС – ---
СУВ – ---	БСИС – ---
СОРУ – квохта́нье	НСИС – ---
СТРЯ – ---	ТСИС – ---
СТРП – ---	регион. распр. – кво́хтанье

Ли́сель, *мн.* ли́сели (лиселя́ (*проф.*), ли́селёй (*проф.*), АА/АВ. [нидерл.]. мор. Парус, поднимаемый при слабом *ветре* в помощь прямым основным парусам. || Ср. брамсель, кливер, марсель, стаксель, топсель, трисель, трюмсель.

Орф. – ли́сель, <i>мн.</i> ли́сели, ли́селей и лиселя́, лиселёй	СГ – ---
Орфоэп. – ли́сель, <i>мн.</i> ли́сели, ли́селей <i>в проф. речи мн.</i> лиселя́, лиселёй	СО – ---
Орфоэп. 2003 – ли́сель, <i>мн.</i> ли́сели, ли́селей <i>в проф. речи</i> лиселя́, лиселёй	БТС – ли́сель, <i>мн.</i> лиселя́ и ли́сели
СОРУ – ---	ИС – ---
СТРЯ – ли́сель, <i>мн.</i> ли́сели, ли́селей <i>в проф. речи мн.</i> лиселя́, лиселёй	БСИС – ли́сель, <i>мн.</i> ли́сели
СТРП – ---	СУ – ли́сель, <i>мн.</i> ли́сели, ли́селей
	СУВ – --- ли́селей
	НСИС – ли́сель
	ТСИС – ли́сель, <i>мн.</i> ли́сели, ли́селей <i>в проф. речи</i> лиселя́, лиселёй
	регион. встр. – лиселя́, лиселёй

Листа́ж, листа́жа (*устарел.*), В. полигр. Объем печатной продукции в листах.

Орф. – листа́ж, листажа́	СГ – листа́ж, листажа́ и <i>устарел.</i> листа́жа
Орфоэп. – листа́ж, листажа́	СО – листа́ж, листажа́
Орфоэп. 2003 – листа́ж, листажа́	БТС – листа́ж, листажа́
СУ – листа́ж, листажа́	ИС – ---
СУВ – ---	БСИС – ---
СОРУ – листа́ж, листажа́	НСИС – ---
СТРЯ – листа́ж, листажа́	ТСИС – ---
СТРП – ---	регион. встр. – листа́жа

Список сокращений названий основных источников (словари, справочники)

БСИС – Большой иллюстрированный словарь иностранных слов / сост. Г.А. Гришина. – М.: АСТ, 2002. – 960 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

СТ – Горбачевич К.С. Словарь трудностей современного русского языка. – СПб.: Норинт, 2003. – 512 с.

ИС – Васюкова И.А. Словарь иностранных слов: С грамматическими формами, синонимами, примерами употребления. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 640 с.

НСИС – Новейший словарь иностранных слов и выражений / сост. Ю.Г. Хацкевич. – Минск. – М.: АСТ, Харвест, 2002. – 976 с.

Орф. – Орфографический словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз.; редкол. В.В. Лопатин, Б.З. Букчина и др. – 35-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 2000. – 416 с.

Орфоэп. – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; под ред. Р.И. Аванесова. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 1999. – 688 с.

Орфоэп. 2003 – Резниченко И.Л. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1182 с.

СО – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 3-е изд., стереотип. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.

СОРУ – Штудинер М.А. Словарь образцового русского ударения. – М.: Айрис-пресс. 2004. – 576 с.

СТРП – Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. – М.: Рус.яз., 1997. – 458 с.

СТРЯ – Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. – М.: Астрель, 2005. – 608 с.

СУ – Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений русского языка. – М.: Рус.яз., 2002. – 816 с.

СУВ – Введенская Л.А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. – 352 с.

ТСИС – Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 2001. – 856 с.

Условные знаки

|| – знак, за которым помещаются список слов-аналогов при толковании слова и варианты, характеризующие специфические сферы речи, при акцентологической характеристике слова.

Список сокращений

горн. – термин горного дела

единич. – единичное

мн. – множественное число

мор. – морской термин

нем. – немецкий язык

неправ. – неправильно

нидерл. – нидерландский (голландский) язык

полигр. – термин полиграфии
прост. – просторечное слово (значение)
проф. – профессиональное
разг. – разговорное слово (значение)
устарел. – устарелое

Библиографический список

1. Воронцова, В.Л. Нормы ударения и статистика / В.Л. Воронцова // Языковая норма и статистика. – М.: Наука, 1977. – С. 203–220.
2. Сиротинина, О.Б. Типы речевых культур и проблема кодификации нормы / О.Б. Сиротинина // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – С. 314–317.

ОБРАЗНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАРТИНЫ МИРА РОС- СИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Средством познания мира является мышление, которое способно отражать его закономерности и удерживать их в сознании. В процессе познания возникает языковая картина мира, различная для каждого народа. В языке находят свое выражение природные особенности народа, его общественный уклад, жизненная практика, национальная самобытность. Различия национальных картин мира связаны с национальной спецификой культуры народов, а не с тем, что в мире существует множество расхождений. Национальная когнитивная картина мира представляет собой «общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа» [Попова, Стернин 2003 : 5]. Обнаруживается она в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях, пословицах, поговорках и афоризмах.

Пословицы и поговорки, на наш взгляд, наиболее ярко выражают национальные особенности языка и народа. Пословицы и поговорки российских немцев богаты содержанием, в них запечатлелась картина мира, сложившаяся в представлении «обобщенного» российского немца.

При анализе паремий (< grch. paroimia «пословица, изречение») российских немцев мы выдвинули следующие гипотезы.

1. В большинстве пословиц и поговорок есть «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены.

2. Культурная информация хранится во внутренней форме пословиц и поговорок, которая, являясь образным представлением о мире, придает им национально-культурный колорит.

Материалом для данного исследования послужили:

- 1) около 1730 пословиц и поговорок немцев Поволжья, собранных в 1913–1940 гг. учеными Георгом и Эммой Дингес, Андреем и Викторией Дульзон, Августом Лонзингером, Кларой Оберт и другими, а также записанные в настоящее время (в рамках совместного российско-германского проекта). Пословицы и поговорки немцев Поволжья взяты из одноименного сборника, в составлении которого принимали участие Е.М. Ерина, Р.С. Баур, В.Е. Салькова, Кр. Клоста (далее – ПиППИ);
- 2) пословицы и поговорки немцев Красноярского края, записанные в ходе полевой практики автором данной статьи с применением метода анкетирования (всего 31 единица).

Анализируя пословицы и поговорки российских немцев, мы сталкиваемся с проблемой образности как важной и неотъемлемой части восприятия мира. Из-

вестно, что концептуальное осмысление категорий культуры находит воплощение в естественном языке. Так, народный менталитет и духовная культура воплощаются в единицах языка прежде всего через их образное содержание.

Традиционно под образностью понимается «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» [Маслова 2001 : 44]. Характеризуя образность как категорию лингвистическую, С.М. Мезенин отмечает, что «любая форма образности содержит в своей логической структуре три компонента: 1) референт, коррелирующий с гносеологическим понятием предмета отражения; 2) агент, т. е. предмет в отраженном виде; 3) основание, т. е. общие свойства предмета и его отражения, обязательное наличие которых вытекает из принципа подобия» [цит.: Там же : 44–45].

Образность является в большинстве случаев показателем национальных особенностей картины мира [Добровольский 1997; Пиирайнен 1997; Piirainen 2000]. Это объясняется тем, что отбор предметов или явлений-образов происходит на протяжении многих лет и затем, закрепившись в языке и культуре народа, передается из поколения в поколение и приоткрывает многие стороны особенностей исторического развития народа, его национальной культуры, духовного склада и мировосприятия. Иными словами, данные образы становятся глубоко национальными. Выбор образа интересен еще и тем, что в сознании представителей определенного народа за ним стоит определенный концепт, сформировавшийся также в предшествующем опыте человеком как представителем этого народа. Под образом в контексте наших рассуждений понимается «важнейшая языковая сущность, в которой содержится основная информация о связи слова и культуры» [Там же : 44].

Особый интерес представляют пословицы и поговорки, которые совпадают значением, но различаются образным наполнением. Сигнификаты (т. е. закрепляемые за паремиями понятия) совпадают, тогда как денотаты (т. е. предметы и явления, лежащие в основе прототипических сцен, а также актуализируемые признаки для описания) различны. Другими словами, это метафорические и метонимические паремии.

Особое место среди них занимают пословицы и поговорки, имеющие в составе сравнительные обороты, т. е. языковые конструкции, в которых приглагольный актант является сравнением, выраженным с помощью относительного модального наречия *wie*: «Danzt wie `n Bär, wie `n Vochel» («Tanzt wie ein Bär, wie ein Vogel» – «Танцует, как медведь, как птица»). Компаративность всегда выделялась в качестве неотъемлемой познавательной категории человеческого сознания. Познание мира органически связано со способностью человека сравнивать, сопоставлять окружающие его предметы и явления. Сравнение – это языковое образное средство, в котором три вышеперечисленных компонента представлены эксплицитно. Образ пословицы считывается не по словарному толкованию, не по раскодированному ее значению, а по ее внутренней форме. Внутренняя форма слова – это тот буквальный смысл, который складывается из значений морфем, образующих слово. В основе внутренней формы компаративных посло-

виц и поговорок могут лежать различные типы образов, например, образы, основанные на внешнем, чувственно воспринимаемом признаке; на поведении и привычках или на духовных признаках.

Рассмотрим поговорку «Der schwemmt wie `n eiserna Pohl» («Er schwimmt wie ein eiserner Pfahl» – «Он плавает, как железный столб / железная свая») (ПиППП). В основе данной поговорки лежит образ, основанный на внешнем, чувственно воспринимаемом признаке. Главным критерием для возникновения образа послужило знание о том, что тяжелые предметы (в нашем случае железный столб/железная свая) тонут. Так, в анализируемой поговорке, применяемой к человеку, который совершенно не умеет плавать, налицо образ железного столба. Таким образом, в основу реализации концепта «человек, не умеющий плавать» положен признак тяжести определенного предмета.

Среди компаративных пословиц и поговорок можно выделить группу языковых единиц, образы которых основаны на поведении и привычках животных. Опыт наблюдения за повадками и поведением представителей животного мира и есть тот критерий, необходимый для возникновения соответствующего образа. Так, например, в пословице «Der macht `n Buckel wie die Katz, wann`s donnert» («Er macht einen Buckel, wie die Katze, wenn`s donnert» – «Он выгибает спину, как кошка, когда гремит дождь») (ПиППП), применяемой к человеку-угоднику, присутствует образ кошки, которая выгибает спину, когда гремит гром. Или такое сравнение, как «Der schüttelt sich ab wie `n nasser Hund» («Er schüttelt sich ab wie ein nasser Hund» – «Он отряхивается, как мокрая собака») (ПиППП), имеющее в своей основе образ промокшей собаки, которая отряхивается, не обращая внимания на находящиеся недалеко от нее люди. Данный образ послужил основой реализации концепта «бессовестный человек».

Приведем еще несколько примеров. Пословица «Der schläft wie `n Dachs» («Er schläft wie ein Dachs» – «Он спит, как барсук») (ПиППП) применяется к человеку, который спит крепко и долго, не просыпаясь. В основе данной языковой единицы лежит образ барсука. Барсук живет в глубоких норах, имеющих сложное строение. В зимние месяцы он залегает в неглубокую спячку. Нору покидает редко, обычно ночью. Это качество зверька и послужило основанием для возникновения вышеприведенной пословицы. Образ барсука встречается еще в пословице «Der wehrt sich wie `n Dachs» («Er wehrt sich wie ein Dachs» – «Он защищается, как барсук») (ПиППП). Для барсука характерно также и то, что при нападении на него он отчаянно защищается, а иногда, в случае опасности зверек может сам броситься на обидчика и укусить его [Мальцева 2002]. Эта способность барсуков и легла в основу данного образа, послужившего, в свою очередь, для вербализации концепта «отчаянно обороняющийся человек».

Некомпаративные пословицы и поговорки представляют собой не менее интересную группу языковых единиц, имеющих в качестве прототипических сцен различные образы, но объективирующих одинаковый концепт.

Концепт «лучше иметь что-нибудь, чем ничего» отражен в паремиях российских немцев множеством синонимичных пословиц: «Besser ich hun dich, wie ich grie dich» («Besser ich habe dich, als ich kriege dich» – «Лучше ты есть у меня,

чем я тебя получу»), «Besser `n Stück im Sack wie `n Feder im Hut» («Besser ein Stück im Sack, als eine Feder auf dem Hute» – «Лучше кусок в мешке, чем перо на шляпе»), «Besser `n Spatz in dr Hand wie zehne uff `m Dach (oder: wie ä Taub uf `m Dach)» («Besser einen Spatz in der Hand, als zehn auf dem Dach (oder: eine Taube auf dem Dache)» – «Лучше один воробей в руке, чем десять на крыше (или: чем голубь на крыше)»), «`n alws Ei is bessr als `n ganza Schal» («Besser halb Ei als eitel Schale» – «Лучше половина яйца, чем скорлупа») (ПиПНП) и т. д. Из вышеприведенных примеров видно, что пословицы совпадают как по концептуальному наполнению, так и по структуре и способу размышления. В них одному предмету отдается большее предпочтение, чем другому. Отличаются данные языковые единицы лишь образами, лежащими в их основе. Они показывают, что языковая реализация одного и того же концепта часто не совпадает. Интересными, на наш взгляд, являются ассоциации, положенные в основу внутренней формы данных пословиц. Из пословицы «Besser `n Spatz in dr Hand wie ä Taub uf `m Dach» («Besser einen Spatz in der Hand, als eine Taube auf dem Dach» – «Лучше один воробей в руке, чем голубь на крыше») ясно, что голубь ценится больше, чем воробей в силу своего большего веса и употребимости в пищу, но так как воробей уже в руках, а голубь еще на крыше, предпочтение отдается воробью, как уже имеющемуся и доступному. В основу исследуемой пословицы положен образ птицы, причем малое, но уже имеющееся, ассоциируется с воробьем, а большое и недоступное – с голубем. Другие пословицы выражают иные ассоциации: сопоставление может идти по количеству («Besser `n Spatz in dr Hand wie zehne uff `m Dach» («Besser einen Spatz in der Hand, als zehn auf dem Dach» – «Лучше один воробей в руке, чем десять на крыше»)), по возможности использования («`n alws Ei is bessr als `n ganza Schal» («Besser halb Ei als eitel Schale» – «Лучше половина яйца, чем скорлупа»)). Наличие определенного числа синонимичных пословиц указывает на то, что концепт, отражающий идею «ценить и довольствоваться тем, что есть», имеет большое значение в жизни российских немцев.

Пословичный фонд вербализует и концепт «малой вероятности выполнения какой-либо деятельности». Например, «Wenn Gott will un die alt Anna – Klär von Biewersteen, dann griet dr Bock ä Lamm» («Wenn die Bocke lammen» – «Когда козлы ягнятся»), «Des krie ich wahrscheinlich, wann die Eile bocke» («Wenn die Eulen bocken» – «Когда совы находятся в состоянии течки»), «Däs muß, un wanns Geilche versauft, wanns Blesje platzt, wanns Kätzje krummt» («Das muß, wann das Pferdchen versauft, wann die Blase platzt» – «Это произойдет, когда утонет лошадь, когда пузырь / мозоль лопнет») (ПиПНП). Во всех приведенных паремиях наблюдается нарушение привычных понятий (козлам приписывается неприступный им признак – ягниться, совам – находиться в состоянии течки, лошадям – тонуть и т. д.) Реализация концепта идет при помощи парадоксальных образов, выбор которых не случаен. При отборе в качестве прототипических сцен пословиц и поговорок таких парадоксальных образов российские немцы руководствовались тем, что абсурдность ситуаций, создаваемых внутренней формой данных языковых единиц, как нельзя сильнее интенсифицирует значение концепта.

Анализ вышеприведенных пословиц и поговорок позволяет сделать вывод о том, что категория образности является постоянным фактором языка. Она детерминирована особенностями мировосприятия отдельного народа, поэтому национально своеобразна и специфична.

Библиографический список

1. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
2. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 48–57.
3. Мальцева, Д.Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием: около 1300 фразеологических единиц / Д.Г. Мальцева. – М.: Азбуковник, «Русские словари», 2002. – 350 с.
4. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов вузов / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
5. Пиирайнен, Е. «Область метафорического отображения» – метафора – метафорическая модель (на материале фразеологии западно-мюнстерландского диалекта) / Е. Пиирайнен // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 92–100.
6. ПиПНП – Пословицы и поговорки немцев Поволжья: сб. / Междунар. союз нем. культуры; сост. Е.М. Ерина и др. – М.: Готика, 2000. – 207 с.
7. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 60 с.
8. Piirainen, E. Phraseologie der westmünsterländischen Mundart / Elisabeth Piirainen. – Baltmannsweiler: Schneider – Verl. Hohengehren. – Teil 1. Semantische, kulturelle und pragmatische Aspekte dialektaler Phraseologismen. – 2000 (Phraseologie und Parömiologie; Bd. 2). – 535 S.
9. Piirainen, E. Phraseologie der westmünsterländischen Mundart / Elisabeth Piirainen. – Baltmannsweiler: Schneider – Verl. Hohengehren. – Teil 2. Lexikon der westmünsterländischen Redensarten (mit III. von Oleg Dobrovolskij). – 2000 (Phraseologie und Parömiologie; Bd. 3). – 464 S.

М.И. Солнышкина, О.А. Морозова
(Казанский государственный университет)

**СОСТАВ И МИКРОСТРУКТУРА СЛОВАРЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖАРГОНА**
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ РУССКОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО НЕФТЯНОГО ЖАРГОНА)

Стремительно развивающиеся международные контакты, процессы глобализации и интернационализации обуславливают необходимость вовлечения в спектр исследовательских интересов широкого круга профессиональных языков. Одним из самых важных аспектов изучения межкультурной профессиональной коммуникации является исследование зависимости ее эффективности от степени овладения говорящими коммуникативной компетентностью. Очевидно, что межкультурная профессиональная коммуникация эффективна в первую очередь при условии достаточной языковой компетентности коммуникантов. Не останавливаясь подробно на других составляющих эффективности межкультурной компетенции, отметим, что языковая компетентность коммуникантов предполагает владение не только кодифицированной, но и некодифицированной частью профессионального языка.

Однако словари и словники, как правило, не регистрируют ненормативные единицы, используемые специалистами в условиях неофициального общения: профессионализмы, жаргонизмы, вульгаризмы. Они остаются вне поля зрения исследователей языка, в первую очередь потому, что их фиксация и описание требуют большого объема эстралингвистических знаний. Дополнительными причинами «невнимания» исследователей к некодифицированной части профессиональных подъязыков и социолектов считаем следующие: 1) сложность фиксации единиц; 2) отсутствие системности, которой обладают термины; 3) динамичность форм и значений составляющих профессионального некодифицированного тезауруса; 4) размытость значений единиц; 5) стилистическую сниженность, граничущую с обесцененностью.

В представленной статье рассматриваются принципы и способы фиксации единиц некодифицированной части профессионального подъязыка на примере русского варианта нефтяного профессионального подъязыка, который используется специалистами нефтяной отрасли промышленности в неофициальном общении на территории Российской Федерации. Кодификация при этом понимается как «постижение и обнаружение нормы» [ЛЭС : 391].

Нефтяная промышленность как «промышленность, осуществляющая добычу нефти и попутного газа» [СЭС 1979 : 894], имеет своим денотатом деятельность всего нефтяного комплекса (геологоразведка, добыча, транспортировка, переработка нефти, распределение продукции переработки). Сообщество специалистов нефтяного комплекса объединяет в себе большое количество социальных

коллективов (руководство нефтяного комплекса и руководство отдельных компаний, ИТР и рабочие) и профессиональных коллективов (геологи, сотрудники лабораторий, рабочие буровых скважин и трубопроводов и др). В повседневной речевой коммуникации в нефтяной промышленности отражается реальная дифференциация микрогрупп и разного рода социальных микроколлективов. Соответственно наблюдается пестрая мозаика речевых манер, способов выражения мыслей и эмоций, тактик и стратегий диалогов, построения устных и письменных текстов, употребления слов и словосочетаний. Во всем этом находят отражение специфические, «свои», нормы поведения, в том числе вербального, каждой из социально-культурных микрогрупп нефтяного макросоциума.

В целом профессиональный нефтяной подъязык (далее ПНПЯ) выполняет функции, которые по масштабности можно сравнить с функциями нескольких подъязыков и жаргонов одновременно. ПНПЯ – профессионально-коммуникативная система, совокупность подъязыков более низкого уровня, используемых в профессиональном языковом сообществе и находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнительности, при которой каждый из подъязыков имеет свои функции, не пересекаясь с функциями других подъязыков. ПНПЯ обслуживает коммуникацию во время осуществления добычи, геологоразведочных и ремонтных работ, обеспечивая при этом связь буровая ↔ буровая и буровая ↔ база. Высокий уровень современных средств коммуникации обеспечивает непрерывность связи вахтовых бригад с базой и другими бригадами. Однако нефтяной подъязык функционирует как во временно замкнутом сообществе (в периоды длительных вахт на отдаленных территориях), так и в относительно открытом сообществе (работа в непосредственной близости базы, подготовка, обучение и др.). В нем отразились вынужденная изоляция его носителей во время продолжительных вахт и их потребности не только облегчить общение внутри микросоциума и за его пределами, но и усложнить проникновение «непосвященных» извне.

Таким образом, ПНПЯ обладает рядом черт, характерных как для открытого, так и для закрытого типа сообществ, т. е. представляет собой полузамкнутую систему. Следовательно, можно утверждать, что инвентарь современного профессионального нефтяного подъязыка имеет многокомпонентную (сегментную) и многослойную организацию. Он многокомпонентен, т. к. в его состав входят следующие сегменты: инвентарь геологоразведки, инвентарь добычи, инвентарь транспортировки, инвентарь переработки нефти и т. д. Он многоярусен, т. к. содержит кодифицированную и некодифицированную части, внутри которых есть свои деления.

При включении единицы в Словарь приоритетными являлись три параметра – «нефтяная» этимология, номинирование объекта нефтяной промышленности или ландшафта и функционирование в профессиональном нефтяном подъязыке.

Реализация нефтяного профессионального подъязыка в двух разновидностях (кодифицированной и некодифицированной) есть проявление определенного параллелизма, существующего между общенациональным языком и професси-

ональным подъязыком. Каждая из двух разновидностей подъязыка обладает определенной самодостаточностью и различается по функциям: кодифицированный язык используется в официально-письменных формах речи, а некодифицированный – в устных, обиходно-бытовых формах, письмах, телефонных разговорах, Интернет-сообщениях. Это значит, что один и тот же член языкового сообщества, владея общим набором коммуникативных средств, использует их в зависимости от условий общения. Например, в сообщении вышестоящему руководителю носитель нефтяного подъязыка обязан прибегать к средствам кодифицированной разновидности подъязыка, в разговорах с коллегой он использует некодифицированные средства. Очевидно, что в зависимости от сферы общения говорящий переключается с одного языкового кода на другой.

Некодифицированная часть ПНПЯ включает более 300 единиц, классифицируемых нами как **профессионализмы** и **жаргонизмы** (если в основу классификации кладется критерий уровня стилистической «сниженности») или **профессионализмы** и **депрофессионализмы** (при классификации с учетом денотативного признака). **Источником** лексического и фразеологического материала явились лексикографические (14 словарей и словников) и публицистические источники, произведения художественной литературы (более 200 наименований), а также анкеты информантов – специалистов нефтяного дела, общий объем которых составил 17, 5 п.л.

Готовящийся к изданию словарь имеет своей основной целью фиксацию некодифицированной части ПМПЯ, он не является энциклопедическим и не предоставляет сведений по отдельным сферам нефтяного дела. В соответствии с задачами в текст словаря не вошли термины, номены, специальные слова, которые не стали производящей основой профессионализмов и жаргонизмов. Исключение составляют те случаи, когда значение термина тесно связано со значением профессионализма и без его толкования трудно или невозможно увидеть образность единицы и понять ее значение. Например: **освоение, -ия, ср.** (инф. Сург. Б. запись 2004) комплекс операций и мероприятий, которые предпринимаются для того, чтобы ввести скважину в эксплуатацию, т. е. добиться притока нефти из пласта; **освоенцы, -ев** (инф. Азн. Б. запись 2005) бригада, осуществляющая ввод скважины в действие.

В структуре словарной статьи выделяется семь зон: заголовочное слово (заглавная форма слова), грамматическая зона шифров, функционально-стилистика, значения, контекстов, комментариев.

Толкование слов общенародного языка, послуживших производящей основой некодифицированных единиц профессионального языка, как правило, не предлагается. Например: **башмак, -а, м.** (инф. Азн. Б. запись 2005) 1) *шутл.* тракторист; 2) устройство, служащее для спуска обсадной колонны; 3) часть управляемого либо пассивного (пружинного) прижимного устройства скважинного прибора; **гирлянда, -ы, ж.** 1) (инф. Буг. Б. запись 2005) набор сейсмических приемных инструментов, переводников, переводов; 2) несколько связанных между собой переводников, калибраторов.

Для того чтобы облегчить понимание значения единицы, в текст словарной статьи вводятся ссылки на производящую основу, например: **гетеишники**, -ов (инф. Азн.Б. запись 2005) геологи, геофизики, занимающиеся технологическим исследованием скважин **ГТИ**; **ГТИ**, аббр. геолого-технологические исследования скважины, одно из направлений промысловой геофизики.

В целях сокращения объема словаря не зафиксированы: 1) прозвища – собственные имена отдельных лиц, функционирующие или функционировавшие в отдельных компаниях и бригадах; 2) толкования фонетических, морфологических и лексических вариантов профессионализмов помещаются в одной словарной статье, в соответствующем месте по алфавиту предлагается ссылка. Например: **стеллаж**, а, м. (инф. Азн.Б. запись 2005) см. **мостки**; **мостки**, -ов (инф. Лен. Б. запись 2005) стеллаж, предназначенный для складирования обсадных и бурительных труб.

В одной словарной статье помещаются видовые пары глаголов при отсутствии между ними каких-либо смысловых различий, кроме различия в грамматических значениях, например: **отдавать/отдать (о скважине)** (инф. Ноябрь.Б. запись 2005) вытекать (о скважинной жидкости) • «Отдает скважина»; **топтать/вытоптать (грунт)** перемешать с песком, торфом, убирать следы нефти. • «Сейчас ГТТ загоняют, будут **оттаптывать!** – обещает главный. Представляю как топчется этот мощный трактор. Что это – узнаю от того же Сквородина, с которым пришлось провести целый день. Где-то разлив нефти. Ее засыпают песком и оттаптывают. То есть все перемешивается с песком, торфом, убираются следы нефти. Природа сама умеет бороться с такими «ранами» – в грунте идет неведомая нам работа. Он в конце концов реанимируется и снова рождает молодые деревца, траву, ягоды, грибы» (Царенко Т. «Сердце добычи. Нефть Приобья»).

Лексико-семантические варианты многозначных единиц разделяются арабскими цифрами. Например: **производить обвязку** (инф. Лен. Б. запись 2005) 1) производить соединение всех гидравлических трубопроводов; 2) устанавливать эксплуатационную арматуру на устье скважины после цементировании эксплуатационной колонны; **ловушка**, -и ж. 1) (инф. Астр. Б. запись 2004) плотина; 2) (инф. Лен. Б. запись 2005) единичное скопление нефти и газа, заполняющее некоторый объем горных пород; 3) (инф. Азн. Б. запись 2005) аварийный инструмент; **зарезка второго ствола** (инф. Елаб. Б. запись 2003) 1) начало бурения в имеющемся стволе скважины второго наклонно-направленного ствола; 2) (инф. Лен. Б. запись 2005) бурение второго ствола с целью ликвидации аварии или брака.

Значительная часть лексики, представленной в словаре, употребляется в любых видах неофициальной устной и письменной речи. Однако многие единицы рассматриваемого подъязыка по характеру, кругу употребления, стилистической нагрузке неравноценны, поэтому единицы снабжаются особыми пометами. Они выделяются курсивом, помещаются перед толкованием значения, если слово имеет одно значение или если помета относится ко всем значениям многозначного слова, например: **труболовка**, -и, ж. (инф. Лен. Б. запись 2005) *шутл.*

аварийный инструмент, предназначенный для захвата и извлечения из скважины аварийных насосно-компрессорных труб и нефтепромыслового оборудования; **хебешка**, -и, *ж.* (инф. Азн.Б. запись 2005) *уничиж.* спецодежда; **чайник**, -а, *м*, *шутл.* (инф. Азн.Б. запись 2005) каска для буровых работ; **успокоитель**, – я, *м.* (инф. Азн.Б. запись 2005) *шутл.* элемент лебедки буровой установки для успокоения талевого каната при намотке и размотке на барабан подъемного вала.

Помета *терм.* используется перед профессиональным нефтяным термином и обозначает принадлежность к кругу официального профессионального употребления. Например: **скважина**, -ы, *ж.*, *терм.* (инф. Азн.Б. запись 2005) цилиндрическая выработка, образуемая в результате бурения, преимущественно круглого сечения.

После толкования значения слова или словосочетания в большинстве случаев после знака • в кавычках помещается одна или две иллюстрации использования единицы в нефтяном подъязыке. Например: **нефтянка**, -и, *ж.* 1) нефтяное дело • «К проблемам, вызывающим повышенный общественный интерес, вне всякого сомнения, относится нефтяное дело: на профессиональном жаргоне – «нефтянка», на языке макроэкономики – ведущая бюджетнообразующая отрасль, на языке политических спекуляций – «нефтяная игла», на которую подсела наша экономика» (Радио России «Российская нефтянка просит о помощи»); 2) МГА им. Губкина, *см. аббр.*

Орфоэпическая характеристика заголовочных слов (знак акцента перед ударной гласной) вводится только в тех случаях, если они допускают два и более возможных варианта, представляют особые сложности или отличаются от норм узуса. Например: **нефтя́**, -и, *ж.* нефть; **по́джиг**, -а, *м.* (инф. Елаб. Б. запись 2003) воспламенение; **до́быча нефтьí** (инф. Елаб. Б. запись 2003) добыча нефти с использованием естественных процессов; **до́лив в скважину** (инф. Азн. Б. запись 2005) заполнение скважины раствором при подъеме бурильной колонны; **до́лото**, -а, *ср. мн. долотья* (инф. Елаб. Б. запись 2003, инф. Азн. Б. запись 2005) основной элемент бурильного инструмента для механического разрушения породы на забое буровой скважины.

Принадлежность слова к тому или иному грамматическому разряду (части речи) обозначается непосредственно пометами: *прил.*, *числ.*, *прич.*, *межд.* или косвенно – указанием на грамматические категории соответствующей части речи. Так, принадлежность слова к именам существительным показана указанием окончания формы родительного падежа слова и его грамматического рода (пометы: *м.*, *ж.*, *ср.*); к глаголам – указанием видовой пары, к прилагательным – родовых окончаний. Например: **расширка**, -и, *ж.* (инф. Лен.Б. запись 2005) увеличение диаметра ствола скважины; **намыывать**, -аю, -аешь, *несов.* (инф. Лен.Б. запись 2005) заполнять проницаемые пласты наполнителями до устойчивого давления, исключаящего поглощение бурового раствора; **нефтеносная**, -ый, -ое, -ые, *прил.* (инф. Елаб. Б. запись 2003) зона., богатая нефтью.

Формы слов приводятся обычно сокращенно, начиная с той буквы, после которой изменяется начертание слова в данной форме, или начиная с которой в

форме слова изменяется ударение, например: **kozyрек**, -рька́, м.; **вышка́рь**, -я́, м.; **храпок**, -пка́, м.; **глотать**, -а́ю, -а́ешь, несов.

Зона шифров является обязательной и сопровождает каждый контекст. Словарь русского профессионального нефтяного языка содержит две категории единиц: ранее зафиксированные словарями и фиксируемые впервые. Все единицы, ранее зафиксированные другими словарями или словниками, имеют указание на более раннюю фиксацию в виде короткой аббревиатуры, следующей после грамматической информации о заголовочном слове. Все единицы, фиксируемые впервые или в новом значении, снабжены как минимум одной иллюстрацией использования данной единицы в письменной речи, включая Интернет-форумы и чаты, например: **хлопун**, -а, м. пустота • *«Хлопуны представляются живыми и несчастными, потому что их уже “устранили”. А в итоге оказывается все очень прозаично, без всяких жертв, даже наоборот. Огромный резервуар на пять тысяч кубов, под жидкость, стоит неплотно, под ним образовались пустоты – хлопуны, которые оставлять нельзя. При заливе резервуара нефтью это грозит прорывом»* (Царенко Т. «Сердце добычи. Нефть Приобья»); ссылка на информанта определенной компании и датой фиксации, например: **таля** (инф. Азн. Б. запись 2005) талевый блок.

Библиографический список

1. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1981. – 1600 с. (СЭС).
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Наука, 1990. – 682 с. (ЛЭС).

РЕЦЕНЗИИ

А.Д. Васильев

ЗАВЕТНОЕ СЛОВО АКАДЕМИКА О.Н. ТРУБАЧЁВА

Имя Олега Николаевича Трубачева (1930–2002) всемирно известно благодаря в первую очередь фундаментальным трудам академика, посвященным этимологическим изысканиям в области славистики. Однако не меньший интерес вызывают и те публикации великого ученого, которые сам он снисходительно называл «досугами», включая в их число и собственно научные работы неизменно высокого класса (такова, например, книга «В поисках единства»).

Кажется, никого не удивляет обилие интервью, даваемых по самым разным поводам – иногда и без особенных поводов – режиссерами и артистами, художниками и музыкантами, а также издаваемая ими мемуарная литература, хотя ведь художественное творчество и предполагает самовыражение автора и обычно именно так и воспринимается. Ученому же далеко не всегда (если только он не склонен заниматься саморекламой) удастся комментировать свои произведения, так сказать, для широкой аудитории – то есть для непрофессионалов. Книга О.Н. Трубачева «Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового союза славян» (М.: Ихтиос, 2004. – 224 с.) включает в себя избранные статьи разных лет, выступления, воспоминания и беседы автора. По очевидному замыслу ответственных редакторов и составителей этого издания Г.А. Богатовой и Ю.М. Лощица, при всей разножанровости и многоаспектности составляющих частей, книга представляется единым целым: она являет читателю цельную и весьма незаурядную личность, посвятившую себя исследованию истории славянских языков и культур на ранних этапах их бытия. Поэтому в данной статье книга эта закономерно рассматривается как монолитный текст, вызывающий множество размышлений и ассоциаций не только сугубо научного, но гораздо более широкого характера. Вполне естественно, что здесь она цитируется обильно и неоднократно: пытаться выразить мысли О.Н. Трубачева столь же четко и ясно, как это делал он сам, – задача неблагоприятная и заведомо невыполнимая.

Наверное, одна из главных причин, вызвавших публикацию «Заветного слова», в том, что «было бы обидно, если бы книги писались специалистами для специалистов, то есть для самих себя... В научной информации наибольшую

ценность представляет все же та сердцевина, которая способна заинтересовать наибольшее число людей» (с. 84), особенно когда информация исходит от ученого такого высокого профессионального уровня.

Великий этимолог, совершивший немало открытий в своей области, умел наблюдать, анализировать и сопоставлять многие, казалось бы, хорошо известные факты по-новому; но неудивительно, что это новаторство, по существу, имеет корни в лучших традициях отечественной лингвистики. Подчеркивая важность изучения лексики, О.Н. Трубачев исходит из того, что «все прочие уровни языка манифестируются только через лексику» (с. 154) и именно «за словом и за его смыслом всегда стоит нечто большее – коллективный опыт народа, его дух, его подлинное величие» (с. 18). Сравнительно-историческое языкознание «позволяет – через реликты языка и мышления – заглянуть в умы и души древних людей» (с. 93). Познание истории души народа через глубокое изучение истории словарного состава его языка – вот высший смысл этой науки. Чтобы полнее оценить проявляющуюся здесь преемственность, приведем лишь несколько высказываний русистов разных эпох. Ср.: «...Со временем живое слово теряется, – впечатление забывается и остается только одно отвлеченное понятие; поэтому – восстанавливать первобытный смысл слов – значит возобновлять в душе своей творчество первоначального языка» [Буслаев 1941 : 172]. – «Всякий живой язык есть такое народное достояние, которым каждый член народа по закону природы должен пользоваться, воплощая его в себе, воплощая в нем все силы своего духа... *Народ и язык* – единица нераздельная. Народ – язык, язык – народ» [Срезновский 1986 : 103, 106]. – «Исторический анализ – лишь производная форма непосредственного анализа самих говорящих субъектов» [Виноградов 1995 : 32]. Впрочем, в последние годы мы нередко сталкиваемся с примерами забвения этих непреходяще справедливых положений, как и с пренебрежением данными истории языка и самим принципом последовательного историзма. Может быть, подобное происходит из-за преувеличенного (иногда – и по конъюнктурным соображениям) внимания лишь к факторам сегодняшней русской (или уже «русскоязычной»?) речи (и еще относительно недавнего прошлого, то есть многократно и безопасно заклеянного т.н. «советского новояза»), что в совокупности можно охарактеризовать то ли как ахронию, то ли как панхронию. «Многим хочется провести черту ... между синхронией и диахронией, но удалось ли это кому-нибудь в чистом виде?» (с. 163) – вопрос, конечно, риторический.

В то же время невнимание к истории языка – и, соответственно, к истории культуры – существенно затрудняет поиски объективных сведений не только об истории народа, творца и носителя языка и культуры, но и о его современном статусе. Причем зачастую пророков обнаруживают исключительно в чужих отечествах. Например, «рутинный подход обозначился в отношении славянской культуры. Почти всё за нас здесь решали западные авторитеты», считавшие ее «обнищавшим вариантом индоевропейской культуры, и все этим удовлетворились, почему-то не дав себе труда критически задуматься: а может быть, совсем наоборот – действительно небогатый, простой уровень древних славян и есть

тот древнейший культурный вариант, от которого греки, римляне, индоиранцы далеко ушли в своем развитии?.. Почему-то почти никому не пришла в голову единственно трезвая мысль, что речь может идти о разных стадиях культурного развития и что неразумно выдавать за общую древность высокое, а следовательно – позднее развитие античной греко-римской или древнеиндийской культуры» (с. 92–93). А именно объективные данные истории языка позволяют говорить, в частности, о таких кавалерийских усовершенствованиях (седло, стремяна), которых Запад (сначала в лице эллинов и римлян, высокомерно трактовавших все прочие народы как невнятную массу «варваров») долгое время не знал: «при Александре Македонском, Юлии Цезаре и много позже там ездили, сидя “охлюпкой”, как сказал бы Даль» (с. 15). Кроме того, различаются не только уровни развития культур, но и самые их глубинные истоки – следовательно, и типы ментальности и ее разные национальные стереотипы. «Так, нельзя пройти мимо того курьезного факта, что новая христианская вера, уготовавшая рай только для собственных праведников-христиан (и, наоборот, ад – для упорствующих язычников), сама переняла слово *рай* у язычников-нехристиан... Зато – как бы для компенсации – слово и понятие “ад” пришло к нам вместе с христианством из Греции... Неописуемо интересен культурно-типологически тот факт, что у большинства неславянских народов Европы все было в принципе наоборот. То ли по причине большей мрачности местных языческих культов ..., то ли в силу других специфических обстоятельств народным, дохристианским оказалось там как раз название *ада*...» [Трубачев 2005 : 30–31]. И причина «большой светлости, даже веселости нашего православного христианства ... в сравнении с католичеством Западной Европы ... может корениться в том ..., что духовной культуре древних славян была чужда мрачная идея посмертного возмездия» [Там же]. Поэтому есть основания говорить не только об исходных, древних причинах типологически разных и по сей день во многом различных цивилизаций, культур, менталитетов, но и о прообразах современных пропагандистских штампов и идеологических доктрин. Один из характерных примеров – «цивилизованные государства»; хотя никто вроде бы и не стремится ответить на вопросы, вытекающие из внутреннего алогизма этого словосочетания – что такое государство, абсолютно не цивилизованное, и насколько реально его существование? – тем не менее, с точки зрения многих пропагандистов, в том числе и российских, России, несмотря на ее тысячелетнюю историю, так и не удалось стать «цивилизованной». Отсюда вполне логично следуют интенсивные попытки принести на российскую территорию и в сознание народа «подлинную цивилизацию» и «настоящую культуру», иначе говоря – импортировать «западный менталитет с его безудержным индивидуализмом и порой совсем другими социальными нормами (лицензия на лихоимство, ростовщичество, установка на наживу)» (с. 184). Вовсе не случайно пропагандируется боязнь национально-культурной самобытности и полный отказ от нее – это «верный симптом грядущего неототалитаризма, из какой бы части Европы и мира они не исходили» (с. 42).

О.Н. Трубачев подчеркивает, что до сих пор еще недостаточно оценен по достоинству величайший эксперимент языкознания – словарь (а ведь «лексикогра-

фия заимствована у языкознания практически всеми прочими науками и использована в них вторично как форма кодификации их собственных терминов и метаязыков... Одно это придает языкознанию исключительную важность в системе всех наук...» (с. 150). Надо иметь в виду, что эксперимент во всем и всегда заключает в себе немалую долю риска, начиная уже с самого замысла предприятия – и лексикографического тоже. Экспериментаторы рискуют – и лексикографы в том числе: велика степень ответственности за любой неверный шаг, идет ли речь о семантизации слова, или о подборе иллюстраций его употребления, или о любых других компонентах словарной статьи. Так, Х. Касарес советовал составителю современного словаря на научной основе «быть постоянно начеку и следить за своим пером, пресекая всевозможные проявления своей личности, начиная с индивидуальной манеры выражения, т. е. со стиля, и кончая обнаружением своих симпатий и антипатий, политических взглядов, философских и религиозных убеждений и т.п. ... Только при этом условии это произведение будет принято всеми читателями как плод честного, серьезного и беспристрастного исследования» [Касарес 1958 : 159 и далее]. Известно, что в современной российской лексикографии так и не удалось реализовать якобы осуществимое стремление к «деидеологизации» словаря; отпечаток личности лексикографа проявляется почти неизбежно: «гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении» [Бахтин 1986 : 303].

Несомненной спецификой обладает историческая лексикография: «ведь каждая словарная статья – это маленькое исследование по истории слова. Но словарник пишет его не отрешенно...» [Богатова 1984 : 125], а «каждое слово представляет собой особый микромир, в котором отражается какой-то кусочек реальной действительности или отклонений от нее» [Филин 1984 : 16]. Слово в его многовековой исторической динамике – свидетельство перемен в жизни народа, в его языковой картине мира. Но «этимолог... это как бы лексикограф вдвойне, ему приходится восстанавливать, реконструировать и значение, и форму слов» (с. 143); поэтому возрастает и степень ответственности ученого за результаты его труда. Отнюдь не случайно О.Н. Трубачев неоднократно обращается к таким, казалось бы, отвлеченным категориям, как этика исследователя (с. 93 и др.). «Придирчивый автотекстолог» (с. 164), по его самохарактеристике, имеет право на критический анализ концепций других специалистов и предлагаемых ими формулировок. Неприятие О.Н. Трубачевым модных поветрий хорошо известно, и, конечно, не только в науке (ср.: «Послушать иных многих, так просто жалко делается людей: чуть ли не все изнывали под игом тоталитаризма, диктата, цензуры... В случае с собой я никаких таких кошмаров не припомню» (с. 141–142)). Он, в силу своей самодостаточности, всегда оставался разумным противником любых радикальных крайностей, причем и разнонаправленных: и в те времена, когда «Москва болела структурализмом» (с. 138) и утверждалось, что «структурализм – это единственно научное языкознание» (с. 154); и гораздо позднее, когда «понимание необходимости нового этапа носится в воздухе ..., но только подлинно когнитивным (познавательным) всегда было и остается исто-

рическое, сравнительно-историческое языкознание» (с. 144). Таким образом довольно часто порождаются «индивидуальные терминологические эксцессы» [Дорошевский 1973 : 12], ведущие к гипертрофии терминологии, что и свидетельствует о недостатках самой методологии [Трубачев 1980 : 9]. Заметим попутно, что эта проблема далеко не нова; ср., например: «Трудно читать сочинения лингвистов, но еще труднее понять, чего они хотят» [Бенвенист 1974 : 21]; «... прогресс в языкознании – это нередко иллюзия, обусловленная тем, что вводятся новые термины, которые, в сущности, не обозначают ничего нового, или тем, что старые термины получают нечеткое, расплывчатое, метафорическое употребление» [Стеблин-Каменский 1974 : 81] (хотя и «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачев 1992 : 43]).

«Подчас... у нас с водой выплескивается и ребенок» (с.142) в угоду модным умонастроениям.

Любопытным представляется привести по поводу моды в науке следующие ранние параллели: «...научные же мнения – дело текучей и изменчивой моды, постоянной нисколько не более, чем мода на дамские шляпы или рукава. А если скромность не позволяет слишком отставать от того, чего в данную минуту держится весь свет, то самоохранение тем менее может допустить суетную беготню за «последним криком моды» как дамской, на шляпы, так и мужской, на веяния науки» [Флоренский 1979 : 785]. «Шляпка – женский выездной головной убор, вид которого и названия меняются ежедневно» [Даль 1955 : 640] (очевидно, по этой причине, кажется, единственная в Словаре Даля статья, снабженная графическими изображениями – мужских шляп, не содержит ни одного рисунка женской).

По мнению же О.Н. Трубачева, «образованный мыслящий лингвист трезво отнесется к любой надвигающейся на него волне моды (а моды в науке ах как сильны, и устоять против них бывает трудно и зрелым мужам науки, о женах я уже не говорю)» (с. 162).

Эта стойкость не дается легко: она основывается на осознании справедливости своих суждений, на уверенности в точности выводов, но отнюдь не превращается в самоуверенность. Высшая требовательность к себе выражается и... в сомнении. Может показаться, на первый взгляд, весьма удивительной, но столь же заслуживающей уважения такая черта, определяемая совестью и ответственностью подлинного ученого, как способность сомневаться. И это признание академик О.Н. Трубачев произносит откровенно и публично, причем в день своего семидесятилетия, отнюдь не считая такое качество постыдным, а напротив, одним из неперемных для подлинного исследователя: «развить в себе умение сомневаться в привычном и общепризнанном – вот, пожалуй, главное, чему меня научила моя научная жизнь, мой главный Учитель» (с. 138).

Представляется уместным здесь привести, хотя бы вкратце, некоторые сопоставления, довольно наглядно демонстрирующие различия научных традиций, а в какой-то степени, наверное, – и национальных менталитетов.

Описывая – в очевидно ироническом ключе – национально дифференцированные типы причин самоуверенности, Л.Н. Толстой замечает, в частности: «...Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина» [Толстой 1980: 53] – что можно интерпретировать в первом случае как оптимистическую уверенность в бесконечности познания, во втором – как изначальную ограниченность познания искусственными рамками.

Показательно в этом отношении воспоминание О.Н. Трубачева о боннском профессоре, который рассуждал о славянах, научившихся благодарности якобы только с принятием христианства (*спасибо (g)* и т. п.) – «верно рассуждает..., правда, чуточку с апломбом, слишком уверен, нету доли сомнения, без которой – нет живой науки». И когда академик тактично – во время перерыва между заседаниями – подсказал немецкому коллеге, что «многозначность своей древней лексики позволяла славянам выразить необходимые чувства» и во времена язычества (*помнить добро*), «возражения не последовало... Но – не возрази я, не направь его дисциплинированную немецкую мысль в более гибкое русло, так бы и пребывал в сознании свое полной правоты в суждениях о бедных древних славянах. Европой всю по-прежнему владеет научный позитивизм и снобизм: все-то они знают и понимают о нас самих лучше нашего...» (с. 94). Вот так же – абсолютно уверенно – рассуждая о русской субстандартной лексике, подобный исследователь представляет исходную семантику русского существительного *немец* как *deaf* (англ. 'глухой'), а происхождение прозвища советского деятеля – *Кучер* (с англ. аналогом *Coachman*) – объясняет его работой в качестве водителя автомобиля Л.И. Брежнева (хотя для носителя русского языка внутренняя форма этой номинации вполне прозрачна: соединение инициалов и части фамилии *К.У. Черненко* [Timroth 1986 : 29, 125]) и т.д. ...

О.Н. Трубачев решительно выступает против «игр в слова, замешенных на дурной политике»: «невеселые размышления приходят, когда видишь не одну только порчу языкового вкуса, но и дезориентацию национального самосознания – когда уже и сам русский себя готов назвать россиянином. Ведь россиянин – это житель России, в принципе, любой национальности» (с. 72). Хорошо известно, что в лексиконе, пожалуй, каждого народа совершенно особое место принадлежит его самоназванию. Оно, выступая в качестве первого компонента оппозиции «свой»/«чужой», является одним из главных составляющих национального менталитета. Целенаправленные манипуляции автоэтнонимом способны существенно трансформировать картину мира в сознании носителей языка. Примеров этого достаточно и в истории России, включая новейший период; таковы коннотативные эволюции этнонима государствообразующей нации – *русские*, по крайней мере, с начала XX в. и по настоящий момент оказывающегося мишенью пропагандистских упражнений, внешне, казалось бы, самых разных и даже взаимно противоположных политических сил и пропагандистских доктрин. Контекстуальное окружение в текстах СМИ, в которых он употребля-

ется, постоянно и безапелляционно рисует русских и все русское в самых негативных тонах (ср. сугубо отрицательные коннотации, индуцируемые в слове *русский* за счет назойливого повторения сочетаний вроде «русская мафия» – кстати, используемого преимущественно тогда, когда речь идет вовсе не о русских, но о бывших гражданах СССР или России, – и «русский фашизм», которого попросту не существует). Столь же настойчиво в дискурсе СМИ применяются термины *русскоязычный* и *русскоговорящий* по отношению именно и главным образом к этнически русским. Имеет место явно нарочитое неразличение *русского* и *российского*; последнее все чаще заменяет собой и *советское*, ставшее почти пейоративным и – в ряде коммуникативных ситуаций – обретающее статус табуированного. Наиболее вероятными причинами таких «игр в слова» следует считать влияние иностранных языков (например, английского, где *Russian*, по сути, синкретично: это и «русский», и «российский»); воздействие чужой и чуждой для множества граждан РФ культуры (в частности, в Израиле именуют «русскими» выходцев из СССР, а также России и ряда других ныне суверенных государств); возможно, реализуются и рекомендации новейших политтехнологов, различного рода специалистов по проведению национальной (т. е. по отношению к нациям, этносам) политики. Стараясь «растворить *русское* в *российском*» и преуспевая в этом [20, 11], подчеркивают не предпринимают подобных попыток применительно к другим этническим группам населения России.

Налицо очередная попытка элиминировать этноним *русские*; правда, идеологическое обоснование теперь иное, хотя и столь же мифическое, как прежде, – набившие оскомину «общечеловеческие ценности». Это далеко не ново, ср.: «...Как же мы теперь самоуверенны ..., как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: почвы нет, народа нет, национальность – это только система податей, душа – *tabula rasa*, вощичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, общечеловека всемирного, гомункула – стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть две-три книжки» [Достоевский 1956 : 79]. Можно заметить, что сегодня здесь очевидно влияние сконструированной и культивируемой в США, а оттуда распространяемой по всему миру *political correctness*; это, конечно, закономерно в свете сегодняшних реалий и в преддверии грядущей (а точнее, навверное, – уже идущей) глобализации. Успехи такого подхода к регулированию межнациональных отношений в России довольно ощутимы. Многоликая модернизированная смердяковщина, настоящая на бывшем «интернационализме» и обычно обозначающая себя как «цивилизованность», чрезвычайно активна. Отказ в признании русских нацией заметен, хотя и косвенно, в лингвистических исследованиях, посвященных «национально-русскому двуязычию», где изучаются владение и пользование языком одного из народов РФ – и русским, т. е., подразумевается, не национальным. И удаление из российского паспорта указания национальности его владельца, поданное как шаг в сторону призрачного «мирового сообщества» (и почти уже реального «нового мирового порядка») тоже вполне логично (см. также [Васильев 2003 : 180–211]). В русле этой же тенденции («игр в слова») следует рассматривать и отсутствие в тексте закона «О государственном языке Российской Феде-

рации» определения самого понятия «русский язык» и каких-либо упоминаний о русском народе.

«Русский народ, который никогда не надо было учить самоотверженности, как известно, принял на себя максимальную тяжесть последних войн, экономических усилий и подъемов. Можно сказать, что он во многом добровольно потеснился, сознательно помогая другим нациям и народностям» (с. 21). Однако теперь и само слово *народ* исключено из выступлений высокопоставленных российских деятелей и текстов СМИ и заменено словом *население*; «населению» же, в отличие от народа, вовсе не обязательно иметь свою культуру, историю, национальную ментальность (см. также [Васильев 2004]), да и не живет «население» в собственном суверенном государстве, а обитает преимущественно на разных «пространствах» (с.9) – ср. «образовательное пространство», «культурное пространство», «экономическое пространство» и прочие. Это отчетливо напоминает не только о пресловутых *Lebensraum* и *Ostraum*, но и реплику литературного персонажа: «Да, *im Raum verlegen*... *Im Raum*-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это все равно» [Толстой 1980 : 217].

Сегодня совершенно в глобалистском духе, которым одержимы «новые кочевники», по терминологии Ж. Аттали [Калашников 2003 : 60], критикуется «идея национального государства как якобы себя изжившая, муслируется государствообразование наднациональное – очередной миф, пусть и обращенный якобы в будущее. В действительной, невыдуманной истории мы всегда имеем дело с национальным государствообразованием...» (с. 184); «в государствообразовании воплощена идея самосохранения нации, народа... Разговор о том, что национальный принцип государствообразования себя будто исчерпал, представляется безответственным и авантюрным. Предположить, что наше русскоязычное общество до такой степени утратит свою русскость, что передоверит бразды правления какому-то наднациональному, транснациональному корпоративному руководству, можно, думаю, только в дурном сне» (с. 185), – но, увы, и дурные сны могут сбываться...

Невозможно упрекать О.Н. Трубачева в каких-то националистических либо шовинистических предрассудках (см., например, хотя бы «Воспоминания об университете»). Но вот в чем он никогда не сомневался и во что глубоко верил: «Ни одна подлинно великая страна не кончается там, где кончается ее территория... Русский языковой союз – великое и достаточно уникальное культурное наследие, его надлежало бы хранить, а не замалчивать, тем более, что в нем – одна из гарантий сохранения единства страны и ее культуры также в будущем» (с. 6, 12); объективна «ведущая роль русского языка как средства межнационального общения» (с. 25). «...Россия и сейчас на восемьдесят пять процентов населена русскими. Пусть русский этнос, русский народ переживает не лучшую пору, и даже смертность у него выше рождаемости, но все-таки – по научным воззрениям – если страна на восемьдесят пять процентов населена каким-то одним этносом, она в принципе называется однонациональной ...» (с. 206–207).

«Россия – однонациональная страна, и это всячески замалчивается и оттесняется на задний план средствами массовой информации и всякими, проще говоря, «идеологическими диверсантами» (с. 207). Видимо, в последнем случае кавычки излишни: ведь давно говорилось о бесплодности попыток вооруженного

нападения на «диктатуры» (в иной терминологии – социалистические государства) и о единственно возможном «свержении государственной власти изнутри» [Юнг 1997 : 195–197]; о том, что идеологическая диверсия по-прежнему активно используется в информационно-психологической войне, см., например [Кара-Мурза 2002], [Расторгуев 2003].

Знакомясь с трудами великого ученого, невольно задаешься вопросом о его истоках, об условиях, в которых формировалась его личность. О.Н. Трубачев рассказывает: «...Совершенно ясно, что фамилия Трубачев – от *трубач* – фамилия военная, казачья...» (с. 138). Выходец из семьи медиков, переживший многое в военном Сталинграде, ощущал «явную склонность к занятиям языком, с изрядным прилежанием заучивал изо дня в день огромное количество слов по словарям, стараясь поставить себе приличное произношение... Еще задолго до окончания десятилетки я приобрел весьма основательные познания по немецкому языку и немецкой классической литературе, неплохо, практически свободно читал по-французски, начал читать по-английски, по-польски. Делал я это абсолютно самостоятельно... Приобретался язык, да, пожалуй, не один лишь язык, но и характер» (с. 110); хотя «чтобы быть серьезным языковедом, не обязательно быть полиглотом и считать языки десятками. С ними надо работать по необходимости». О.Н. Трубачев говорит: «...По роду деятельности я неплохо ориентируюсь практически во всех славянских языках, это и умение на них объясняться, писать; необходимо также знать и пять-шесть стандартных западноевропейских языков (в частности, английский, немецкий, французский), уметь читать на итальянском, испанском. ...Некоторые занятия венгерским и финским ..., армянским, грузинским и другими древними языками» (с. 200).

Студенческая юность в Днепропетровске с ее новыми впечатлениями – и постоянное чтение, вкус к которому был привит семейным «культуром книги» (с. 123); а «у человека, который не только читает книги, написанные другими, но и сам их пишет, отношение к книгам особое» (с. 130–131).

Важно признание автора-рассказчика: «Я в хобби не нуждаюсь, я всегда лингвист и этимолог – во все субботы-воскресенья, во все отпуска. Моя наука меня не отпускает, но она же меня бесконечно питает и радует ..., не допускает иссушения разума. Она не глушила мои чисто человеческие слабости...» (с. 140). «Спасибо науке, которая, будучи наиболее строгой и точной из гуманитарных, оставалась, тем не менее, в высоком смысле гуманитарной; за звукосоответствиями и филиациями значений она всегда видела и искала человека, социум, культуру. Это великое счастье – быть гуманитарием!» (с. 139). «...Образованный лингвист – это филолог, гуманитарий, ему небезразлично место гуманитарных наук в кругу всех наук, он гордится своим делом, он не согласен на второстепенную роль для своей науки; свою профессию лингвиста он не променяет ни на какую другую...» (с. 159).

Хотя «творческий исследователь, искатель не может полностью ни предсказать, ни предвидеть результат своей работы» (с. 164), О.Н. Трубачев видел и предвидел очень многое, и далеко не только в сфере собственных научных интересов.

Книга «Заветное слово» весьма актуальна, содержательна и поучительна. Трудно переоценить пользу знакомства с ней, особенно – для начинающих ру-

систов. Ведь о высокой социальной значимости языкознания и сегодня нередко забывают – и сами лингвисты «тоже виноваты в этом забвении» (с. 24). Искренняя благодарность ответственным редакторам и составителям книги Г.А. Богатовой и Ю.М. Лоцицу, ее издателям за предоставленную широкому кругу читателей возможность знакомства с размышлениями и суждениями великого русского ученого и подвижника.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М., 1986. С. 297–325.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974.
3. Богатова, Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии / Г.А. Богатова. – М., 1984.
4. Буслаев, Ф.И. О преподавании отечественного языка / Ф.И. Буслаев. – М., 1941.
5. Васильев, А.Д. Слово в российском телеэфире / А.Д. Васильев. – М., 2003.
6. Васильев, А.Д. Своеобразие российской толерантности // Поліетничне середовище: культура, політика, освіта. Т. 1 / А.Д. Васильев. – Луганськ, 2004. – С. 46–67.
7. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5–34.
8. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV / В.И. Даль. – М., 1955.
9. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский. – М., 1973.
10. Достоевский, Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях / Ф.М. Достоевский // Собр. соч. В 10 т. Т. 4. – М., 1956.
11. Калашников, М. Вперед, в СССР-2 / М. Калашников. – М., 2003.
12. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М., 2002.
13. Касарес, Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес. – М., 1958.
14. Расторгуев, С.П. Философия информационной войны / С.П. Расторгуев. – М., 2003.
15. Срезневский, И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте / И.И. Срезневский // Русское слово. – М., 1986. – С. 103–161.
16. Стеблин-Каменский, М.И. Возможно ли планирование языкового развития? / М.И. Стеблин-Каменский // Спорное в языкознании. – Л., 1974. – С. 80–96.
17. Толстой, Л.Н. Война и мир / Л.Н. Толстой // Собр. соч. В 22 т. Т. VI. – М., 1980.
18. Трубачев, О.Н. Реконструкция слов и их значений / О.Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – 1980. – № 3. – С. 3–14.
19. Трубачев, О.Н. / О состоянии русского языка // Русская речь. – 1992. – № 5. – С. 43–44.
20. Трубачев, О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси / О.Н. Трубачев. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М., 2005.
21. Филин, Ф.П. Историческая лексикология русского языка: проспект / Ф.П. Филин. – М., 1984.
22. Флоренский, П. Столп и утверждение истины / П. Флоренский // Собр. соч. Т. IV. – Paris, 1989.
23. Юнг, К.Г. Настоящее и будущее / К.Г. Юнг // Божественный ребенок. – М., 1997. – С. 177–247.
24. Timroth W. von. Russian argo, jargon, slang and mat / W. von Timroth // Slavistische Beiträge. – Band 205, 1986.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т.Н. Закаблуква

ЗНАКОВЫЕ ОБРАЗЫ В ЖИЗНИ ПОКОЛЕНИЙ СИБИРСКОЙ СЕМЬИ

В сибирских текстах является традиционным собирательный образ Сибири. Его составляющие характеризуются географическими и биологическими основами, формирующими уклад бытия населения Сибири. Причем природа имеет оттенки не только возвышенного идеала, но и является олицетворением суровых обстоятельств, преодолевая которые, человек должен либо выжить, либо погибнуть. Помимо этого, утверждается мысль, что жизнь каждого отдельного человека и природы имеет абсолютную ценность. Оба этих начала самостоятельны внутри себя и усиливаются при взаимодействии друг с другом.

Образ Сибири в романах Г.Д. Гребенщикова и В.Я. Шишкова отличает то, что он представляет собой сложную и многогранную систему, которую можно условно назвать «миром». Составляющие этого образа связаны между собой самим человеком, его жизнью и деятельностью и имеют относительно устойчивые черты, определяемые не только в географическом и биологическом аспектах, но и личным восприятием героев.

В нашей статье мы рассмотрим на материале романа-эпопеи Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и романа В.Я. Шишкова «Угрюм-река» наиболее значительные составляющие образа Сибири, которые являются знаковыми в жизни поколений сибирской семьи.

Географическое и биологическое пространство «мира Сибири» замкнуто и ограничено сибирским топосом, где лес (тайга), окружающий места поселений, и река становятся естественными преградами от цивилизованного мира.

Заметим, что при упоминании о лесном массиве Сибири авторы используют понятия «лес» и «тайга». Причем Гребенщиков наиболее точен в определении географического и биологического качества, называя лесом множество деревьев, растущих на большом пространстве, преимущественно смешанного типа. Слово «тайга» используется им для обозначения дикого и труднопроходимого леса, чаще всего хвойного. Шишков же употребляет эти наименования преимущественно в качестве синонимов. Так, например: «Проخور пошел в глубь леса. Все гуще, непролазнее становилась тайга» [Шишков 1983 : 215].

Здесь следует пояснить, что обычно в сибирских текстах понятие «тайга» является наиболее сильным и могущественным, порой даже жестоким; располагается тайга в отдалении от деревни или села. Лес же чаще выступает в роли спасителя, охранника, защитника, кормильца, окружая поселения человека.

Большую роль в жизни поколений играет река, образ которой многофункционален. Это и естественная преграда, и особый рубеж в жизни героев, и путь в цивилизованный мир. С помощью реки герои решают проблемы как экономического, так и личного плана, что наиболее характерно для предшественников последнего поколения семьи.

Для жителей внутри сибирского топоса – деревни или села – река становится границей между жилищем человека и природой: «надежной городьбой между деревней и благодатью Божьей» [Гребенщиков 1991 : 14] (т. е. между поселением и лесным массивом. – Т.З.). И в то же время она является нитью, связывающей обжитое человеком пространство и мир сибирской природы. Большое значение имеет этот образ в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река», где она выносится в название произведения. Река здесь является живым организмом и собирательно-обобщающим образом жизни сибиряка: «...ты знаменуешь собою – Жизнь» [Шишков 1983 : 367.] По замыслу писателя Угрюм-река – это «океан жизни, охватывающий человека с первых же шагов, символ, более обобщенный и глубокий, чем “тайга” и “пурга» [Чалмаев 1969 : 53]. Так, главный герой романа, Прохор Громов, при помощи реки ищет не только возможные пути покорения сибирского края, но и новые чувства ощущения, желая стать новым человеком и хозяином своей судьбы.

В романе-эпопее Г.Д. Гребенщикова река является важным подспорьем в совершении торгово-финансовых операций; становится последним пристанищем для главы семьи третьего поколения Чураевых – Фирса Платоныча; по реке отправляется Викул Чураев в цивилизованный мир с тайными мыслями увидеть своими глазами другую жизнь и найти невесту – «царевну-лебедь» (в этом случае значимым является архетипичный сюжет – поиск невесты в дальних краях). Именно по реке Викул привозит в Чураевку молодую жену-москвичку Наденьку Никитину, которая впоследствии убегает от него тем же путем с его младшим братом Василием.

Один из наиболее часто встречающихся приемов авторов в изображении Сибири – олицетворение и одухотворение природы при ее активном участии в развитии сюжета. Особенно это характерно для В.Я. Шишкова, который говорил по этому поводу: «Я люблю оживлять природу, сливать ее в одно с описываемым действием» [Кочетов 1981 : 43]. Таким образом, в тексте «Угрюм-реки» появляются навеянные образом сибирской природы мифологемы, различные по тематике. Среди них особо выделяются рожденные сознанием русского человека под влиянием: а) культуры коренного народа Сибири – тунгусов (эвенков); б) особого сибирского топоса.

Здесь стоит пояснить, что религиозные воззрения тунгусов в конце XIX – начале XX века представляли собой весьма причудливую цепь из различных стадий развития религиозных представлений. Наиболее древними из них были

одухотворение природы, представление о душе, тотемизм. После освоения русскими Сибири начинается процесс синкретизации язычества тунгусов и христианства русского населения, который отразился как в фольклоре обоих народов, так и в сибирской литературе. Вариантами такого отражения в «Угрюм-реке» являются мифологемы, самая известная из которых – о тунгусской красавице-шаманке Синильге.

Природа в произведениях Гребенщикова и Шишкова чутко реагирует на настроение героев и контактирует с ними, порой даже участвует в развитии действия в качестве персонажа, становится фоном для происходящих событий и играет особую роль в жизни каждого поколения семьи Чураевых и Громовых.

Для поколения основателей семьи – она становится убежищем, тайным местом, куда герои устремляются в надежде скрыться от прежней жизни, от своих грехов. Главной целью для них становится поиск новых благодатных земель и лучшей жизни. Причины, побудившие героев покинуть родные места и отправиться в путь, различны. Основная из них – поиск «тайного места»:

– в «Чураевых» – «потаенного Беловодья», являющегося частью религиозного мировоззрения старообрядцев;

– в «Угрюм-реке» – убежища для укрытия разбойника.

Результаты поисков удачны, и герои обустриваются на новом месте, начинают новую жизнь, основывают семью и трудятся для увеличения благосостояния семьи. Однако достаток семьи зиждется не столько на природных богатствах Сибири, сколько на прибыли от разбойных вылазок. После появления семьи Сибирь для представителей первого поколения окончательно становится не только естественной преградой от цивилизации, но и родным домом.

В жизни следующих поколений сибирская природа еще играет роль естественной преграды, которую они не стремятся преодолеть. На первый план выходят увеличение собственных богатств за счет природных, расширение хозяйства. Наличие достатка обеспечивает поколениям положение в обществе и возможность играть если не главную, то ведущую роль среди односельчан. Активно используя природу как кладовую, герои отстраняются от нее духовно. Когда же их собственная жизнь заходит в тупик, они возвращаются к природе – месту, где им будет дана возможность осмыслить и проанализировать свой жизненный путь, найти место успокоения для святой молитвы. Так, в «Чураевых» Фирс Платоныч перед своей кончиной плывет на шитике по реке, озирая ее берега «как стены нового, гостеприимно принявшего его храма» [Гребенщиков 1991 : 187].

Поколения детей и внуков преодолевают естественные преграды и стараются взаимодействовать с цивилизованным миром. Они начинают использовать природные богатства не только для увеличения благосостояния семьи в пределах ограниченного сибирского топоса, но и для установления товарно-денежных отношений за пределами Сибири. Роль природы как храма для представителей этих поколений сводится к минимуму или исчезает совсем. Природа становится кладовой, богатства которой используются все бездумнее. В ответ на эти действия человека природа становится угрожающе-опасной, способной убить. Таким образом, в тексте романа появляется тема взаимоотношения человека и

природы. В этом случае символичным является путешествие Прохора Громова по Угрюм-реке, где он чудом остается в живых и в столкновении с рекой, тайгой, природой терпит жестокое поражение. Герой не учитывает того, что природа не только прекрасна и полна живительной силы, но она еще и «самостоятельна, взаимодействует с человеком на равных, требует считаться с ней» [Яновский 1984 : 170]. В наше время нет необходимости доказывать, насколько писатель оказался дальновидней тех, кто самонадеянно считал, что природу можно покорить. Сам В.Я. Шишков утверждал, «что человек никогда не покорит природы, что человек может, лишь изучив ее законы и поняв всю ее мудрость, жить с нею в дружбе» [Шишков 1956 : 265].

Природа является хранительницей памяти о первом поколении семьи: «Чураев ясно видел, каков был этот лес, ручей, вся эта местность, когда впервые пришел и поселился здесь скитник Агафон. Недавно иструхла та свалившаяся лесина, в которую была врезана первая иконка-складень, принесенная дедом в заплечной сумке издалека» [Гребенщиков 1991 : 17].

Таковыми же хранителями памяти поколений являются жилища, в которых проживают семьи. Они являются частью «мира» сибиряка, имеют свою историю, соотносимую с историей поколения, живущего в нем, и становятся своеобразными этапами роста благосостояния семьи.

Начинается история семьи с маленькой, покосившейся избы (дома), которая на момент описываемых событий уже не является жилым помещением, но сохраняется потомками в качестве примера для будущих поколений. Ее «берегут, не ломают: пусть внуки-правнуки ведают, посматривая на покосившуюся черную избенку с кустом бузины на крыше, с чего начал дед и до каких хором своими руками достукался» [Шишков 1956 : 9]. В этой избе (доме) проходит начальный этап жизни первого поколения, начало всего хозяйства.

По мере появления достатка и увеличения семьи основатели строят дом, больший по размеру, для следующих поколений. Дом обносят забором, защищая таким образом родовое гнездо от внешних вторжений.

В «Угрюм-реке» это таежная заимка, которая представляет собой несколько строений, обнесенных бревенчатым частоколом, «верхушки бревен заострены, окованы, как копыта», «ворота грузные, в железных лапах», «в стене прорублены дозорины» [Шишков 1983 : 8–9]. Сам дом, где проходит жизнь первого и начало жизни второго поколения, скрыт от посторонних глаз. Его можно увидеть, если залезть на высокое дерево: «в середине бревенчатого четырехугольника красуется просторный, приземистый, под железом, дом» [Шишков 1983 : 9]. На территории заимки находятся:

- первая изба, с которой начиналась жизнь первого поколения: покосившаяся черная избенка «с кустом бузины на крыше»;
- второе жилище семьи, которое было выстроено позднее: посеревший от времени «флигель, что прячется за домом».

После смерти основателя второе поколение семьи переселяется в большое торговое село Медведево, где строит новый «двухэтажный дом со светелкой» и

открывает торговлю, отрицая замкнутый образ жизни основателей и формируя свой, новый.

В «Чураевых» герои проживают в усадьбе, которая состоит из нескольких домов, огороженных оградой. Она не скрыта от посторонних глаз, а наоборот, видна всей деревне, демонстрирует достаток рода. На ее территории находятся:

– дом, в котором проходит жизнь первого поколения: «маленький и серенький кедровый пятистенник, криво вросший в землю» (это строение является вторым домом от начала «укоренения» семьи – первая изба с берестяной крышей к моменту описываемых событий сгорела. – *Т.З.*) [Гребенщиков 1991 : 11];

– дом, в котором проходит большая часть жизни второго и третьего поколений: «выстроенный из листвяги, с крутой тесовой крышей на два ската, с глухим крыльцом, с окнами в ограду» [Гребенщиков 1991 : 11];

– новый двухэтажный дом: таким образом глава семьи готовит место для проживания будущих поколений, заранее закрепляя место проживания молодой семьи: «большой, сосновый, в два этажа, с расписными окнами, с железной крышей, с раскрашенными хитрой вырезью воротами» [Гребенщиков 1991 : 11], с лавкой и складами для товаров. Дом находится в центре общинного поселения на пригорке: «посреди всех других, как церковь: высок, красив, богат» [Гребенщиков 1991 : 12] Усадьба располагается таким образом, что появляется возможность контролировать происходящее в хозяйстве с любой точки нахождения хозяина: «видны пашни, пасеки, маральник, а с пашни, из пасеки и из маральника как на ладошке – дом и вся деревня» [Гребенщиков 1991 : 14]. Здесь живут все поколения Чураевых, и здесь же разрушаются их родственные отношения.

Авторами подчеркивается, что труднодоступность жилища характерна для основателей, которые стремились к обособленности и отгороженности от внешнего воздействия («глухое крыльцо», «окна в ограду», высокая ограда и т. п.). Замкнувшись и отгородившись, они создают свой «мир». И только тогда, когда этот «мир» становится достаточно прочным, семья начинает слияние с социумом. Но не в качестве дополнительной единицы, а в качестве руководителя общественными процессами в духовной или материальной сфере.

Представители следующих поколений, и особенно живущие на рубеже XIX–XX в., становятся разрушителями патриархальных устоев. При этом ими руководит стремление вырваться из замкнутого пространства родительской семьи. В частности, герои Гребенщикова Василий и Викул Чураевы пытаются уйти в цивилизованный мир для того, чтобы познать иную жизнь. Однако, пройдя ряд тяжелых испытаний, Викул возвращается обратно, чтобы построить среди тайги храм и обрести душевный покой: так символично завершается круг его исканий. Возвращение же Прохора Громова реализуется Шишковым на метафорическом уровне – герой возвращается не к месту рождения, а к духовным истокам, пониманию того, что им было непоправимо разрушено в процессе становления «дела».

Полностью отказавшись от традиционных форм хозяйствования прежних поколений, сложившихся веками, религиозных воззрений, родительской семьи, почти на генетическом уровне представители поколения разрушителей патри-

архальных устоев сохраняют часть основ, восстанавливая то, что отрицалось, и возвращаясь к уже пройденной стадии развития. Однако это не является простым возвратом к исходной точке – это уже совершенно новое, обогащенное опытом понятие, где образ Сибири продолжает играть очень важную роль в формировании мировоззрения героев.

Библиографический список

1. Гребенщиков, Г.Д. Чураевы: роман, повести, рассказы / Г.Д. Гребенщиков. – Иркутск, 1991.
2. Кочетов, В.Н. В.Я. Шишков и устное народное поэтическое творчество / В.Н. Кочетов. – М., 1981.
3. Шишков, В.Я. Собр. соч. В 8 т. – Т.3 / В.Я. Шишков. – М., 1983.
4. Шишков, В.Я. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма / В.Я. Шишков. – Л., 1956.
5. Чалмаев, В.А. Вячеслав Шишков: критико-биографический очерк / В.А. Чалмаев. – М., 1969.
6. Яновский, Н.Н. Вячеслав Шишков: очерк творчества / Н.Н. Яновский. – М., 1984.

**МИФОЛОГЕМА ВОДЫ / ОКЕАНА / РЕКИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
В. П. АСТАФЬЕВА И Г. МЕЛВИЛЛА**

Для современного исследователя все более очевидным становится тот факт, что одно из наиболее значимых произведений Виктора Петровича Астафьева – повествование в рассказах «Царь-рыба» (1976) – не стоит особняком в мировой литературе. В частности, глубокие типологические связи сближают его с романом классика американской литературы Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (1851, русский перевод 1961). Несмотря на кажущуюся парадоксальность их сопоставления (разные культуры, языки, стили, литературные направления), с помощью сравнительного анализа можно обнаружить сходство не только этико-философских концепций, но и образных систем данных произведений.

Оба писателя раскрывают свое отношение к проблемам сосуществования человечества и природы через близкие друг другу мифологические образы (мифологемы), такие, как, например, мифологема реки / океана. Кроме того, в указанных произведениях легко обнаружить и другие параллельные образы, приобретающие в них ярко выраженную мифологическую окраску, в числе которых в первую очередь следует упомянуть мифологему рыбы / кита и мифологему охотника / рыболова. И это неслучайно. По мнению современных философов и экологов, «мифический» тип отношения к природе не отменен развитием технической цивилизации», более того, в их дискуссиях и размышлениях постоянно присутствует мотив «ностальгии по мифическому, т. е. восприятию природы через миф, гарантирующему органическую цельность, слитность человека с окружающим миром» [Гайденко 1995 : 43].

Поскольку вода является одной из фундаментальных стихий мироздания, комплекс вопросов, связанных с ее постижением, занимает особое место в человеческом сознании. Ряд современных исследователей полагает, что «основное назначение воды – быть информационной основой биологической жизни во Вселенной» [Плыкин 1985 : 10]. В космогонии многих народов вода знаменует собой начало и конец всего сущего, соединяя в себе мотив зарождения жизни и мотив погоста (ср. известное не только в славянской мифологии различие живой и мертвой воды). Как указывает Е.М. Букаты, «амбивалентность <...> стихии воды позволяет метафорически изображать жизнь как омут, кружение на поверхности воды, а смерть – опускание на дно или достижение берега, то есть обретение покоя в другой жизни» [Букаты 2005 : 79]. По мнению С.С. Аверинцева, именно «с мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте» [Аверинцев 1980 : 240]. Отсюда символика ритуального омовения как второго рождения, нового выхода из ма-

теринской утробы. «Вода живая, свежая, ключевая, нередко представляется образом всеоживляющего благословения Божия (Ис. XII, 3). Как в обрядовых омошениях Ветхого Завета вода служила образом нравственного очищения евреев, так крещение в Новом Завете служит образом таинственного очищения от грехов и духовного возрождения в жизнь новую, благодатную (Иоанн. III, 5, Ефес. V, 26 и др.)», – указывал архимандрит Никифор [Библейская энцикл. 1990 : 128].

Выступая средой и агентом «всеобщего зачатия и порождения» [Аверинцев 1980 : 240], *мифологема воды* может играть роль как женского, так и мужского начала. Так, у индоевропейцев весьма распространен мотив брачного союза неба (мужской стихии) с землей или водой как с женщиной. У В.П. Астафьева мифологема воды воплощает в себе преимущественно женские черты (подобно мифологеме царь-рыбы, как, впрочем, и природе в целом). Ю.Г. Бобкова указывает на проявление эросной символики воды в текстах русского писателя, в частности, в ранних его произведениях (образ стакана воды в повести «Звездопад», воплощение женского начала в образе ручейка в повести «Пастух и пастушка») [Бобкова 2004 : 28–29].

Иначе у Г. Мелвилла. В романе «Моби Дик» вода знаменует собой мужское начало, «плодотворящее мужское семя, заставляющее землю рожать» [Аверинцев 1980 : 240], небо же, наоборот, олицетворяет стихию женскую, гармонично соединяющуюся с мужской. (Заметим, что в данном произведении присутствуют все известные стихии: *вода, огонь, воздух, земля.*) Особенно ярко это проявляется тогда, когда вода конкретизируется в *мифологеме океана*. В главе «Симфония» мы так и читаем: «Своды воздуха и воды соединялись почти неприметно для глаза во всепронизывающей лазури; задумчивая высь была как-то *по-женски* прозрачна, мягка и чиста, а могучий *мужественный* океан вздымался долгими, сильными, медлительными валами, точно грудь спящего Самсона. В вышине взад и вперед скользили на незапятнанных крыльях легкие, белоснежные птицы; то были кроткие думы *женственной* лазури; между тем как в глубине, далеко в синей бездне, проносились туда и сюда свирепые левиафаны, меч-рыбы и акулы; и это были упорные, беспокойные, убийственные *мужские* мысли могучего океана. Но как ни велик был внутренний контраст между этими стихиями, снаружи он выступал лишь в оттенках и полутонах; вдвоем они составляли одно, как бы являя собой *два начала: женское и мужское*» [Мелвилл 1987 : 566–567].

В мифопоэтической традиции *мировой океан* «как пребывающее в хаотическом движении первовещество находится везде. Он безграничен, не упорядочен, не организован, опасен и ужасен, аморфен, безвиден (иногда отмечается его какофоничность, противопоставленная упорядоченному ритму моря)», – систематизирует В.Н. Топоров [Топоров 1982 : 249]. Являясь эквивалентом первобытного хаоса, водная бездна или персонифицирующее ее чудовище обычно выступают олицетворением смертельной опасности и даже метафоры смерти. В рассматриваемых нами произведениях ярчайший пример последнего нам дает Белый Кит Моби Дик. Однако и образ царь-рыбы у В.П. Астафьева несет аналогичную семантическую нагрузку.

По Г. Мелвиллу, власть океана (моря) над человеком безгранична. «Море не знает милосердия, не знает иной власти, кроме своей собственной. Храпя и фыркая, словно взбесившийся боевой скакун без седока, разливается по нашей планете самовластный океан» [Мелвилл 1987 : 316] («No mercy, no power but its own control it. Panting and snorting like a mad battle steed that has lost its rider, the masterless ocean overruns the globe» [Melville 1984 : 270]). Мысль американского писателя соответствует традиционным представлениям, сложившимся у многих народов. В различных культурах также получила развитие концепция пребывания мирового океана до начала творения и неизбежной будущей гибели *космоса* в его водах, когда океан вновь наполнит собой все пространство и станет единственной стихией мироздания. Возможно, наиболее ярко и лаконично данная идея была воплощена в стихотворении Ф.И. Тютчева «Последний катаклизм» (1830):

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них! [Тютчев 1990 : 59]

Нечто подобное мы находим и у В.П. Астафьева. В повести «Пастух и пастушка» Борис Костяев видит во сне эсхатологическую картину всемирного потопа: «Земля, залитая водою, без волн, без трещин и даже без ряби. <...> По воде идет паровоз, тянет вагоны, целый состав, след, расходясь на стороны, растворяется вдаль. Море без конца и края, небо, неизвестно где сливающееся с морем. И нет конца свету. И нет ничего на свете. Все утопло, покрылось толщей воды. Паровоз вот-вот ухнет в глубину, зашипит головешкою, и коробочки вагонов ссыплются туда же вместе с людьми, с печами, с нарами и с солдатскими пожитками. Вода сомкнется, покроет гладью то место, где шел состав. И тогда мир этот, залитый солнцем, вовсе успокоится, будет вода, небо, солнце и ничего больше! Зыбкий мир, без земли, без леса, без травы. Хочется подняться и лететь, лететь к какому-нибудь берегу, к какой-нибудь жизни» [Астафьев 1997. Т. 3 : 79–80].

Однако, по Г. Мелвиллу, данная катастрофа окажется губительной для человечества, но отнюдь не для кита: «Он плавал по морям задолго до того, как материки прорезались над водою; он плавал когда-то там, где теперь находятся Тюильри, Виндзорский замок и Кремль. Во время потопа он презрел Ноев ковчег, и если когда-либо мир, словно Нидерланды, снова зальет вода, чтобы переморить в нем всех крыс, вечный кит все равно уцелеет и, взгромоздившись на самый высокий гребень экваториальной волны, выбросит свой пенящийся вызов прямо к небесам» [Мелвилл 1987 : 496]. Пройдет немногим более ста лет, и В.П. Астафьев опишет убийственное влияние человека на казавшийся прежде столь неуязвимым водный мир: «Ревел порог. Шумел порог, как сотню и тысячу лет назад, но не плескалась, не виляла в его струях, не шлепалась на волнах, сверкая лезвием спины, стерлядь – живое украшение реки» [Астафьев 1997. Т. 6 : 296]; «...я поразился пустынности реки Маны, ее какому-то сиротски-раскатырному виду <...>. Богатая, свободная красавица, она выглядела бедной, бесприютной старухой» [Астафьев 1997. Т. 7 : 131].

Для Г. Мелвилла же потоп – перманентное состояние нашей планеты. Он напоминает человеку, утратившему в конце концов «первоначальное чувство ужаса, естественно вызываемого морем»: «Первый известный нам корабль плавал по океану, который с чисто португальской мстительностью залил весь мир, не оставив в живых ни единой вдовы. Тот же самый океан колышется вокруг нас и сегодня, тот же самый океан и в этом году разбивает наши корабли. Да, да, неразумные смертные, Ноев потоп еще не окончен, он и по сей день покрывает две трети нашего славного мира» [Мелвилл 1987 : 316] («...Yea, foolish mortals, Noah's flood is not yet subsided; two thirds of the fair world it yet covers» [Melville 1994 : 270]).

Образ океана у Г. Мелвилла весьма многогранен. Как указывает Ю.М. Ковалев, автор создает его, «опираясь на верования, мифы, поэтические легенды – от религии древних персов и предания о Нарциссе до «Старого моряка» Колриджа и фантастических историй, авторами которых были нантакетские и нью-бедфордские матросы» [Ковалев 1972 : 195]. В результате океан становится «сложным *гносеологическим символом*, соединяющим в себе вселенную, общество и человека» [Ковалев 1972 : 196] (Выделено мной. – *В.Д.*).

Таким образом, в «Царь-рыбе» выстраивается цепочка *Бог – природа – Енисей – царь-рыба*, подобная мелвилловской *Бог – истина – океан – Моби Дик*.

Библиографический список

1. Гайденко, В.П. Природа в религиозном мировосприятии / В.П. Гайденко // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 43.
2. Плыкин, В.Д. «В начале было Слово...», или След на воде / В.Д. Плыкин. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1995. – С. 10.
3. Букаты, Е.М. Мотив гибели в воде в «Последнем поклоне» В.П. Астафьева / Е.М. Букаты // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: сб. материалов I Междунар. науч. конф., посвященной творчеству В.П. Астафьева. Красноярск, 7–9 сентября 2004 г. / отв. ред. Г.М. Шленская; Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2005.
4. Аверинцев, С.С. Вода / С.С. Аверинцев // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. Т. 1. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1980.
5. Библейская энциклопедия. – Репринт. изд. – М.: ТЕРРА, 1990.
6. Аверинцев, С.С. Указ. соч. – С. 240.
7. Бобкова, Ю.Г. Символика воды в текстах ранних произведений В.П. Астафьева / Ю.Г. Бобкова // Астафьевские чтения. – Вып. 2 (17–18 мая 2003 г.). – Пермь: Мемориал. центр истории полит. репрессий «Пермь-36», 2004.
8. Аверинцев, С.С. Указ. соч. – С. 240.
9. Мелвилл, Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т.1. Моби Дик, или Белый Кит: роман / Г. Мелвилл ; пер. с англ. И. Бернштейн; вступ. ст., послесл. Ю. Ковалева; примеч. Е. Апенко, И. Бернштейн. – Л.: Худож. лит., 1987.
10. Melville, H. Moby Dick / H. Melville. Reading: Penguin Books, 1994 (Penguin Popular Classics).

11. Топоров, В.Н. Океан / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1982.
12. Тютчев, Ф.И. Сочинения. В 2 т. Т.1. / Ф.И. Тютчев. – М.: Правда, 1980. – (Б-ка «Огонек». Отечеств. классика).
13. Астафьев, В.П. Собрание сочинений. В 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997.
14. Ковалев, Ю. Герман Мелвилл и американский романтизм / Ю. Ковалев. – Л.: Худож. лит., 1972.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Н.И. Дроздов, В.И. Макулов, В.П. Чеха

ГЕОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ ТУВЫ

Введение

Территория Южной Тувы в приграничной с Монголией полосе долгое время оставалась наименее изученной в природном, археологическом плане. В представленной работе впервые наиболее полно приведены результаты геолого-геоморфологических и археологических исследований, проведенных совместными полевыми отрядами Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева и Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири Института археологии и этнографии СО РАН в 2003–2005 гг. Исследования проводились по северной окраине Убсунурской впадины, примыкающей к хребтам Западный и Восточный Танну-Ола, а также в пределах низкогорий указанных хребтов на протяжении около 500 км – от р. Тэс-Хем на востоке до р. Саглы на западе (рис. 1). Работы проводились при финансовой поддержке грантов КГПИУ – 14-1 фп, 12-05-1 фп, 43-04-1 фп.

К истории геоархеологических исследований на юге Тувы

До начала XX в. имелись лишь самые общие представления о геологии, геоморфологии и археологии территории Республики Тува. Не были исключены и ее южные районы, граничащие с территорией Монголии. В первую очередь это объяснялось географической обособленностью и труднодоступностью региона, основную площадь которого представляют горные районы Саяно-Алтая и закрытые узкие межгорные долины. Существенную роль играли отсутствие транспортных путей, значительная удаленность от научных и административных центров и то, что многие науки, в том числе география, этнография, археология, геология, в это время переживали период становления, шел процесс постепенного освоения и изучения новых территорий мира.

Начало научных геологических и географических исследований в Туве было положено экспедицией известного географа и путешественника П.А. Чихачева, проведенной в 1842 г. в долине р. Хемчик. Эти работы явились составной частью широкомасштабных исследований, проведенных П.А. Чихачевым в 1842–1845 гг.

на Алтае, в Западном и Восточном Саяне, Минусинской котловине и послужили основой для составления первой геологической схемы обследованных регионов.

Существенный вклад в изучение и описание Тувы внесли участники первой Сибирской экспедиции Русского Географического общества Л.Э. Шварц, руководивший экспедицией, и И.С. Крыжин, являвшийся военным топографом. В 1858 г. во время путешествия по некоторым районам республики участники экспедиции собрали значительную геологическую коллекцию и произвели первую топографическую съемку центральной и восточной частей Восточного Саяна.

В 1877 и 1879 гг. в Монголии и соседнем Урянхайском крае (Тuve) работала экспедиция под руководством известного русского географа и путешественника Г.Н. Потанина, которая собрала значительный объем сведений по различным отраслям знаний этого уникального края: геологии, географии, топографии, археологии, биологии и зоологии. Существенный комплекс экспедиционных исследований был проведен в интересующих нас районах – окрестностях озера Убсу-Нур, Западном Танну-Ола и долине р. Торгалык (южный). В 1892 г. ботаник П.Н. Крылов в пределах хребтов Танну-Ола описал 636 видов растений, из них 450 впервые. В составе потанинской экспедиции в 1879 г. впервые принял участие археолог и этнограф А.В. Адрианов (акцизный чиновник, правитель дел Красноярского подотдела Русского Географического общества). В 1881 г. А.В. Адрианов продолжил исследования на территории Западной Тувы, возглавив первую археологическую экспедицию. В плане археологического изучения его в первую очередь привлекали видимые памятники: курганы, каменные изваяния и древние наскальные рисунки. Эти археологические объекты весьма широко были представлены на обследованных территориях и о них прежде всего рассказывали местные жители при расспросах. Специальными поисками памятников древнего каменного века в Туве А.В. Адрианов не занимался. Это было обусловлено в первую очередь тем, что в то время в России палеолитоведение находилось в стадии зарождения и делало свои первые шаги.

Последователем А.В. Адрианова в изучении археологических памятников Тувы явился археолог и этнограф Д.А. Клеменц, путешествовавший по ее западным районам в 1885, 1887, 1891 и 1892 гг. Как и его предшественники, он отмечал местоположения видимых археологических объектов, относящихся в основном к эпохе палеометалла и Средневековья. Одновременно исследователь проводил геологические, географические и другие виды обследований (отметим, что комплексность и многоплановость исследований были характерны практически для всех экспедиций того времени). Тем не менее при всех успехах отдельных исследователей к началу XX в. Тува оставалась слабо изученным регионом во всех областях науки.

В начале XX в. интенсивность исследований территории Тувы, проводимых геологами, географами и археологами, значительно увеличилась. Среди исследователей можно отметить И.П. Рачковского, Б.М. Порватова, Г.Е. Грум-Гржимайло и др. С именем последнего связывается первое упоминание о каменном веке изучаемого нами региона: «Первое упоминание о наличии памятников ка-

менного века в Северо-Западной Монголии («без ближайшего, однако, указания местности») принадлежит известному географу Г.Е. Грум-Гржимайло и сделано им еще в начале XX в.» [Кудрявцев, 2002 : 142].

В период существования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) ведущее значение имели исследования АН СССР. Значительный вклад в изучение геологии и географии Тувы внесли: З.А. Лебедева, В.А. Кузнецов, М.В. Кириллов, С.В. Обручев, И.С. Гудилин, И.Г. Нордега, Л.Д. Шорыгина, И.И. Белостоцкий, В.П. Маслов, Э.М. Мурзаев и др. Работы многочисленных экспедиций АН СССР носили, как правило, узконаправленный характер. Широкий размах они приобрели после вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г., и особенно в 50–60-е гг. прошлого века. Отметим капитальные работы по растительности Тувы (К.А. Соболевская), животному миру (А.М. Янушевич, П.П. Сушкин), по почвенному покрову (Б.Ф. Петров, М.В. Кириллов), по геологии, геоморфологии (В.П. Маслов, Н.С. Зайцев, Э.М. Мурзаев, В.А. Обручев).

Что касается археологических исследований, то их интенсификация, упорядоченность и планомерность также связаны с периодом 50–60-х гг. минувшего столетия. Но еще ранее в Туве было сделано весьма примечательное открытие – выявлены памятники каменного века и, в частности, относящиеся к эпохе палеолита. Их первооткрывателем является замечательный советский археолог С.А. Теплоухов. В 1926, 1927 и 1929 гг. он участвовал в работах Монгольской экспедиции АН СССР, проводившей исследования на территории Монголии и Тувы. Первое местонахождение каменных предметов в Центральной Туве было найдено С.А. Теплоуховым вблизи оз. Чедер. Археологический материал был зафиксирован на песчаных выдувах террасы р. Ангачи [Монгуш 1980 : 36; Абрамова, Астахов, Васильев, Ермолова, Лисицын 1991 : 6]. С.А. Теплоухов находил их близкими материалам палеолитических стоянок Монголии. Однако материалы не были опубликованы автором открытия и не привлекли должного внимания специалистов того времени. Собранный коллекция позднее была частично опубликована Г.П. Сосновским [1940 : 87] и Л.Р. Кызласовым [1958 : 71]. Значение открытий, сделанных С.А. Теплоуховым в Туве, было по достоинству оценено его последователями. В частности, академик А.П. Окладников, характеризуя итоги работ А.П. Теплоухова, писал: «Пионером археологических исследований в Туве был, как известно, выдающийся советский археолог С.А. Теплоухов, которому мировая наука обязана фундаментальной периодизацией археологических памятников Южной Сибири, являющейся и до настоящего времени основой всех дальнейших работ. С.А. Теплоухов в своих раскопках и разведочных поисках впервые приоткрыл завесу над загадочной в то время археологией Тувы. Он не только установил факт наличия в Туве памятников скифо-сибирского облика, ввел их в общую систему истории культуры степных племен Евразии, но и первым обнаружил здесь следы деятельности человека несравненно более раннего времени – нашел каменные орудия. Его поиски, открытия и выводы в полной мере сохраняют свое значение. Так началась уже в 20-х гг. нашего века научная, на уровне самых высоких мировых стандартов, археологическая работа в Туве» [Окладников 1980 : 4].

Начало 1950-х гг. для изучения археологического прошлого Тувы было ознаменовано тем, что здесь начали работу сразу две экспедиции. Одна из них была организована Тувинским научно-исследовательским институтом языка литературы и истории (ТувНИИЯЛИ). С 1951 по 1958 гг. ее руководителем был С.И. Вайнштейн, а с 1960 по 1980 гг. ее возглавлял М.Х. Маннай-оол [История Тувы. Т. 1 2001 : 5]. Экспедицией проведен ряд замечательных исследований и сделаны открытия, среди которых особое место принадлежит раскопкам уникального погребального комплекса «царского» кургана Аржан, а также открытию ряда палеолитических стоянок в различных, в том числе южных районах Тувы.

Вторая экспедиция была организована Московским государственным университетом и работала в Туве с 1953 по 1980 гг. под руководством Л.Р. Кызласова [История Тувы. Т. 1 2001 : 5]. Экспедиция достигла весьма существенных успехов в археологическом поиске, в том числе и в накоплении сведений о палеолитических местонахождениях Тувы, но основное внимание она уделяла изучению памятников эпохи палеометалла и Средневековья.

В период 1959–1963 гг. значительный объем работ по изучению древнего металлургического производства Тувы и разработке рудных месторождений провел Я.И. Сунчугашев. Исследователем были открыты и обследованы несколько центров древней металлургии и месторождений руд, которые интенсивно разрабатывались в древности и являлись мощной сырьевой базой для развития металлургического производства.

В 1957 г. начала свою работу Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством Л.П. Потапова. Исследования велись несколькими отрядами, которыми руководили С.И. Вайнштейн, В.П. Дьяконова и А.Д. Грач. Одним из наиболее важных итогов работы этой экспедиции было открытие в долине р. Саглы первого палеолитического местонахождения с археологическим материалом леваллуа-мустьерского облика [Абрамова, Астахов, Васильев, Ермолова, Лисицын 1991 : 8].

Наиболее масштабные археологические исследования проводились в Туве в 60–90-е гг. XX в. Саяно-Тувинской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии (ЛО ИА) АН СССР под руководством А.Д. Грача. Параллельно осуществлялись масштабные геолого-геоморфологические работы, проводимые известным красноярским ученым-геологом, преподавателем Красноярского государственного педагогического института А.Ф. Ямских [Астахов, Ямских, 1995 : 4–9]. Этот этап стал качественно новым в изучении палеолита Тувы, были открыты десятки палеолитических стоянок в различных ее районах [Астахов 1986 : 6–8; Абрамова, Астахов, Васильев, Ермолова, Лисицын 1991 : 8; История Тувы. Т. 1 2001 : 5]. В числе этих памятников были стоянки, относящиеся к эпохе среднего и раннего палеолита.

В 1962 г. в составе Красноярской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР, работающей в Туве, начал исследования научный сотрудник ЛО ИА С.Н. Астахов, который непосредственным образом специализировался на изучении палеолитических памятников. В 1965 г. он возглавил палеолитический от-

ряд Саяно-Тувинской экспедиции. Основные открытия и результаты по изучению палеолитических комплексов на юге Тувы принадлежат именно этому отряду. На южных склонах Восточного и Западного Танну-Ола, в долинах рр. Саглы, Торгалык, Хемчик, Ус, Енисей были обнаружены и частично обследованы несколько десятков местонахождений каменного века, охватывающих хронологический период от раннего палеолита до неолита. Основные итоги исследований были обобщены в десятках научных статей и ряде монографий, где вместе с характеристикой археологических материалов дана их хронологическая интерпретация, выделены памятники, относящиеся к раннему, среднему и позднему палеолиту, неолитическому времени [Астахов 1986; Абрамова, Астахов, Васильев, Ермолова, Лисицын 1991]. Автором открытий особо отмечалась определенная закономерность в расположении археологических материалов, которые, как правило, лежат на поверхности, что не дает возможности привлечь для их интерпретации геостратиграфию [Астахов, 1990 : 40]. В то же время С.Н. Астахов находит много общих черт в облике археологических коллекций местонахождений Южной Тувы и Монголии.

В 70–90-х гг. XX века около 90 памятников каменного века были выявлены В.И. Кудрявцевым в различных участках котловины оз. Убсу-Нур [Кудрявцев 2002 : 144]. В эти же годы несколько десятков палеолитических и неолитических местонахождений на юге Тувы и в прилегающих районах Монголии были открыты отрядами ИИФиФ СО АН СССР, работавшими совместно с археологами Тувы и Монголии [Худяков, Плотников, Данченко 1988 : 54–88; Деревянко, Дорж, Васильевский и др. 1986, 1987, 1990].

В 1990–1991 гг. в устьевом участке р. Шалаш значительную коллекцию каменного инвентаря верхнепалеолитического облика собрал геолог В.А. Попов. Он же сделал ряд единичных находок на других местонахождениях в долине р. Торгалык [Кудрявцев 2002 : 144].

В 1999 г. протяженный рекогносцировочный маршрут по южным районам Тувы был проведен отрядом ИАиЭ СО РАН под руководством А.П. Деревянко. В процессе исследований были открыты несколько новых палеолитических местонахождений и обследованы уже известные памятники [Кудрявцев 2002 : 144].

Весьма существенные работы по учету и картографированию археологических памятников Тувы были осуществлены группой тувинских ученых. Важнейшим итогом этих исследований явились составление и публикация Свода археологических памятников Республики Тува [1994].

Сегодня археологические, геоморфологические, палеогеографические исследования в Туве продолжают вести исследователи из различных научных и образовательных центров Санкт-Петербурга, Кызыла, Новосибирска, Красноярска, Германии.

В 2003–2005 гг. на юге Тувы совместными отрядами Красноярского государственного педагогического университета (КГПУ) им. В.П. Астафьева и Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири Института археологии и этнографии (КЛАПСС ИАиЭ) СО РАН были проведены комплексные геолого-геоморфологические и археологические исследования и оценка об-

следованной территории с точки зрения перспектив открытия новых местонахождений палеолита и изучения уже известных памятников, определено их современное техническое состояние.

В процессе работ были открыты и вновь обследованы более 20 разновременных палеолитических стоянок, расположенных в долине р. Тэс-Хем, вблизи устья ее правого притока р. Тьттыг-Хем (Тэс-Хем 1–3), в устье р. Ирбитей (Ирбитей 1–6), в долине р. Торгалык (Торгалык 1–9), в долине р. Улатай (Улатай 1,2), в долине р. Борцоо-Гол (Борцоо-Гол), группа местонахождений в долине р. Саглы и др. [Дроздов, Дроздов, Макулов, Чеха 2003 : 120–126; Дроздов, Макулов, Чеха 2004 : 37–48; Дроздов, Макулов, Чеха, Заика 2005 : 41–45]. Наконец, в 2005 г. нами была детально исследована восточная часть Торгалыкской впадины и получены новые материалы по геолого-геоморфологическому строению и археологии этого района.

Геолого-геоморфологическая характеристика

В современном рельефе выделяется южная горная дуга, которую составляют хребты Западный и Восточный Танну-Ола. Южнее хребтов в пределы Тувы заходит северная часть Убсунурской впадины, которая является составным элементом более крупной бессточной котловины Больших озер Западной Монголии. Танну-Ола служит частью мирового водораздела между бассейном Северного Ледовитого океана и бессточными впадинами Центральной Азии. Этот географический рубеж определяет резкую границу ландшафтов. Севернее развиты горная тайга и степи в межгорных впадинах, южнее – полупустынные степи (ландшафты монгольского типа).

В структурно-геологическом плане Западный Танну-Ола является горстом, образованным на месте синклинория, заполненного дислоцированной мощной толщей позднепалеозойских отложений – песчаников, аргиллитов, конгломератов. Осевую часть хребта слагают пестроцветные песчаники девона, образующие крутую синклинальную структуру, осложненную сбросами. Восточный Танну-Ола в структурном плане является горст-антиклинорием, сложенным главным образом эффузивными кембрийскими толщами с интрузиями гранитов [Геология Тувинской АССР 1990].

Современный рельеф хребтов отражает определенным образом простирания и ориентировку древних структурных элементов. Так, северо-восточное простирание хребта Западный Танну-Ола (Западно-Танну-Ольского синклинория в современной тектонической структуре) совпадает с простиранием в девоне оси позднепалеозойской геосинклинали. Основные геоморфологические черты территории начали складываться в основном в послелюрское время в результате длительного выравнивания (пенепленизации) и срезания древних геологических структур. Остатки пенеплена прекрасно сохранились в вершинных частях хребтов в виде выровненных, всхолмленных поверхностей.

С началом неотектонического этапа развития (миоцен-плиоцен) территория нынешних хребтов Танну-Ола начала испытывать поднятия, причем ограничивающими хребты в пространстве были новые региональные широтные сбросы

северного и южного склонов (Северо-Таннуольский и Южно-Таннуольский разломы). Оживились и древние меридиональные разломы земной коры. Все это начало создавать достаточно сложную сводово-глыбовую структуру хребтов. В это же время происходили относительное опускание южнее хребтов и формирование Убсу-Нурской впадины с накоплением вдоль фаса хребтов континентальных конгломератов, песков, глин мощностью до 300 м. Содержащаяся в них фауна пресноводных моллюсков позволяет относить отложения к плиоцену [Зайцев 1997]. Речная сеть в этот период, похоже, значительно отличалась от современной. Об этом говорят обнаруженные нами фрагменты древних речных долин субширотного направления на южном склоне хребта Восточный Танну-Ола. В настоящее время реки имеют преимущественно субмеридиональный характер. Уже в позднем илиоцене – раннем плейстоцене высота Западного Танну-Ола составила 2500–3000 м [Алтае-Саянская... 1969]. В четвертичном периоде поднятие хребтов и обособление Убсу-Нурской впадины продолжались. Произошло глубокое эрозионное расчленение горных сооружений. Более слабые поднятия в виде террас главных рек фиксируются и в области впадины. Горы в это время подвергались в верхнем ярусе оледенению с формированием каров, цирков, трогов, конечных морен. На участках, не охваченных ледниками, образовывались курумы, осыпи, нагорные террасы, прочие криогенные формы, у подножия гор – делювиально-пролювиальные формы, в пределах впадин были распространены процессы аридной денудации и аккумуляции с образованием останцового рельефа, котловин выдувания. В долинах рек, как в пределах гор, так и на равнинах, происходило формирование террас.

В настоящее время в морфоструктурном плане хребты Танну-Ола представляют эпиплатформенные «возрожденные» сводово-глыбовые горы. Водораздельная часть хребта Западный Танну-Ола имеет абсолютные высоты 2500–3000 м. Это выровненные поверхности, лишенные леса (гольцы). По морфологии водораздельные поверхности разделяются на три типа: гольцовые гряды и гребни с крутыми отвесными склонами, обрывающимися в глубокие кары и трог; гольцовые вершины округлой формы; плоские пологонаклонные равнинные поверхности (рис. 2). Реки южного направления, стекающие с хребта, глубоко врезаны и часто имеют вид ущелий. В сторону Убсунурской впадины среднегорный сильно расчлененный рельеф сменяется низкогорным. На крайнем западе (между долинами рек Чаг-Адыр и Саглы), востоке (верховья Чаат-Холь), где абсолютные впадины приближаются к 3000 м, развит альпийский рельеф. Восточный Танну-Ола – средневысокогорный хребет с абсолютными отметками вершинных частей 2000–2600 м (рис. 3). Последние в ландшафтном отношении представляют зону горных тундр или гольцовую (верхняя граница леса располагается примерно на уровне 1700–2000 м). Самая характерная черта этой зоны – наличие обширных пенеценизированных равнинно-холмистых водораздельных поверхностей. Гольцы даже при узости гребней характеризуются плоскими площадками. Характерно обилие курумов, нагорных террас, различных форм мерзлотного рельефа. Расположенные здесь истоки рек, направленных на юг, отличаются очень широкими и неглубокими долинами с отлогими склона-

ми. Небольшие водотоки в долинах имеют равнинный характер. К югу, при снижении абсолютных отметок хребта до 1000–1500 м, постепенно увеличивается степень эрозионного расчленения. Водоразделы приобретают вид узких гребней, острых зубчатых вершин. Долины рек и ручьев имеют облик ущелий. В целом южный склон хребта очень крутой и, по сути, представляет переработанные эрозией тектонические уступы горст-антиклинария. По морфологии речных долин выделяются два участка: 1) перед самым выходом рек из гор, где долины представляют глубокие ущелья; 2) вышерасположенные участки долин с V-образным профилем (например, р. Холь-Ежу). Это следы двух эрозивных циклов, наиболее молодой приурочен к нижним частям долин. При этом обычно две надпойменные террасы (15–20 м и 40–50 м) развиты только на участке позднейшего эрозионного цикла. При выходе горных долин в Убсунурскую впадину верхняя терраса обрывается [Белостоцкий 1958]. От Убсунурской впадины хребты отделены Убсунуро-Таннуольской зоной глубинного разлома, выраженной в рельефе сбросовым уступом [Алтае-Саянская горная область... 1969].

Убсунурская впадина в геологическом отношении является северной частью котловины Больших озер Западной Монголии. В строении впадины участвуют палеогеновые, неогеновые озерно-аллювиальные, неоген-раннечетвертичные и четвертичные аллювиально-пролювиальные отложения общей мощностью до 1000 м. Абсолютные отметки впадины колеблются в пределах 750–1200 м. У подножья хребтов Танну-Ола расположены прекрасно выраженные делювиально-пролювиальные шлейфы и конусы выноса рек. Эти формы в целом создают по периферии хребта Восточный Танну Ола районы мелкосопочного рельефа. Из-под покрова делювиально-пролювиальных отложений выступают островные холмы, низкие горы, гряды, сложенные палеозойскими породами. Река Тэс-Хем и ее правые притоки имеют широкие долины с поймой и первой террасой высотой 10–15 м. Террасы рек, стекающих с хребтов Танну-Ола и пересекающих шлейфы и конусы выноса, имеют высоту до 30–40 м, а на реках Деспен и Холу, где они являются цокольными, высота их достигает 100 м. Аккумулятивные террасы высотой 3–3,5, 8–12 и 15–20 м в долине р. Холу вложены в конус выноса, сложенный дислоцированными третичными отложениями. Террасы рек слагаются грубообломочными, валунно-галечниковыми отложениями. К югу размер аллювиального материала уменьшается, а к центральной части впадины он замещается песками и глинами.

По данным Б.А. Борисова и Е.А. Мининой [Геология Тувинской АССР 1990], к Убсунурской впадине отнесена лишь территория восточнее долины р. Ирбитей. Западнее, в границах Тувы, последовательно выделяются Торгалыкская, Хандагайтинская, Саглинская впадины (рис. 1). Полагается, что эти впадины осложняют южное крыло Западно-Таннуольского горста и ограничены разломами. Морфология рельефа этих впадин более сложная, а днища приподняты на большую высоту, чем в Убсунурской котловине. При любом варианте днища впадин представляют большей частью щебнистые, песчаные денудационные цокольные равнины с островными горами, грядами и массивами мелкосопочника. Последние

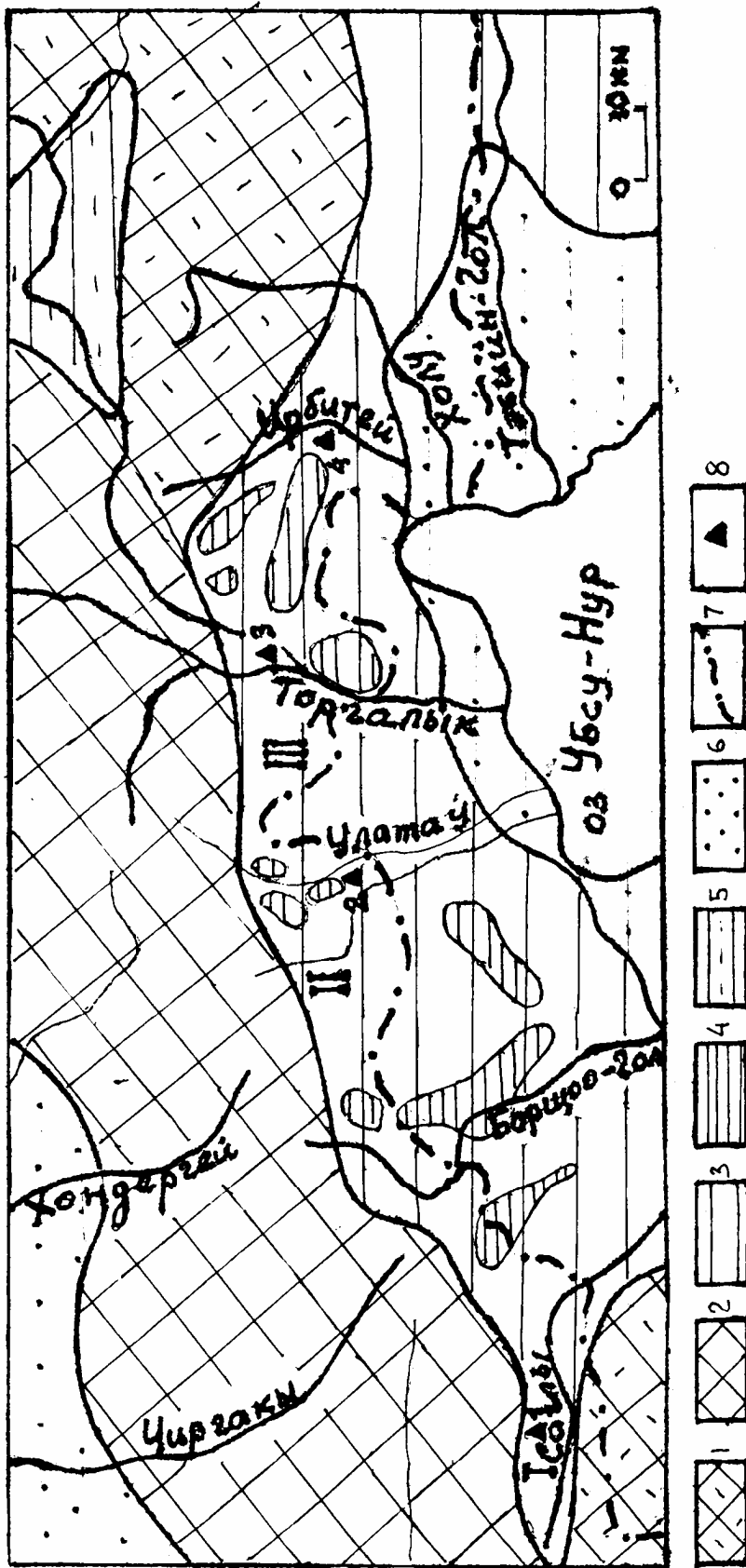

Рис. 1. Геоморфологическое районирование Южной Тувы (по Б.А. Борисову и Е.А. Мининой, 1989, с изменениями и дополнениями):

1 – эпиплатформенные («возрожденные») сводово-глыбовые горы с выровненными водораздельными поверхностями в пределах областей салаирской и каледонской складчатости (хребты Восточный Танну-Ола и Цаган-Шибету); 2 – то же, более расчлененные в пределах области герцинской складчатости (хребет Западной Танну-Ола); 3 – денудационные, аккумулятивно-денудационные цокольные равнины с островными горами и массивами мелкосопочников с относительно пониженными районами (впадинами) – Саглинской (I), Хандыгайтинской (II), Торгалыкской (III); 4 – отдельные, наиболее значимые массивы мелкосопочного рельефа и комплексов островных гор; 5 – межгорная равнина (Элегестовская); 6 – аккумулятивные равнины (Убусунурская, Тэхемская); 7 – государственная граница «Россия – Монголия»; 8 – основные группы памятников палеолита, изученные в 2003–2005 гг. (1 – Саглинская, 2 – Улагайская, 3 – Торгалыкская, 4 – Ирбитейская)

сложены главным образом гранитами. Характерную черту рельефа составляют предгорные пролювиально-делювиальные шлейфы и конусы выноса горных рек, почти всюду окаймляющие низкогорье Танну-Ола. Конусы выноса почти сплошь состоят из валунно-галечниковых отложений.

Палеолит Южной Тувы

Исходными материалами при геоархеологических исследованиях служили «Археологическая карта Республики Тыва» масштаба 1 : 1000000 [1995] и «Свод археологических памятников Республики Тыва» [1994].

В бассейне р. Тэс-Хем, вблизи устья ее правого притока (р. Тыттыг-Хем) обнаружены четыре новых палеолитических местонахождения.

Тэс-Хем-1. Местонахождение имеет географические координаты 50°48' северной широты и 092°44' восточной долготы и представляет собой низкую аккумулятивную слабонаклонную поверхность пролювиально-делювиального шлейфа, примыкающего к высокой террасе р. Тэс-Хем. На поверхности среди щебнисто-дресвяного выветрелого материала отмечаются артефакты древнего облика также с выветрелой поверхностью. На территории местонахождения выявлено 9 артефактов со следами первичной обработки и различной степени корразии.

Тэс-Хем-2 и Тэс-Хем-3. Местонахождения расположены также на нижних частях делювиально-пролювиальных шлейфов, опоясывающих отроги хребта Хорумнуг-Тайга и примыкающих к низким террасам р. Тэс-Хем. Местонахождения имеют географические координаты 50°28' северной широты и 094°53' восточной долготы и 50°27' северной широты и 094°55' восточной долготы соответственно. По сравнению с Тэс-Хем-1 эти шлейфы являются более молодыми (по соотношению с более низкими террасами), соответственно, это фиксируется находками на их поверхности артефактов более молодого палеолита. На местонахождении Тэс-Хем-2 обнаружено 9 артефактов со следами первичной обработки и рабочей ретушью и слабой степенью корразии. Археологический материал местонахождения Тэс-Хем-3 представлен 7 артефактами с первичной обработкой и рабочей ретушью.

Тэс-Хем-4. Местонахождение расположено в небольшой межгорной котловине, на полгом склоне конуса выноса, севернее автодороги Самагалтай-Эрзин, при строительстве которой значительный участок грунта с площади памятника был перемещен в дорожное полотно. Местонахождения имеют географические координаты 50°27' северной широты и 094°56' восточной долготы.

Археологический материал собран на поверхности конуса, на участке 70 x 80 м и представлен 7 артефактами позднепалеолитического облика.

На участке от п. Самагалтай до п. Ак-Чира на всем протяжении прослеживается четкая граница между горным рельефом Восточного Танну-Ола и равниной Убсунурской впадины, имеющей абсолютные отметки 900–1100 м.

При приближении к долине р. Ирбитей появляется низкогорный ярус Восточного Танну-Ола (1000–1500 м). На абсолютной высоте 1000–1100 м (около 200 м над днищем Убсунурской впадины) на левобережье р. Ирбитей впервые

выявлены фрагменты древней субширотной долины, не связанной с современной речной сетью. Она расчленена временными водотоками, стекающими со склонов Танну-Ола. В рельефе прекрасно выражены три древних террасовых уровня, разделенных уступами высотой в несколько десятков метров (рис. 4). На выровненных площадках террас повсеместно отмечаются маломощные покровы аллювия либо рассеянные галечники, мелкие валуны, гравий. Окатанный материал имеет древний облик, он выветрелый, часто колотый. Петрографический состав материала различен – алевролиты, песчаники, яшмы, эффузивные и интрузивные породы, кварц, кварциты. По предварительным данным остатки древних субширотных долин прослеживаются и далее на запад (бассейн р. Торгалык). Подобные палеоформы ранее исследователями не отмечались. Дальнейшее изучение этого интересного явления может существенно дополнить представления о кайнозойской истории развития хребтов Танну-Ола.

Ирбитей-1, 2, 3. На всех древних уровнях отмечаются артефакты, имеющие столь же древний внешний облик, как и галечники, валуны, из которых они изготовлены. Выявленные местонахождения получили название Ирбитей-1, 2, 3. Наибольшее количество артефактов (49 экз.) было найдено на местонахождении Ирбитей-1, которое имеет географические координаты 50°45' северной широты и 093°10' восточной долготы. Они имеют следы первичной обработки, а на некоторых отмечена рабочая ретушь. На местонахождениях Ирбитей – 2 (50°45' северной широты и 093°10' восточной долготы) и Ирбитей-3 (50°46' северной широты и 093°10' восточной долготы) были обнаружены 5 и 3 экз. артефактов соответственно с первичной обработкой и со следами корразии.

Ирбитей-4. В 0,5–0,7 км к югу, в месте выхода р. Ирбитей из гор на равнину пролювиально-делювиальные шлейфы сочленяются с террасами реки. Наиболее выражена терраса высотой 10–15 м. Ее аллювий представлен галечниками, валунами. Окатанный материал гораздо менее выветрел, чем на высоких террасах. На левобережной площадке террасы отмечаются палеолитические артефакты мустьерского облика. Местонахождение Ирбитей-4 имеет географические координаты 50°44' северной широты и 093°08' восточной долготы. Один из пяти обнаруженных артефактов является чоппингом. Материал имеет следы корразии. Судя по расположению этого памятника, он был описан в свое время С.Н. Астаховым как среднепалеолитический.

Таким образом, в бассейне р. Ирбитей выявлены местонахождения очевидно раннего «галечного» палеолита в ранее неизвестной в Туве геолого-геоморфологической обстановке – на высоких террасах древней речной сети, не связанной с современной. Фрагменты этой древней субширотной реки прослеживаются как на восток, к долине р. Холу, так и на запад, от р. Ирбитей. Для реконструкции и изучения этих, не связанных с современными древних рек необходимы в будущем более детальные исследования.

Улатай-1, 2. При исследовании долины р. Улатай (в Монголии р. Дзахайн-Ус) на правобережной террасе высотой около 30 м в ее прибровочной части среди валунно-галечного аллювия выявлены два местонахождения – Улатай-1 (50°44' северной широты и 092°14' восточной долготы) и Улатай-2 (50°46' север-

ной широты и 092°15' восточной долготы). Артефакты, обнаруженные на местонахождениях (10 и 12 экз. соответственно), с первичной обработкой и следами корразии.

Борцоо-Гол. Интересным является также впервые открытое нами мустьерское местонахождение Борцоо-Гол, имеющее географические координаты 50°36' северной широты и 091°31' восточной долготы. На правобережье реки Борцоо-Гол в пределах надпойменной эрозионной террасы высотой 15–20 м развита пятнисто-медальонная горная тундра с вымороженными над поверхностью глыбами местных пород и галечником. На поверхности пятен-медальонов рассеян микролитический материал так называемого «зубчатого мустье» (44 экз.). Среди артефактов выделяются скребло и отбойник. Сырьем служили мелкие обломки белых и серых кремней.

Долина р. Саглы была детально исследована в свое время С.Н. Астаховым. Выделены десятки мустьерских и позднепалеолитических местонахождений. Интерес для нас представляла геоморфологическая позиция этих местонахождений. Исследования в районе п. Саглы показали, что палеолитический материал располагается на поверхности двух надпойменных террас (12–15 и около 30 м).

Геолого-геоморфологическое строение и палеолит Торгалыкской впадины

Впадина является линейной, вытянутой вдоль хребта Танну-Ола на 40 км. Ширина ее около 10 км. Ландшафты в пределах впадины представлены сухими, опустыненными степями с покровом каштановых почв. Рельеф впадины равнинный с абсолютными высотами около 1500 м с отдельными останцами палеозойских пород в виде гряд, холмов. По происхождению равнина относится к аллювиальной и выполнена разновозрастными речными отложениями. Формирование равнины было обусловлено поднятиями хребта Танну-Ола и интенсивным выносом грубообломочного материала по долинам рр. Торгалык, Элегест и характерными для рек аридного климата при выходе их на равнины многоуровневостью и множественными перестройками русел.

Выразительной чертой равнины является ее террасированность. В краевых частях террасы сочленяются с пролювиальными шлейфами. Выделяются следующие уровни террас (средняя часть впадины): I – 1–1,5 м, II – 2–3 м, III – 5 м, IV – 7–8 м. Для II и III террас характерен ярко выраженный грядово-ложбинный рельеф поверхности, фиксирующий русла бывших водотоков. Гряды сложены галечно-валунным материалом, а в понижениях вскрываются лессовидные субаэральные супеси мощностью до 1 м, подстилаемые галечниками и валунами. IV терраса имеет другой облик. В отличие от сероцветного супесчаного заполнителя грубообломочного аллювия II и III террас заполнитель здесь красновато-коричневый. Грядово-ложбинный рельеф отсутствует, галечники и валуны рассеяны по поверхности. Окатанные породы представлены кварцитами, кремнями, роговиками. Они имеют гораздо более древний облик по сравнению

*Рис. 2.
Хребет Западный
Танну-Ола. На
переднем плане
денудационная
равнина с
участками
останцовых гор и
мелкосопочника*

*Рис. 3.
Хребет
Восточный
Танну-Ола. На
переднем плане
денудационная
равнина,
сменяющаяся
к горам
пролювиально-
делювиальными
шлейфами*

*Рис. 4.
Фрагмент
древней
субширотной
долины в бассейне
р. Ирбитей.
Видны три
террасовых
уровня*

с аллювием II и III террас – сильно выветрелы, несут следы активной корразионной обработки, корочки пустынного загара.

Ниже и выше по течению р. Торгалык высота террас повышается. В районе сочленения равнины с хребтом Танну-Ола р. Торгалык сливается с р. Шалаш. В междуречье прекрасно выражен комплекс надпойменных террас I – 4 м, II – 7 м, III – 10–20 м, IV – 40 м, V – 50 м. Первые три террасы сопоставляются нами с I, II, III террасами, а IV, V террасы с IV террасой на равнине. Верхние террасы (IV и V) сложены валунно-галечниковым материалом. Аллювий перекрывается маломощными (0,5–1,0 м) серовато-коричневыми супесями.

Вопрос о возрасте террас является дискуссионным. Предположительно (по высоте, по характеристике аллювия, по общим геологическим соображениям) можно полагать, что IV терраса (на равнине), IV и V террасы (в предгорьях) не моложе среднего плейстоцена. На площадках указанных террас впервые обнаружены местонахождения палеолита, которые по геолого-геоморфологическим соображениям можно относить к среднеплейстоценовым.

В бассейне р. Торгалык С.Н. Астаховым [1986] был открыт ряд местонахождений мустьерского, позднепалеолитического, раннепалеолитического возраста. По мнению С.Н. Астахова и А.Ф. Ямских, они приурочены к пролювиально-делювиальным шлейфам.

Торгалык-1, 2. По нашим данным, днище долины р. Торгалык в районе одноименного поселка представляет целую серию пересохших русел с накоплениями грубообломочного, валунно-галечного материала, сочетающихся с поймой и фрагментами двух террас высотой 10 и 15–17 м. В предгорьях массива Дус-Даг вдоль поймы р. Торгалык на протяжении 1,5 км отмечается цокольная терраса высотой около 10 м. Ширина ее невелика (до 100 м), а к предгорьям она переходит в делювиально-пролювиальный шлейф. На поверхности террасы отмечаются единичные артефакты (Торгалык-1, 2). Судя по имеющимся, но не очень ясным привязкам С.Н. Астахова, это район выявленных им раннепалеолитических местонахождений Торгалык-1,Б.

Местонахождение Торгалык-1. Расположено на поверхности 10-метровой террасы, открытой на север (левобережье р. Курбун-Шива) и имеет географические координаты 50°48' северной широты и 092°44' восточной долготы. Терраса имеет вид небольшого фрагмента (длиной до 200 м и шириной около 150 м), окруженного скальными выступами палеозойских пород и делювиальными шлейфами (рис. 5). У западной оконечности террасы в карьере вскрываются мелкогалечно-гравийные с супесчаным заполнителем плохо сортированные, грубослоистые аллювиальные отложения. Археологический материал отмечается на поверхности террасы в виде отдельных скоплений вдоль бровки в полосе шириной около 70–100 м. Проведены сборы подъемного археологического материала (несколько сот артефактов) на площади несколько сот квадратных метров. Здесь же на вершине небольшой возвышенности выявлены 2 раскопанных кургана с небольшими каменными кладками.

Местонахождение Торгалык-2. Расположено в 300–400 м западнее местонахождения Торгалык-1 и имеет географические координаты 50°48' северной

*Рис. 5.
Местонахож-
дение Торгалык-1*

*Рис. 6.
Местонахож-
дение Торгалык-3*

*Рис. 7.
Местонахож-
дение Торгалык-6*

широты и $092^{\circ}44'$ восточной долготы. Единичные находки каменного инвентаря палеолитического облика на поверхности небольшого фрагмента 10-метровой террасы.

Местонахождение Торгалык-3. Зафиксировано на правобережной 15–17-метровой террасе р. Торгалык и имеет географические координаты $50^{\circ}48'$ северной широты и $092^{\circ}42'$ восточной долготы (рис. 6). В прирвовочной части на поверхности террасы проведены сборы каменного инвентаря палеолитического облика из галек и мелких валунов аллювия террасы.

Далее на запад начинают отмечаться фрагменты выположенных водораздельных поверхностей, которые, по нашему мнению, являются фрагментами той же субширотной древней долины, описанной в бассейне р. Ирбитей.

Местонахождение Торгалык-4. Обнаружено в 330 м южнее местонахождения Торгалык-1, на поверхности делювиального шлейфа и имеет географические координаты $50^{\circ}47'$ северной широты и $092^{\circ}44'$ восточной долготы. Зафиксированы единичные находки каменного инвентаря (3 экз.) палеолитического облика. Здесь же расположен крупный курганный могильник.

Местонахождение Торгалык-5. Обнаружено на левобережной части долины р. Торгалык в 350 м восточнее ее русла, в 6,2 км северо-восточнее п. Торгалык и в 0,6 км севернее местонахождения Торгалык-6 и имеет географические координаты $50^{\circ}52'$ северной широты и $092^{\circ}40'$ восточной долготы. На поверхности среди галечного материала сделаны единичные находки каменного инвентаря палеолитического облика.

Местонахождение Торгалык-6. Расположено на левобережье р. Торгалык, в 5,5 км СВ п. Торгалык, в 0,6 км южнее местонахождения Торгалык-5, на поверхности 5-метровой террасы, прорезанной современными руслами, и имеет географические координаты $50^{\circ}51'$ северной широты и $092^{\circ}40'$ восточной долготы. Отчетливо выражен грядово-ложбинный микрорельеф террасы (рис. 7). При проведении работ определена стратиграфия отложений на площади памятника. Гряды сложены галечно-валунным материалом. Ложбины глубиной до 1 м обломочного материала лишены и несут покров лессовидных супесей мощностью 60–70 см, подстилаемых валунами и галечником. Археологический материал приурочен к грядам, имеет рассеянный характер. На поверхности террасы проведены сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика.

Местонахождения Торгалык-7, 8, 9. Все три местонахождения характеризуются сходной геолого-геоморфологической ситуацией. Они расположены на левобережье р. Торгалык на фрагментах самой высокой террасы в Торгалыкской впадине. Ее высота в средней части впадины около 7–8 м, а к югу повышается до 25 м над уровнем р. Торгалык. Фрагменты этой террасы имеют лентообразный вид, протягиваясь на 1–5 км субмеридионально по направлению современных русел в долине р. Торгалык. Поверхность террасы плоская, выровненная с россыпями мелких валунов, гальки устойчивых к выветриванию пород – кварцитов, роговиков, кремнистых пород (рис. 8). В шурфах (глубина 0,5–0,7 м) вскрываются валунно-галечные отложения с заполнителем из красновато-

*Рис. 8.
Местонахождение Торгалык-8*

*Рис. 9.
Местонахождение Шалаш-1*

коричневых грубых супесей, глинистых разнозернистых песков. Окатанные породы сильно выветрелы, имеют следы интенсивной корразионной обработки, корочки пустынного загара, часто расколоты. В пределах террасы среди россыпей окатанного материала отмечаются скопления артефактов, изготовленных из местных галек и валунов, при этом по составу использовались преимущественно темно-серые кварциты. Артефакты, в том числе их рабочие поверхности (скребла, рубила), также сильно выветрелы и коррадированы, по сути, по указанным характеристикам они почти не отличаются от древних галек и валунов. Наиболее крупные скопления «галечного палеолита» – Торгалык-8, 9. Площади скоплений от 100 до 500 кв. м.

Местонахождение Торгалык-7. Расположено на левобережном участке р. Торгалык в 2,3 км СВВ п. Торгалык и имеет географические координаты 50°49' северной широты и 092°41' восточной долготы. На площади памятника проведены сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика. Среди артефактов особо выделяются определенной архаичностью крупное скребловидное орудие и широкая пластина с бессистемной эпизодической ретушью.

Местонахождение Торгалык-8. Расположено на левобережном участке р. Торгалык, в 1,2 км СВВ п. Торгалык и имеет географические координаты 50°49' северной широты и 092°41' восточной долготы. На площади памятника проведены сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика.

Местонахождение Торгалык-9. Расположено на левобережном участке р. Торгалык в 1,3 км СВВ п. Торгалык и имеет географические координаты 50°49' северной широты и 092°41' восточной долготы. На площади памятника проведены сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика.

Для группы местонахождений Торгалык-3, 5–9 характерны леваллуазские нуклеусы и крупные отщепы, крупные рубиловидные орудия и крупные скребла как с овальным лезвием, так и по краям. Изредка находятся пластинчатые пикообразные сколы. Также встречаются зубчатые и крупные скребловидные орудия с широким рабочим краем, выполненные на галечниках.

Местонахождение Гора Торгалык-1. Расположено в 6,2 км СВ п. Торгалык, у южного подножия горы-останца и имеет географические координаты 50°52' северной широты и 092°40' восточной долготы. Сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика проведены на площади памятника, на ровной площадке у подножия останца.

Местонахождение Гора Торгалык-2. Расположено в 6,2 км СВ п. Торгалык, у ЮВ подножия горы-останца и имеет географические координаты 50°52' северной широты и 092°41' восточной долготы. Сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика проведены на площади памятника, на ровной площадке у подножия останца.

Местонахождение Гора Торгалык-3. Расположено в 6,4 км СВ п. Торгалык, восточнее горы-останца и имеет географические координаты 50°52' северной широты и 092°41' восточной долготы. Сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика проведены на площади памятника, на ровной площадке.

Писаница Гора Торгалык-1. На южных фризах небольшой горы-останца (рис. 11), на различных высотных отметках от подножия до самой вершины зафиксированы многочисленные плоскости с выбитыми рисунками (несколько сот). Превалируют изображения горных козлов и козерогов, оленей, хищников, имеются антропоморфные изображения, солярные знаки и др. (рис. 12). Отмечены композиции с батальными сценами и сценами охоты.

Местонахождения Арыг-Бажи-1, 2, 3 расположены на фрагменте древней долины, не связанной с современной речной сетью. Она представляет плоскую поверхность с высыпками валунно-галечного материала с относительной

высотой над уровнем р. Торгалык около 100 м. На севере эта поверхность сопрягается с пролювиально-делювиальными шлейфами от гор Танну-Ола, на востоке прорезается долиной р. Ирбитей.

Местонахождение Арыг-Бажи-1. Расположено в 6,3 км СВ п. Торгалык, на древней террасе, примыкающей к пролювиальному шлейфу и имеет географические координаты 50°51' северной широты и 092°42' восточной долготы. Сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика проведены среди валунно-галечного материала.

Местонахождение Арыг-Бажи-2. Расположено в 8,6 км СВ п. Торгалык, на древней террасе, примыкающей к пролювиальному шлейфу у подножия останца и имеет географические координаты 50°52' северной широты и 092°44' восточной долготы. Сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика проведены на поверхности террасы среди валунно-галечного материала.

Местонахождение Арыг-Бажи-3. Расположено в 200 м западнее местонахождения Арыг-Бажи-1, в 8,5 км СВ п. Торгалык, на древней террасе, примыкающей к пролювиальному шлейфу у подножия останца и имеет географические координаты 50°51' северной широты и 092°42' восточной долготы. Сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика проведены на поверхности террасы среди валунно-галечного материала.

Местонахождение Арыг-Бажи-4 (северное). Расположено в 9,6 км СВ п. Торгалык, у подножия северного склона останца и имеет географические координаты 50°53' северной широты и 092°44' восточной долготы. Сборы единичных находок каменного инвентаря (3 экз.) палеолитического облика проведены среди валунно-галечного материала.

Местонахождение Арыг-Бажи-5 (северо-восточное). Расположено в 10,1 км СВ п. Торгалык, в межгорной (останцово) седловине и имеет географические координаты 50°53' северной широты и 092°44' восточной долготы. Сборы единичных находок каменного инвентаря палеолитического облика (2 экз.) проведены среди валунно-галечного материала. Здесь же находятся крупный курганный могильник с каменными плитами могильных оград и округлая каменная кладка из крупных валунов.

Писаница Арыг-Бажи-1. На южных фризах останца на различных высотных отметках от подножия до самой вершины зафиксированы многочисленные плоскости с выбитыми рисунками. Превалируют изображения горных козлов и козерогов, оленей, имеются антропоморфные изображения.

Писаница Арыг-Бажи-2. На южных фризах северного останца на различных высотных отметках от подножия до самой вершины зафиксированы плоскости с выбитыми рисунками. Превалирующие изображения горных козлов и козерогов.

Местонахождения Шалаш-1, 2, 3 приурочены к надпойменным террасам в междуречье рр. Торгалык и Шалаш при выходе их на равнину из гор Танну-Ола.

Местонахождение Шалаш-1. Находится на левом берегу р. Шалаш, в 12,8 км СВ п. Торгалык и имеет географические координаты 50°55' северной широты и 092°39' восточной долготы. Местонахождение расположено на поверхности наиболее высокой пятой террасы, высотой около 50 м (рис. 9). Поверхность террасы плоская и покрыта пятнами-медальонами как следами криогенной переработки отложений террасы. Артефакты встречаются в виде скоплений, концентрирующихся в юго-западной приобвочной части террасы на площади более 100 x 100 м (рис. 10).

В процессе работ на памятнике проведены сборы каменного инвентаря и определена стратиграфия памятника.

В центре одного из скоплений был пройден шурф, в котором вскрыты следующие слои (сверху вниз):

- 0–0,2 м – бурая супесчаная почва с включениями галечника, мелких валунов и артефактов.
- 0,2–0,4 м – супесь коричневато-серая, серовато-коричневая с новообразованиями карбонатов.
- 0,4–0,7 м – валунно-галечные отложения с белесым супесчаным заполнителем (20–30 %). Сильная карбонатизация обломков вплоть до образования на нижних частях корочек извести мощностью до 4 см.

Археологический материал представлен предметами первичного расщепления, различного типа орудиями и многочисленными отходами каменной индустрии.

Первичное расщепление представлено нуклеусами и заготовками нуклеусов типа «леваллуа», предназначенных для снятия одной пластины или отщепа. Те пластины и отщепы, которые были получены при предварительной подготовке площадки нуклеуса к снятию одной пластины и отщепа, шли на изготовление скребков и скребел, других орудий.

Другие нуклеусы, более позднего времени, представлены одноплощадочными, коническими небольших размеров, со снятием пластин практически по всему периметру ударной площадки.

Большая часть вторичной обработки по краям пластин и отщепов связана с оформлением рабочего края орудий крутой несплошной ретушью.

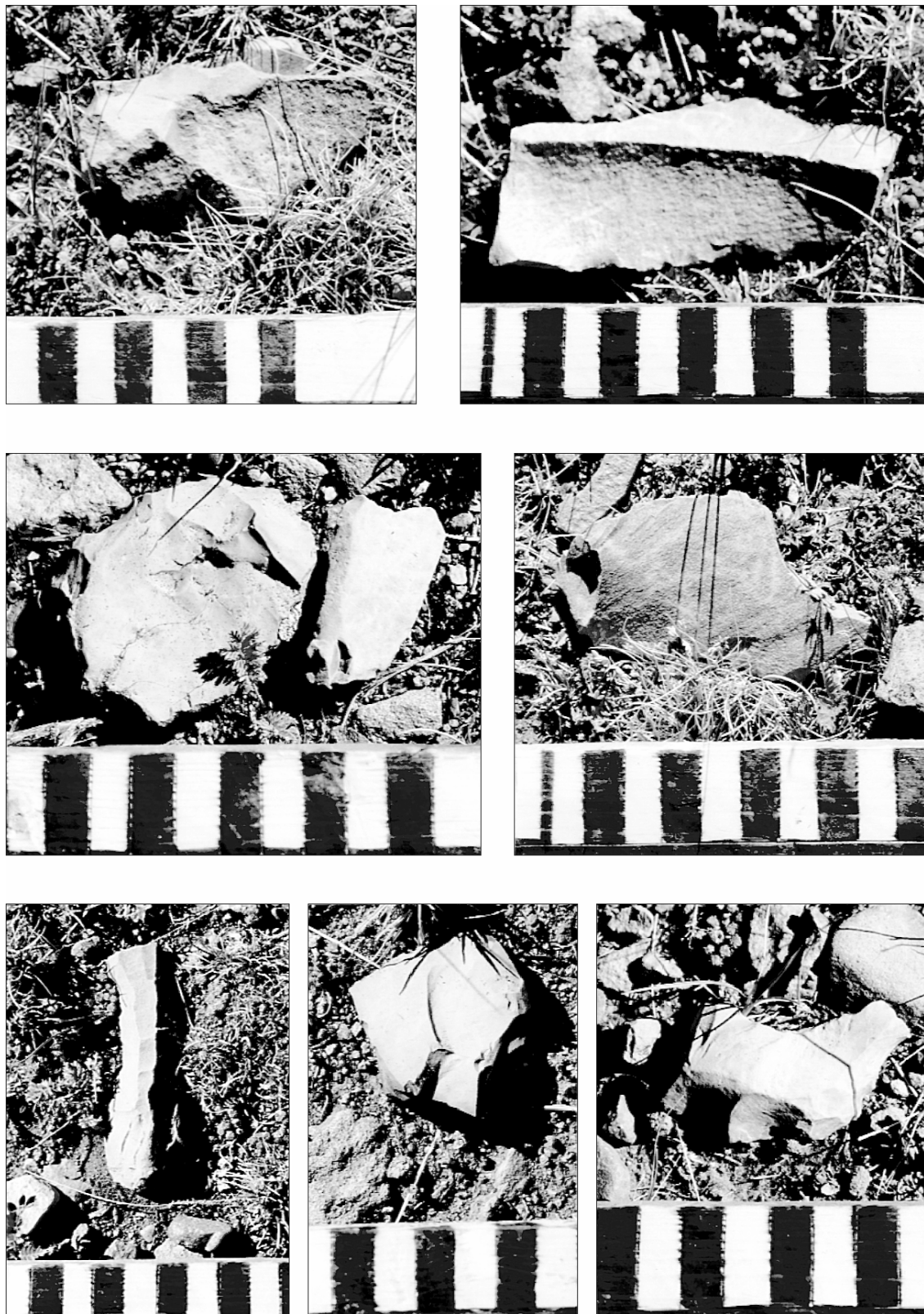
Первая группа – это группа высоких скребков небольших размеров и скребел. Последние изготовлены из пластинчатых сколов и овальных отщепов.

Вторая группа – пластины и пластинчатые сколы. Среди них небольшую коллекцию представляют микропластины. По краям они также обработаны крутой эпизодической ретушью.

Крупные пластины имеют на одном и двух краях одностороннюю кругую сплошную ретушь.

Третья группа – пластины типа «леваллуа» (мустьерские наконечники или близкие им по форме). Многие из них имеют ретушь по краям.

Следующая группа – это орудия на отщепе и пластинах, имеющих анкош. Это крупные пластинчатые сколы с бессистемной ретушью, оформляющей рабочий край в виде скребков или режущих инструментов.

*Рис. 10. Местонахождение Шалаш-1.
Каменный инвентарь поверхностного залегания*

Рубящие орудия. В этой группе выделяются:

– чопперовидные и чоппинговидные орудия, напоминающие примитивные рубила, с асимметричным рабочим краем, на которых отмечаются следы заби-
тостей;

– рубиловидные орудия на гальках и крупных сколах;

– орудия с «перехватом», напоминающие топоры для обработки дерева;

– орудия с выделенным шипом (с шипами) небольших размеров.

Большое количество орудий «с выемкой», изготовленных на гальках.

Значительна группа зубчато-выемчатых орудий различных размеров.

На поверхности многих орудий имеются мощные известковые корочки.

Для изготовления орудий использовались такие виды пород, как кварциты, кремнистые вулканические породы, порфириды, кварцитовидные песчаники, группа окремненных вулканических пород, роговики и др.

Особо необходимо отметить тот факт, что многие скребловидные орудия и орудия с подтеской имеют повторную подработку, что свидетельствует об их использовании в более позднее время. Это характерно для данного региона. Чаще всего это обстоятельство объясняется нехваткой (дефицитом) сырья. Для рассматриваемого местонахождения данное обстоятельство не является определяющим. Острого дефицита сырья здесь не наблюдается, но зато значительное количество готовых орудий находится прямо на поверхности террасы. Имеется уникальная возможность проследить на примере конкретного местонахождения повторное использование и обработку орудий носителями культур более поздних эпох.

Местонахождение Шалаш-2. Находится на левом берегу р. Шалаш, в 12,5 км СВ п. Торгалык и имеет географические координаты 50°55' северной широты и 092°39' восточной долготы. Местонахождение расположено на четвертой террасе с высотой около 40 м, примыкающей к пятой террасе, где расположено местонахождение Шалаш-1. Здесь также развит пятнисто-медальонный микрорельеф со скоплениями в центральной части медальонов галечника. Имеются полосы грубообломочного окатанного материала, очевидно, также криогенной природы («каменные полосы»).

У тыльного шва террасы в притеррасном понижении был пройден шурф, в котором вскрыты следующие слои (сверху вниз):

0–0,2 м – бурая супесчаная почва, в верхней части которой отмечаются артефакты;

0,2–0,4 м – супесь, серовато-коричневая, в нижней части коричневая, грубая, лессовидная с примесью галечника (до 10–20 %), с новообразованиями карбонатов;

0,4–0,7 м – валунно-галечный материал с супесчаным коричневатым заполнителем.

На поверхности террасы отмечаются локальные местонахождения палеолитического каменного материала. Зафиксированы девять скоплений, которые отчетливо приурочены к приборочной части террасы (обычно на расстоянии 10–20 м от бровки).

Проведены сборы каменного инвентаря (около 30 экз.). Материал в определенной степени аналогичен инвентарю местонахождения Шалаш-1.

Отметим, что палеолитический материал местонахождений Шалаш-1, 2 так же, как на местонахождениях Торгалык-8, 9, различается, причем очень отчетливо, по степени выветрелости, корразии. У наиболее древних артефактов грани смягчены, от ретуши остались трудно читаемые следы, слоистость исходных пород (кварциты) подчеркнута селективным выветриванием.

Местонахождение Шалаш-3. Расположено на левом берегу р. Шалаш, на второй надпойменной террасе, примыкающей к комплексу террас, на которых расположены местонахождения Шалаш-1, 2, в 12,5 км СВ п. Торгалык, имеет географические координаты 50°55' северной широты и 092°39' восточной долготы. Сборы каменного инвентаря палеолитического облика (4 экз.) проведены на поверхности террасы.

Писаница Шалаш-1. Расположена на правом берегу р. Шалаш, в 6 км ССВ п. Торгалык на южных фризах горы, на различных высотных отметках от подножия до самой вершины выявлены плоскости с выбитыми и выгравированными рисунками. Превалируют изображения горных козлов и козерогов, оленей. Имеются изображения быков и коров, хищников (волков), антропоморфные изображения, колесница, жилища, батальные сцены и сцены охоты и др.

В долине обнаружено несколько оленных камней, расположенных в курганных могильных оградах.

Обследованные наскальные рисунки времени неолита, бронзового и железного веков характеризуют некоторые элементы духовной и материальной культуры древних племен, населявших южные районы современной Тувы и Северной Монголии, и позволяют проводить историческую реконструкцию отдельных элементов материальной культуры этих этнических образований.

Заключение

Основной особенностью памятников палеолита южной Тувы, впрочем, как и соседних регионов Центральной Азии, является их открытый характер («местонахождения с поверхностным залеганием материала»). Несмотря на ряд негативных факторов, определяющих ограниченность археологической информации (разрушенность, прерывистость культурных слоев, перемещение артефактов и смешение разновозрастных комплексов), преимущество указанных памятников в возможности быстро изучать обширные территории без проведения раскопочных работ.

Не считая памятников в долинах рр. Саглы, Торгалык многие местонахождения палеолита были обнаружены ранее попутно. Поэтому площади сбора артефактов не всегда совпадают с площадями памятников, полнота сбора материалов ограничена. Привязки многих объектов недостаточно четкие, иногда они не приводятся вовсе [Кудрявцев 2002]. Дополнительно отметим, что в публикациях крайне слабо освещено и геолого-геоморфологическое строение местонахождений палеолита. Нами при геологическом датировании памятников применялись геоморфологические методы, типологический анализ каменного инвентаря, степень сохранности, выветрелости артефактов. В комплексе это достаточно объективно позволяло оценивать относительную геологическую хронологию памятников палеолита.

*Рис. 11.
Гора Торгалык*

*Рис. 12.
Писаница
Гора Торгалык.
Плоскость
с рисунками*

В целом проведенные на юге Тувы исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Район является высокоперспективным для выявления и оценки новых местонахождений палеолита (как мустьерских, так и раннепалеолитических).
2. Впервые *in situ* найдены среднепалеолитические материалы на комплексе стоянок Шалаш.
3. Обнаружена микроиндустрия на местонахождении Торгалык-1 (возможно, среднепалеолитическая).
4. Обнаружен комплекс материалов раннего палеолита и более позднего времени на местонахождениях Торгалык-3–9 и комплексе стоянок Арыг-Бажи.

5. В отличие от ранее существовавшего взгляда о приуроченности палеолитических местонахождений к поверхностям пролювиально-делювиальных шлейфов, нами выявлена исключительная связь местонахождений с речными террасами. Судя по тому, что на отрезке р. Ирбитей – р. Саглы местонахождения обнаруживаются практически во всех долинах рек, стекающих с хребтов Танну-Ола, можно предполагать интенсивные миграции древнего человека вдоль фаса хребтов со стоянками в долине рек.

6. Важным является открытие нового типа местонахождений – в пределах фрагментов древней речной сети, не связанной с современной.

Таким образом, палеолит Южной Тувы различного возраста является «галечным» и связан с террасами среднепозднеплейстоценового и более раннего возраста.

Библиографический список

1. Абрамова, З.А. Палеолит Енисея / З.А. Абрамова, С.Н. Астахов, С.А. Васильев, Н.М. Ермолова, Н.Ф. Лисицын. – Л., 1991.
2. Алтае-Саянская горная область. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. – М.: Наука, 1969. – 415 с.
3. Археологические памятники Республики Тыва (к карте археологических памятников Республики Тыва) / И.У. Самбу, В.И. Кудрявцев. – Кызыл: Изд-во ТувИКОПР СО РАН, 1995. – 10 с.
4. Астахов, С.Н. Палеолит Тувы / С.Н. Астахов. – Новосибирск, 1986. – 155 с.
5. Астахов, С.Н. Открытие древнего палеолита в Туве / С.Н. Астахов // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: доклады международного симпозиума. – Новосибирск, 1990. – С. 40–43.
6. Астахов, С.Н. Новые данные о палеолите Тувы / С.Н. Астахов, А.Ф. Ямских // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995. – С. 4–9.
7. Белостоцкий, И.И. Очерки по истории рельефа Тувы / И.И. Белостоцкий // Материалы по региональной геологии. Геология и геоморфология складчатых отложений Сибири. – М., Госгеолтехиздат, 1958. – 149–186.
8. Геология Тувинской АССР: объяснительная записка к «Геологической карте Тувинской АССР» м-ба 1 : 500000. – Л.: ВСЕГЕН, 1990. – 121 с.
9. Кудрявцев, В.И. История исследования каменного века Убсу-Нурской котловины / В.И. Кудрявцев // Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Геология природной среды и общества: научные труды ТувИКОПР СО РАН. – Кызыл, 2002. – С. 142–149.
10. Деревянко, А.П. Археологические исследования в Монголии. Убсунурский аймак, Тэс-сомон, Гурвалзагал, Сагил-сомон (препринт) / А.П. Деревянко, Д. Дорж, Р.С. Васильевский и др. – Новосибирск, 1986.
11. Деревянко, А.П. Археологические исследования в Монголии в 1986 году. Общие сведения (препринт) / А.П. Деревянко, Д. Дорж, Р.С. Васильевский и др. – Новосибирск, 1987.
12. Деревянко, А.П. Каменный век Монголии: палеолит и неолит Монгольского Алтая / А.П. Деревянко, Д. Дорж, Р.С. Васильевский и др. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.

13. Дроздов, Н.И. Геолого-геоморфологическая характеристика и палеолит Южной Тувы / Н.И. Дроздов, Д.Н. Дроздов, В.И. Макулов, В.П. Чеха // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. 1. – С. 120–126.
14. Дроздов, Н.И. Геолого-геоморфологические исследования на территории Южной Тувы / Н.И. Дроздов, В.И. Макулов, В.П. Чеха // Научный ежегодник КГПУ им. В.П. Астафьева. Вып. 4. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. – Т. 1. – С. 37–48.
15. Дроздов, Н.И. Новое в Палеолите Южной Тувы / Н.И. Дроздов, В.И. Макулов, В.П. Чеха // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – С. 21–23.
16. Дроздов, Н.И. Комплексные исследования в Южной Туве / Н.И. Дроздов, В.И. Макулов, В.П. Чеха, А.Л. Заика // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. В 2 т.: материалы VII Международной конференции (19–23 сент. 2005 г., Кызыл). – Кызыл: Изд-во ТувИКОПР СО РАН, 2005. – Т. 2. – С. 41–44.
17. История Тувы. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука, 2001.
18. Кудрявцев, В.И. История исследования каменного века Убсу-Нурской котловины / В.И. Кудрявцев // Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Геоэкология природной среды и общества: научные труды ТувИКОПР СО РАН. – Кызыл: Изд-во ТувИКОПР СО РАН, 2002. – С. 142–160.
19. Кызласов, Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) / Л.Р. Кызласов // Вестник МГУ. – 1958. – № 4. – С. 71. – (Историко-филологическая серия).
20. Монгуш, В.Т. Исследование памятников каменного века в Туве / В.Т. Монгуш // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу Тувинцев. – Кызыл, 1980. – С. 36–42.
21. Окладников, А.П. Археология Тувы (итоги и проблемы) / А.П. Окладников // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл, 1980. – С. 3–16.
22. Свод археологических памятников Республики Тыва / гл. ред. Ю.Л. Аранчин; сост. И.У. Самбу. – Кызыл: Изд-во ТувНИИЯЛИ 1994. – 192 с.
23. Худяков, Ю.С. Археологические работы в зоне строительства автомагистрали Кызыл-Самагалтай-Хандагайты на территории Овюрского района Тувинской АССР / Ю.С. Худяков, Ю.А. Плотников, Г.П. Данченко // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки: сб. научных трудов. – Новосибирск, 1988. – С. 54–89.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ КАНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Первые археологические исследования в окрестностях г. Канска были проведены в 1909 г. археологами университета г. Казани А.Е. Ермолаевым и Е.А. Поповым. В процессе исследований были открыты стоянки Канск, Ашкаул и др. Обнаруженные археологические материалы были соотносимы с материалами, относящимися к бронзовому веку. Собственно этот факт явился основанием для утверждения авторами открытия, что этот район начал заселяться в эпоху палеометалла [Ермолаев 1912].

Ранее отдельные археологические предметы, обнаруженные местными крестьянами и служилыми людьми в окрестностях г. Канска и ближайших населенных пунктов, поступали представителям официальной власти и в сибирские краеведческие музеи.

Во второй половине 50-х гг. прошлого века в Канском районе работал отряд ЛОИА ИА АН СССР под руководством Г.А. Максименкова. Им были проведены раскопки многослойного поселения на оз. Долгом и открыта стоянка «Кирпичики», или «Стрижовая Гора», на которых в процессе раскопок автора открытий и более поздних исследований иркутских археологов были зафиксированы культурные слои, относящиеся к эпохам неолита и палеолита [Блейнис 1988].

В 70–90-е гг. XX века разведочные и стационарные раскопочные работы в долине р. Кан проводились экспедициями и отрядами Иркутского государственного университета (ИГУ) под руководством Г.И. Медведева, А.Г. Генералова, Н.А. Савельева, Т.А. Абдулова, С.А. Дзюбаса и др. В процессе исследований были открыты десятки археологических памятников различных хронологических периодов, относящихся к различным археологическим культурам [Абдулов 1985; Генералов 1978, 1982, 1995, 1996, 2000, 2001; Савельев, Генералов, Абдулов, Дзюбас 1992]. В частности, три позднепалеолитических стоянки были обнаружены на окраине с. Бражное и в его окрестностях – Бражное-1, 2, 3, позднепалеолитическое местонахождение было выявлено у с. Ашкаул.

В середине 90-х гг. XX в. стационарные раскопки стоянки на окраине с. Бражное, возле сельского кладбища, провел отряд ИГУ под руководством А.Г. Генералова [Генералов, Воробьева, Мухарамов 1995].

В 1985 г. по заказу Управления культуры Красноярского крайсполкома на территории Красноярского края были начаты работы по паспортизации археологических памятников. Работы выполняются сотрудниками Красноярского государственного педагогического института (с 1993 г. – Красноярский государственный педагогический университет – КГПУ) под общим руководством Н.И. Дроздова и продолжаются до настоящего времени.

В 1985 г. отряд по паспортизации археологических памятников КГПИ при выполнении работ на территории Канско-Рыбинской котловины, в Канском

*Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников
в окрестностях г. Канска:*

*1 – Бражное-1; 2 – Бражное-2; 3 – Бражное-3; 4 – Бражное-4; 5 – Бражное-5; 6 – Ашкаул-2;
7 – Чечеул-1; 8 – Чечеул-2; 9 – Чечеул-3; 10 – Чечеул-4; 11 – Чечеул-5, 12 – Степняки-1*

Заготовки представлены отщепами и сколами, включая относительно небольшую долю пластинчатых форм (до 9 %) – 58 экз.

Следует отметить, что практически все заготовки имеют вторичную обработку на маргиналах, что может являться отчасти следствием поверхностной дислокации материала.

Среди орудийного набора отмечены:

- скребла и скребловидные инструменты – 7 экз.;
- выемчатые орудия на отщепях и пластинчатых сколах с типом оформления рабочего края на дорсальной поверхности – 9 экз.

Бражное-2. Стоянка находится на левом берегу р. Кан, в 1,5 км выше по течению от с. Бражное и имеет географические координаты 56°02' с.ш. и 095°51' в.д. Археологический материал приурочен к покровным отложениям 30–40-метровой террасы. Поверхность террасы относительно ровная, рассеченная мощными древними оврагами (рис. 4). В одном из этих оврагов в 1997 г. учитель истории местной школы В.А. Крамной обнаружил на разрушаемом участке борта оврага крупное компактное скопление палеофаунистических остатков, расположенных на округлой площади диаметром до двух метров (рис. 5). В скоплении были отмечены отдельные кости мамонта, северного оленя, череп бизона и других представителей четвертичной фауны. Скопление не было раскопано, а в результате дальнейшего разрушения стенки оврага оно было уничтожено.

Археологический материал на стоянке зафиксирован в слое гумуса и на поверхности террасы на площади 1100 x 400–600 м.

Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 159 экз.

К первичному раскалыванию отнесены (рис. 2):

1) нуклеусы параллельного принципа расщепления для снятия пластинчатых заготовок – 33 экз. Среди них выделяется довольно яркая группа ядрищ с элементами леваллуазской техники (вееровидное снятие заготовок, технологическое выделение *shapeau de gendarme* и т. д.) – 17 экз.;

2) торцовые нуклеусы крупных и средних размеров – 8 экз.;

3) нуклевидные желваки, очевидно, использованные в качестве получения крупных сколов и отщепов, либо в качестве опробывания сырья – 22 экз.

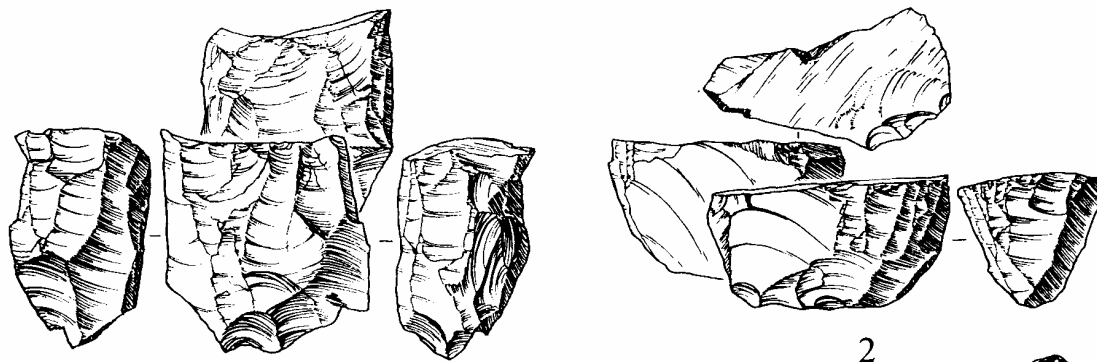
Заготовки представлены отщепами и сколами, доля пластинчатых форм составляет 12 % – 63 экз.

Следует отметить, что практически все заготовки имеют вторичную обработку на маргиналах, что может являться отчасти следствием поверхностной дислокации материала.

Среди орудийного набора отмечены:

- скребла и скребловидные инструменты – 17 экз.;
- выемчатые орудия на отщепях и пластинчатых сколах с типом оформления рабочего края на дорсальной поверхности – 9 экз.

Бражное-3. Стоянка находится на левобережной древней террасе р. Кан высотой до 40 м, в 2,3 км ЮЗ с. Бражное и имеет географические координаты

*Рис. 2. Местонахождение Бражное. Каменный инвентарь.
Нуклеусы (1–4 – пункт 1; 5–10 – пункт 2)*

56°02' с.ш. и 095°50' в.д. Поверхность террасы относительно ровная, полого понижающаяся в северном направлении до границы с древним логом (рис. 6). С южной стороны имеется значительный террасоуступ, восточный борт террасы обрывисто спускается к береговой линии Кана, на ЗЮЗ терраса выколаживается, а на СЗ разрезана мощными древними логам.

На поверхности террасы, которая длительное время распахивалась, а в настоящее время используется под выпас, собрана большая коллекция археологического материала, представленная каменным инвентарем. Материал фиксируется на площади размером 450 x 200 м. Собранная коллекция представлена нуклеусами, нуклевидными заготовками, сколами. В подавляющей массе предметы не имеют следов обработки и только на отдельных экземплярах пластинчатых сколов имеются элементы ретуши.

Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 99 экз.

Первичное раскалывание характеризуется (рис. 7):

1) нуклеусами параллельного принципа расщепления для снятия пластинчатых заготовок – 13 экз. Среди них выделяется довольно яркая группа ядрищ с элементами леваллуазской техники (веерообразное снятие заготовок, технологическое выделение *shapeau de gendarme* и т. д.) – 5 экз.;

2) торцовыми нуклеусами крупных и средних размеров – 2 экз.;

3) нуклевидные желваки, очевидно, использованные в качестве получения крупных сколов и отщепов, либо в качестве опробывания сырья – 10 экз.

Заготовки представлены отщепами и сколами (с эпизодической вторичной преимущественно дорсальной ретушью) – 35 экз.

Орудийный набор составляют скребла и скребловидные инструменты – 29 экз.

Бражное-4. Местонахождение расположено в 2,8 км ЮЗ от с. Бражное, в 0,4 км от р. Кан и имеет географические координаты 56°02' с.ш. и 095°49' в.д. Памятник приурочен к высшим отметкам 50-метровой террасы, поверхность которой полого понижается в северном и северо-восточном направлениях, разрезана небольшими логам (рис. 8). В 0,3 км СВ находится местонахождение Бражное-3. Ранее площадь террасы использовалась под пашню, а в настоящее время используется под выпас.

На поверхности террасы зафиксировано обилие археологического материала, представленного как оформленными изделиями, так и многочисленными отходами каменной индустрии. Археологический материал располагается на площади 150 x 300 м.

Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 174 экз.

Первичное расщепление характеризуют:

1) нуклеусы радиального принципа расщепления – 11 экз.;

2) нуклеусы параллельного принципа расщепления для снятия пластинчатых заготовок – 39 экз.;

3) нуклевидные изделия – 34 экз.;

*Рис. 3.
Местонахождение Бражное-1*

*Рис. 4.
Местонахождение
Бражное-2*

*Рис. 5. Местонахождение Бражное-2.
Вид на обнажение оврага в месте скопления палеофаунистических остатков*

Рис. 6. Местонахождение Бражное-3

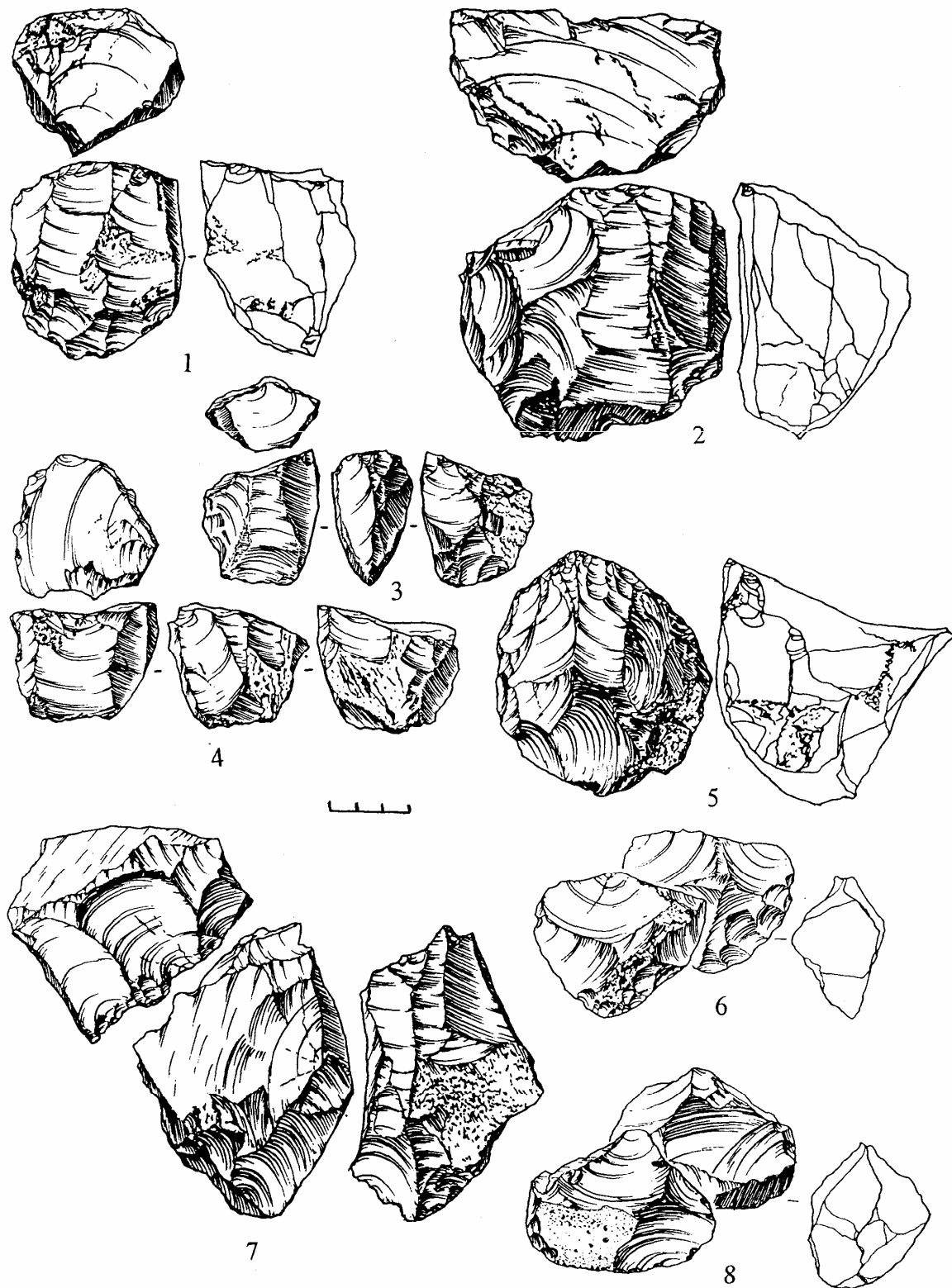

Рис. 7. Местонахождение Бражное. Каменный инвентарь.
Нуклеусы. Пункт 3

- 4) торцовые нуклеусы – 23 экз.;
- 5) микропластинчатые нуклеусы – 3 экз.

Заготовки представлены:

- отщепами и сколами с эпизодической вторичной, преимущественно дорсальной ретушью – 36 экз.;
- мелкими пластинчатыми сколами и микропластинами – 28 экз.

Бражное-5. Местонахождение обнаружено в 2006 г. и расположено в глубине 80–90-метровой левобережной террасы р. Кан, на ее высших отметках, в 1,1 км от р. Кан и в 1 км СЗ стоянки Бражное-3 и имеет географические координаты 56°02' с.ш. и 095°49' в.д. Поверхность террасы относительно ровная, на юго-востоке примыкает к мощному древнему логу с крутым бортом и постепенно понижается в ССВ направлении (рис. 9). Поверхность полностью используется под пашню. На распаханной поверхности собрана значительная коллекция археологического материала, представленного каменным инвентарем. Материал фиксируется на площади размером 380 x 1300 м, что характерно для данного района.

Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 88 экз.

Первичное раскалывание характеризуется нуклевидными желваками, очевидно, использованными в качестве получения крупных сколов и отщепов, либо в качестве опробывания сырья – 18 экз.

Заготовки представлены отщепами и сколами, включая относительно небольшую долю пластинчатых форм – 58 экз. 49 экз. имеют вторичную обработку на маргиналах в виде регулярной и эпизодической полукрутой и крутой ретуши на дорсальной поверхности.

Выемчатые орудия на отщепах и пластинчатых сколах составляют орудийный набор – 10 экз.

Клювовидные орудия с технологически выделенным высоким «клювом», оформленным крутой дорсальной ретушью средних размеров на отщепах.

Чечеул-1. Местонахождение расположено на ЮВ окраине п. Чечеул, на террасовидной поверхности, полого понижающейся к руслу р. Кан, который протекает в 4 км севернее, в подножии граничит с широкой древней поймой и имеет географические координаты 56°07' с.ш. и 095°43' в.д. Поверхность террасы относительно ровная, используется под пашню, а на западе граничит с жилой зоной п. Чечеул и древним логом (рис. 10). Археологический материал зафиксирован на поверхности террасы, на пашне.

Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 6 экз. Это бифас небольших размеров, отщеп средних размеров с эпизодической нерегулярной ретушью на дорсальной поверхности, пластинчатые сколы (3 экз.) и фрагмент пластинчатого скола (рис. 12).

Чечеул-2. Местонахождение обнаружено в 2006 г. и расположено вблизи ЮВ окраины п. Чечеул, в 250 м ЮВ местонахождения Чечеул-1 и имеет географические координаты 56°07' с.ш. и 095°43' в.д. Поверхность террасы относительно ровная, полого понижается в северном направлении, используется под пашню

*Рис. 8.
Местона-
хождение
Бражное-4*

*Рис. 9.
Местона-
хождение
Бражное-5*

*Рис. 10.
Местона-
хождение
Чечеул-1*

Рис. 11.
Местонахождение
Чечеул-2

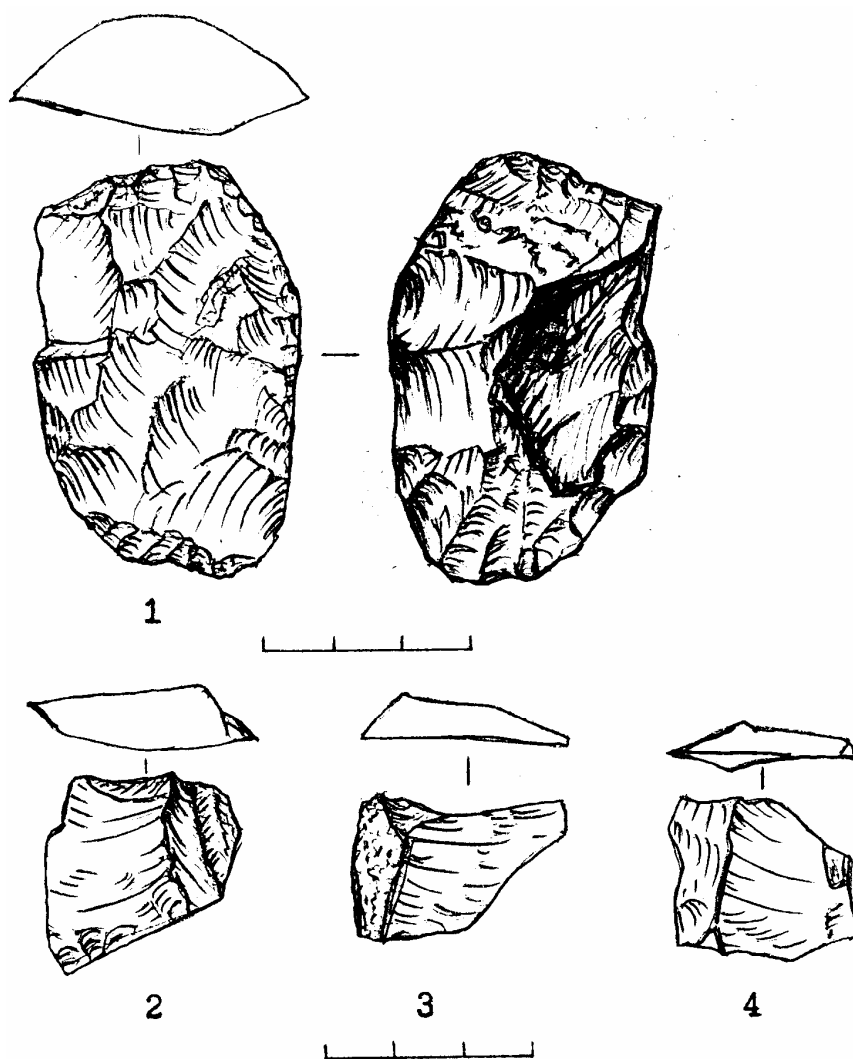

Рис. 12.
Местонахождение Чечеул-1.
Каменный
инвентарь:

1 – бифас;
2–4 – пластинчатые сколы

и частично занята небольшими лесными массивами. Археологический материал зафиксирован на поверхности террасы, на границе пашни и опушки леса (рис. 11).

Археологический материал представлен отходами каменной индустрии: одним отщепом и двумя фрагментами сколов (3 экз.).

Чечеул-3. Местонахождение открыто в 2006 г. и расположено на ЮВ окраине п. Чечеул, в 200 м ЮЗ местонахождения Чечеул-2, на террасовидной поверхности и имеет географические координаты $56^{\circ}07'$ с.ш. и $095^{\circ}43'$ в.д. Поверхность террасы относительно ровная, полого понижается в западном направлении, используется под выпас скота и частично занята небольшими лесными массивами (рис. 13).

Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 5 экз.

Первичное расщепление представлено нуклеусом параллельного принципа расщепления для снятия пластинчатых заготовок – 1 экз.

Нуклевидные желваки, очевидно, использованы в качестве получения крупных сколов и отщепов, либо в качестве опробывания сырья – 4 экз.

Чечеул-4. Местонахождение открыто в 2006 г., расположено в 1,8 км ЮВВ п. Чечеул и имеет географические координаты $56^{\circ}06'$ с.ш. и $095^{\circ}44'$ в.д. Археологический материал обнаружен на пашне и приурочен к террасе, однотипной той, на которой расположены местонахождения на окраине п. Чечеул (рис. 14). Поверхность террасы ровная, постепенно понижается в северном направлении и в подошве граничит с древней поймой р. Кан. Археологический материал немногочислен и составляет всего 1 артефакт (фрагмент пластинчатого скола).

Чечеул-5-11. В результате предварительного археологического осмотра западнее автодороги Красноярск – Канск и СЗЗ п. Чечеул, южнее г. Канска обнаружена группа из 7 местонахождений. Местонахождения расположены на террасе, однотипной террасам, на которых выявлены стоянки у п. Чечеул (рис. 17). Единичные артефакты, представленные каменным инвентарем, обнаружены на поверхности террасы на расстоянии 150–200 м друг от друга. Это позволяет говорить о перспективности и необходимости проведения археологических исследований этой территории.

Ашкаул-2. Стоянка расположена в 3 км южнее п. Ашкаул, на древней террасе р. Кан и имеет географические координаты $56^{\circ}05'$ с.ш. и $095^{\circ}48'$ в.д. Относительно ровная поверхность террасы полого понижается в северном направлении, разрезана мощным древним логом, в котором протекает ручей. Борты лога обрывисты, высотой до 20–24 м. На одном из правобережных участков лога разрабатывается карьер (рис. 15). В обнажении борта карьера был зафиксирован культурный слой.

*Рис. 13.
Местона-
хождение
Чечеул-3*

*Рис. 14.
Местона-
хождение
Чечеул-4*

*Рис. 15.
Местона-
хождение
Ашкаул-2*

*Рис. 16.
Местонахождение Ашкаул-2.
Обнажение
культурного слоя
с включением
археологического
материала*

*Рис. 17.
Местонахождение
западнее
автодороги
Красноярск –
Канск*

*Рис. 18.
Местонахождение
Степняки-1*

Стратиграфический разрез стоянки представляется следующим (сверху вниз, мощность в метрах):

– слой суглинистого гумуса с незначительной, но четкой песчано-галечной прослойкой (его подошва ярко выражена, горизонтально слоистая)–0,24–0,28;

– плотный желто-коричневый суглинок с карбонатными вкраплениями, включениями плотного темно-коричневого суглинка с неясной и четко выраженной горизонтальной слоистостью, подстилаемый галечниками и видимой мощностью до 4–5 м.

Культурный слой зафиксирован в подошве гумусового слоя. В слое обнаружен крупный нуклеус (рис. 16). Изделие характеризуется большой массивностью и относительно крупными размерами: высота фронтальной поверхности составляет 24, 5 см, общая толщина – 16,7 см. Нуклеус технико-типологически характеризует параллельный принцип расщепления и соотносится с ядрищами пирамидального морфотипа. Площадка оформлена со стороны фронта.

Степняки-1. Местонахождение выявлено в 2006 г. отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева. Стоянка находится в 7, 7 км ЮЮЗ с. Бражное и имеет следующие географические координаты: в сочетании южной и восточной границ – 55°59' с.ш. и 095°48' в.д.; западная – 56°00' с.ш. и 095°47' в.д. Таким образом, площадь распространения археологического материала территориально составляет 1,1 км x 0,5 км, что весьма характерно для этого района. Памятник приурочен к 80–90-метровой левобережной террасе р. Кан, поверхность которой используется под пашню (рис. 18).

На обследованной территории обнаружено несколько тысяч артефактов, представленных каменным инвентарем, как готовыми изделиями, так и заготовками и отходами каменной индустрии.

Коллекция собранного археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 163 экз.

Первичное расщепление характеризуют:

- 1) нуклеусы радиального принципа – 6 экз.;
- 2) нуклеусы параллельного принципа расщепления для снятия пластинчатых заготовок – 14 экз.;
- 3) торцовые нуклеусы крупных и средних размеров – 8 экз.;
- 4) нуклевидные желваки – 25 экз.

Заготовки представлены отщепами, сколами и пластинчатыми сколами – 84 экз. Остальную часть коллекции составляют отходы производства.

Кроме палеолитических местонахождений в ходе работ были обнаружены памятники более поздних эпох и, в частности, погребальные комплексы эпохи палеометалла.

Могильник Ношино-1. Расположен в Абанском районе Красноярского края вблизи ЮЗ окраины п. Ношино, на вершине небольшой возвышенности. Поверхность возвышенности уплощена и полого понижается в северо-восточном направлении (рис. 19). Географические координаты могильника 56°36' с.ш. и 095°42' в.д.

Зафиксировано более 15 надмогильных сооружений, расположенных без какой-либо четкой системы и выделяющихся над поверхностью земляными и каменными

*Рис. 19.
Могильник
Ношино-1.
Общий вид*

*Рис. 20.
Могильник
Ношино-1.
Курганная насыпь*

насыпями округлой и подпрямоугольной формы диаметром до 7–10 м и высотой до 1,2 м (рис. 20). Каменные кладки выполнены из обломочного материала скальных пород, которыми сложена возвышенность (рис. 21). Вокруг насыпей по окружности выполнены неглубокие воронкообразные ямки (до 7 шт.) диаметром до 0,5 м и глубиной до 0,3 м. На площади могильника имеются воронкообразные западения гораздо больших размеров, достигающие диаметра до 1,5 м и глубины до 0,5 м, и большие четырехугольные углубления, возможно, остатки жилищ.

Данный могильник, на наш взгляд, может быть соотнесен с частично разрушенным поселением эпохи палеометалла, расположенным в 1 км от ЮВ окраины п. Ношино, на берегу речки, в 2 км от месторасположения могильника. Подъемные археологические материалы с данного поселения, собранные учениками под руководством учителя географии Ношинской школы В.М. Кривоносова

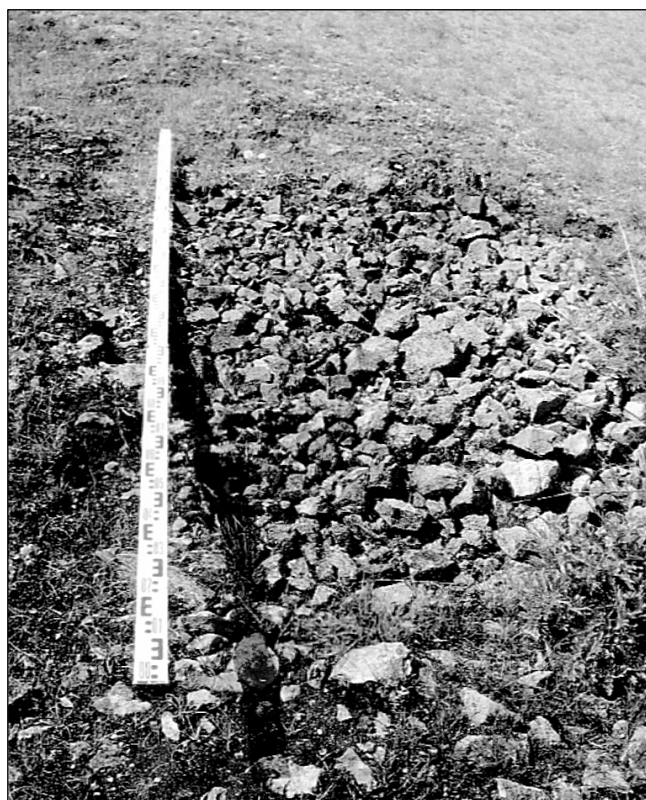

Рис. 21.
Могильник Ношино-1.
Курганная кладка

Рис. 22.
Школьный музей
п. Ношино-1.
Бронзовые ножи и
оперенные стрелы

хранятся в школьном музее, организованном его усилиями. Обширная коллекция представлена изделиями из бронзы, орнаментированной и не орнаментированной керамикой, фаунистическими остатками. Изделия из бронзы: фрагменты котлов, вероятно, тагарского времени (один целый котел, обнаруженный на окраине поселка при рытье силосной ямы в 80-е гг. XX в., был украден из музея), оперение стрелы, ножи и отдельные фрагменты ножей (рис. 22), массивный четырехгранный наконечник копья и др.

В коллекциях музея имеются археологические и палеонтологические материалы с других разновременных местонахождений окрестностей п. Ношино, а также расположенных в самом поселке и в значительной степени разрушенных к настоящему времени при строительстве МТФ, автодороги, земляной дамбы на речке и жилищно-хозяйственных построек. Эти находки показывают перспективность археологических исследований в данной местности.

Выводы

Выявленные в ходе работ палеолитические местонахождения имеют большое количество сходных показателей.

1. Поверхностный характер залегания артефактов. При этом надо отметить, что местонахождения располагаются на высоких гипсометрических отметках.

2. Однородный сырьевой материал. Сырье коллекций можно охарактеризовать как отдельности кремневой породы, осложненные трещиноватостью и различного рода включениями. По характеру описанные местонахождения можно отнести к мастерской, где происходила первоначальная обработка крупных кремневых кусков. С другой стороны, естественно, что специфика местонахождения обуславливает известную грубость обработки камня, однако и позволяет сделать интересные наблюдения за первоначальной обработкой камня в чистом виде. Комплекс предварительно датирован эпохой палеолита, хотя для установления даже приблизительной древности необходимы дальнейшие исследования. Среди нуклевидных обломков и крупных кусков кремня выделяются нуклеусы радиального принципа расщепления, а также ядрища, которые можно охарактеризовать как леваллуазские. В коллекции нуклеусов присутствует и группа торцово-клиновидных ядрищ (средних и крупных размеров). Основными видами преформ этих нуклеусов являются: 1) крупные желваки – отщепы; 2) одноплощадочные монофронтальные нуклеусы с уплощенным фронтом; 3) бифасиальные спецзаготовки. Несмотря на известную грубость изделий, отчасти обусловленную характером местонахождения, встречаются экземпляры, выполненные на достаточно высоком техническом уровне. Переоформление зафиксировано только в двух случаях в одноплощадочный бифронтальный нуклеус: причем здесь следует отметить в одном случае грубость обработки, где функциональные снятия по морфологии даже не походили на правильные призматические пластины, а в другом – это типичный пример одноплощадочного бифронтального микронуклеуса. Здесь, по всей видимости, мы имеем дело с проявлением самостоятельной технической традиции переоформления торцово-клиновидных нуклеусов, т. к. присутствие переоформления на этом памятнике необязательно по причине обилия пригодного для использования сырья.

3. Однородность технико-типологических характеристик. Так, в материалах всех местонахождений фиксируются крупные нуклевидные изделия (облупни), очевидно, являющиеся либо результатом технологического экспериментирования с целью отбора пригодных к использованию в качестве нуклеусов или изготовления орудий, либо следствием раскалывания спонтанно выбранных кусков кремня в условиях «сырьевого изобилия». Наличие архаических приемов экс-

плуатации ядрищ (радиальное раскалывание, леваллуазские элементы оформления и утилизации ядрищ) наряду с элементами микропластинчатой технологии. Учитывая характер дислокации материала, можно сказать, что вопрос о разграничении подъемных комплексов по хронологии вряд ли уместен, тем более это невозможно и по степени дефляции артефактов.

4. Широкое пространственное размещение местонахождений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исследованные археологические объекты образуют своеобразный, отличный от известных и изученных памятников тип. В качестве рабочего варианта мы предлагаем рассматривать описанные археологические объекты как памятники, образующие единый *техносырьевой комплекс (сырьевой технокомплекс)*. В этом случае выделенный нами новый тип археологических объектов образуется по наличию большого количества общих показателей (условия дислокации, единые техно-типологические показатели и т. д.). Этот вопрос предполагает дальнейшую разработку определения и методического обоснования.

Библиографический список

1. Абдулов, Т.А. Итоги и перспективы изучения мезолита Канско-Рыбинской котловины / Т.А. Абдулов // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1985.
2. Артемьев, Е.В. Комплекс местонахождений-мастерских у с. Бражное как источник изучения технологии древнейшего населения в палеолите / Е.В.Артемьев, В.И. Макулов // Исторические этапы социально-экономического и культурного развития Красноярского края: материалы краеведческих чтений. Красноярск, 2–3 декабря 1997 г. – Красноярск, 1998. – С. 29–33.
3. Блейнис, Л.Ю. Новые данные к археологической карте Канского района / Л.Ю. Блейнис // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1989. – Вып. 1. – С. 226–235.
4. Генералов, А.Г. Проблема хронологии и периодизации неолита Красноярско-Канской лесостепи / А.Г. Генералов // Археология и этнография Восточной Сибири. – Иркутск, 1978.
5. Генералов, А.Г. Новые памятники эпохи неолита и бронзы Канской котловины / А.Г. Генералов // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – ИГУ, Иркутск. – 1982.
6. Генералов, А.Г. Новые памятники Канского района / А.Г. Генералов, С.А. Дзюбас // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX Регион. археолог. студ. конф. – Иркутск: Иркут. ун-т. 1990. – С. 103.
7. Генералов, А.Г. Технические приемы расщепления камня в палеолит-мезолитических комплексах Южной Сибири / А.Г. Генералов // Природные ресурсы, экология и социальная среда Прибайкалья. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1995. – С. 85–88.
8. Генералов, А.Г. Новые материалы в исследовании археологических местонахождений Стрижовая Гора и Бражное (долина р.Кан) / А.Г. Генералов, Г.А. Воробьева, Ш.З. Мухарамов // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 1995. – С. 181–183.

9. Генералов, А.Г. Археология Канской лесостепи / А.Г. Генералов // Из коллекций Канского краеведческого музея: каталог выставки. – Канск: Канск. краевед. музей, 1996. – С. 1–4.
10. Генералов, А.Г. Опыт выделения геоархеологических объектов Канско-Енисейского региона / А.Г. Генералов // Архаические и традиционные культуры Северо-восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Международ. науч. семинар, апрель 22–28, 2000: материалы докл. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2000. – С. 37–49.
11. Генералов, А.Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского района: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.Г. Генералов. – Иркутск. 2001. – 42 с.
12. Ермолаев, А.Е. К археологии окрестностей г. Канска Енисейской губернии / А.Е. Ермолаев // Сибирский архив. – 1912. – № 4.
13. Савельев, Н.А. Археологические памятники Канской лесостепи (К своду памятников Красноярского края) / Н.А. Савельев, А.Г. Генералов, Т.А. Абдулов, С.А. Дзюбас // Проблемы археологии, этнографии истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т. 1. – С. 90–94.

**ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ГЛАВЫ
ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ АРХИМАНДРИТА ПЕТРА
(П.И. КАМЕНСКОГО) В ФОНДЕ
Г.И. СПАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

История русско-китайских отношений вообще и деятельность Российской духовной миссии в Пекине в частности всегда привлекали внимание исследователей. На протяжении полуторавекового периода изучения вопроса сложились определенные приоритеты. Традиционно работы пишутся на документах и материалах, хранящихся в столичных городах, наибольшее внимание уделяется выдающемуся синологу архимандриту Иакинфу (Никите Яковлевичу Бичурину). Расширение источниковой базы позволит более полно исследовать историю русско-китайских отношений и Российской духовной миссии в Пекине, полнее осветить вклад других деятелей в развитие отечественного китаеведения. В этой связи значительный интерес представляют документы и материалы, собранные в XIX в. известным ученым и издателем Григорием Ивановичем Спасским, которые позднее были приобретены знаменитым красноярским купцом Геннадием Васильевичем Юдиным, а сейчас хранятся в фондах Государственного архива Красноярского края. Большая часть «китайской коллекции» данного фонда непосредственно связана с жизнью и деятельностью в Китае крупнейшего представителя отечественной синологии архимандрита Петра (Павла Ивановича Каменского).

В Государственном архиве Красноярского края хранятся материалы из личного архива крупного ученого, собирателя документов и издателя Г.И. Спасского (1783–1864). До сих пор не написана полная научная биография этого замечательного человека, хотя имеются публикации об основных этапах его жизни и деятельности [Смирнов 1927; Будылина 1939; Шафрановская 1976; Сергеев 1970; Днепровский 2004]. Документы и материалы о Центральной и Восточной Азии и русско-китайских отношениях Григорий Иванович начал собирать, получив в 1803 г. назначение на службу в Сибирь, где проработал до 1817 г. С 1804 г. он начал проводить исследования в Приенисейском крае. Вскоре по ходатайству графа Н.А. Головкина Г.И. Спасский был причислен к посольству, направленному в 1805 г. в Китай, в 1806 г. он работал с П.Я. Потоцким, собирая материалы по Китаю. Активная научная деятельность Г.И. Спасского, избранного в 1810 г. членом-корреспондентом Академии наук, связана с изданием в 1818–1827 гг. журналов «Сибирский вестник» и «Азиатский вестник». В «Сибирском вестнике» в разделе «Собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных с нею» были опубликованы «Путешествие в Китай казака Ивана Петлина в 1620 году», «Путешествие Ф.И. Байкова в Китай с 1654 по 1658 год», «Дневные

записки переводчика Путинцева в проезд его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульджа и обратно в 1811 году», «О начале торговых и государственных сношений России с Китаем», «Об езуитах в Китае», «О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию», «Посольство из Тобольска к Бутухту-хану зюнгарскому». «Обозрение Зюнгарии». В «Азиатском вестнике» Г.И. Спасский опубликовал материалы «О российской духовной миссии в Пекине».

Часть собранных Г.И. Спасским материалов и документов позднее была приобретена крупнейшим меценатом и библиофилом, красноярским купцом Г.В. Юдиным. В составе коллекции Г.В. Юдина архив Г.И. Спасского попал сначала в музей Приенисейского края (Красноярский краевой музей), а затем – в Государственный архив Красноярского края. Долгое время материалы Г.И. Спасского из коллекции Г.В. Юдина считались утраченными, но в 1951 г. при разборе неописанных документов из этой коллекции они вновь были найдены. Сейчас материалы Г.И. Спасского, часто называемые его личным архивом, выделены в ГАККе в отдельный фонд.

Архив Г.И. Спасского известен отечественным исследователям, имеются и специальные публикации об этом фонде в научных изданиях: «Советская этнография» [Каралькин 1956] и «Археографический ежегодник» [Преображенский 1960], а также в газетах. Например, 22 апреля 1956 г. в газете «Красноярский рабочий» была опубликована статья «Сибирские историки XIX века о дружбе России с Китаем». В большинстве публикаций вообще не упоминается об уникальных документах этого фонда, напрямую связанных с крупнейшим отечественным синологом архимандритом Петром (Каменским). Лишь в статье А.А. Преображенского отмечается: «Заслуживают быть упомянутыми... заметки синоведа П.И. Каменского...» [Преображенский 1960 : 274]. Несмотря на то что уникальные документы из коллекции Г.И. Спасского всегда вызывали большой интерес исследователей, описаны и доступны исследователям, вывод, сделанный еще 45 лет назад: «коллекция недостаточно изучена нашими историками, материалы слабо использованы. Между тем ценность коллекции несомненна...» [Преображенский 1960 : 275], остается актуальным и сегодня. Таким образом, документы и материалы, связанные с архимандритом Петром (Каменским), хранящиеся в фондах ГАКК, до сих пор практически не введены в научный оборот.

Жизнь и деятельность Павла Ивановича Каменского (1765–1845)¹, главы X Российской духовной миссии в Пекине (1821–1830), довольно подробно освещена в литературе по истории отечественного востоковедения и Российской духовной миссии в Пекине [Куликова 1994]. В 1970 г. небольшую статью, посвященную личности Архимандрита Петра и его трудам по истории Китая, опубликовал известный отечественный китаевед А.Н. Хохлов [1970]. В современной

¹ В современной литературе встречается и другая дата рождения – 1773 г.

историографии продолжают появляться работы о начальнике X Российской духовной миссии в Пекине [Шаталов 2000], публикуются его письма¹.

Сын священника, выпускник Нижегородской духовной семинарии, П.И. Каменский в 1793 г. был «определен» учеником духовной миссии в Пекине. В Китае Павел Иванович стал формировать синологическую библиотеку. Немаловажное значение имел тот факт, что его как знатока латинского языка китайские власти привлекали для перевода документов. В 1809 г. он вернулся в Петербург и занял должность переводчика с китайского и маньчжурского языков. В 1818 г. П.И. Каменский вместе с С.В. Липовцовым составили каталог китайских и японских книг, которые Академия наук передавала Азиатскому музею. Переводчик Азиатского департамента П.И. Каменский стал в начале XIX в. ведущим китаеведом в России, в 1819 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду литературы и древностей Востока, членом Парижского Азиатского общества и других европейских научных организаций. В 1817 г. Александр I утвердил публикацию китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинского словаря переводчика Азиатского департамента МИД П.И. Каменского в литографическом заведении государственной коллегии иностранных дел. Объем словаря предполагался в 1200 страниц, тираж – 1000 экземпляров, срок издания – 6 лет, с 1818 по 1823 гг. Но из-за отъезда архимандрита Петра (Каменского) в Китай, а возможно, по причине отрицательного отзыва на эту работу Н.Я. Бичурина словарь так и не был издан.

В 1818 г. П.И. Каменский, срочно постриженный в монахи и рукоположенный в звание архимандрита, был назначен начальником Российской духовной миссии в Пекине. В 1820 г. архимандрит Петр во главе миссии прибыл в Китай, сменив на этом посту архимандрита Иакинфа (Бичурина). Именно с X миссии начинается собственно миссионерская работа в Китае, а кроме того, из числа учеников данной миссии вышло больше всего китаеведов, способных к дальнейшей практической и научной работе. П.И. Каменский, очевидно, сыграл значительную роль в деле открытия Кяхтинского училища китайского языка, когда, возвращаясь из Китая, высоко оценил успехи учеников этой формально еще не признанной школы. Последние годы жизни П.И. Каменский провел в монастыре Городца Нижегородской губернии. Исследователи отмечали, что за всей научной деятельностью Каменского или стоит неблагоприятное стечение обстоятельств, или кроется какая-то тайна. Русский синолог был избран членом не только Петербургской академии наук, но и других научных обществ в разных странах Европы, единственный из архимандритов он был награжден орденом Св. Анны 1-й ст. Но богатейшее научное наследие архимандрита Петра мало известно, его труды и материалы, за редким исключением, до сих пор так и не опубликованы.

Материалы и документы архимандрита Петра находятся в различных хранилищах нашей страны. Например, его документы, хранившиеся в коллекции

¹ Например, два его письма к О.М. Ковалевскому из фондов Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета были опубликованы в Москве в 2004 г. в сборнике «Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II».

синолога Осипа Павловича Войцеховского и позднее приобретенные санскритологом Павлом Яковлевичем Петровым, в настоящее время находятся в Отделе редкой книги Научной библиотеки МГУ [Хохлов 2004]. Некоторые документы имеются в фонде «Библиотека Азиатского департамента» Архива внешней политики Российской Империи, в фонде «Архив О.М. Ковалевского» Отдела редких книг Санкт-Петербургского университета. Богатая коллекция материалов, включая переводы китайских исторических сочинений, хранится в Архиве востоковедов Петербургского отделения Института востоковедения РАН, сделанные им подборки исторических материалов имеются в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Но, возможно, одна из наиболее значительных коллекций материалов и документов, отражающих связанную с миссией в Пекине деятельность П.И. Каменского, хранится в фонде Г.И. Спасского ГАКК.

Обзор архивных материалов целесообразно начать с дела № 103 «Черновые заметки П. Каменского по истории Китая». В нем собраны интересные документы и материалы, посвященные истории и культуре Китая, написанные П. Каменским или связанные с его миссионерской деятельностью. В работе «Порядок сведения 1-й Книги, поданной в Государственную Коллегию Иностранных дел, переведенную с Китайского и Маньчжурского языков» не только перечислены китайские документы, но и приведен критический взгляд на традиционную китайскую историографию. П. Каменский пишет: «Многие древние китайские историки без надлежащих, в истории нужных оснований и без должной критики, древнейшие предания соплетен различные монархии с коей полагали начала...» [1. Д.103. Л.9]. Большой интерес представляют принадлежащие перу П. Каменского «Размышления о китайском языке и письменности». Синолог отмечает: «Литеры считаются за священный дар, подвергаются проклятию, кто оные употребив во зло, кто вместо полезных сочинений, издаст вредные, кто положит, бросит или употребит в нечистом месте. Набожный китаец, видя валяющийся в там небрежении лоскутки, подбирает, положит оные в укромное место... Кроме государя никто не должен изобретать новых иероглифов. Китайский язык для разговора имеет в себе около двух сот сорока только главных произношений и выговоров, а для обозначения на письме всея природы терминов есть до 20 тысяч литер...» [1. Д.103. Л.18]. В деле также имеются размышления миссионера по поводу изречений Конфуция. Интерес для исследователей представляют составленные архимандритом Петром перечни «Китайские имена», «Краски китайские», прочие работы. В черновиках П. Каменского встречаются надписи на маньчжурском и латинском языках.

Огромный интерес для исследователей, занимающихся проблемами межкультурного взаимодействия, представляет письмо «послушника П. Каменского» «Высокопреосвященному Владыке Милостивому архипастырю», датированное 24 февраля 1812 г. Документ показывает, насколько сильным могло быть влияние китайской культуры на православных миссионеров. Бывший ученик Духовной миссии в Пекине, будущий ее глава, в частности, каялся в том, что увлекшись китайскими учениями, даже порывал с православием: «...я оставил

духовное состояние... я питался бесочным хлебом Конфуцианского – Лоудзыевского и фоевского учений – Суэта, всегда пребудет суетою – утомленный оною и следуя тому же блудному сыну, возвратившись яко единый из прокаженных повергаюсь пред Архипастырскими стопами вашими...» [1. Д.103. Л.12]. Перу П. Каменского принадлежит записка с рекомендациями о том, как подбирать кадры для Пекинской миссии.

Среди собранных в фонде материалов имеются копии писем П.И. Каменскому. В июне 1832 г. министр иностранных дел Карл Васильевич Нессельроде сообщал о начислении жалования вернувшимся миссионерам, о выдаче денег для приобретения европейской одежды взамен носившейся в Пекине китайской. В фонде есть письмо Вениамина (очевидно, члена X миссии и главы XI миссии в Пекине Вениамина (Морачевича)). Особый интерес представляют письма православных китайцев с благодарностью главе миссии, например, «письмо новокрещеного маньчжура дворянина Терентия Турунчая...» и албазинца А.А. Савинова.

В фонде имеются другие разнообразные материалы, напрямую касающиеся П.И. Каменского. Например, письмо министра народного просвещения графа Алексея Кирилловича Разумовского министру иностранных дел, председателю Госсовета Николаю Петровичу Румянцеву от 25 сентября 1811 г. о выделении П.И. Каменскому 1500 рублей за переданные в дар библиотеке Академии наук китайские книги [1. Д.103. Л.2]. Отдельно следует выделить документы, связанные с отправкой в Пекин миссии, например, проект «Инструкции Архимандриту Пекинской Миссии» 1816 г. [1. Д.109].

Большую ценность для исследователей, занимающихся историей Российской духовной миссии в Пекине, имеют черновики работ, посвященных жизни и деятельности самого П.И. Каменского. Среди материалов фонда имеется копия «Записки о студенте Каменском», полученной в Коллегии иностранных дел 20 мая 1809 г. [1. Д.103. Л.13]. В качестве отдельного дела в фонде Г.И. Спасского выделен черновик работы неизвестного автора «Очерк жизни и трудов синолога архимандрита Петра Каменского», написанной на основе документов и материалов, собранных Степаном Васильевичем Липовцовым [Д.104]. Кроме объемистой работы на 31 страницу, в деле есть еще краткий очерк под тем же названием, но на 4 страницы. По тексту «Очерка...» есть сноски, сделанные на другой бумаге другим почерком. Их можно ориентировочно датировать, так как упоминается опубликованная в «Отечественных Записках» за 1857 г. рецензия на III том «Трудов Членов Российской Духовной Миссии в Пекине».

В материалах фонда Г.И. Спасского хранится еще один очень любопытный документ по истории Российской духовной миссии в Пекине, до сих пор не введенный в научный оборот исследователями. Называется он «Пребывание обеих миссий в Пекине с 2 декабря 1820 по май 1821 года». Документ представляет собой черновик дневника члена Духовной миссии с множеством исправлений и дополнений, сносками как в конце листа, так и на полях. Текст этого документа с некоторыми изменениями был опубликован в 1824 г. в работе и за авторством пристава X Российской духовной миссии в Пекине Егора Федоровича Тимков-

ского. Хотя автор знаменитого труда «Путешествие в Китай через Монголию, в 1820 и 1821 годах» в своей книге не раз отмечает: «...находясь в столице Китая около полугода, я вел подробный Журнал» (С.I.), «Вторая Часть содержит в себе Записки, веденныя мною в Пекине» (С.VII), глава вторая второй части работы называется «Мои записки в Декабре 1820». Однако хранящийся в фонде документ позволяет предположить, что автором описания Пекина, вошедшего в работу Е.Ф. Тимковского, было другое лицо [Государственный архив...]. В документе «Пребывание обеих миссий в Пекине с 2 декабря 1820 по май 1821 года» имеются интересные материалы, в том числе описание внутренних противоречий, краж, перерасхода средств, конфликтов между членами миссии, не вошедшие в публикацию, но необходимые для более глубокого исследования истории миссии в Пекине.

В материалах фонда есть письма «хутухты» работавшему в Пекине под началом архимандрита Петра врачу X Духовной миссии Осипу Павловичу Войцеховскому. Переписка была связана с работой этого будущего первого в России профессора-маньчжуриста по составлению маньчжуро-китайско-русского словаря [1. Д.105. Л.12об.]. Материалы, содержащие переводы и трактовки терминов и понятий, иероглифическое написание имен миссионеров, несомненно, представляют интерес для отечественных синологов. В фонде имеются переписка по другим вопросам, например о приобретении Ганьджура, переписка с министром народного просвещения Карлом Андреевичем Ливеном и с Императорской Публичной библиотекой. В деле № 105 имеются переписка об условиях жизни миссионеров в Пекине, а также записки разного содержания. Среди материалов встречаются также тексты на китайском языке.

Коллекция материалов и документов, касающаяся жизни и деятельности П.И. Каменского, несомненно, формировалась продолжительный период. Автор «Очерка жизни и трудов синоведа архимандрита Петра Каменского» получил коллекцию материалов, вошедшую в данный фонд, от соученика, сослуживца и друга П.И. Каменского, С.В. Липовцова, до 1820 г. Имеются также документы, датированные 30-ми годами XIX в., и ссылки на публикации 1857 г. Коллекция до последнего этапа ее формирования собиралась с научно-исследовательской целью. В делах фонда оригинальные документы нередко находятся вперемежку с копиями. Копии писем идут сплошным текстом, на них имеются пометки чернилами и карандашом. Можно предположить, что замысел коллекции появился в 1806 г., когда Г.И. Спасский собирал материалы, будучи прикреплен к экспедиции в Китай. Однако первые документы по истории миссии в Пекине были собраны в период издания в 1818–1827 гг. журналов «Сибирский вестник» и «Азиатский вестник». Несомненно, вся коллекция документов и материалов, связанных с миссией и П.И. Каменским, была собрана Г.И. Спасским в последние годы его жизни.

Таким образом, в фонде Г.И. Спасского Государственного архива Красноярского края хранится комплекс разнообразных документов и материалов, отражающих жизнь и деятельность крупнейшего отечественного синоведа П.И. Каменского и историю Российской духовной миссии в Пекине в конце XVIII – пер-

вой половине XIX вв. Неизвестные в науке документы и их копии, а также оригинальные рукописные черновики опубликованных материалов позволяют не только глубже исследовать проблемы отечественного китаеведения, но и осветить новые аспекты русско-китайских отношений. Трудоемкая работа по дальнейшему введению в научный оборот крайне сложных для прочтения рукописных материалов из хранящегося в ГАККе фонда Г.И. Спасского представляется актуальной и необходимой для отечественной науки.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Фонд 805 (Г.И. Спасский).
2. Тимковский, Е.Ф. Путешествие в Китай через Монголию / Е.Ф. Тимковский. Т. I–III. – СПб., 1824.
3. Будылина, М. Григорий Иванович Спасский (К 75-летию со дня смерти) / М. Будылина // Известия государственного географического общества. Т.71. Вып.8. – М. – Л., 1939.
4. Днепровский, Н.Н. Г.И. Спасский как исследователь Сибири (По материалам архива Г.И. Спасского) / Н.Н. Днепровский // Научный ежегодник КГПУ. Вып.4. Т.II. – Красноярск, 2004.
5. История отечественного востоковедения до середины XIX в. – М., 1990.
6. Каралькин, П.И. Об архиве Г.И. Спасского / П.И. Каралькин // Советская этнография. – 1956. – № 4.
7. Куликова, А.М. Востоковедение в российских законодательных актах / А.М. Куликова. – СПб., 1994.
8. Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып.II. – М., 2004.
9. Преображенский, А.А. Коллекция Г.В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края (краткий обзор) / А.А. Преображенский // Археографический ежегодник за 1958 г. – М., 1960.
10. Сергеев, А.Д. Г.И. Спасский как археолог Алтая / А.Д. Сергеев // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. Вып. 13. Ч. 1. – Бийск, 1970.
11. Скачков, Н.Е. Очерки истории русского китаеведения / Н.Е. Скачков. – М., 1978.
12. Смирнов, Б. Григорий Иванович Спасский (Материалы к биографии) / Б. Смирнов // Сибирские огни. – 1927. – № 1.
13. Хохлов, А.Н. П.И. Каменский и его труды по истории Китая / А.Н. Хохлов // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников, май 1970 г. – М., 1970.
14. Хохлов, А.В. Монголист О.М. Ковалевский: путешествие в Пекин (1830–1831) и контакты с российскими китаеоведами / А.В. Хохлов // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып.II. – М., 2004.
15. Шаталов, О.В. Архимандрит Петр (Каменский) и X Российская православная миссия в Китае / О.В. Шаталов // Исторический вестник. – 2000. – № 2.
16. Шафрановская, Т.К. Г.И. Спасский – издатель «Сибирского вестника» и «Азиатского вестника» / Т.К. Шафрановская // Страны и народы Востока. Вып.18. – М., 1976.

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ
НОВОСЕЛОВСКОГО РАЙОНА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

История исследования древних петроглифов на территории Новоселовского района Красноярского края имеет богатое прошлое. Первые рисунки были обследованы во время Первой академической экспедиции, направленной в Сибирь в 1719 г. Петром I. Руководителем экспедиции был приглашенный на службу в Академию Наук Даниил Готлиб Мессершмидт. В состав группы входили: Ф.И. Страленберг (шведский офицер, взятый в плен под Полтавой и отбывавший «срок» на то время в Тобольске), Капшель, в обязанности которого входило снабжение экспедиции, художник Карл Шульман, слуга и переводчик Петер Кратц, повар Андрей Геслер, два денщика и мальчик для сбора трав [Белокобыльский 1986 : 11].

В 1722 г. участники экспедиции, произведя археологические исследования в окрестностях Абаканского острога (с. Абаканское, ныне затопленное водами Красноярского водохранилища, находилось в районе нынешнего п. Краснотуранск), 16 февраля возвращались по Енисею в Красноярск. В ходе поездки ими были зафиксированы наскальные рисунки на скале «Городовая стена» напротив с. Новоселово, которые были скопированы К. Шульманом. Рисунки были выполнены красной охрой. Основной сюжет – тамбовидные знаки, зоо- и антропоморфные фигуры, изображение колчана со стрелами. Рисунки могли обозначать «знамена» хакасов, выполненные в эпоху позднего Средневековья (XV–XVI вв. н.э.) (Кызласов, Леонтьев, 1980).

В 1841–1844 и 1845–1849 гг. состоялись экспедиции по Сибири финского ученого Матиаса (Матвея-Александра) Кастрена (1813–1852). На Енисее он по поручению Академии Наук проводил лингвистические и отчасти археологические исследования в поисках прародины финнов. Он изучал памятники древнетюркской письменности, которые по внешнему сходству со скандинавскими рунами были названы Д.Г. Мессершмидтом «руническими».

Исследователь снимал копии с рунических надписей, фиксировал каменные изваяния, описывал могильники и раскапывал курганы. Он отметил наскальные рисунки на р. Печище и на р. Сухая Ерба, осмотрел петроглифы на горе Тугарина напротив д. Каменка, на горе Оглахты, скопировал и описал писаницу у д. Абакано-Перевоз, наскальные рисунки у дд. Тесь, Улазы, Красный камень, на р. Сисим, Бирюсинскую. Кастрен полагал, что одним из народов, оставивших рисунки на скалах Енисея, были киргизы. Исследователь отмечал, что фигуры, похожие на буквы и знаки, на скалах выбивались редко, гораздо чаще их можно встретить на могильных камнях. «Именно это обстоятельство, – писал М.А. Кастрен, – и дает право считать все высеченные фигуры киргизскими, по-

тому что много весьма важных причин заставляют полагать, что самые могилы непременно киргизского происхождения» [Кастрен 1860 : 393].

Преждевременная смерть исследователя повлекла за собой гибель части собранных им материалов. Полевые дневники были опубликованы посмертно. Поиски финскими учеными прародины финнов на Енисее были временно прекращены.

Учитель Иркутской гимназии, действительный член Сибирского отдела Русского географического общества Николай Иванович Попов (1831–1878) подвел итог изучению писаниц Енисея, производившемуся до последней четверти XIX в., в общем плане, без описания рассмотрения конкретных отдельных памятников. В 1872 г. в Иркутске на заседании общего собрания Сибирского отдела Русского географического общества он выступил с докладом по подготовленной к изданию работе «О писаницах Минусинского края». Сообщение вызвало живейший интерес у слушателей. В том же году статья была опубликована в «Известиях Сибирского отдела Русского географического общества» [Попов 1872 : 223–232]. В ней исследователь отметил, что письма и изображения на скалах и отдельных камнях представляют собою интереснейшую группу доисторических памятников и в то же время самую трудную для понимания.

Как и его предшественников, Н.И. Попова интересовал вопрос, как могли древние художники нанести изображения на наскальные плоскости, находящиеся, казалось бы, на недоступной высоте. «Ряды этих изображений нередко встречаются на значительной высоте от уровня воды (например, Новоселовская писаница на 4, Сисимская 3–5 саж., Тесинская 2–8, Шалаболинская 5–10 саж.). Хотя о некоторых реках Сибири и существует предположение, что прежний уровень их был выше нынешнего, как это предполагает Шмидт, например, об Аргуни и Онони, но об Енисее нет подобного предположения: никто из геологов не делал исследований его в этом отношении, и потому остается пока предполагать, что изображения на береговых утесах сделаны с подмосток. Спросите нынешних татар и койбал, кто и когда нарисовал на такой высоте эти фигуры, – они ответят, что не знают, и только заявят вам о своем уважении к этим памятникам незапамятной для них древностями» [Попов 1875 : 205].

Следующий этап исследования связан с именем красноярского археолога Ивана Тимофеевича Савенкова.

В конце XIX в. (1885) И.Т. Савенков сообщил о таких памятниках на правобережье Енисея, как Щель-Тесинский петроглиф (Кулахский петроглиф), Комская писаница, Улазские петроглифы, Трифоновская писаница [Савенков 1886 : 79–81].

«У д. Щель-Теси, правый берег Енисея, мы осмотрели и сняли писанец у местности, именуемой Кулак, по-татарски на конце звучит **х**, т. е. почти Кулак. Нам объяснили это слово так: **ку**, будто-бы по-кизильски **корова**, а **лак** или **лах** – **лог**. Продаем, за что купили...

...Подозреваем по рисункам, как они описаны у г. Попова, что у Э. Реклю помещен измышленный рисунок, “отсебятина”, как говорят русские художники... Закинутые назад рога каменных баранов (*Ovis Argali*) привели к изображению

животных с какими-то круглыми возвышениями на спинах... Писанец не так недоступен, как описан и нарисован. До всех рисунков добраться можно. Никаких иероглифических письмен мы не видали... Монгольские сняты ранее. Голова (?) срисована по описанию; при близком и внимательном рассматривании начертание едва можно принять за голову. В бытность в с. Анашинском сыновья священника отца Алексея Петровича Лихачева нам дали размеры писаниц, мы об этом задолго просили. Молодые люди по залавку добирались до всех писаниц...

Против Новоселовой “писанец” на утесе “Городовом”, или “Городовая стена” (живописный вид с противоположного берега), мы не осматривали – было не интересно, там только по описаниям козы. По статье Н.И. Попова нам предстояла работа над Трифоновским писанцем, который находится в верстах в 5 от села Новоселова по направлению к деревне Тривоновой. Лодка от Новоселовой шла без нас, нам надо было ехать берегом для съемки древних письмен. Письмена сделаны не краскою, а биты. Это обстоятельство при сопоставлении с описанием Н.И. Попова, которое мы во все время экскурсии имели при себе, нас крайне удивило. Никаких рун, никаких так называемых иероглифов мы не нашли, несмотря на самый тщательный осмотр утеса, местами сильно выветрившагося; три, четыре фигурки по своим особенностям заставили нас вспомнить о буддийских ламах и их схематичных изображениях божков, но это передаем, как первое впечатление...

Тубинцы и современники базайских костыных фигурок, мы подозреваем по некоторым рисункам, не только сидели на камнях под навесом скал у трифановских “писаниц”, но и отметили по своему это пребывание на утесах. Древнейшие начертания сильно повреждены временем» [Савенков 1886: 79–81].

Позже наступил длительный перерыв в исследованиях памятников древнего наскального искусства на территории региона. Основной акцент исследователи древностей делали на более богатые древними памятниками южные районы Минусинской котловины.

В 1963, 1965–1968, 1969–1970 гг. в связи с проектируемыми работами, связанными со строительством Красноярской ГЭС, была обследована территория, попадающая под затопление. В спектр исследований попадали и наскальные рисунки. Каменским отрядом Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР под рук. А.Я. Шера на территории района была обследована писаница Усть-Куллог (Кулахский петроглиф). Участниками отряда были выборочно скопированы петроглифы, выполненные точечной выбивкой. Представлены фигуры животных (лоси, маралы, кабаны), которые были соотнесены с неолитической эпохой (5–3 тыс. до н.э.) [Шер 1980 : 165–169].

В конце 60 – нач. 70-х гг. петроглифы на территории Новоселовского района обследовались сотрудником Минусинского краеведческого музея им. Мартьянова Н.В. Леонтьевым. Им были осмотрены и частично скопированы наскальные рисунки на скальном массиве «Большой Улаз».

В 1983 г. Н.В. Леонтьевым и Н.А. Боковенко (Петроглифический отряд Средне-Енисейской экспедиции ЛОИА АН СССР) на территории района с 10 июля

по 30 августа были проведены работы по выявлению новых и фиксации уже известных петроглифических комплексов. В зону внимания исследователей попали археологические объекты в окрестностях пп. Новоселово и Толстый Мыс. Изучались петроглифы как на скалах, так и на поверхности курганных камней [Боковенко 1983 : 3–6].

Было произведено обследование местонахождения «Обрыв», на котором зафиксировано 5 плоскостей с рисунками, относящимися к эпохе бронзы.

Произведено исследование изображений могильника Толстый Мыс-1, на котором зафиксировано две группы изображений. К первой относятся изображения тамг и животного, ко второй – мужская фигура и тамга. Данные рисунки предварительно датированы эпохой Средневековья. Также исследована писаница Маяк, на которой выявлено две плоскости с рисунками, содержащими изображение охотничьего характера, отнесенное к таптыкскому периоду, а также выбивка двух тамг и двух копытных, предположительно средневековой эпохи. Выявлены изображения на камне ограды кургана тагарской культуры близ аэропорта Новоселово. Рисунки расположены в два ряда. Нижние изображения относятся к тагарским, верхние – к более позднему периоду.

Летом 1995 г. сотрудником Лаборатории археологии КГПУ А.Л. Заикой были открыты и исследованы новые петроглифы на правом берегу Красноярского водохранилища, в 12 км южнее п. Анаш [Заика 1997]. Выявлена плоскость с изображением крылатых фантастических хищников и копытных животных, отнесенных к тагарской эпохе.

В мае-июне 2004 г. начато планомерное исследование памятников древнего наскального искусства на территории района экспедицией Лаборатории археологии КГПУ под рук. А.Л. Заики. В результате работ были выявлены и обследованы следующие памятники: на правобережье Енисея – «Городовая стена-1», «Улазы-1,2,3,4»; на левобережье Енисея – «Маяк», «Маяк-камень», «Маяк-могильник» [Заика и др. 2004].

С 2004 г. начались стационарные работы на комплексе Улазы. Летом 2004 г. научное руководство осуществлял А.Л. Заика. Группой школьников под его началом проведены работы по полному исследованию памятника «Улазы-1», и частично «Улазы-2». В 2005–2006 гг. исследования проводились под руководством С.П. Журавкова. Было завершено исследование памятника Улазы-2, а также полностью исследован памятник Улазы-4. Начаты работы по полному исследованию памятника Улазы-3.

В 2005 г. в Кемерово вышла публикация, посвященная наскальным рисункам комплекса Улазы [Леонтьев и др. 2005]. Авторы данной статьи на основе архивных данных (результаты исследований Н.В. Леонтьева) и собственных исследований выделили два хронологических пласта древних рисунков: 1) период поздней бронзы; 2) период раннего Средневековья. Учитывая, что авторами статьи на обширном скальном массиве было произведено выборочное копирование петроглифов без указания при публикации, с какого именно участка улазинского комплекса оно было осуществлено, эта информация не может дать объективного представления о данном памятнике.

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что, несмотря на продолжительную и богатую открытиями историю исследований петроглифов севера Минусинской котловины, на данный момент в этом отношении территория региона остается еще слабо изученной, что предполагает дальнейшее его исследование с использованием передовых методов документирования и семантического анализа памятников наскального искусства.

Библиографический список

1. Белокобыльский, Ю.Г. *Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX вв.)* / Ю.Г. Белокобыльский. – Новосибирск: Наука, 1986. – 167 с.
2. Боковенко, Н.А. *Отчет об исследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуранском районах Красноярского края и ХакаО в 1983 г.* / Н.А. Боковенко // Архив РАН. – Р-1. – № 10103.
3. Заика, А.Л. *Итоги исследования петроглифов на правобережье Енисея* / А.Л. Заика, Н.И. Дроздов, В.И. Макулов, В.В. Воинков, С.П. Журавков, М.А. Пьянков // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии ИАиЭт СО РАН.* – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2004. – Т. X. – Ч. I. – С. 257–258.
4. Заика А.Л. *Археологические исследования на севере Минусинской котловины (предварительное сообщение)* / А.Л. Заика, Н.И. Дроздов, А.П. Березовский, А.М. Кержаев // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии ИАиЭт СО РАН.* – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2004. – Т. X. – Ч. I. – С. 255–256.
5. Заика, А.Л. *Новые петроглифы Енисея* / А.Л. Заика // *Наскальное искусство Азии.* – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 97–101.
6. Кастрен, М.А. *Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири* / М.А. Кастрен // *Магазин земледения и путешествий.* Т.6. Ч. 2. – М., 1860.
7. Леонтьев, Н.В. *Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины* / А.В. Леонтьев, Е.А. Миклашевич, А.Н. Мухарева // *Археология Южной Сибири : сб. научных трудов.* – Кемерово: СА НПИ, 2005. – Вып. 23. – С. 120–132.
8. Попов, Н.И. *Общий взгляд на писаницы Минусинского края* / Н.И. Попов // *Изв. СОРГО.* – Т.6. – № 5–6. – Иркутск, 1875.
9. Попов, Н.И. *О писаницах Минусинского края* / Н.И. Попов // *Изв. СОРГО.* – Т.3. – № 4. – Иркутск, 1872.
10. Савенков, И.Т. *К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея* / И.Т. Савенков // *Изв.ВСОРГО.* – Т. 17. – № 3–4. – Иркутск, 1886. – С. 26–101.
11. Савенков, И.Т. *О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки* / И.Т. Савенков // *Труды XIV АС в Чернигове в 1908 г.* – М., 1910. – С. 99.
12. Шер, Я.А. *Петроглифы Средней и Центральной Азии* / Я.А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 327 с.

ФИЛОСОФИЯ

Б.М. Машевский

СЦИЕНТИЗМ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУКИ

В настоящее время в отечественной философской литературе большое внимание уделяется философским и методологическим проблемам науки, тем не менее остается немало аспектов, нуждающихся в дальнейшей разработке. Прежде всего это относится к раскрытию влияния социокультурных факторов, к выявлению компонентов философских оснований науки и их структуры. В данной статье предпринята попытка в какой-то мере аргументировать необходимость включения в процесс оценки достижений современной науки критериев антропологической и социальной значимости ее результатов.

Важной точкой бифуркации в становлении научного знания становится противопоставление науки аксиологическому содержанию знания, которое наглядно проявляется в дистанцировании науки от философии в культуре Просвещения. Если в начале века Просвещения философия еще рассматривалась как необходимый компонент общей научно-рационалистической установки, то в XIX в. утверждается мнение о том, что наука принципиально должна размежеваться с философией, так как все ее проблемы являются не чем иным, как псевдопроблемами, подлинное же знание возможно лишь в лоне науки. Однако было бы упрощением толковать такого рода сциентистское понимание научности как автоматическое отрицание каких бы то ни было вненаучных мыслительно-духовных форм. Отношение сциентизма к взаимодействию науки с философией, религией, мифологией не столь однозначно; оно постепенно эволюционировало в направлении следующей объяснительной схемы: взаимодействие вненаучных форм, которое привело к зарождению подлинной науки, свидетельствует об исторически случайных обстоятельствах генезиса современного научного знания о том, что вненаучные духовно-мыслительные формы, выполнив роль своеобразных строительных лесов, полностью утратили свое значение по завершении возведения здания современной науки.

Но остается вопрос: должны ли аксиологические аспекты этих «строительных лесов» последовать на свалку истории вслед за идеалами, нормами и процедурами вышеназванных форм? Поставим вопрос шире: почему сегодня мы не мо-

жем обойтись без рефлексии по отношению к аксиологической направленности научного поиска? Бесспорно, современная наука превратилась в грандиозную преобразующую силу. К сожалению, имеющийся у нее потенциал приносит в жизнь человека, в мир его глубинной антропологической сущности не только позитивное, но и негативное, антигуманное по своей сути начало. Это означает не что иное, как устойчивую тенденцию, направленную на обособление науки от ценностей человеческого бытия, на выход науки, по существу, за пределы современного культурного пространства.

В числе глобальных угроз существованию человечества – производные антигуманистической составляющей техногенной цивилизации (нарастание экологических проблем, накопление арсеналов оружия массового поражения, «парниковый» эффект, «кислотные» дожди) и т. д. В появлении подобного рода проблем самым непосредственным образом участвовала наука. На этом основании и возникает необходимость вновь осмыслить ее место, роль и значение в системе человеческого бытия, обратиться к ее философским основаниям с тем, чтобы выработать соответствующий механизм коррекции целей научной деятельности в направлении имманентных культуре гуманистических ценностей.

Прежде всего, следует иметь в виду, что корректировка целей научной деятельности становится возможной лишь в том случае, если господствовавшая ранее и распространенная сегодня вера в высшие цели современного естествознания будет замещена как можно более ясным пониманием исторической обусловленности этих целей. Поскольку наука предстает как феномен культурно-исторического процесса, возникший на определенном этапе его развития, то истоки науки закономерно рассматриваются как производное от взаимодействия предшествовавших форм в системе духовной культуры человечества. Исторически первой и универсальной формой культуры является миф, в нем заключена всеобщая сущность отношений человека в универсуме. Поэтому и значение мифологии особенно проявляется при изучении философских понятий и системы человеческих ценностей.

На том основании, что миф как форма культуры предшествовал науке, принято считать, что между мифом и наукой существует взаимосвязь. Но остаются, по крайней мере, два до конца не выясненных вопроса. Во-первых, каков характер взаимосвязей философских оснований мифа и науки – исторический, системный или и тот, и другой? И, во-вторых, считается, что смена мифа наукой представляет собой не что иное, как прямое восхождение человеческой мысли (кумулятивизм) по ступеням накопления опыта на уровень рационального мышления. Так ли это? Ведь вполне возможна альтернативная точка зрения: рассматривать разрушение мифа и становление науки как смену парадигм человеческой мысли. В данном случае речь будет идти, естественно, не о смене научных парадигм в результате научной революции в куновской трактовке, а о смене форм культуры по аналогичному принципу. Взятая именно в таком ракурсе проблемная ситуация предполагает сравнительный анализ философских оснований мифа и науки, что, собственно, и позволяет выйти на обоснование имманентности аксиологических, человекоразмерных компонентов в структуре

познавательной деятельности, рассмотренной сквозь призму целостного гносеологического континуума.

Согласно исторической теории науки научная деятельность возможна только на основе исторически обусловленных установлений, сознательно или бессознательно воспринятых учеными. Другими словами, научные установления, в отличие от полученных с их помощью результатов, не могут быть найдены научным путем. За конститутивную функцию этих установлений К. Хьюбнер называет их теоретико-научными категориями [Хьюбнер 1994 : 79] В. Дешперт показал, что в случае обоснования нормативных установок, каковыми являются теоретико-научные категории К. Хьюбнера, конечный пункт их обоснования вытекает из мифогенных целей. Более того, представления, возникающие в ходе научной работы в результате выявления связи между *общим* и *единичным*, каковыми можно соответственно представить онтологические основы и экспериментальную базу естествознания, В. Дешперт называет мифогенной идеей [Дешперт 1998 : 262]. Такая идея восходит к мифу, хотя может оказаться и новообразованием, возникшим в ходе развития истории мысли. На связь науки с мифом указывает сходство процедурной стороны в действиях субъектов. Столь типичная для деятельности ученого процедура алгоритмизации действий также характерна и для действий мага, чья деятельность полностью детерминируется мифологическим воображением.

Из анализа мифологической ментальности можно сделать вывод о том, что в основе расширения нормативных установок современного естествознания лежат мифогенные идеи. На примере греческого мифа известно, что исторически ему на смену приходит Логос. Это широкое понятие, охватывающее совокупность греческой философии и связанных с ней наук. Логос – форма культуры, в основе которой лежит требование дать для каждого рассматриваемого предмета разумное объяснение и обоснование, применить доказательство, возникает в VI в. до нашей эры.

Согласно распространенному ныне мнению в греческих мифах мы имеем дело с фантазиями, поэтому переход от мифа к Логосу был прогрессом, хотя он оперирует понятиями едва ли менее фантастическими с точки зрения современной науки. И если переход от мифа к Логосу понимается как прогресс, то это связано лишь с формальным требованием, заданным Логосом по отношению ко всякому знанию – знание должно быть обоснованным и доказанным. Почему в этом усматривается решающий прогресс? Потому что именно это требование лежит также в основе науки и получает в ней полное развитие.

В данном контексте принято считать, что дело обстоит следующим образом: во-первых, наука представляет собой единственную соразмерную разуму форму постижения реальности; во-вторых, именно Логос открыл эту форму, хотя и не наполнил ее содержанием, соответствующим науке; в-третьих, переход от мифа к Логосу является прогрессом, потому что Логос может пониматься как предвзятая ступень науки [Хьюбнер 1998 : 251].

Таким образом, представления о формах культуры, из которых вышла современная наука, вполне адекватны представлениям, рассматривающим науку в качестве масштаба для суждений о любом виде знаний.

Следовательно, можно заключить, что наука, являясь порождением мифа, не противопоставляется мифу, но обнаруживает определенную зависимость от мифогенных идей. Мифогенные идеи, таким образом, являясь формами взаимозависимости, могут служить обоснованием для расширения нормативных установок современного естествознания.

Далее, действительно ли наука представляет собой единственно возможный путь к истине? Признавая за наукой приоритет в поиске возможных путей к истине, мы не должны игнорировать известный принцип дополнительности. Культура, породившая науку, есть одна из форм бытия, которая по своему духовному содержанию неизмеримо шире науки. Наука – часть культуры, но не ее антагонист. Однако современная наука, в отличие от философского мировидения, не содержит в составе критериев антропологической и социальной значимости результатов своих достижений. Философский анализ оснований науки ориентирует на то, что научно-технический прогресс, определяемый посредством таких форм, может быть нацелен не на одностороннее покорение природы человеком, а на союз человека и природы, на симбиоз, от которого выиграют и человек, и природа. Следовательно, философия науки в интересах общества должна не только преодолевать крайние сциентистские настроения, но и предложить модель и программу взаимодействия с естествознанием.

Таким образом, обусловленность результатов науки социально-гуманитарной сферой, столь неприемлемое для классической науки условие, на постнеклассической стадии ее развития включается в содержание науки как формы культуры в качестве ее органической аксиологической компоненты.

Библиографический список

1. Дешперт, В. Мифические формы мышления в науке / В. Дешперт // Наука в культуре / под ред. В.Н. Поруса. – М., 1998. – С. 261–277.
2. Хюбнер, К. Прогресс от мифа, через логос – к науке? / К. Хюбнер // Наука в культуре / под ред. В.Н. Поруса. – М., 1998. – С. 250–260.
3. Хюбнер, К. Критика научного разума / К. Хюбнер. – М., 1994.

ДИАЛЕКТИКА ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ В СЦИЕНТИСТСКОЙ НАУЧНО–ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Понятие времени стало точным в механике Г. Галилея, который построил простую и эффективную геометрическую модель движения. Галилей обозначил и пройденный телом путь, и время, потраченное на него, прямыми линиями и разделил их на равные отрезки. Новшество заключалось в установлении отношения эквивалентности между любыми равными отрезками одной прямой и равными отрезками другой. Согласно первой теореме Галилея, если в равные промежутки времени тело проходит равные отрезки пути, то следует вести речь о равномерном движении, а согласно второй теореме – в равные промежутки времени тело проходит равно прирастающие участки пути, и тогда для решения задачи нужно ввести коэффициент ускорения [Галилей 1934 : 283].

Методика измерений качественно изменилась, поскольку стало возможно решение динамических задач. Механика проникла в мир колебаний, волн и орбит. Но главное, из науки ушли умозрительные рассуждения, она стала точной, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что именно Галилей понимает под временем? Что он говорит о его природе? Почти ничего. Чрезвычайно подробно он рассматривает в первой части своей модели движение и его модификации. Время он считает чем-то само собой разумеющимся и не требующим специального анализа (или неподдающимся ему). Есть часы, отсчитывающее нечто, что мы называем «время». Если часы исправны, то они идут равномерно. Значит, предполагает Галилей, также равномерно течет время и в реальности. Второй признак времени, следующий из данной модели, – приравнивание видимой траектории тела к чему-то невидимому, но ощутимо текущему – ко времени, повысил вариативность модели времени, но самое главное, позволил его измерять. Галилей геометризировал время. Он, в сущности, отождествил время и движение. Заметим, что о связи времени и движения говорил еще Аристотель: «...время, будучи числом, есть какое-то состояние или свойство движения...» [Аристотель 1981 : 157].

Здесь локальность времени соответствует его «местному» движению. Галилей не рассуждает о причине движения вообще и, значит, не рассуждает о причине времени.

Сходной точки зрения придерживается А. Эйнштейн. Физическое «время события – это одновременное с событием показание часов, которые находятся в месте события». То есть свойства физического времени совпадают со свойствами физических часов [Эйнштейн 1965 : 10].

Логическое продолжение концепция Галилея нашла у Р. Декарта. Он впервые проводит различие между временем и длительностью как различие между

материальной и духовной субстанцией. «Но одни качества или атрибуты даны в самих вещах, другие же только в нашем мышлении. Так время, которое мы отличаем от длительности, взятой вообще, и называем числом движения, есть лишь известный способ, каким мы эту длительность мыслим... Чтобы обнять длительность всякой вещи одной мерой, мы пользуемся длительностью известных равномерных движений, каковы дни и годы, и эту длительность, сравнив ее таким образом, мы называем временем, хотя в действительности то, что мы так называем, есть не что иное, как способ мыслить истинную длительность вещей» [Декарт 1994 : 451]. Время понимается Декартом как модус духовной субстанции. Оно постигается рассудком при рассмотрении различных видов деятельности и в сущности является производной от этого понятия.

Практическое завершение понятие длительности получает у И. Ньютона. Он обобщил частный случай падения тел на Землю до всеобщего движения. Причина движения – это всемирное тяготение, действующее везде и всегда. Вполне естественно, что всеобщим, а не только местным, как у Галилея, стало в данной модели и время. Оно течет сразу, везде во всей Вселенной единообразно и синхронно. Но что касается такой же ясной и четкой, наподобие причины движения, причины времени, то этот вопрос, так сказать, вынесен Ньютоном за скобки. Причина времени божественна, абсолютна. В видимом материальном мире этой причины нет, здесь нам дается лишь его бледное отражение в виде относительного, земного времени. Эту дилемму Ньютон разрешает так же, как и Декарт. Он дает времени другое имя, отделяющее его от надмирного и непостижимого.

«Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью» [Ньютон 1915 : 30].

Дальнейшее развитие механики показало, что последний термин и есть наиболее точное определение времени. Фактически механика сводит время к длительности. Она фиксирует одно, но определяющее свойство времени – показывать продолжительность события. Как движение тела описывается равномерным, хотя мы знаем, что на тело могут действовать разнообразные силы (в механике они складываются в равнодействующую), так и для описания поведения тела достаточно и необходимо одно свойство – длиться. В 1754 году Ж.Б. д'Аламбер впервые заметил, что время входит в механику только как геометрический параметр, а Ж.П. Лагранж более чем за сто лет до А. Эйнштейна и Г. Минковского назвал динамику четырехмерной геометрией. Оба они указали на понятие обратимости времени в механике: в представлении о времени как геометрической прямой прошлое и будущее могут меняться местами. Механика здесь противоречит не только здравому смыслу, но и множеству других наук, в которых невозможно обратное течение времени.

Вероятно, эту коллизию следует решать в соответствии с точными указаниями как Галилея, так Декарта и Ньютона. Они ничего не говорят о времени как таковом, а употребляют для своих прагматических целей только одно свойство времени – длительность.

Следовательно, безразличием к прямому или обратному течению времени обладает не само время, под каким названием фигурирует в формулах механики символ t , а длительность как срез времени.

К тому же, если воспринимать время как геометрический параметр, то есть пространственно, оно тоже не может быть отрицательным. Пространственные значения координат могут принимать отрицательные значения только абстрактно. И только в декартовой системе координат. Реальные значения длины-ширины-высоты всегда больше нуля, то есть они положительны. Время тоже не может быть отрицательным, то есть идти в обратную сторону.

Здесь нужно отметить следующую тенденцию, характерную в целом для сциентизма, то есть философии, идеалом научности для которой являются точные науки. В сциентизме действует принцип «экономии мышления», другими словами, различается сфера умения и понимания, когда из реальности мира вырезается его измеряемая часть, поддающаяся опыту. Такая тенденция, по мнению И. Пригожина, неявно содержится в классической, рационалистической науке: отделять то, что плодотворно с научной точки зрения, от того, что «истинно». В качестве примера автор приводит доклад «О цели естественных наук» (1865 год) Кирхгофа. Высшая цель естествознания – сведение любого явления к движению, а именно к тому, что описывается средствами теоретической механики [Пригожин, Стингерс 2003 : 148].

«Физика ограничена сцеплением одновременностей между событиями, составляющими такое время, и положением подвижного тела на его траектории. Она вычленяет эти события из целого, каждый миг принимающего новую форму и придающего им некую новизну. Она рассматривает их абстрактно, как если бы они находились вне живого целого, то есть во времени. Она выбирает только события или системы событий, которые могут быть изолированы, не претерпевая при этом слишком глубокой деформации, поскольку только к таким событиям применим ее метод. Наша физика берет начало с того дня, когда стало известно, как изолировать такие системы» [Пригожин, Стингерс 2003 : 143].

В совокупном мнении ученых согласно принципу «наименьшего действия» время и длительность не различались, а отождествлялись. Механику упрекали в обращении времени, а она обращала длительность. Все остальные свойства времени она относила к «философии», к свойствам познающей личности, а не к свойствам реальности.

В теории А. Эйнштейна понятие тяготения упрощается и в то же время получает более глубокое обоснование, так как сводится от всеобщего фактора мировой среды к взаимодействию массивных тел. Теория относительности ликвидировала и всеобщее, текущее везде и всегда время Ньютона. Есть только локальное время, зависящее от скорости движения данной системы по сравнению с другой равноправной системой. В некотором смысле произошло возвращение к Г. Галилею. На первый план выходила скорость, иначе говоря, приложенная к телу сила. Геометрия ставилась в зависимость от соотношения разности скоростей и от необходимости переходить от одной системы координат к другой.

Таким образом, теория относительности конкретизировала, каким именно образом время зависело от движения – через скорость света. Чем ближе скорость тела к скорости света, тем медленнее идет время в данной системе по сравнению с другой системой, движущейся с меньшей скоростью. Сравнение их связано с преобразованием через скорость света, которая является абсолютном. В своей философской основе теория относительности все же больше отвечает представлению о цельности мира, чем предыдущая теория. Она связывает время с реальностью мира, а не выводит его за скобки, в надмировые сущности. Однако время в модели Эйнштейна по-прежнему понимается с геометрической точки зрения. Его рассуждения касаются перемещения тела или даже материальной точки (абстрактного предмета) из одной части пространства в другую. Перед нами возникает геометрическая модель из двух параллельных линий. Одна линия символизирует пройденный телом путь, другая – затраченное время или практически – прошедшую длительность. Связаны ли эти линии причинно-следственной связью (вопрос о происхождении времени)?

До настоящего времени этот вопрос решался в пользу движения. Оно первично, время вторично. Так, механика конкретизировала древнюю дефиницию Аристотеля: время есть число движения. Источник времени – движение тел, а фактически источник длительности – движение тела, скорость его перемещения в пространстве.

Теоретически возможно и другое решение. Движение тела и его скорость являются следствием течения времени (длительности). Это гипотеза Н.А. Козырева. Он предполагал, что ход времени – это физическая величина, которая является источником механического движения всех тел в мире, в том числе скрытой причиной неубывающего света звезд. Поэтому Козырев называет свою механику причинной [Козырев 1963 : 95–113]. Правда, гипотеза Козырева не популярна среди физиков.

Итак, в механике Галилея, Ньютона, Эйнштейна нет определения времени вообще, а есть понятие длительности, которая инициируется либо всемирным движением (Ньютон), либо локальным движением (Галилей, Эйнштейн). О происхождении движения здесь речь не идет и в принципе идти не может. С точки зрения сциентизма такие вопросы просто неприличны, они относятся к бессмысленным предложениям, не имеющим рационального смысла. То есть такие вопросы, конечно, можно задавать на досуге, уходя из сферы науки в область веры. Но не больше.

Классическому рационализму в этом плане было проще. Для философии деистического толка, где существование Творца не представляет проблемы, поскольку является актом веры, достаточно просто на время абстрагироваться от вопроса о происхождении времени. В том, что такой методологический прием вполне корректен, убеждает знаменитый ответ Лапласа на вопрос Наполеона, почему в его небесной механике не упоминается Творец: «Я не нуждался в этой гипотезе». Заметим, Лаплас не отрицает эту гипотезу, а просто ее не использует. Предмет исследования от этого не исчезает.

В сциентистской философии XIX–XX веков эта традиция получает логическое завершение. Позитивизм требует онтологической нейтральности теорий. Это требование связано с нежеланием появления в строго формальных моделях «паразитирующих онтологий», то есть такого способа задания объектов, который выходит далеко за пределы модели и в принципе не может быть обоснован ее средствами. Относительно времени это означает следующее. Время не только понимается лишь как длительность, но вопрос о происхождении времени считается ненаучным. Так, из философского оборота исчезает понятие вечности как причины времени. А заодно и такое свойство времени, как объективность.

Рассмотрим это подробнее. В философии Платона время объективно, так как выражает не зависящие от него свойства мира идей. Время есть подвижный образ вечности и существует как ее порождение. Время реально, как реальная тень, которую отбрасывает предмет. Правда, эта реальность вторична, производна. Что касается проблемы определения самой вечности, то Платон высказывается по этому поводу вполне определенно. Единое, или вечность, – это условие возможности времени, но его нельзя мыслить, точно так же, как нельзя мыслить беспредельное.

В неоплатонизме вечность представлена на двух уровнях. Первый уровень Единого выше всякого наименования, так как он выше всякого познания и бытия. О Едином нельзя даже сказать, что оно есть, потому что тогда одно стало бы двумя [Лосев 1988 : 132]. То есть вечность – это субъект без предиката.

Второй уровень Единого, или вечности, в отличие от первого лишен полноценной качественности, но зато является сферой количества, то есть сферой чисел [Там же].

Если на первом уровне вечности у нее нет предиката, то на втором уровне из нее выводятся все предикаты. Одно есть все.

В современной темпоралистике эти два образа вечности представлены как два базовых образа времени: статический и динамический. Но сейчас нас интересует не спор этих двух моделей. Если вечность представлена на втором уровне как сфера количества, следовательно, вопрос об объективности времени связан с вопросом о статусе математических объектов. Точнее, объективно ли существование математических объектов или они являются конструкцией нашего ума?

Платон поместил числа между идеями и чувственными вещами, они наделены особой сущностью, субстанцией. Аристотель, критикуя Платона, подчеркивал, что понятия нельзя отрывать от единичных вещей и наделять их самостоятельным существованием. Для него общее – форма единичного. Он говорил, что математические понятия не являются сущностями чего бы то ни было, что они не могут существовать отдельно от тел, иначе «их свойства не были бы присущи телам [Аристотель 1975 : 358]. Различные оттенки рассмотренных суждений проявляются и в воззрениях ученых XX века. Так, по мнению консективистов, математика имеет определенный предмет, определенное содержание. Объекты математики – числа, множества, отношения, функции и т. д. – в каком-то

смысле существуют, и математические суждения истинны как раз в той степени, с какой они согласуются с фактами [Карри 1969 : 27].

С точки зрения формалистов «математика характеризуется скорее своим методом, нежели предметом изучения; ее объекты или не определяются, или если определяются, то таковы, что подлинная их природа несущественна, так что замена одних категорий может и не повлиять на истинность теорем» [Там же].

Итак, со времен Платона и Аристотеля сформировалось противопоставление: либо математические объекты объективны, либо они являются конструкцией человеческого ума. В любом случае математические понятия являются областью применения двух общенаучных методов познания: абстракции или идеализации. Рассмотрим метод абстракции у формалистов.

Классическое понимание объекта, полученного методом абстракции, было предложено Д. Гильбертом. В соответствии с ним математический объект понимается как абстракция от абстракции или предикат от предиката. Специфика этой трактовки, по мнению А.К. Сухотина, заключается вовсе не в степени абстрактности и жесткости ее объектов, а в особенности самой абстракции. Она выделяет не просто свойство, а свойство свойств. Эту мысль он поясняет так. Во всяком понятии можно выделить его объем, то есть совокупность охватываемых им предметов, и содержание – совокупность свойств или признаков, по которым предметы выделены и объединены. Однако для математического понятия все не так, поскольку количественная характеристика не может быть свойством каждого из исчисляемых предметов, составляющих объем понятия. Допустим, речь идет о пяти яблоках, но каждое из этих яблок обладает свойством быть одним, а не пятью. Пять относится не к свойствам исчисляемых предметов, а к свойствам групп и множеств предметов [Сухотин 2004 : 34].

Это рассуждение А.К. Сухотина вполне можно принять лишь с одной оговоркой, мы знаем одно понятие, которое само по себе не тождественно единичности и обладает свойствами быть всем и ничем. Это понятие вечности Платона: субъект с бесконечно большим количеством предикатов и субъект, лишенный предиката. Христианское учение о Троице – это логическое продолжение идеи вечности, так как она одновременно является одним и тремя. Однако понятие Троицы скорее сверхлогично и не может быть распространено на рационально понимаемую предметность мира. В самом же предметном мире мы видим, что отдельные предметы единичны и не несут на себе свойства числа. «Индивидуумами, которым некоторое вещественное число присуще, не могут быть сами пересчитываемые вещи, – пишет Д. Гильберт. – Наоборот, число можно понимать как свойство того понятия, под которое подпадают избранные индивидуумы» [Гильберт, Аккерман 1947 :174]. Иначе говоря, то или иное число, например пять, обозначает не множество предметов, а множество всех пятерок, то есть множеств с пятью элементами.

Поскольку математическое знание понимается как абстракция от абстракции, то оно имеет отношение не к самим конкретным объектам и не к их содержательным свойствам, а к числовым структурам. Эти структуры образуют математические отношения, которые могут носить как количественный, так и прос-

трансцендентный характер. В первом случае мы получаем арифметику, во втором – геометрию.

Время как математический объект обладает парадоксальными с точки зрения здравого смысла свойствами. Время – это не вещь. Хуже того, время – не свойство вещей. Если следовать этому принципу, становится понятно, почему времени отказывают в реальности.

В 1908 году был сформулирован знаменитый временной парадокс Мак-Таггарта, в котором автор напрямую заявил, что время не является свойством вещей. Отношения «раньше-позже» автор считает безвременными, сравнивая их с точками – событиями на бесконечной прямой, где одна точка ничем не лучше другой, то есть не несет в себе важнейшего свойства времени – качественного различия между различными событиями. Отношения «прошлое-настоящее-будущее» самопротиворечивы и потому нереальны [Казарян 1980 : 70]. Интересно, что критика парадокса времени часто сводилась к следующему утверждению: автор пытался навязать временному языку условия, подходящие для вневременного языка [Казарян 1980 : 72–74].

Однако, если следовать логике Платона и неоплатоников, все становится на свои места. Время нереально, так как оно вторично. Оно исключает становление, в нем все события существуют одновременно. В математической модели мир предстает таким, каким бы мог его запомнить всемогущий ум, созерцающий происходящее. Уже в ньютоновской модели абсолютного времени события брошены в сетку времени и в сетку пространства и как бы приклеены к ячейкам сети. И в этом случае стороннему всемировому взгляду предстанет сразу весь бесконечный ряд уже осуществившихся событий в их сосуществовании. То есть мир времени без времени. Или мир вечности без временных свойств.

Однако на втором уровне существования вечности у нее обнаруживаются свойства, а точнее свойства свойств. Время описывает отношения между событиями, хотя и безразлично как число к тому, что оно считает или что связывает между собой. Сравнение течения времени с рекой – прекрасный пример того, что могут быть системы, в которых изменяется субстрат, но неизменной остается структура. В этом случае понятие времени сочетает в себе свойства изменяющегося и неизменного. Но отношения времени – это не только отношения порядка, но и отношения ритма. Числа отличаются друг от друга, но в тоже время они похожи. К численной абстракции времени ближе всего статическая модель времени, описывающая мир в отношениях «раньше-позже». Эти отношения, как утверждал Б. Рассел, действительно объективны, то есть в них нет позиции стороннего наблюдателя [Казарян 1980 : 74]. Но что делать с динамическими отношениями «прошлое-настоящее-будущее»? Мало того, что на их восприятие влияют правила грамматики, так еще для их актуального восприятия требуется внешний наблюдатель или созерцающее сознание, которое упорядочивает поток ощущений. Именно субъект должен связать между собой разные события.

Именно ритм связывает не предметы, а события, которые разнородны по содержанию и могут не иметь общих признаков. Принцип их объединения заключается не в наличии какого-либо общего свойства, а в соответствии определен-

ной цикличности повторения. Таким образом, ритм как математическая структура не может быть результатом абстракции конкретных множеств, выделенных по общему свойству, он сам порождает эти множества, внося в них новые свойства.

Итак, если количественные и пространственные математические структуры отражают до некоторой степени отношения во внешнем мире (не все, если вспомнить обратимость времени в физике), то ритмические математические структуры преобразуют действительность, порождая в ней иное содержание. Так на безвременном языке математики можно объяснить изменения, которые происходят в мире благодаря времени.

Диалектика времени и вечности в строго формализованных моделях состоит в том, что, хотя понятие вечности в сциентизме практически не употребляется, черты вечности приписываются свойствам времени.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1975.
2. Аристотель. Физика / Аристотель // Соч. В 4 т. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3.
3. Галилей, Г. Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки / Г. Галилей // Сочинения. – М.; Л., 1934.
4. Гильберт, Д. Основы теоретической логики / Д. Гильберт, В. Аккерман. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1947.
5. Декарт, Р. Начала философии / Р. Декарт // Соч. В 2 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2.
6. Казарян, В.П. Понятие времени в структуре научного знания / В.П. Казарян. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
7. Карри, Х. Основания математической логики / Х. Карри. – М.: Мир, 1969.
8. Козырев, Н.А. Причинная механика и возможность экспериментального исследования времени / Н.А. Козырев // История и методология естественных наук. Вып. 2. – М.: Пулково, 1963.
9. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Т.7. Последние века / А.Ф. Лосев. – М.: Наука, 1988.
10. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон. – Пт., 1915.
11. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Платон. – М.: Мысль, 1999.
12. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стингерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
13. Сухотин, А.К. Философия математики / А.К. Сухотин. – Томск: ТГУ, 2004.
14. Эйнштейн, А. К электродинамике движущихся тел / А. Эйнштейн // Собр. науч. тр. В 4 т. – М.: Наука, 1965. – Т. 1.
15. Эйнштейн, А. Основные идеи и проблемы теории относительности / А. Эйнштейн // Собр. науч. тр. – М.: Наука, 1967.

**НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ
В РЯДУ СТРАТЕГИЙ АДАПТАЦИИ К ФАКТУ
КОНЕЧНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ**

Круг дисциплин, осваиваемых российскими аспирантами, наконец-то пополнился «Историей и философией науки». Этого события ждали не одно десятилетие. Еще в начале 80-х перспективно мыслящие преподаватели рассматривали включение истории науки в число обязательных учебных предметов как единственно возможный в условиях советского вуза путь преодоления идеологического догматизма, более того, как предпосылку качественного обновления самого научно-философского сообщества. И хотя нынешние реформы в сфере высшего образования, затрагивающие, в частности, систему философско-мировоззренческой подготовки студентов, проводятся с непростительным опозданием (время потеряно безвозвратно) и не всегда последовательно, в целом стратегия перемен определена верно. Отрадно уже одно то, что в программе кандидатского экзамена, утвержденной ВАК, возобладала антипозитивистская установка: под наукой понимается не просто система знаний и пресловутая «производительная сила», а многоуровневое социокультурное явление, по сути дела, онтологический феномен [1]. Уместно напомнить знаменитую формулу М. Хайдеггера: «Наука – способ, притом решающий, каким для нас предстает все, что есть» [2 : 239]. В порядке отклика на нужды образовательного процесса попытаемся, насколько позволяют рамки небольшой статьи, развить некоторое представление о месте науки в структуре человеческого бытия – бытия в преддверии неизбежного Ухода.

Как в философско-теоретической, так и в учебно-методической литературе мирно уживаются четыре историко-хронологические трактовки науки:

– наукой считают ту форму знания, то социальное явление, что оформилось не ранее рубежа XVI–XVII вв. (**узкая** трактовка); при этом соответствующие формы знания, существовавшие в Античности и Средневековье, называют преднаукой;

– в понятие науки включают наряду с новоевропейской формой также средневековую и античную (**широкая** трактовка); преднаукой в этом случае называют системы знаний, возникшие на Древнем Востоке в III–I тысячелетии до н.э.;

– понятие науки распространяют даже на знания, накопленные в странах Древнего Востока (**расширительная** трактовка);

– науку отождествляют со всяким более или менее продуманным и специализированным знанием, бытовавшим еще в доисторические времена, с учением, обучением, опытом (**нестрогая** трактовка, также встречающаяся и в теорети-

ческих монографиях, и в учебниках: «Кузнецы хранили тайны своей науки от непосвященных»).

Сторонники расширительной трактовки придают решающее значение изобретению письменности и применению ее для записи наблюдений и обобщений (астрономические записи); сторонники широкой – появлению особой профессиональной группы, занимавшейся научно-познавательной деятельностью, и отделению науки от других сфер духовной культуры; сторонники узкой – таким специфическим чертам новоевропейской науки, как эксперимент, связь с производством, оформленность социального института, близость современным представлениям о мире (сегодня отвергают физику Аристотеля, но не физику Ньютона).

К сожалению, вопрос о времени возникновения науки часто пытаются свести к спору о словах, о том, что и как следует *называть*. На самом же деле **проблема заключается в определении глубины преемственности современной науки (как многогранного явления) великим духовным исканиям Античности и Средневековья.** На наш взгляд, предпочтительна широкая трактовка, ибо принятие узкой чревато отрицанием единства европейской мировоззренческой традиции, следовательно, непризнанием ключевой роли науки в становлении западной цивилизации, а принятие расширительной ведет, соответственно, к растворению науки в других формах культуры и опять же к забвению коренного отличия Запада, признающего абсолютную ценность разума и личной свободы, от так называемых «традиционных обществ». Между тем тезис о цивилизационном (культурогенном) значении науки получил развитие в трудах ведущих зарубежных и отечественных философов [3].

Сочинение Протагора «*О богах*», написанное в эпоху кризиса традиционного религиозно-мифологического мировоззрения, начиналось такими словами: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, – и вопрос темен, и людская жизнь коротка» [4 : 348]. Следовательно, уже несколько тысячелетий тому назад была **осознана принципиальная связь между проблемой познания мира, проблемами нравственности (коли речь заходит о богах) и фактом конечности человеческого существования.** В эпоху кризиса преобладают настроения нерадостные. «...Мудрый умирает наравне с глупым. И возненавидел я жизнь...» (*Еккл. 2 : 16–17*). «...Одна участь праведнику и нечестивому...» (*Еккл. 9 : 2*). Как жить, заранее зная, что обречен?

Всякая исторически сложившаяся культура, если прав О. Шпенглер, отличается неповторимой формой сопротивления небытию, отличается способом понимания числа и времени [5 : 45, 116]. И вот в середине первого тысячелетия до нашей эры в средиземноморском регионе зародилась цивилизация, которую обычно называют «западной» («европейской») и которой принадлежим и мы. Ядром этой цивилизации, универсальным жизненным интересом ее устроителей стала, согласно концепции Э. Гуссерля, наука. В отличие от тленных **материальных** вещей духовная реальность, представленная, например, математическими конструктами, времени неподвластна: разрушаются храмы, но не **иде-**

альные геометрические фигуры, не числа и не теоремы. Поэтому вовлеченность в процесс теоретического познания, направленный на бесконечный прирост объективной информации о мире, позволила людям обрести новый, высокий смысл своего существования, открыть безграничные перспективы духовной работы [6]. Не случайно Платон усматривал доказательство бессмертия души именно в ее близости к вечным умопостигаемым сущностям, в стремлении к знанию [7 : 43–50]. В те времена, когда «мудрость» носила по преимуществу утилитарно-прикладной характер, легендарный родоначальник математики и философии Пифагор заговорил о любви к знанию самому по себе [4 : 309]. А другому не менее легендарному зачинателю наук Фалесу приписывается такое изречение: «Мудрее всего – время, ибо оно раскрывает все» [4 : 65]. Время здесь понимается не как разрушительная стихия, обнаруживающая тщетность любых наших усилий, но как условие прогресса. Для того же, кто, по словам Платона, охватывает мысленным взором целокупное время и бытие, собственная смерть не покажется чем-то ужасным [8 : 288].

За долгие века наука глубоко укоренилась в структуре человеческого бытия, прочно **срослась с разнообразными** стратегиями существования перед лицом неминуемой смерти. Скрупулезный анализ философских текстов позволяет обнаружить не менее десяти таких стратегий.

1. Познание приобщает душу к умопостигаемому миру, способствует ее совершенствованию и восхождению на все более высокие уровни бытия вплоть до слияния с бессмертной субстанцией, с Богом, с Истиной, с Космосом. Созерцающий уподобляется созерцаемому. Данная концепция, берущая начало в творчестве Платона, пифагорейцев и неоплатоников, но имеющая аналоги и в восточных традициях, привлекает натуры эзотерического склада [9 : 538–541].

2. В акте познания разум соприкасается с вневременным миром смысла (с миром ценностей, идеальных объектов), перешагивает границы физической действительности. Эта концепция, также восходящая к Платону, но избавленная от натуралистического, буквалистского понимания бессмертия души, содержится в феноменологических теориях [10 : 379].

3. Раскрывая людям разумное устройство космоса, смысл природных явлений и исторических событий, наука способствует укреплению веры в Творца, а значит, спасению бессмертной души. Данный подход, намеченный все тем же Платоном и впоследствии утвердившийся в христианской теологии, в томизме, нашел горячих приверженцев в лице представителей эмпирической науки. К числу их принадлежали, например, И. Ньютон и Р. Бойль [11 : 475–476. 12 : 280–281].

4. Значение научных занятий в деле спасения души аналогично значению религиозной аскезы, нацеленной на борьбу с праздностью и дьяволом. Этот мотив играл большую роль в неустанном творческом поиске Ньютона, Бойля, Дарвина и других ученых-христиан, главным образом протестантов [13].

5. Благодаря научно-техническому прогрессу люди одерживают над смертью победу за победой, снижают вероятность гибели от недоедания и во время кораблекрушения, лечат прежде неизлечимые болезни, а в будущем сумеют уве-

личить видовую продолжительность жизни вплоть до состояния практического бессмертия. Идеал, неизменно вдохновлявший древних и средневековых магов, Ф. Бэкона и М.Ж. Кондорсе, Н. Федорова и известных советских ученых, по-прежнему популярен [14].

6. Наука помогает нам примириться с мыслью о предстоящем конце, поскольку убеждает в его **естественности**, неизбежности, полезности с точки зрения прогресса биологического и социального; ученый демонстрирует гармонию целого и одобряет возвращение человека в лоно породившей его Природы. Платформа объединяет опять-таки чрезвычайно широкий круг мыслителей: от поэтов-романтиков до естествоиспытателей XVIII века, от воинствующих атеистов – до праведных христиан. Элементы данной стратегии содержатся уже в формулировке закона сохранения, принадлежащей Анаксимандру [15 : 127]. «Умри, как подобает возвращающему чужое», – советует Сенека. «Дай потоку природы тихо увлечь тебя», – увещевает Гольбах. «Умри вовремя», – строго предупреждает Ницше. Платон (в дальнейшем поддержанный Мором, Бэконом, Ницше и многими нашими современниками) рекомендовал «не затягивать болезнь». Он верил, что в идеальном государстве «судебное искусство» и «врачевание» кому «предоставят вымирать», а кого и «сами умертвят» [16]. Таким образом, наука призвана помочь смертному существу уйти легко и с достоинством. Без страха. Без боли.

7. Совершая подвиги на ниве науки, герой обретает бессмертие в памяти потомков, в плодах своих трудов, в токе крови человечества (тоже очень древний идеал, реанимированный в эпоху Возрождения, востребованный и в годы революционных потрясений, и в периоды тоталитаризма). Наука – один из путей духовного и физического единения людей, народов, поколений: **отдать жизнь за другого** можно не только на поле брани, но и на операционном столе, в лаборатории. Научно-технический прогресс выступает едва ли не главным фактором глобализации: у каждого народа своя культура, своя религия, но математика, физика, биология повсюду одни и те же. Совместно размышляя о сущности тех или иных явлений, мы преодолеваем нашу пространственную разобщенность и преодолеваем разорванность эпох.

8. Благодаря научным открытиям и изобретениям удастся предотвратить космическую, экологическую, наконец, социальную катастрофу и гибель рода людского или, по меньшей мере, внести существенные коррективы в ход истории. Идея, в какой-то степени знакомая средневековым авторам Бэкону и Гоббсу, сегодня по-разному преломляется в концепциях марксистов, технократов, экофилософов, писателей-фантастов. По-видимому, сюда же следует отнести и взгляды представителей эволюционной эпистемологии, трактующих органическую эволюцию как прогресс познания [17].

9. Наука – элемент (инструмент) эволюции, в процессе которой произойдет трансформация человечества в принципиально новую форму, свободную от конечного, смертного существа. Эту гипотезу в рамках различных мировоззренческих подходов разрабатывают П. Тейяр де Шарден, К.Э. Циолковский, В.Н. Муравьев, В.Ф. Турчин [18 : 287–291].

10. При помощи научных занятий мы стараемся заслониться от ужасающей реальности, **забыть** о неумолимом времени и о смерти; мы просто оправдываем свое бессмысленное существование, делая его, так сказать, «понятым» [19]. Отголоски этой довольно печальной мысли, пронизывающей творчество Ф. Ницше, слышатся в текстах психоаналитиков, структуралистов, культуролога М. Элиаде, социолога З. Баумана.

На первый взгляд, перечисленные стратегии, удачно дополняя одна другую, должны были бы обеспечить надежный тыл, не оставив места для отчаяния. Однако сегодня все механизмы адаптации к факту смертности – продолжение рода, стяжание славы, приобщение к духовным ценностям – дают сбой. Научно-технический прогресс оказался сопряженным с экологическим кризисом, международная интеграция – с войнами, успехи во всех областях творчества – с узкой специализацией, уродующей личность. Далее, в ситуации, когда не искоренены причины социального антагонизма, и не все в равной мере могут воспользоваться достижениями века, научные открытия создают предпосылки для появления новых каналов эксплуатации, легко обращаются во вред человеку (хрестоматийные примеры – убийство с целью добыть органы для трансплантации). Наука, образование, здравоохранение трансформируются в прибыльную индустрию, в корпорации, стоящие на страже собственных интересов, более того, в институты власти, способные **навязывать** обществу определенную идеологию.

Уже упоминавшийся выше Э. Гуссерль считал причиной глобального кризиса культуры (теперь предпочитают говорить о «цивилизационном кризисе») крушение веры в разум. Запад постигла беда. В результате безусловно важных, но далеко не безобидных методологических преобразований, начатых еще Г. Галилеем, наука выродилась в инструментальное знание, оторванное от своих духовных корней, то есть от жизненного мира человека, от системы ценностей. Что значит «инструментальное знание»? По выражению М. Вебера (кстати, далеко не во всем согласного с Гуссерлем), естествознание подсказывает нам, что делать для того, чтобы продлить наши дни, но ничего не ведает о том, нужно ли это делать, о том, какого рода жизнь стоит того, чтобы ее прожить [20 : 144]. Где же в таком случае искать ответ? По правде говоря, **мы стараемся просто не задавать неудобных вопросов** (это и есть первый тревожный симптом), на худой конец, не придавать им большого значения. Действуем по инерции. Активно включаемся в безудержную потребительскую гонку, прекрасно понимая, что цивилизация, ориентированная на максимум потребления, катится в пропасть. Весьма точно обрисовал ситуацию М. Шелер. Человек яростно бросается в водоворот дел. Накапливает деньги, имущество, информацию... Улучшает быт. Упрочивает авторитет. Однако сквозь нескончаемый гешэфт проглядывают одиночество, сознание бессмысленности и недостойности собственного существования, страх смерти [21 : 34].

Между тем отцы этой самой цивилизации (они же родоначальники науки) **величайшей добродетелью, неотделимой от призвания «теоретика», считали умеренность, воздержанность во всем.** Он не поддается никакому

соблазну, никаким страстям, не уступает ни нажиму управителей, ни мнению толпы. Он слушает голос разума. Разум же не исчерпывается формальным знанием о тех или иных свойствах вещи. Вскрывая причины явлений, он всегда нацелен на достижение блага, следовательно, ни на мгновение не упускает из виду ценностное измерение мироздания: арифметика и астрономия способствуют воспитанию гражданина [22]. Ученый – это тот, кому чужда прозорливость. Увы, истинные смысложизненные истоки науки ныне забыты. А вместе с тем в значительной мере утрачен и ее адаптивный потенциал. С одной стороны, незаметно для себя самого человек обратился в разменную монету истории, в **средство** стихийно развертывающегося научно-технического прогресса, в ходе которого быстро исчерпываются возможности приспособления цивилизации к среде обитания. С другой – инструментально понятая наука, конечно, не может служить и эффективным средством психологической адаптации разумного существа к мысли о предстоящем завершении жизненного пути.

Библиографический список

1. Программы кандидатских экзаменов «История и философия науки». – М.: Гардарики, 2004. – 64 с. – («Философия науки»).
2. Хайдеггер, М. Наука и осмысление / М. Хайдеггер // *Время и бытие*. – М., 1993. – С. 239.
3. Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы / В.С. Степин. – М., 2004. Кара-Мурза, С.Г. Наука и кризис цивилизации / С.Г. Кара-Мурза // *Вопросы философии*. – 1990. – № 9.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М., 1986.
5. Шпенглер, О. Закат Европы. Т. 1 / О. Шпенглер. – Новосибирск, 1993.
6. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // *Вопросы философии*. – 1986. – № 3. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль // *Вопросы философии*. – 1992. – № 7.
7. Платон. Федон / Платон // *Соч. В 3 т. – Т.2.* – М., 1970.
8. Платон. Государство / Платон // *Соч. В 3 т. – Т.3. – Ч.1.* – М., 1971.
9. Платон. Тимей / Платон // *Соч. В 3 т. – Т.3. – Ч.1.* – М., 1971.
10. Husserl, E. *Analysen zur Passiven Synthesis* / E. Husserl. – Haag, 1966.
11. Платон. Законы / Платон // *Соч. В 3 т. – Т.3. – Ч.2.* – М., 1972.
12. Ньютон, И. Оптика / И. Ньютон. – М., 1954.
13. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990. Косарева, Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры / Л.М. Косарева. – М., 1997. Философско-религиозные истоки науки. – М., 1997.
14. Бэкон, Ф. О мудрости древних / Ф. Бэкон // *Соч. В 2 т. – М., 1978. – Т. 2. – С. 260.* Купревич, В.Ф. Долголетие: реальность мечты / В.Ф. Купревич // *Русский космизм*. – М., 1993. Вишев, И.В. Радикальное продление жизни людей / И.В. Вишев. – Свердловск, 1988.
15. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. – М., 1989.

-
16. Платон. Государство / Платон // Соч. В 3 т. – М., 1971. – Т.3. – Ч.1. – С. 191–195. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Соч. В 2 т. – М., 1977. – Т.1. – С. 255–256. Бэкон. Опыты, или наставления нравственные и политические / Бэкон // Соч. В 2 т. – Т.2. – М., 1978. – С. 356–357. Гольбах, П.А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного / П.А. Гольбах // Избр. произв. В 2 т. – М., 1963. – Т.1. – С. 262, 296–308, 354–355. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Соч. В 2 т. – М., 1990. – Т.2. – С. 51–52. Ницше, Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом / Ф. Ницше // Соч. В 2 т. – М., 1990. – Т.2. – С. 611. Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции / И.И. Шмальгаузен. – М., 1968. – С. 87. Дубинин, Н.П. Что такое человек / Н.П. Дубинин. – М., 1984. – С. 119. Эйген, М. Игра жизни / М. Эйген, Р. Винклер. – М., 1979. – С. 75.
 17. Гэлбрейт, Д. Новое индустриальное общество / Д. Гэлбрейт. – М., 1969. Структура и развитие науки. – М., 1978. Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999. Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания / Г. Фоллмер. – М., 1998.
 18. Турчин, В.Ф. Феномен науки / В.Ф. Турчин. – М., 1993.
 19. Ницше, Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм / Ф. Ницше // Соч. В 2 т. – М., 1990. – Т.1. – С. 60, 114. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Соч. В 2 т. – М., 1990. – Т.2. – С. 268–270.
 20. Weber, M. Science As a Vocation / M. Weber // Weber M. Essays in Sociology. – N.Y., 1947.
 21. Scheler, M. Tod und Fortleben / M. Scheler // Gesam. Werke. – Berne, 1957.
 22. Платон. Государство / Платон // Соч. В 3 т. – М., 1971. – Т.3. – Ч.1. – С. 280–360. Платон. Послезаконие / Платон // Соч. В 3 т. – М., 1972. – Т.3. – Ч.2. – С. 408–531. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Соч. В 4 т. – М., 1975. – Т.1. – С. 67–69, 102–104.

К ВОПРОСУ СТРУКТУРИЗАЦИИ ДУХОВНОСТИ: ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Совершенно определенно можно сказать, что исследование человеческой личности до сих пор остается тайной за семью печатями, но некоторые выводы сделаны философами, и мы можем на них опереться.

Человек, несомненно, обладает биологическими свойствами, общими с природным, животным миром. Однако он обладает также душой, благодаря которой способен воспринимать благо, красоту, истину. «Поэтому человек – животное уникальное, кроме законов, которые ему дала природа, он вводит законы человеческие» [Казакова 2003 : 198]. Потеряв связь с природой, человек оказывается слишком слаб, и поэтому ему даются разум, способность мыслить, которые отличают его от всего животного мира. В процессе эволюции человек утрачивает естественные связи с природой, обустроивает свой «искусственный» мир и ему приходится возвести себе нового господина – культуру. Насколько он освобождается от отношений с природой, настолько попадает в зависимость от культуры. И еще одно уникальное качество человека заключается в том, что он находится на пересечении двух миров – земного (природного) и космического (божественного). Это – точка перехода из микрокосма в макрокосм (на это качество указывал Н.А. Бердяев). Человек действительно оказывается мерой всех вещей, как точно еще в античности заметил Протагор. С одной стороны, он является центром Вселенной, исключительным, избранным феноменом в ряду других вселенских феноменов (согласно Тейяру де Шардену). С другой – мы располагаем только этой мерой, никакой другой у нас нет. Поэтому «...изучение человеческого существа, личности как единства среды, процессов отражения-отрагирования, механизмов анализа, обобщения и деятельности как единства тела, души и духа во всех их проявлениях от физиологии до культуры, ...неизбежно дает ключ ко многим “внешним” процессам и проявлениям» [Минченков, Елпидифанов 2001 : 11]. Иначе говоря, структура и содержание внешней и внутренней деятельности индивида оказываются отражением структуры и законов мироздания, поскольку представляют собой единый процесс. Исследовательская проблема данной статьи, таким образом, определяется необходимостью рассмотрения структуры духовности и возможностью классифицирования духовности на основе ее структурной организации.

В своем исследовании мы опираемся на теоретическое допущение о том, что исходным наполнением логико-смысловых оснований духовности являются три уровня (измерения) – социальный, ментальный и сакральный. Наша задача заключается в том, чтобы найти определенные основания для выделения (разграничения) элементов духовности личности из совокупного пространства духовности общества, человеческого бытия, определить значимость рассматриваемого феномена в структуре человеческой личности и в бытийном процессе че-

ловеческой жизни. Необходимость такого разграничения определена тем, что на каждом из этих уровней духовность выполняет определенные функции. Вполне естественно, что, выявив их, мы сможем составить ясное представление о динамической структуре духовности.

Содержание динамической модели зависит от функционального наполнения духовной сферы. Здесь обозначенные нами элементы рассматриваются во взаимодействии. Это и есть полигон для апробирования взаимодействия различных элементов в структуре духовности. Рассмотрим эти функциональные характеристики. Они определяются содержанием, уровнями и элементами этих уровней.

На *социальном уровне* превалирует социализирующая функция. От степени развития духовной сферы человека зависит успех данной личности в обществе, в котором она живет. Это выражается в стремлении к самореализации и самоутверждению, в старании занять достойную социальную нишу. Социализирующую функцию можно подразделить на несколько составляющих сторон, детерминированных пространственно-временным континуумом человеческого бытия. Эти стороны имеют относительную самостоятельность, но в целостном виде действуют в диалектическом единстве, а выходя за пределы, границы, могут противоречить друг другу.

В первую очередь – это *социокультурная* сторона. Специфика этого аспекта общеизвестна и состоит в том, что духовная деятельность человека понимается как единство культуры и типов и форм социальности. Отношения между социальными объектами формируются в различных типах деятельности – экономических, политических и других. Но ярче всего духовность проявляет себя именно в совокупности культурных способов и результатов человеческой жизнедеятельности. Понять духовность вне культуры нельзя.

Культура как опыт всегда конкретна. Она представляет собой культуру данного вида деятельности (например, культура земледелия, управления, мышления и т. п.), или определенного исторического периода развития (древности, какого-то века и т. п.), или какого-либо субъекта деятельности (культура преподавателя, молодежи и т. п.), или, наконец, культуру какого-либо народа, нации, которая вбирает в себя весь опыт и все богатство жизни данного народа. Культура в этом случае несет в себе образ этой деятельности, субъекта деятельности, данного народа, нации. Она их различает, показывает их индивидуальное лицо. Культура отражает устойчивые компоненты человеческой истории – антропологические, этнические, более изменчивые – социальные, личностные структуры. Духовность, с одной стороны, формирует и конкретизирует основные принципы общности как целостной социокультурной системы. С другой – учитывая многомерность человека как биосоциокультурного активного существа, она обеспечивает подвижный баланс, изменчивость этой системы. **Дает возможность преобразования общества** как социокультурной организации.

Еще одна сторона социализирующей функции – *воспитательная*. Она представляет собой дидактические формы проявления духовности и отвечает на вопросы: зачем? каким образом? для чего мы воспитываем определенное содержа-

ние в человеке с самого раннего возраста? Идея духовного становления и развития подразумевает налаживание у ребенка, а позднее у взрослого человека разнородных связей с миром, с другими людьми, динамику их преобразования в реальную ситуацию формирования. Каждое дитя – это не просто отдельное тело в физическом пространстве, а потенциальный материал определенных форм сознания, деятельности, социальности в обусловленном культурно-историческом поле. С момента рождения его жизнь становится индивидуальным состоянием (существованием), вплетенным в социальную ткань общества и жизнь окружающих людей. При этом близкие взрослые для малыша являются не только (не просто) персонификаторами и источниками общественно выработанных способов поведения и способностей, но и базовым онтологическим основанием для возникновения и возвращения духовности. (Вспоминаются слова Гегеля о том, что мать есть гений для ребенка.) В ходе развития происходит становление индивидуальности и приобщение к общечеловеческим духовным идеалам и ценностям, позднее – открытие области соборных жизненных смыслов. Духовность в этом ракурсе выступает не только как особая реальность бытия человека, но и как **особый поиск путей ее становления**. Действия воспитателей и самодеятельность индивида являются ответом на социальный общественный запрос. Общество этими средствами направляет, регулирует деятельность и самодеятельность личности.

И последняя составляющая функции социализации – *идеологическая*. Миф о деидеологизации духовности не имеет под собой сколько-нибудь серьезных оснований и должен быть развенчан. Человек, живя в обществе, не может быть свободен от определяющих его жизнь господствующих сил. Вращаясь на быденном уровне сознания, в котором представлены разнообразные научные и ненаучные взгляды и оценки, эстетические вкусы и идеи, нравы и традиции, склонности и интересы, причудливые образы фантазии и логика здравого смысла, человек не может изолироваться от систематизированной оценки социальной действительности, навязываемой с позиций правящего класса или партии. Он более или менее четко представляет идеологические императивы и либо соответствует им, либо идет наперекор. Идеология с помощью своего категориального инструментария достаточно опосредованно отражает действительность. Все зависит от ее конкретного содержания, социально-исторического контекста и способов навязывания (внедрения) в сознание людей. Политически окрашенное слово «идеология» имеет смысл системы политических верований и убеждений, ориентированных на определенные пути завоевания власти. В этом смысле она выступает как совокупность всех приемлемых и неприемлемых средств для достижения целей. Но первичное значение, определенное этимологией самого слова, означает прообраз вещей, в которых они воплощаются как их смыслы. И для нас ближе именно этот ракурс термина «идеология» в значении **руководящей идеи**, стержня, замысла того, что **требует осуществления**. В этом смысле идеология выступает как методологический принцип духовности, обладающий регулятивной силой в поисках путей решения теоретических или практических задач и тесно связанный с мировоззрением, убеждениями, цен-

ностными ориентациями, с положительно направленной духовной компонентой, действующей в обществе.

В границах *ментального уровня* очень ярко проявляют себя нравственная и познавательная функции духовности. Рассмотрим, каким образом они работают в этом пространстве.

Нравственная функция. Духовность всегда выступает как принцип самостроительства человека, как выход к высшим ценностным инстанциям конституирования личности и ее менталитета, как призыв к свершению того, что не свершается естественным путем. Духовность наделяет нас способностью переводить универсум внешнего бытия во внутренний мир личности на этической основе, способностью создавать этот внутренний мир, реализуя тем самым себе-тождественность человека, его свободу от жесткой зависимости перед постоянно изменяющимися ситуациями. В конечном счете она приводит к соединению образа мира с нравственным законом личности. Нравственность рождается не как результат наложения готовой парадигмы (схемы), а в момент выбора под личную ответственность. В исторической, в политической сферах самой важной проблемой становится определение личностью границ этой ответственности.

Духовная сущность человека проявляется очень ярко в прозрении, познании и приятии сущности Другого человека. На ранних стадиях духовного развития человек видит в мире и в людях только самого себя. Между тем лицо каждого человека уникально и неповторимо. Чтобы увидеть лицо другого, а не свою проекцию, необходимо освободиться от эгоцентрической доминанты путем расширения сознания и воспитания в себе уважения к полноправному чужому сознанию, к духовности другого. При различных обстоятельствах этот путь осуществляется через катарсис, который приводит к духовному преобразованию личности, открытию ею иного духовного измерения своей жизни, проявляющегося в виде голоса совести, творческого озарения, самоотверженной любви. В свете этого открытия временные, прагматические и эгоистические ценности уступают место высшим, духовным. Катарсис всегда связан (сопряжен) с открытием новых жизненных перспектив. Позиция раскрытия и преобразования собственного духовного «я» – это единство, называемое любовью и пиететом к Другому. Особая ценность этого процесса заключается в вере в реализацию духовно-нравственного в человеке, обращенности к его духовному «я», в способности так видеть и относиться к нему, чтобы пробудить высшие потенции его личности и способствовать их развитию. Потенциально духовность не является конкретным образом-идеалом, однако, будучи неосознаваемым или смутно осознаваемым, предчувствуемым, является реальной силой, способной актуализироваться в процессе внутреннего развития личности. Духовность нравственного порядка – это **сущностное ядро личности**, к которому мы обращаемся как к совести, к творческой интуиции. Это **внутренний голос** личности, следование которому – необходимое условие развития человеческих отношений и общежития в целом. Для сохранения канонов (законов) нравственности оказываются необходимыми обращение к более высоким уровням ценностной иерархии морального сознания, возвышение над ситуативной этикой к безусловности нрав-

ственного императива. Здесь требование нравственного возвышения получает новый контекст употребления и значимость, выходящую за сферу морали к более широкому постулату **нарастающей кульминации духовности**. («Жить по растущей совести», по словам Л.Н. Толстого.)

Духовность не бывает спонтанной и достигается в процессе развития человека в результате работы над собой, благодаря синергическому взаимодействию со встречным и усилиями самого человека, посредством поиска, познания и реализации им своих индивидуальных возможностей, детерминированных возможностями социума. Поэтому *познавательной функции* в духовном пространстве отводится очень важное место. В ней выделяются эпистемологический, эвристический, когнитивный и гносеологический аспекты. Они действуют в диалектическом единстве, представляя собой грани единого целого.

Очевидно, что личность является наиболее способной среди всего сущего к реагированию, чувствованию и осмысливанию объективированного мира. Поэтому, анализируя динамические процессы, происходящие в пространстве духовности, мы более всего связываем их с бытием людей, с межличностным общением, энергичным началом и мотивацией их деятельности. Динамика духовности напрямую зависит от способностей и возможностей к познанию субъектов, выбирающих источники и тратящих энергию деятельности, использующих различные средства обретения знаний, формирующие определенный строй и порядок познавательного процесса. Процесс познания разворачивается в совместной и индивидуальной деятельности людей, опирается на различные исторические и культурные формы, осуществляется в разных сочетаниях живого и накопленного опыта. Познание и понимание происходят в силу того, что познающий вторгается в сферу познаваемого и переносит его в собственное поле деятельности, выборочно оставляя для себя некоторые моменты познаваемого. Духовность при этом выступает **вектором-проводником развивающегося движения**, направляет избирательность познавательного процесса, возвращает человеческий потенциал, определяет границы и препятствия (апории и антиномии) познаваемого. Несомненно, что познание является динамической составляющей (характеристикой) духовного пространства жизнедеятельности человека. В этом процессе духовность оказывается историческим движением (проводником) познавательных структур, категорий, концептов, символов, транслируемых людьми от поколения к поколению, поглощающих их живой опыт и обрастающих новым знанием.

Наряду с познаваемым в объективированном бытии всегда остается еще непознанный фрагмент. Бесспорен тот факт, что мы не можем полностью охватить предмет познания, постичь во всей полноте его определенность, очертить его границы. *Эпистемологический* аспект познания высвечивает область изучения пределов человеческого знания, выявляет проблему напряженного прогресса в процессе дальнейшего познания. Стремление к познанию есть прогрессирующее предрасположение индивида к особенностям объекта, к его неисчерпаемости, бесконечности. Прогресс познания находит свой окончательный предел в **границе познаваемости**. За нею начинается непознаваемое, трансин-

теллигибельное. Пространство духовности, благодаря своей трансцендентной природе, обладает этой **возможностью «преступить» за пределы эмпирического, надэмпирического бытия.** Дает человеку шанс (надежду) на связь с Универсумом. (Но здесь возникает проблема отношений между логическими построениями и психологией мышления, психикой человека. Насколько последняя остается в «нормальном, неповрежденном» состоянии? Возможно ли заглянуть в непостижимое, оставаясь при этом здоровым человеком?)

Когнитивный аспект, как нам представляется, поднимает проблему соотношения между чувствованиями, переживаниями человека и его сознанием, мышлением, знаниями о чувствах. Это выработка путей, которые корреспондируют (транслируют) движения души человеческой к сознанию, приводя их к гармоничному, устойчивому течению. В своей первооснове духовность человека представляет способ свободного творческого бытия человека в мире чувств, нравственных норм и ценностей. Чувства человека с небольшой задержкой (опозданием) воздействуют на разум, сознание, воображение и в процессе творческого осмысления (деятельности) в единстве создают духовное целое. В состоянии динамики духовная жизнь человека всегда представляет цепь причинно-следственных связей, постоянно обогащаемых получаемыми исключительно живыми, по выражению С. Франка, знаниями. Мы солидаризируемся с мнением Н.С. Катунинной, которая в этом вопросе приходит к выводу, что «...необходимо проводить различие между чувствами и ощущениями как объектами отражения и сигналом как способом передачи информации мозгу, а также мыслью как смыслом чувства, с помощью которого продуцируется деятельность мышления» [Катунинна 2003 : 32]. Думается, что духовность в этом смысле выступает в виде **отношения, связующего элементы душевной жизни и сознания** в единый синергический ансамбль. Это способ диалектической взаимосвязи переживаемых душой человека высших нравственных чувств и понимания разумом смыслов и ценностей этих чувств, опосредованных общением людей и их деятельностью. В этом случае духовность обозначает состояние человека, когда его душа соотносится с интеллектом в напряженном творческом процессе гуманистического служения обществу.

Считаем необходимым оговорить особенности того пути, который приводит личность к «открытию». Путь к новому знанию, помимо основного, постепенного, связанного с заданным алгоритмом, может быть найден с помощью *эвристики*. И здесь духовность открывает перед человеком огромное пространство для деятельного применения данного метода. Она задает цели, формулирует творческие задачи, указывает на избранные смыслы. И познающий, опираясь на эти узловы моменты, приходит к научным результатам, сокращая диапазон возможных решений проблемы и путь прохождения к «новому». Здесь духовность играет роль проверенного, испытанного проводника, поскольку она, как способ бытия личности в целом, указывает исследователю, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни, **открывает человеку пути**, основывающиеся на вере, любви, совести и чувстве долга, которые являются особенно значимыми для каждого.

В ней концентрируются потенции, **относящиеся к высшему уровню как социальных, так и индивидуальных форм освоения мира.**

Сакральному уровню динамической структуры духовности соответствует *рекреативная функция*. Мы истолковываем ее как замещение материальных вещественных форм жизнедеятельности личности, которые она восполняет потоком духовности. Человек приходит на этот уровень либо когда испытывает чувство неудовлетворенности своим положением в обществе, либо когда бесконечно счастлив. Это восполнение, возмещение, уравнивание, воздаяние человеку утраченных сил высшими благами, ценностями. Это обретенный, восстановленный покой (успокоение), на который имеет право каждый человек, переживший состояние аффектации.

Говоря о данном вопросе, мы подразумеваем условия, при которых духовность, выступая психологическим образованием, выполняет еще одну важнейшую функцию – дает человеку возможность почувствовать счастье, удовлетворение от процесса жизнедеятельности, а в высших своих проявлениях достичь духовного совершенства. Здесь отражается как степень позитивного влияния духовности на процесс развития, становления личности и успешность ее последующей деятельности, так и возможность **обретения определенной психологической ниши, дарующей каждому человеку возрождение утраченных душевных и духовных сил.**

В соответствии с вышесказанным мы приходим к следующим выводам. Духовность в структуре человеческой личности и в бытийном процессе человеческой жизни представляет собой не просто ограниченное пространство, определенную жизненную цель (идею), ставшую для человека ценностью высшего порядка. Основу этого сложного онтогносеологического феномена составляет структурная иерархия, система больших и малых смыслов, одинаково многозначимых для отдельно взятого индивида (носителя) и для общества в целом.

Структура духовности человека, общества предполагает множество отдельных существенных компонентов и представляет собой весьма инвариантно-вариативное образование. Ее можно уподобить деятельности симфонического оркестра, где для достижения полной гармонии звучания каждый исполнитель должен уметь слышать не только свой, но и другие инструменты. И каждый раз автор по-новому сочетает их, предлагая новый вариант инструментовки. По словам С. Франка, чрезвычайно сложно «распутать живой клубок духовной жизни и проследить сплетение образующих его отдельных нитей – морально-философских мотивов и идей; здесь можно наперед рассчитывать лишь на приблизительную точность» [Франк 1990 : 81].

Возможны различные соотношения структурных составляющих иерархии духовности. Разнообразные варианты соединения (наложения) смысловых компонентов во многом определяют особенности функционирования механизма духовности.

Духовность как динамичный, функциональный механизм существенно обуславливает поведение, развитие человека и становление, самопостроение, самотворчество личности в тождестве духовного самовосхождения.

Духовность дает личности и возможность спрятаться, укрыться в моменты нарушений, нереализованности ее духовных потенций. Это выражается в стремлении к недостижимому, в мыслях о Всевышнем, в его незримом присутствии, в возможности диалога с ним. Здесь есть внутреннее ядро, которое нельзя поглотить, использовать, здесь всегда сохраняется дистанция.

Духовная жизнь человека представляет собой не обособленное образование, не надстройку над всеми остальными уровнями жизни, а их общее преобразование, гармонию, обогащение всех сфер его бытия и всех его составляющих.

Истинная духовность постепенно возникает в человеке, с одной стороны, вполне понятным, определенным объяснимым путем, с другой – таинственным, загадочным, мистическим образом. Возвращенный в процессе духовности человек становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим также и материально реальную жизнь. И каждая такая личность живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы общества.

Библиографический список

1. Казакова, Н.Т. *Философия* / Н.Т. Казакова. – Красноярск: КрасГАУ, 2003. – 299 с.
2. Минченков, А.В. *Методы структурной психосоматики* / А.В. Минченков, Н.Б. Елпидифоров. – СПб.: Изд. дом Ювента; М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. – 409 с.
3. Катунина, Н.С. *Проблемы духовности человека: монография* / Н.С. Катунина. – Владимир: ВГПУ, 2003. – 109 с.
4. Франк, С.Л. *Сочинения* / С.Л. Франк. – М.: Правда, 1990. – 607 с.

ОБРАЗОВАНИЕ : ИСКУССТВО ИЛИ НАУКА?

В процессе современного реформирования системы образования, несмотря на достаточно длительный характер изменений, так и не сформулированы, на наш взгляд, главные приоритеты развития российского общества. Какие, собственно говоря, цели, ценности «взрачиваются» в современной культурной среде? Только исходя из решения данной проблемы, можно будет говорить о возможностях и успешности реформирования всей системы обучения и воспитания. Пожалуй, впервые за перестроечные годы публично в средствах массовой информации ректор МГУ В.А. Садовничий признал резкое падение качества знаний у современных абитуриентов, особенно в области русского языка и литературы! Д.С. Лихачев неоднократно отмечал, что школа предназначена именно для воспитания, поэтому в первую очередь определяющую роль в нем должно играть гуманитарное образование, т. к. оно побуждает к работе души и совесть. Технические знания не создают культурного человека, у них другая задача. Техника и экономика не могут быть самоцелью, а вот культура сама по себе – цель развития и для отдельного человека, и для всей нации, и, в общем-то, человечества. Услышаны ли слова мудрого ученого и гуманиста? Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, уместно было бы рассмотреть образовательный процесс с позиций его культурологических составляющих и решить проблемы: что же преобладает в образовательном процессе – логика или творчество, внутренний процесс восприятия и осмысления окружающего мира учеником или внешний, представленный для него уже готовыми образцами социального опыта.

«Образование – процесс и результат *усвоения* человеком навыков, умений и теоретических знаний» [Философский... 1997 : 331], выполняющий две определенные функции: во-первых, «выставлять образец и устанавливать предписания» и, во-вторых, «формировать уже имеющиеся задатки». Таким образом, в качестве исходной характеристики этого процесса необходимо выделить внутренний (чувственный и мыслительный) процесс отражения социальных образцов и созидания индивидуальных образов, которым человек следует в своей жизни.

Как определить данный процесс, направленный главным образом на раскрытие, самореализацию значимых для человека целей, ценностей, как свободный или как необходимый, ограниченный собственными способностями человека, его волей, желаниями, а также общественными установлениями? Современное знание позволяет утверждать значимость обеих этих сторон для образовательного процесса.

В первом случае, когда мы рассматриваем этот процесс как свободный, учебная познавательная деятельность представляется близкой к искусству как форме выражения творческих усилий самого человека и требует соответствующих

способов и методов самореализации. Например, использование интуиции, воображения как основы творческой деятельности, самостоятельного выбора предмета исследования, формы и специфики метода, неограниченного формально временем (определенным количеством уроков или часов), необходимым для создания новых образов. Базовым элементом такой деятельности является индивидуальный опыт человека, представленный чувственной и рациональной сторонами, с помощью которых познающий субъект отражает, фиксирует, перерабатывает многообразие реальных или воображаемых связей окружающего мира. Множество людей, оказавшись в схожих обстоятельствах, отразят данные связи с индивидуальными особенностями: будь это оттенки цвета, запаха, вкуса, проявление разнообразных эмоций, многочисленные формы словесного выражения. «Оказывается, что все данные, на которых основываются наши выводы, являются по своему характеру психологическими; это значит, что они являются опытами отдельных индивидов. Кажущаяся общественность нашего мира является частично обманчивой и частично выводной; весь сырой материал нашего познания состоит из психических явлений жизни отдельных людей» [Рассел 2000 : 63]. Предметы, явления, процессы, впервые отражаемые человеком, представляются ему как новые, даже если исторически они хорошо известны человечеству. Ребенок, впервые познающий мир конкретных понятий (например, «дерево» и «собака»), будет различать их только в звуковом отношении, но не в содержательном, пока не раскроет их сущностные характеристики и не произведет отождествление с реальными объектами окружающей действительности. Тогда это потребует от него самостоятельного, внутреннего, творческого осмысления сути образов, предметов и возможностей их применения. Позволяет ли, таким образом, классическая система образования с его ограничениями практически по всем параметрам рассматривать образование как искусство? Форма урока – ограничение по времени и средствам. Стандарты образования – ограничения по содержанию и количеству предметов, проблеме, глубине, инициативе... Творчество – процесс интимный, а не программируемый, что доказывалось судьбами, успехами и неудачами множества мыслителей, художников, поэтов. Как оно может учитываться в формализованной образовательной системе? «Плодотворно только то, что оставляет свободное поле воображению. Чем более мы глядим, тем более мысль наша добавляет к видимому, и чем сильнее работает мысль, тем больше возбуждается наше воображение». Поэтому «показывать глазу ... предельную точку аффекта – значит связывать крылья фантазии и принуждать ее...» [Фейнберг 2004 : 169].

Исторически не внутренний, а внешний процесс создания образов и образцов политической, религиозной, экономической и других систем учитывался как определяющий и при формировании образовательной системы, а именно как способ сохранения и передачи наиболее значимых ценностей социального опыта последующим поколениям. Поэтому, отмечал Сеченов, человечество снимает с человека тяжкий труд «собственного дознания» истины, заменяя его уже готовыми внешними образцами.

Таким образом, современная школа хоть и декларирует преимущество внутреннего индивидуального опыта над внешним социальным, но в образовательном процессе формальных и содержательных оснований для этого еще очень мало.

Можно, следовательно, предположить, что именно вторая составляющая образовательного процесса как необходимость в логической дискурсивной форме представлена в виде определяющей в современной системе. Так ли это?

Основу логического дискурса составляет абстрактное мышление как средство постижения истины. Как этот процесс представлен в образовательной системе? Как самостоятельный, а значит, свободный мыслительный процесс обучающегося, или как результат мыслительной деятельности людей в историческом процессе? В первом случае, очевидно, нужно анализировать и обобщать собственный процесс мышления. Тогда усилия педагогов и учеников должны быть направлены на изучение самого процесса мышления и его индивидуальных особенностей проявления (что реально осуществляется только в вузах в рамках изучения психологии при минимальном количестве часов на непрофильных факультетах). Создается ли в образовательной модели возможность постоянного рефлексирования с тем, чтобы человек отличал высказывание «Я же думаю», которое является словесной формой выражения социального опыта, от высказывания «Я думаю, потому что я могу объяснить, почему я думаю так». В этом случае мы тоже встречаемся с творчеством, но уже осознанным, а не интуитивным.

Если мы рассмотрим образовательный процесс как результат мыслительной деятельности людей в историческом развитии, то увидим, что определяющую роль будет играть социальный опыт человечества. В качестве примера такого социального опыта можно вспомнить Аристотеля, который для объяснения и систематизации логического мышления создал науку, известную уже 2, 5 тысячелетия. Но известны ли знания этой науки конкретно Петрову, Иванову, Сидоровой? Их отсутствие мы можем заметить даже в студенческой среде. Зачем же мучился мудрец-философ, желая помочь человечеству обрести надежное, верное, но достаточно сложное в процессе приобретения истины средство. С одной стороны, это ведь тоже социальный опыт, требующий передачи последующим поколениям. Почему же он не востребован? Потерял свою актуальность, устарел? Вряд ли.

Рационализация мышления с XVII–XVIII вв. связана непосредственно с производством, техникой, и этот процесс не просто не замедляется, а все более ускоряется, усложняется, а значит, и востребован в практической деятельности человека, не говоря уже о научной. Изучая глубокие основы конкретных наук, мы не исследуем совсем или исследуем в очень незначительной степени сам процесс овладения знанием, считая, видимо, это интуитивным или само собой разумеющимся. Вопрос «почему?» сохраняет значимость в образовательных учреждениях только в рамках социально установленной логической связи, все остальное отбрасывается как лишнее и не анализируется, не переводится в рефлексивный план сознания. Например, анализируя собственный индивидуальный опыт, автор приходит к выводу, что жалость замедляет развитие человека,

так как чувство вины перед другими заставляет его постоянно оглядываться назад. Ребенок, восприняв прочувствованный автором опыт как тезис, применяет его уже не в плане собственного нравственного терзания и искания, а как руководство к действию: безжалостность к нищим, старикам, беспомощным.

Не кроется ли ответ на противоречие между формами индивидуального и социального опыта в сложности, неоднозначности мыслительного процесса, который внешне проявляется в результатах общественного познания, полученного на разных этапах исторического развития и обнаруживаемого как результат деятельности человечества, а потому скрытого как процесс становления, говоря философским языком, являемого инобытием по отношению к видимым результатам. Но ведь мышление присуще в наглядно-образной и наглядно-действенной формах уже животным, поэтому является, по сути, естественным свойством для человека, как движение, речь, дыхание... Почему же оно столь сложно для него?

По-видимому, ответ на этот вопрос лежит в осознании самого процесса мышления, а значит, и в процессе овладения им, а не в восприятии готовых социальных образов. И если в искусстве этот процесс происходит интуитивно, как достижение воображаемого идеала, то в науке – посредством логического суждения. Однако в обоих случаях человек точно знает (осознает), что он хочет («Я хочу, потому что я могу объяснить, почему я хочу это»). Но образование, рассматриваемое как внешний процесс отражения реальной действительности и передачи опыта, будет опираться только на память. В этом случае, признавая существование метафизического абсолюта (Творца, Духа, Разума), мы можем его повторять. При противоположном восприятии образ необходимо создавать самостоятельно, поэтому творчество как индивидуальный процесс получения знания возможно только в становящемся, развивающемся мире. Следовательно, и образование есть процесс созидательный в том случае, если оно не ставит перед собой задачу повторения пройденного.

Таким образом, образование должно стать процессом овладения собственными мыслями и образами.

Библиографический список

1. Рассел, Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Бертран Рассел. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, Республика, 2000.
2. Сеченов, И.М. Элементы мысли / И.М. Сеченов. – СПб.: Питер, 2001.
3. Фейнберг, Е.Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке / Е.Л. Фейнберг. – Фрязино: Век-2, 2004.
4. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Студенчество в современном обществе представляет собой, как известно, весьма специфическую социальную группу в составе молодежи. С одной стороны, оно как часть молодежи имеет общие с нею черты, испытывает влияние одной и той же социокультурной среды. С другой стороны, будучи своеобразным авангардом молодого поколения, отличается рядом особенностей, изучение которых позволяет судить об общих тенденциях развития социума.

Процессы реформирования, происходящие в России, по-новому высвечивают проблему социализации молодежи. Актуальность социализации учащейся молодежи определяется сложностью условий, в которых она оказалась в настоящее время. Распались ранее созданные молодежные объединения и организации, молодые люди оказались предоставлены самим себе, начался процесс де социализации, приведший к значительному росту числа молодежи с девиантным поведением. Сложность и противоречивость процесса вступления молодежи в самостоятельную жизнь порождает различные формы молодежного протеста, в основном асоциальные (преступность, наркомания, «сексуальная свобода» и т. д.). «Сегодня ситуация жизненного самоопределения молодежи неоднозначна. С одной стороны, представители молодого поколения составляют значительную долю в составе новых социальных слоев – предпринимателей, менеджеров, банковских работников. Увеличилось число молодых людей, возглавляющих общественные движения и политические партии. С другой стороны, молодежь оказалась одной из самых незащищенных социальных групп, значительно ухудшилось ее материальное положение, замедлилось социальное продвижение, наблюдается глубокое противоречие, вызванное несоответствием новых социально-экономических требований и качеств личности молодого человека, традиционно формируемых социальными институтами российского общества» [Сернейчик 2002 : 108].

Своеобразие молодежи как социальной группы заключается в наличии значительной доли молодежи (учащиеся, студенты), не имеющей в полном смысле слова собственного социального положения и характеризующейся либо своим прошлым социальным статусом – социальным положением родительской семьи, либо своим будущим статусом, связанным с профессиональной подготовкой.

Общность социальных и психологических черт молодежи, интересов многих входящих в нее групп (учащихся, студентов, молодых рабочих и служащих и др.) определяет возможность совместных действий не только в рамках локальных территорий, но и в международном масштабе. Усиление ориентации на общение внутри данной возрастной категории приводит к образованию молодеж-

ной субкультуры с ее специфическими ценностями и идеалами. Она также является неотъемлемой принадлежностью молодежи.

Особенный интерес вызывает специфика социализации студенческой молодежи, которая представляет собой своеобразную социальную общность, что связано со следующими, присущими этой группе особенностями. В период студенчества происходит процесс личностного самоопределения молодого человека. Неопределенность будущего при определенной стабильности настоящего позволяет задуматься о главных вопросах: «В чем смысл жизни?», «Кто Я?». Часто неосознанные попытки найти определенные мировоззренческие основы для самоутверждения, адаптации к новым требованиям социальной среды, самосохранения помогают студенческой молодежи отыскать свое место в обществе, что в конечном итоге определяет успешность социализации, способность преодолевать трудности самоутверждения себя как личности. Важной особенностью этого периода является юношеский максимализм. Особенности возрастного максимализма проявляются не только в светлых поисках мудрости и знания, но и в отчаянии нигилистического отрицания, готовности преступить через сформированные в процессе исторического развития общества ценности, нормы и идеалы.

Студенческая молодежь в перспективе формирует основу экономической, политической и культурной элиты нации. Пластичность, восприимчивость, способность к усвоению огромного потока информации позволяют рассматривать студенчество как часть населения, в полной мере открытую новым смыслам и, таким образом, в перспективе определяющую направление эволюции социокультурной среды.

Проведенное нами социологическое исследование свидетельствует, что 73,4 % респондентов предпочли самореализацию и достижение успеха (карьера, богатство) как смысл жизни [14]. Это говорит об изменении жизненных ориентиров молодежи в сторону прагматизации интересов, выдвижения на первый план мотивов частноличностного характера. И лишь 26,6 % респондентов отдали приоритет совершенствованию себя и общества. Эти данные наглядно свидетельствуют, что значительная часть молодежи сделала материальное благополучие и обогащение смыслом и целью своего существования, что формирует соответствующие мотивации деятельности и жизненных потребностей.

Мало кто из молодых людей сегодня осуждает погоню за большими деньгами. Наоборот, умение быстро сколотить состояние рассматривается в качестве основного мерила человеческого успеха. О том, где и как люди достают деньги, уже давно не спрашивают. А жизненный успех в первую очередь связывается с тем, что обеспечивает материальный достаток.

«Ныне в такой социально-демографической группе, как молодежь, все более доминирующее положение занимает прагматичный тип морального сознания, балансирующего на грани цинизма. Само общество, функционирование его глубинных, экономико-генетических структур порождает эти качества молодежи, ее моральное состояние, которое обостряется в период кризисов» [Карпучин 2000 : 191].

На вопрос «Какие жизненные ценности являются для вас наиболее важными?» опрошенная нами часть студенческой молодежи ответила: друзья (общение) – 80 %, любовь – 60 %, материальный достаток – 56,7 %, интересная работа – 43,3 %. Семья, дети как ценность привлекают только 33,4 % респондентов, причем почти столько же опрошенных (30 %) относят последнюю ценность к одной из наиболее бесполезных. Это доказывает, что превалируют личные приоритеты, заботы о себе.

По данным исследования, проведенного Академией общественных наук в 1982 г. в Москве и Московской области, на первом месте среди жизненных ценностей опрошенных оказалась «интересная работа» – 75,3 %. Высокую оценку респонденты дали «семейному счастью, счастью в любви, детям» (66,4 %), «уважению людей» (43,6 %). «Полное материальное благополучие» среди жизненных ценностей в то время особо выделяли менее трети опрошенных (31,6 %) [Соколова 1986 : 91–94].

Снижение планки нравственных ориентиров молодежи не случайно. Оно обусловлено серьезными социокультурными факторами. Политический и экономический кризис в стране породил в молодежной среде разочарование и нигилизм. Крах прежних идеалов и устоявшихся представлений привел к идейной и духовной дезориентации не только молодежь, но и все общество в целом. Исследователи единодушно отмечают кризис духовно-нравственных ценностей в российском обществе, духовный вакуум в общественном и индивидуальном сознании. В молодежной среде растет индивидуализм, еще не получивший должной оценки. В общественном сознании молодых людей девальвируются такие понятия, как общественная польза, государственные интересы и т. п., в то время «как до 70 % молодых людей считает, что в жизни надо думать только о себе, об удовлетворении своих личных потребностей» [Дунаев 1996 : 19].

Обобщая сказанное, рискнем сделать предположение: за последние годы в результате непродуманной молодежной и культурной политики государства, но продуманной пропагандистско-идеологической линии, практически реализуемой средствами массовой информации, происходит отторжение молодого поколения от тех культурно-исторических ценностей, которыми жил и благодаря которым еще живет наш народ. Сделала ли молодежь свой выбор в пользу капитализма? Трудно ответить однозначно. Несомненно одно – у молодежи уже нет былой социально-нравственной настороженности к богатству вообще, она в известной мере обуржуазилась, а значит, вектор ее жизненных, духовных устремлений, этос ее жизненных целей и ценностей противоположны этосу целей отечественной культуры, которая по природе своей всегда была антибуржуазной.

Признание респондентами деградации значительной части своих сверстников (а может быть, и самих себя) свидетельствует об их негативной оценке ценностей своего поколения в сопоставлении с ценностями предшествующих. Им представляется, что у прежних поколений была более содержательная жизнь со своими идейно-нравственными ориентирами и социально-значимыми идеалами. Современные молодые люди в основной своей массе (только 19,6 % опрошенных имеют идеал) отрицают наличие у них идеала [Карпухин 1998 : 92].

Зато, к сожалению, мир престижных и красивых вещей становится самоцелью существования, смыслом бытия. Средство становится целью, отчуждая личность от мира духовных ценностей, деформируя саму структуру их освоения. В условиях массового общества отсутствие в молодежном сознании идеала зачастую замещается поклонением кумирам шоу-бизнеса или спорта. Подобная деидеологизация сознания и поведения сопровождается прогрессирующим в молодежной среде процессом фетишизации сферы потребления престижных товаров и услуг. Стихия поклонения и потребления деформирует процесс социализации молодого человека, формируя у него соответствующие установки и жизненные ценности.

Да, сегодня молодые люди на первое место ставят личные приоритеты, заботу о себе. 63,3 % опрошенной молодежи, согласно данным нашего анкетирования, убеждены, что «материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть прозябают – это справедливо». Однако убеждение молодых россиян в том, что бедность – справедливый удел тех, кто не обеспечил свое материальное благополучие, отнюдь не является проявлением их жестокости или эгоизма. Здесь мы имеем дело с явлением более глубокого порядка – сломом коллективистско-патерналистского типа сознания, берущего начало еще в русской общине, которая заботилась о своих беднейших членах. На смену ему в современную молодежную среду внедряется модель индивидуалистического утилитарного сознания западного типа. Краеугольная основа этого типа сознания – человек, «сам себя делающий», а следовательно, сам несущий ответственность за последствия всех своих действий.

По нашему мнению, увеличение количества молодых людей, оправдывающих неравенство при условии равных стартовых возможностях, говорит о все большей социальной дифференциации общества и увеличении разрыва в возможностях между детьми богатых и бедных семей. Все больше молодых людей начинают понимать, что не всегда лучший по интеллектуальным, профессиональным, творческим и др. характеристикам человек выигрывает, зачастую его обходят заурядные индивиды, имеющие продвинутых родственников или знакомых. Границы элитных социальных групп становятся все более труднопреодолимыми. Уменьшение ответов говорящих о смягчении государством неравенства доказывает, что в нашем обществе среди молодежи все меньше сторонников патернализма и все больше разочаровавшихся в государстве как институте, служащем на благо всего общества.

Таким образом, у большей части опрошенной молодежи нет стремления восстановить социальную справедливость. В целом она оправдывает имущественное неравенство, считает его вполне нормальным явлением, хотя и оговаривается, что в обществе должны быть «всем обеспечены более или менее равные стартовые возможности».

Культ американской мечты, личного успеха любой ценой постепенно вытесняет у значительной части молодежи ценности коллективизма и солидарности, готовности заботиться о бедных членах общества. Если среди старшего поколения большинство считает, что те, кто материально преуспел в жизни, должны

заботиться и помогать тем, кто не преуспел, то среди молодежи большинство убеждено, что материальных успехов люди должны добиваться сами. Для них бедность – это справедливый удел тех, кто не обеспечил свое материальное благополучие. Подобная модель утилитарного индивидуалистического сознания западного типа противоположна традициям российской ментальности, для которой характерен коллективистско-патерналистский тип сознания, восходящей к русской общине.

Как мы уже сказали, жизненный успех многие связывают с тем, что обеспечивает материальный достаток: предприимчивость и деньги. Большинство молодых людей, получая информацию о том, какими способами добывается богатство, не тешат себя иллюзиями о необходимости таланта и высокого профессионализма; наблюдается постепенное снижение престижа профессионализма и значимости таланта (молодежь видит, что умные люди не в цене). Все это негативно сказывается на качестве учебы, прежде всего у тех, кто стремится получить диплом, а не глубокие знания. К примеру, на предложение «Выберите одно наиболее предпочитаемое качество» лишь 10 % опрошенных нами выбрали «интеллект, образованность». По данным же опроса в МГУ, в иерархии свойств, которым отдается предпочтение, качество «быть образованным, духовно богатым человеком» занимает в сознании 18-летних 10-е место из 15, а у 24-летних – 12-е [Ручкин и др. 2000 : 159]. Почему так? Спроса нет. Сама духовно-нравственная атмосфера нашей современной жизни не располагает к развитию духовного потенциала человека, возвышению его нравственных качеств.

Зато, отвечая на наш вопрос «С помощью, каких из перечисленных факторов вы собираетесь обеспечить себе успех?», 36,7 % опрошенных указали на «личную активность, целеустремленность, постоянный поиск», 26,6 % – на «образование, компетентность, профессионализм»; 10 % – на «практицизм и предприимчивость», 6,6 % – на «интеллектуальные способности, трудолюбие, самоусовершенствование».

Анализ полученных данных показывает, что престиж образования тем не менее высок, но не как терминальная ценность (которая является ценностью и целью сама по себе), а как инструментальная ценность (то есть представляет собой, скорее, средство, нежели цель). Связано это прежде всего с тем, что не обладающий достаточным жизненным и производственным опытом сегодняшней молодой человек оказывается более или менее конкурентоспособным на рынке труда только при наличии диплома о высшем образовании. То есть материальная заинтересованность заставляет большинство молодых стремиться получить образование, а многих – просто диплом. «Сегодня в мотивации получения образования нарастает инструментальность (престижность, мода на данную специальность или стремление получить любой диплом). Парадоксален тот факт, что желание стать квалифицированным, конкурентоспособным специалистом, профессионалом не коррелирует с серьезным отношением к учебе: в полную силу, по собственным оценкам студентов, учится не более 20–25 %» [Кухтевич, Туманян 2005 : 398].

Большое количество профессий выпускников вузов остаются невостребованными на рынке труда, где молодежь не в состоянии самостоятельно найти рабо-

ту, тем более по специальности. Работа по своей специальности в большинстве случаев не обеспечивает молодого человека необходимыми для успешной адаптации условиями: приемлемым уровнем заработной платы и условиями для дальнейшего профессионального роста, социальным статусом, условиями организации труда и др. Отсюда потеря престижа образования, утрата интереса к знаниям вообще, что является достаточно актуальной проблемой. Но в еще большей степени этот негативный процесс связан с переходом от стабильной социальной среды к нестабильной, несбалансированной, с отсутствием социальных гарантий и прав молодых специалистов. Большинство студентов на протяжении всей учебы в вузе находятся в состоянии постоянного беспокойства за свое профессиональное будущее. После отмены государственного распределения выпускники вузов стали участниками рынка труда, но не получили никаких преимуществ перед коллегами с большим трудовым стажем, так как у большинства из них нет опыта работы по основной специальности. Поэтому студенты стараются во время учебы в вузе увеличить привлекательность для потенциального работодателя, например, знанием иностранных языков или смежных специальностей. Расширение так называемого профессионального портфеля студента – одна из индивидуальных стратегий преодоления неопределенности. Следует отметить, что наблюдается стремление студентов получить вместе с общеобразовательной подготовкой и специальность. Среди обучающихся в средних специальных, а особенно в высших учебных заведениях растет число совмещающих учебу и работу. «Во Владивостоке совмещают учебу с постоянной работой 13 % студентов, с работой время от времени – более 20 %. От 40 до 50 % выразили желание наряду с учебой на избранном факультете одновременно учиться и на другом факультете» [12 : 4].

Что касается будущего, то многие молодые люди не теряют надежду на избранную профессию. Наиболее важная проблема для молодежи в этом плане – проблема поиска работы. В результате нашего исследования выяснилось, что в поиске работы молодежь склонна полагаться в основном на себя (50,5 %). Поэтому не случайно то, что при ответе на вопрос «С помощью какого из перечисленных факторов вы собираетесь обеспечить собственный успех?» большинство отдало предпочтение собственным усилиям – «личной активности, целеустремленности, постоянному поиску» (36,7 %), а также «образованию, компетентности, профессионализму» (26,6 %).

Всякая целенаправленная активность человека имеет определенную мотивацию, которая, в свою очередь, преобразовывается в конкретную ориентацию этого процесса путем целеполагания и разработки плана, программы, образа действий. Трудовая деятельность человека направляется не каким-то одним, а достаточно многими мотивами в различных их сочетаниях. Здесь значительную роль играют: чувство долга, заработок, общественная полезность, престиж, боязнь критики и наказания со стороны непосредственного руководителя, продвижение по службе, удовлетворение от хорошо выполненной работы и др.

Мотивационный комплекс трудовой деятельности включает как внутренние, так и внешние факторы. Внутренние мотивы порождаются самой деятель-

ностью. Они возникают из потребностей человека и отражают фундаментальные характеристики человеческой личности. Внешние мотивы находятся за пределами труда как такового и личности самого работника. Они могут быть положительными и отрицательными. В представленном ниже мотивационном ряду отчетливо проявляется двойственное отношение молодежи к труду: как к внешней необходимости (средству достижения определенных условий существования) – инструментальное отношение; как к внутренней потребности (сфере утверждения, самореализации личности) – терминальное отношение. В зависимости от конкретных условий может доминировать та или другая сторона мотивации. Это в значительной степени влияет на выбор молодым человеком способа трудовой деятельности.

Наше исследование выявило следующую структуру факторов, с которыми молодое поколение связывает свое представление о труде.

Труд для них – это:	% к числу опрошенных
1. Долг перед обществом	(0 %)
2. Средство существования	(70 %)
3. Обязаловка	(10 %)
4. Творчество	(6,6 %)
5. Общение	(13,4 %)

Приведенные здесь данные свидетельствуют, что отношение молодежи к труду преимущественно инструментальное. Инструментальная роль мотива связана с ориентацией на труд как средство достижения определенных жизненных целей. Это заработная плата, карьера, выполнение работы по обязанности и др. Отношение к труду как средству заработка является доминирующим.

Идеализация рынка, стремление к благосостоянию во что бы то ни стало являются сегодня своеобразным социально-психологическим феноменом молодежного сознания (мы об этом уже говорили), приобретая черты своего рода утопии, в основе которой – обогащение и жизненный успех, достигаемый любой ценой. Здесь мы вступаем в область трудовой этики постсоветского студенчества, которая нуждается в специальном изучении. Заповедь «зарабатывай хлеб в поте лица своего» встретила одобрение лишь у 6 % опрошенных, 11 % солидаризовались с пренебрежительным «дураков работа любит», остальные ушли от определенного ответа. На вопрос: «Какую работу вы бы предпочли: а) интересную и творческую с оплатой на прожиточном уровне; б) простое, но хорошо оплачиваемое исполнительство?» 24 % респондентов выбрали первый вариант, 76 % – второй вариант. Исключение: 58 % студентов творческих факультетов предпочли вариант а). Если сопоставить результаты данных опросов, можно прийти к заключению: труд становится привлекательным («интересным и творческим» и для него не жалко «пота лица своего») тогда, когда он является свободным и удачным предпринимательством, в противном случае – это «дурацкая работа», за которую надо хорошо платить [Соколов, Щербакова 2003 : 115–123].

В нашу эпоху наблюдается морально-психологическое обесценивание массовых видов труда, превращение их либо в удел нерасторопных, «не продвинутых» неудачников, либо в удел пожилых людей предпенсионного возраста, по

старинке еще продолжающих тянуть эту лямку. Возникает парадоксальная ситуация, при которой труд элиты (экономической, политической, художественной, научной), доступный немногим, соблазняет всех. Это проблема всей современной цивилизации, впервые столкнувшейся лицом к лицу элиту и массу и разрывшей массы элитарными, неосуществимыми на массовом уровне притязаниями. Именно поэтому у современной молодежи формируется иная система ценностей, происходит их коренная переориентация: труд как деятельность уступает место ценностям общества потребления с его психологией легкой наживы, жажды обладания разрекламированными товарами и услугами.

Молодежи особенно близки нормы и ценности массовой культуры, где на первом плане элементарные ценности с безоглядным гедонизмом и беспроблемностью. Отсюда неопределенность жизненных позиций молодежи, постоянный поиск новых форм идентичности, что, впрочем, вполне естественно для периода ее становления. Но отсюда и обострившаяся проблема одиночества, стресса, выход из которых все больше и больше молодых людей находят в девиантном поведении.

Потеря укорененности в прошлом и настоящем, привязанности к родному месту приводит к смыслоутратам. Прогностическая модель поведения в жизненных планах молодежи уступает место сиюминутной прагматике. Ощущение бесперспективности и общественной невостребованности устраняют в сознании, мотивациях молодых свойственную юности жажду романтики, самоограничения и аскетизма во имя достижения высших духовных ценностей. Обобщая вышеописанное, можно сказать, что у молодежи наблюдается тенденция к усилению процессов стандартизации культурного потребления и досугового поведения, утверждению пассивно-потребительского отношения к культуре. Какова причина данных процессов? Цивилизационный кризис. Одна цивилизация, «цивилизация американской “массовой культуры”», вытесняет, уничтожает другую цивилизацию – советскую. Эта последняя (не важно, плохая ли, хорошая) была наследницей европейской классической цивилизации. Идеалом этой цивилизации был творец, творческая личность. Цивилизация американской “массовой культуры” парадигмально антагонистична старой европейской цивилизации: ее идеалом является обыватель, причем обыватель агрессивный» [Тарасов 1996 : 21–26].

В результате слома социально-политической, культурной системы советского общества произошло разрушение ценностно-идеологического стержня культуры. Образовался идеологический вакуум, который искусственно пытаются заполнить религией. Насколько эффективно данный процесс протекает в молодежном сознании? На этот вопрос попытаемся ответить, проанализировав результаты социологических исследований.

Верующих, но не посещающих никаких религиозных учреждений, среди опрошенных нами студентов оказалось 46,7 %, 6,6 % из числа опрошенных «веруют на уровне суеверий», атеистических взглядов придерживаются всего 3,3 % опрошенных, 10 % колеблются между верой и неверием. Очень большой процент респондентов (33,4 %) затрудняются ответить на данный вопрос. По дан-

ным другого социологического опроса, вариант ответа «Я – глубоко верующий человек, хорошо знаю Закон Божий, читаю Библию, часто бываю в церкви, соблюдаю посты и отмечаю праздники» выбрали 6,5 % гуманитарных студентов и 4,9 % не гуманитариев; атеистами признали себя соответственно 18,2 % и 31,0 %. Остальное подавляющее большинство студентов – более двух третей – это не определившиеся в религиозном отношении люди, можно сказать, «язычники», которые ощущают наличие чего-то сверхъестественного, но сомневаются в существовании Христа-спасителя [13 : 8].

Политические и правовые перемены в стране, ликвидация административных и нравственных притеснений верующих, принятие прогрессивного законодательства о свободе совести позволили верующим свободно, без боязни исповедовать свою веру. Приведенные данные одновременно показывают противоречивый, непоследовательный характер мировоззренческих взглядов как верующих, так и неверующих молодых людей. Их воззрения отличаются размытостью, отсутствием однозначного содержания. Все это еще раз подтверждает то обстоятельство, что у основной массы молодых россиян, независимо от того, – верующие они или неверующие, в собственно мировоззренческих взглядах наблюдается немало мистических, архаичных, в том числе дохристианских и доисламских представлений, языческих традиций.

Из-за отсутствия у государства внятных и всеми поддерживаемых целей общественного развития, мобилизующих ценностей и идеалов молодежь нередко теряет свое ощущение Родины. Она живет, «под собою не ощущая страны», потеряв, а может быть, еще и не найдя свою причастность к ее прошлому и гражданскую ответственность за настоящее и будущее.

«Укором для властвующей элиты выглядит тот факт, что около 30 % респондентов – потенциальные эмигранты, готовые поменять гражданство, «если это окажется выгодным и полезным для меня». Либеральная идеология, которую вынуждены осваивать современные студенты, есть идеология *космополитическая*. У молодых людей, ищущих социализации, имеется выбор: идентифицировать себя с вольными и беззаботными «гражданами мира» или с обремененным тяжелым историческим наследием россиянами?» [13 : 10].

Патриотические ценностные ориентации особенно отчетливо проявляются в отношении к отечественной истории. «Гордятся отечественной историей в целом – 41 %; гордятся историей России, но стыдятся истории СССР – 55 %; стыдятся отечественной истории – 4 %» [13 : 10]. Выходит, историю СССР, т. е. ту, которую делали поколения отцов и дедов, 59 % их детей и внуков оценивают негативно. В данном случае особенно отчетливо видны результаты манипуляции общественным сознанием, осуществляемой в последнее время.

Вполне очевидно, что становятся чуждыми у определенной части молодежи понятия «родина», «Россия», «родной дом, город». «Только 37,1 % опрошенных отметили как духовно близкое им понятие «Россия», 36,3 % – идентифицируют себя с соотечественниками по признаку «единая культура», 27 % – по признаку «историческое прошлое» [Ручкин 2000 : 96]. Определяя понятие «Родина», многие из них ориентируются не на собственное или родительское происхождение,

а на более конъюнктурные, изменчивые факторы, такие, как место, где прожил большую часть жизни, или где прошли лучшие годы, т. е. где хорошо, там и Родина. Нынешние молодые россияне высокоактивны в обустройстве собственной жизни, жизни своей семьи и в этом обнаруживают поражающий воображение оптимизм. Но многие из них весьма пессимистичны относительно будущего страны и общей ситуации в России. Наиболее близкое к истине объяснение этой, казалось бы, противоречивой ситуации состоит в том, что люди не видят для себя возможности контролировать ситуацию за пределами узкого жизненного пространства.

Дать сегодня оценку состоянию политического самочувствия российской молодежи представляется весьма непростым делом.

Уже давно говорили о политической «усталости» общества, но наиболее ярко она проявилась именно в молодежной среде. Так, например, 56,7 % опрошенных нами студентов «внимательно за информацией о политических событиях не следят, хотя изредка обсуждают политические события с друзьями и родственниками»; 30 % респондентов «политикой не интересуются» вообще; и лишь 13,3 % «внимательно следят за информацией о политических событиях в стране».

Говоря об аполитичности значительной части молодежи, мы имеем дело в реальности с двумя одновременно существующими формами «отказа от политики»: во-первых (к сожалению, в большинстве случаев), с обычной обывательской аполитичностью, а во-вторых, с бойкотом политики в той форме, в какой она навязывается молодежи. Второе – это уже вариант политического выбора. Почему вообще сегодня обо всем этом заходит речь? Дело в том, что политологи часто упускают из виду такой немаловажный факт, как мотивация отказа от участия в выборах и прочих демократических процедурах. Но рано или поздно такой «электорат» могут повести за собой различного рода экстремистские группировки людей, разuverившихся в парламентских способах политической борьбы.

В молодежном сознании (как и в общественном мнении в целом) все ниже оценивается и авторитет всех органов власти. 80 % опрошенных лесосибирских студентов не доверяют государственным учреждениям (включая правительство, парламент); 76,7 % – милиции, системе правосудия. Не может не насторожить и то, что часть молодежи как бы утратила «болевого порог» в восприятии темных и жестоких сторон жизни, а потому несколько отстраненно относится к ним. Полагаясь в основном на себя и на друзей, молодежь не надеется на государство. Думаю, что государство вряд ли может рассчитывать на чувство патриотизма, гражданской сознательности, поскольку «Родина в сознании молодых людей ассоциируется не с Россией, а с разросшимся государственно-бюрократическим аппаратом» [Осянин 2005 : 398].

Молодежь трезво оценивает отношение власти и общества к себе как безразличное или откровенно потребительское. Понятно, почему у большинства молодых людей установки на патерналистскую опеку со стороны государства и общества видоизменились, превратившись в ориентации на собственную самостоятельность.

Если все ныне обозначенные властью социальные меры в отношении населения, молодежи закончатся очередным провалом, «властвующая элита» потеряет поддержку значимого социального слоя в строительстве новой России.

Библиографический список и примечания

1. Дунаев, С. Антиполитика – выход для радикалов. Молодежь и вызов времени / С. Дунаев // Свободная мысль. – 1996. – № 7. – С. 15–17.
2. Карпухин, О.И. Самооценка молодежи как индикатор ее социокультурной идентификации / О.И. Карпухин // Социс. – 1998. – № 12. – С. 89–94.
3. Карпухин, И.О. Сделала ли молодежь свой выбор? (К проблеме социализации молодого поколения современной России) / И.О. Карпухин // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 4. – С. 180–193.
4. Кухтевич, Т.К. Мотивы самореализации в системе ценностей студентов: тезисы докладов I Всероссийской научной конференции. Сорокинские чтения 2004. Российское общество и вызовы глобализации. 7–8 декабря 2004 года. Т. 4 / Т.К. Кухтевич, О.В. Туманян. – М.: Альфа-М, 2005.
5. Осянин, А.Н. Проблема выбора молодежью ценностных предпочтений: тезисы докладов I Всероссийской научной конференции. Сорокинские чтения-2004. Российское общество и вызовы глобализации. 7–8 декабря 2004 года. Т. 4 / А.Н. Осянин. – М.: Альфа-М, 2005.
6. Ручкин, Б.А. Молодежь и становление новой России / Б.А. Ручкин // Социс. – 1998. – № 5. – С. 90–98.
7. Ручкин, Б.А. Молодежь как стратегический ресурс развития российского общества / Б.А. Ручкин, В.А. Родионов, А.В. Пыжиков // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 1. – С. 146–165.
8. Сернейчик, С.И. Факторы гражданской социализации учащейся молодежи / С.И. Сернейчик // Социс. – 2002. – № 5.
9. Соколова, В.М. Социология нравственного развития личности / В.М. Соколова. – М.: Политиздат, 1986. – 240 с.
10. Соколов, А.В. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества / А.В. Соколов, И.О. Щербакова // Социс. – 2003. – № 1. – С. 115–123.
11. Тарасов, А.Н. Есть ли будущее у молодежи. Молодежь и вызов времени / А.Н. Тарасов // Свободная мысль. – 1996. – № 7. – С. 21–26.
12. http://ihtik.lib.ru/sociology_1febr2006/sociology_1febr2006_513.rar
13. http://socis.isras.ru/SocIsArticles/2003_01/Sokolov_Sherbakova.doc
14. В 2004 году мы провели репрезентативное исследование в двух вузах г. Лесосибирска: ЛфСибГТУ (Лесосибирский филиал Сибирского технологического университета), ЛПИ КрасГУ (Лесосибирский педагогический институт Красноярского государственного университета). В ходе исследования по специальной анкете было опрошено 223 человека. Из них 91 являются студентами ЛфСибГТУ и 132 студента ЛПИ КрасГУ.

**К ВОПРОСУ О ЗОНАХ И ФОРМАХ
НЕКОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ И ДЕНОМИНАЦИЙ
В РОССИИ И МИРЕ**

В последние полтора века перед человечеством очень остро встала проблема преодоления интолерантности не только между религиями, но и между конфессиями и деноминациями в рамках одной религии. Не в последнюю очередь это связано с тем, что религиозная и конфессиональная картина мира становится все более пестрой, а насильственно устранить потенциальных конкурентов в мире, где действуют современные международные правовые нормы, права человека, невозможно. К тому же сходные трудности и проблемы, которые стоят перед разными религиозными объединениями, в одиночку им решить сложнее. Поэтому необходимо искать ненасильственные способы и формы взаимодействия на разных уровнях.

Христианство прошло двухтысячелетний путь развития. На сегодняшний день представлено четырьмя конфессиями (православной, римско-католической, лютеранской, реформатской) и несколькими деноминациями, возникшими в последние полтора века. В России же из-за элементарного невежества, к сожалению, очень стоек стереотип, что христианин – это непременно православный или, в крайнем случае, католик, а все остальные – это сектанты.

На современном этапе активно идет процесс формирования зон неконфликтного общения христианских конфессий. Такие зоны существуют на международном, региональном и местном уровнях, внутри конфессий, между ними.

На международном уровне

Всемирный Совет Церквей (ВСЦ). Это международное содружество христианских церквей, построенное на основе диалога и сотрудничества, руководящий орган экуменического движения, заключающегося в поиске путей восстановления единства Христианской Церкви. ВСЦ был создан путем слияния трех протестантских движений («Вера и порядок», «Жизнь и деятельность» и «Международный миссионерский совет») на I Генеральной ассамблее ВСЦ в Амстердаме в 1948 г. На сегодня эта организация объединяет 342 православных, протестантских и англиканских Церкви из более чем 120 стран мира. Сегодня среди членов ВСЦ присутствуют практически все Православные Церкви мира (в том числе Русская Православная Церковь), два десятка конфессий из числа исторически сложившихся Протестантских Церквей: англикане, лютеране, кальвинисты, методисты и баптисты, а также широко представлены другие объединенные и независимые Церкви.

Римско-католическая Церковь, не будучи членом ВСЦ, тесно сотрудничает с Советом на протяжении более 30 лет и направляет своих представителей на все крупные конференции ВСЦ, а также на заседания Центрального комитета и Генеральной ассамблеи. Папский Совет по Христианскому Единству назначает 12 представителей в комиссию ВСЦ «Вера и устройство» и сотрудничает с ВСЦ в подготовке материалов для местных общин и приходов, используемых во время ежегодной недели Молитвы о христианском единстве.

Сейчас ВСЦ впервые возглавляет африканец – методистский пастор из Кении, который вступил в должность генерального секретаря ВСЦ 1 января 2004 г. (избран 28 августа 2003 г.), сменив на этом посту доктора Конрада Райзера. В настоящее время ВСЦ официально не ставит своей целью построение «сверх-Церкви» или стандартизацию стилей богослужения; скорее, речь идет о более глубоком общении христианских Церквей и общин с тем, чтобы они могли увидеть друг в друге истинное воплощение «единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви». По словам Кобии, он планирует начать работу по улучшению отношений с Ватиканом. Среди других приоритетов своей деятельности во главе ВСЦ пастор Кобия видит развитие диалога между последователями различных религий.

Общество друзей Священного Писания (ОДП). Эмблема изображает горящий светильник (символ Св. Духа). Это светильник из 118-го Псалма: «Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей». «Общество друзей Священного Писания» – организация, известная на Украине как «В ідкрита Біблія», а на Западе как «Scripture Union». Основателем ОДП был Джозайя Спирс (1868 г.). Это интернациональная межконфессиональная организация, которая помогает конфессиям в евангелизации и укреплении веры в Иисуса Христа через различные виды служения (работа в воскресной школе, с молодежью, социальная помощь, распространение литературы духовного содержания и т. д.) во всем мире. ОДП действует в 140 странах из 240, насчитывающихся в мире. Работают обычно добровольцы из числа уроженцев данной местности. Очень сильно ОДП в Африке. Координатором ОДП по странам СНГ является Андрей Черняк. Отделения ОДП есть во многих регионах и городах России, но в Красноярске такого отделения пока нет.

Последние лет десять приоритетными полями деятельности ОДП является т.н. «окно десять – сорок» – территория от 10 до 40° северной широты: постсоветское пространство, мусульманские страны, индуистский мир. Христианство в страны Западной Азии проникает из пограничных стран Восточной Азии.

Сообщество студентов-христиан (ССХ). 17 августа 1895 г. был создан Всемирный союз христианских студентов, позже переименованный в ССХ. Его отделения есть по всей России, в т.ч. в Красноярске.

Вторая половина XX в. была отмечена бурным всплеском харизматического движения. Это движение шло под лозунгом обновления Христианской Церкви. Появление его во многом связано, с одной стороны, с «окаменением» традиционных конфессий, с другой – с потребностью верующих активно проповедовать Благоую Весть среди неверующих. В это время в харизматической среде Европы

появляются проводимые до сих пор «**Марши Иисуса**», участниками которых стали десятки и сотни тысяч христиан различных конфессий и деноминаций в разных регионах мира.

На региональном уровне

Следует отметить, что наиболее активно межконфессиональное сотрудничество в тех регионах мира, где еще недавно христианства не было, где сохраняются возможности для увеличения числа христиан за счет новообращенных. В странах Европы основным источником пополнения числа христиан является естественный прирост в христианских семьях. Дело в том, что в европейских странах, как правило, существуют давние, а в странах Скандинавии, Западной и Южной Европы – еще и непрерывные традиции христианства. Некоторые европейские страны вообще практически моно- или диконфессиональны, как, например, католические Франция, Испания, Италия, англиканская Великобритания, лютерано-католическая Германия, лютеранская Дания. Особо острой необходимости сотрудничать с другими конфессиями нет. Другое дело, постсоветское пространство, где приходится решать транспортные, кадровые, финансовые, правовые, национальные проблемы, а в одиночку их решить сложнее.

В последние десять лет, отмеченных испытаниями для населения нашей страны, христиане из различных конфессий в России все чаще обращаются к словам апостола Павла: «Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего званія; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас. Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова» (Еф. 4 : 4). Сотрудничество между конфессиями осуществляется при координации совместных действий для организации совместных проектов, поиска решения общих проблем, проведении межконфессиональных семинаров, конференций, экуменических молитвенных собраний, праздновании христианских праздников и юбилеев.

Межконфессиональные организации, конференции, евангелизационные, образовательные, информационные и другие проекты. В январе 1998 г. была зарегистрирована межконфессиональная организация **Межцерковное Партнерство**, которая реализует миссионерские и религиозно-просветительские программы сотрудничества православных, католиков и лютеран в Санкт-Петербурге.

Впервые эти программы были предложены Православным институтом миссиологии, экуменизма и новых религиозных движений, который начал свою деятельность в 1994 г. Их основная цель – способствовать решению общих для различных Церквей задач, к которым относятся:

- изучение религиозной ситуации в стране (конфессиональный спектр, интенсивность религиозной жизни);
- развитие структур религиозного образования и христианского просвещения;
- поиски новых форм евангелизации;
- анализ взаимоотношений общества и Церквей;

- анализ проблем церковной жизни и поиски их разрешения (конструктивные предложения);
- служение единству и миру, профилактика и преодоление конфликтов, имеющих религиозную окраску, противодействие всякому проявлению религиозной вражды. Создание Межцерковного Партнерства благословили Православный Митрополит, Католический и Лютеранский Архиепископы.

В Кураториум, определяющий основные направления и характер деятельности Партнерства, входят:

- профессора и преподаватели Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, Католической Семинарии «Мария – Царица апостолов», Католического колледжа Св. Фомы, Лютеранской семинарии Евангелическо-Лютеранской Церкви (ЕЛЦ), Санкт-Петербургского Университета;
- заведующие кафедрами религиоведения Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена, Русского Христианского гуманитарного института;
- настоятель прихода св. Екатерины Армянской Церкви.

Создаются и светские организации, на базе которых возможно неконфликтное межконфессиональное взаимодействие. Пример – открытый в г. Красноярске 12 декабря 2004 г. **Информационно-консультативный центр «Толерантность»**, который работает на добровольных началах.

Совсем недавно, 6–9 ноября 2004 г. в Новосибирске была проведена уже IX Сибирская конференция ОДП для детских и молодежных работников **«Возрастая в служении»**. Директор данной конференции ОДП – Татьяна Омельчук – православная.

Было около 30 участников, т. к. набор очень ограничен (по 2–3 человека от каждой церкви):

- Новосибирск (16 : «Преображение» (баптисты), «Краеугольный камень» (харизматы), СЕЛЦ (лютеране) и другие);
- Омск (8: баптисты и харизматы);
- Красноярск (3 : ЕЛЦ (лютеране));
- Барнаул (не менее 1 : ХЦ «Новая жизнь», харизматы);
- Шарыпово, п. Дубинино (2 : ЕХБ «Благодать»);
- Иркутск (3 : ЕЛЦ);
- Тобольск (1 : ЦЕХ «Благодать», баптистская);
- Душанбе (2).

На этой конференции два представителя ЕХБ «Благодать» из Дубинино, предложили представителям различных городов и конфессий совместными усилиями с ЕХБ построить стационарный христианский лагерь (базу) на берегу озера в Шарыповском районе с тем, чтобы общины христианских конфессий и деноминаций могли проводить там конференции, лагеря и др. мероприятия. Земельный участок администрация Шарыповского района в соответствии с новыми поправками к закону о земле уже выделила бесплатно и в бессрочную аренду. Если этот затратный проект удастся, то ЕХБ построит рядом с базой детский приют. Также было сделано приглашение к участию в очередном лет-

нем палаточном лагере 2005 г. и четко оговорены условия участия. В Новороссийске такая межконфессиональная христианская база уже существует, председатель ее – баптист.

Нередко можно услышать о проблеме прозелитизма, о борьбе за паству, особенно между РПЦ и Римско-католической Церковью в России. Эта проблема действительно существует. Но следует учесть, что причины переходов, их массовость и направления могут быть самыми разными и, соответственно, отношение к ним тоже может быть разным в каждом конкретном случае. Когда же речь заходит о евангелизации неверующих, то христианские конфессии и деноминации часто помогают друг другу, считая, что главное – это все-таки спасение души, а не то, за какой церковью числится человек и куда он жертвует часть своего дохода. Вот только несколько примеров из последних таких акций и мероприятий.

В августе 2003 г. в Красноярске на площади перед Театром оперы и балета состоялся **евангелизационный концерт**, организованный силами «Виноградника» и «Церкви Христианской Жизни».

Осенью 2003 г. по всей России стартовал **евангелизационный проект «Надежда есть»**, в рамках которого показывали христианские фильмы. В Красноярске один из таких фильмов – «Восхождение» – показывали в кинотеатре «Луч». Проект организовали баптисты при поддержке других протестантов. Так, например, в Омске в проекте участвовали лютеране ЕЛЦ Сибири, Урала и Дальнего Востока.

26–29 августа 2004 г. в Красноярске состоялся Международный мессианский фестиваль еврейской музыки и танца во дворце им. Ивана Ярыгина. Участниками его стали фолк-группа «Кол Симха», протестантская рок-группа «Новый Иерусалим». Организатором его выступило КМРОЦХВЕ «Слово Жизни» и американская организация «Еврейский голос». На концерте мессианский раввин Джонатан Бернис обращался к собравшимся с проповедью. Фестиваль завершился молитвой, в которой каждый молящийся признавал себя последователем Иешуа (Иисуса). Активно подключились к подготовке фестиваля и работали добровольными сотрудниками представители харизматических церквей. Среди пришедших на фестиваль было много молодежи местной лютеранской общины ЕЛЦ, «Виноградника», «Церкви Христианской Жизни», «Нового поклонения».

Российское Библейское Общество (РБО) (баптистская организация) с центром в Новосибирске неоднократно обращалось за помощью (и получало ее) в осуществлении своих проектов (издание библий для слепых, обеспечение набором христианской литературы сельских библиотек Красноярского края и т. д.), в том числе и к лютеранской общине г. Красноярска.

НП Межцерковная образовательно-просветительская организация «Апостольский город – Невская перспектива». Эмблема, как и у ОДП, изображает горящий светильник (символ Св. Духа). Основные цели деятельности (согласно Уставу существующей московской организации): «оказание содействия в возрождении христианских культурных и духовных ценностей, духовно-

нравственного воспитания личности на основе христианской морали». Члены общества – в основном православные и протестанты.

Данная организация занимается проведением чтений Св. Писания в межконфессиональных группах; просветительской деятельностью в области отношений между супругами; бесед на семейные темы в различных приходах по приглашению пастырей; супружеских семинаров. Она также участвует в семинарах и предприятиях, организуемых другими обществами, с которыми есть контакт, например, **Христианской Семейной Школой** (межконфессиональная организация, зарегистрирована в Риге и имеет филиал в Москве, где занимается просветительской деятельностью среди супружеских пар). В перспективе планируются развитие просветительской деятельности по изучению основ христианской морали, подготовка учителей не только для воскресных церковных школ, но и для преподавания Закона Божия в общеобразовательных школах.

Появились и межконфессиональные СМИ, к числу которых относятся **межконфессиональная радиостанция «Теос»** (в Санкт-Петербурге, радиовещание на частоте 1089 кГц ежедневно с 8.00 до 24.00) и **межконфессиональный телеканал «Союз христиан»** (в Санкт-Петербурге).

12 марта 2004 г. в Москве впервые прошел межконфессиональный молитвенный завтрак женщин-христианок. В нем приняло участие несколько десятков представителей различных протестантских деноминаций, также несколько человек было от католической церкви и одна православная монахиня. Завтрак проходил в конференц-зале кофейни «Бриз». Организаторами этого мероприятия выступили Центр Библейского просвещения и женский христианский журнал «Сестра». В завершение руководитель межконфессионального служения «Горящая свеча» (Ростов-на-Дону) Евгения Карбышева предложила создать **координационный молитвенный межконфессиональный центр** в Москве и женские межконфессиональные комитеты в регионах России.

В Новосибирске с 2003 г. харизматические церкви («Древо жизни», «Краеугольный камень» и др.) раз в месяц молятся за город и его нужды: за дороги, за власти, за освобождение от алкогольной зависимости и т. д. И приглашают к сотрудничеству другие христианские конфессии и деноминации.

В 2002 г. епископ ЕЛЦГ Герт Хуммель инициировал создание **«Межконфессиональной рабочей группы»**, состоящей из представителей четырех традиционных для Грузии христианских церквей – Армянской апостольской, Евангелическо-лютеранской, Римско-католической и Церкви евангельских христиан-баптистов. «Межконфессиональная рабочая группа» выработала и издала на русском и грузинском языках «Экуменическую хартию», организовала чтение цикла лекций по истории каждой из четырех конфессий. Также ежегодно проводились совместные экуменические богослужения, а в Страстную пятницу 2003 и 2004 гг. состоялся крестный ход с молебнами, в котором приняли участие представители всех христианских церквей.

Межконфессиональные богослужения. Поводом для дружеского сотрудничества трех конфессий – католической, православной, лютеранской – стал юбилей Св. Адальберта – монаха-бенедиктинца из Праги, миссионера и муче-

ника, убитого в 997 г. Для подготовки и проведения 1000-летнего юбилея в Калининградской области 30 января 1997 г. в Балтийске был создан Фонд Св. Адальберта. Вице-президентами фонда стали Ежи Штекевич (священник католической общины Св. Адальберта в Калининграде) и Петер Виттенбург (пропст ЕЛЦ в Калининградской области). 2 мая 1997 г. праздник был открыт экуменическим богослужением трех христианских конфессий в бывшем евангелическо-лютеранском соборе Калининграда. Юбилейные празднования 2–4 мая совпали со временем православных пасхальных празднеств. Для лютеран же Восточная Пруссия имеет особое значение, т. к. эта область еще за пять лет до принятия Аугсбургской конфессии 1525 г. стала евангелическим епископством, а также местом службы первого лютеранского Епископа мира. Позже фонд планирует построить маленькую часовню, где могут молиться вместе все христиане: лютеране, католики, православные. Праздновали юбилей святого также в местах его деятельности – в Польше, Германии, Чехии, Венгрии, Риме.

31 октября 2002 г. (в День Реформации) в Красноярске проходило совместное лютеранское богослужение, в котором приняли участие прихожане общин ЕЛЦИ и ЕЛЦ Сибири, Урала и Дальнего Востока. Интересно, что идею согласовать литургию и провести совместное лютеранское богослужение в 2001 г. на День Реформации предложил не кто иной, как о. Антоний Бадур, священник при католическом приходе «Преображения Господня».

8 февраля 2004 г. в Красноярске состоялось очередное межконфессиональное богослужение «Молитва о единстве христиан». Традиционно участие в ней принимают католическая церковь, две лютеранские церкви (ЕЛЦИ и ЕЛЦИР) и несколько протестантских деноминаций города («Виноградник», «Новое поколение», «Церковь Христианской Жизни», «Эммануил»). Молитва проходила не в костеле, как бывает обычно, а в помещении, которое арендует для своих богослужений «Новое поклонение». Новыми участниками в этом году стали адвентисты. Православная церковь пока ни разу не выразила своего согласия на участие в этом мероприятии, хотя ее приглашают ежегодно.

Неформальное межличностное межконфессиональное общение и взаимодействие. Еще несколько лет назад встречи между священниками различных конфессий были регулярными (раз в месяц) и происходили на одной из общинных квартир. Между собой общались и католические, и лютеранские священнослужители. Там был даже один православный священник. Сейчас эти встречи временно прекращены.

В библиотеку и книжный магазин при молитвенном доме ЕХБ «Благодать» Красноярска приходят христиане различных конфессий и деноминаций. На библейские чтения или иные занятия к баптистам этого направления при желании может записаться и прийти любой христианин. На регулярные киносеансы, которые устраивались сначала в здании расположения общины ЕЛЦИ в Красноярске, а потом «кочевали» по квартирам членов харизматической церкви «Виноградник», может прийти представитель любой конфессии или деноминации.

Католики и лютеране (ЕЛЦИ) Красноярска неоднократно вместе ходили в Саяны. Лютеранская и католическая молодежь Красноярска несколько лет назад вместе смотрела фильм «Франциск Ассизский» и дискутировала по этому поводу.

Иногда бывает и так, что родители и дети принадлежат к разным конфессиям. Принадлежа со своими детьми к одной и той же конфессии (например, римско-католической), родители могут отправить своего ребенка на молодежное собрание или в лагерь, организуемый другой конфессией (например, лютеранской). Часто идентифицируя себя с конкретной конфессией или деноминацией, верующие посещают богослужения других конфессий или деноминаций. Так, например, когда протестантам не хватает таинств, обрядовости, есть какие-то другие духовные потребности, то они посещают богослужения в православном храме или в костеле.

В целом можно проследить тенденцию ко все большей открытости конфессий друг к другу и к укреплению отношений сотрудничества и взаимного уважения между конфессиями и деноминациями. Неконфликтное межконфессиональное сотрудничество может стать основой не только для решения многих межконфессиональных проблем, но и духовного оздоровления России и воспитания толерантности и формирования своего позитивного образа в обществе. Но, к сожалению, огромные возможности для межконфессионального сотрудничества в России еще не задействованы в полной мере, в том числе и в Красноярском крае, а государственные структуры занимают часто выжидательную позицию: не препятствуют таким инициативам, но и не торопятся в них активно включиться.

**ТЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ
СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА И ВЕРУЮЩИХ В СБОРНИКЕ «РЕ-
ЛИГИЯ И ВЛАСТЬ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. 1917–1991 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)»**

Для современной исторической науки характерен интерес к исследованию опыта государственно-конфессиональных отношений в советский период отечественной истории. Решение обозначенных задач осложняется сегодня тем обстоятельством, что предметный анализ невозможен без введения в научный оборот дополнительных источников, главным из которых является комплекс архивных документов. В 2001–2003 гг. группой составителей была подготовлена рукопись сборника «Религия и власть в советский период отечественной истории. 1917–1991 гг. (На материалах Красноярского края)», восполняющая этот пробел.

В ходе работы над сборником (Т. 1., 1917–1941 гг.) авторы не могли обойти стороной и тему политических репрессий. Известно, что строительство нового советского государства затронуло все сферы общественной жизни, в т.ч. и идеологическую, которую официальное руководство стремилось взять под свой тотальный контроль и подчинить целям построения «нового общества» и формирования «нового человека».

Развитие общественной жизни шло в определенных государством границах, терялись ее спонтанность, независимость. Из сферы интересов населения исключались целые пласты, и в первую очередь религия, т. к. основой представлений об устройстве и развитии общества в дореволюционной России являлось именно религиозное мировоззрение. Взамен навязывалась единая идеология, базирующаяся на марксистской теории.

Когда государство именно в религиозных организациях и верующих увидело в 1920–1930-е гг. прямую угрозу установлению своей идеологической диктатуры, перед ним встала задача любыми средствами сохранить контроль над сознанием и поведением населения и свести на нет влияние конфессий. История показывает, что на практике это осуществимо не только посредством воздействия на «внутренний» мир человека с помощью идеологического манипулирования его сознанием и поведением, но и благодаря внешнему физическому принуждению.

В ходе работы над сборником был выявлен комплекс документов, связанных с репрессиями. Фрагменты из документов карательных органов 1920-х гг. будут опубликованы в сборнике.

Документы тех лет свидетельствуют, что аресты духовенства в это время не были массовым явлением. Но говорить о соизмеримости мер принуждения вине

обвиняемого также нельзя. Обвинения были стандартными – антисоветская деятельность, подготовка и проведение вооруженных контрреволюционных выступлений, созыв нелегальных съездов, нарушение декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.

К сожалению, документы карательных органов 1920-х гг. не дают цельного представления о масштабах репрессий, не отражают в полной мере карательной практики административных органов власти губернии и не позволяют судить о степени вины подозреваемых, о достоверности собранных доказательств.

Можно говорить однозначно, что среди священников в 1920-е гг. были действительные враги Советской власти. Но значительная часть дел была сфабрикована, т. к. оценка показаний свидетелей в подавляющем большинстве случаев не соответствовала действительности: она была либо сугубо произвольной, не вытекавшей из существа дела, либо оказывалась заранее предрешенной.

Анализ судебных дел свидетельствует, что в них фигурировали два вида доказательств: собственные «признания» обвиняемых и показания свидетелей. Так как духовные лица не признавали своей вины, большинство этих дел начиналось и заканчивалось анонимками, доносами соседей и знакомых, которые чаще всего просто сводили личные счеты. Часто органы власти, осознавая некорректность данных действий, пытались выдать постановления о лишении духовных лиц свободы за волю народа – за решения сельского общества. Имелись случаи, когда духовные лица поступали в лагерь во внесудебном порядке, минуя обычные процессуальные нормы.

Написание свода статей для сборника о репрессированных служителях культа и верующих Енисейского региона 1930-х гг., а также тех, кто отбывал на ее территории ссылку или находился в лагерях, показывает, что в 1930-е гг. аппарат политической юстиции работал отнюдь не только против совершивших действительные преступления. В соответствии с учением о диктатуре пролетариата представители эксплуататорских классов, в т.ч. служители культа, стали в конце 1920 – начале 1930-х гг. именоваться, даже в официальных документах, «бывшими людьми». Поэтому именно они стали воображаемыми «врагами», хотя эти люди уже и не представляли реальной опасности для государства.

Массовые репрессии против духовенства продолжались в течение всех 1930-х гг. и закончились только с началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Юридические основания для репрессий в большинстве случаев вообще отсутствовали, а центр тяжести был смещен к показаниям (признаниям) самих обвиняемых. Необходимо отметить, что обвинения были стандартны: их обвиняли не только в ведении контрреволюционной агитации, но и создании повстанческих групп и сокрытии своего социального происхождения: здесь была важна их принадлежность к той или иной социально-политической организации. Поэтому и поиски «истины» были специфическими: в отношении служителей культа приговоры никем не ставились под сомнение, в том числе и самими обвиняемыми.

Написание свода стало возможно благодаря кропотливой работе сотрудников Красноярского отделения общества «Мемориал». Особенно хочется выразить

благодарность В. Г. Сиротинину за предоставленные материалы. Также нельзя забывать о помощи, оказанной автору и сотрудникам «Мемориала» в подготовке этих материалов студентами исторического факультета КГПУ.

Небольшие по объему справочные статьи включают в себя биографии, а также ход уголовного процесса и обвинения. Статьи основаны на документах карательных и судебных органов. Многие из них написаны со слов очевидцев тех событий и показывают факты героизма, борьбы за сохранение веры, помогавшей переносить то, что в нормальных условиях кажется невозможным.

Наша общая работа не претендует на полноту освещения судеб священников. Она скорее пробуждает народную память. Ведь народ, который забудет своих предков, – погибнет, а Церковь, которая забудет о мучениках за веру, – не будет иметь основания.

При составлении биографий применяется язык справочников. В некоторых случаях приводятся выдержки из документов и воспоминаний. Внизу обязательны ссылки на источники получения данной информации. Хотя в следственных и личных делах почти всегда указана национальность данного человека, в нашем своде мы информации не даем.

Составители данных статей понимают, что начатое дело далеко не завершено и требует продолжения. Поэтому надеемся на реальную помощь в поиске информации о репрессированных служителях культа и проведение совместных с Культурно-историческим и музейным комплексом, Красноярским государственным педагогическим институтом полевых экспедиций по сбору воспоминаний и сведений.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.Н. Фалалеев

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВУЗОМ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Вступление мирового сообщества в XXI в. характеризуется рядом важнейших особенностей, оказывающих существенное влияние как на жизнедеятельность страны в целом, так и на ее отдельные сферы, где одно из ведущих мест объективно занимает система образования. К ряду таких особенностей относятся всеобщее развитие информационных технологий, усиливающийся процесс глобализации, который формирует всемирное хозяйство как целостный организм, углубляет международное разделение труда, расширяет демографические и социокультурные связи между странами и народами. Этот процесс охватывает и систему образования, породив такое новое понятие, как «глобализация образования» [Вульфсон 2005 : 20–34].

В условиях возрастающих темпов научно-технического прогресса все это решающим образом повышает значимость человеческого фактора, роль человека в экономическом и социальном развитии общества. А это, в свою очередь, предъявляет повышенные требования к качественно значимым свойствам самой личности как главного объекта и субъекта общественного прогресса. Сюда прежде всего относятся такие характеристики, как образовательная и профессиональная подготовка, морально-этическая зрелость человека.

В конечном счете все общественные институты призваны подчинять свою деятельность накоплению и развитию человеческого потенциала. Не случайно ООН в качестве обобщающего критерия при определении рейтинга стран в мировом сообществе выдвинула ИРЧП – индекс развития человеческого потенциала, включая в него такие показатели, как уровень образованности населения, средняя продолжительность жизни в стране, величина ВВП на душу населения. К великому сожалению, Россия ныне оказалась в этом рейтинге даже за пределами шестого десятка стран.

Радикальные социально-экономические преобразования в стране, наряду с некоторыми позитивными сторонами, крайне негативно сказались на основных показателях качества жизни россиян, включая и такое направление, где мы традиционно занимали лидирующее место в мире, как развитие образования.

Не в последнюю, если не в первую, очередь такие последствия явились результатом недостаточно, если не сказать ошибочно, выстроенной теоретической основы социально-экономического переустройства общества, поскольку расчет на некий «автоматизм» в самоорганизации рыночной конкуренции фактически обернулся уходом власти от решения реальных проблем реформ [Журавлев и др. 2004].

В итоге ни один из прогнозов российских реформаторов не оправдался. Таких провалов практика экономического прогнозирования еще не знала. Например, предполагалось перед либерализацией цен, что удастся достигнуть стабилизации при трехкратном повышении их общего уровня. Они выросли фактически в тысячи раз, а необходимой стабилизации все еще нет. Прогнозировался рост обменного курса доллара не выше 250 %, а он лишь за полтора года вырос в 250 раз. Предполагался за счет массовой приватизации предприятий быстрый рост эффективности производства, а на практике под ее воздействием произошли беспрецедентный его спад, разрушение производственного потенциала страны, превысившие масштабы потерь за годы Великой Отечественной войны.

Избежать или, по крайней мере, существенно минимизировать потери от радикальных реформ можно было бы при более взвешенном выборе теоретических оснований для их реализации, при более глубокой проработке самой стратегии их проведения, включая определение общей долговременной цели дальнейшего развития страны, определение важнейших показателей выделенных на этом пути этапов с обеспечением требуемой ресурсной поддержки. Однако и по прошествии полутора десятка лет со дня начала реформ для наших сограждан нет даже достаточно четко сформулированной цели развития общества в среднесрочной и долгосрочной перспективе, не говоря уже об установлении более конкретных параметров реализации самой цели.

Часто упоминаемая на разных уровнях властных структур необходимость удвоения к 2010 г. ВВП, во-первых, уже поставлена под сомнение даже со стороны самих руководителей экономических ведомств страны, а во-вторых, для большинства членов общества величина ВВП предстает достаточно абстрактной категорией, рост которой совсем не обязательно сопровождается соответствующим повышением качества их жизни [Анализ современного состояния... 2005]. А значит, и стимулирующее воздействие идеи удвоения ВВП на мобилизацию творческого потенциала россиян вряд ли можно считать существенным.

Даже беглый взгляд на сложившуюся практику управления радикальными преобразованиями в стране дает большие основания считать, что здесь нарушен целый ряд основополагающих принципов стратегического управления, а в итоге сами теория и практика стратегического управления подверглись такой деформации, что это не могло не обернуться многими негативными последствиями.

Всесторонний анализ этого опыта, выявление причин допущенных просчетов, определение путей их устранения в настоящем и недопущения в будущем сохраняют свою актуальность как для представителей различных областей научного знания, так и для управленцев самого разного уровня и сфер деятель-

ности, а особенно для тех, кто свою деятельность стремится строить в русле такого понятия, как стратегическое управление, масштабы и области применения которого заслуженно получают ныне все большее развитие, будь то рамки СНГ [Зиядулаев 2005 : 29–34], отдельных регионов страны [Стратегия социально-экономического развития Красноярского края на... 2004] или конкретных звеньев той или иной сферы общества, как, например, образование.

В современных условиях значимость стратегического управления возросла настолько, что при подготовке специалистов в области управления все чаще выделяется такое направление, как стратегический менеджмент, и в качестве специальной учебной дисциплины ведется курс «Стратегическое управление» [Веснин 2004 : 328; Зуб 2002].

В чем сущность стратегического управления, специфика его организации и практического осуществления? В самом общем виде стратегическое управление представляет собой деятельность по разработке и реализации долговременной программы развития соответствующего объекта. К ряду определяющих характеристик стратегического управления относят:

- упреждающий характер управления, исходя не из специфики сиюминутной ситуации, а из прогноза внутренних и внешних условий и возможных угроз в будущем;
- определение на этой основе миссии, цели и задач развития;
- разработку соответствующих им организационной структуры и системы управления, определение этапов и адекватных критериев достижения поставленной цели.

Важной особенностью стратегического управления является непрерывный мониторинг меняющихся условий внутренней и внешней среды, предполагающий в случае накопления в них определенной критической массы необходимость оперативно реагировать на это, внося коррективы в те или иные составляющие процесса стратегического управления, не меняя ранее принятую общую направленность стратегии.

Факторы, обуславливающие это, можно квалифицировать как:

- естественные (стихийные бедствия, массовые эпидемии, демографические провалы и пр.);
- политические, резко меняющие соответствующую ситуацию в стране, регионе;
- экономические (изменение условий и масштабов получения финансовых ресурсов, обострение конкуренции на соответствующем рынке и пр.);
- технологические (массированное появление и внедрение в практику новых видов техники и технологий);
- социальные (обострение социальных конфликтов).

С учетом специфики объекта стратегического управления степень воздействия каждого из факторов, как и их совокупности в целом, может существенно различаться, что определяет и соответствующую меру корректировки его стратегии.

Практика стратегического управления берет начало с 70-х гг. XX в. и первоначально применялась в таких американских кампаниях, как «Дженерал Электрик», «Кока-кола», «Техас Инструментс». А в начале 80-х гг. методы стратегического управления уже использовались почти половиной американских корпораций.

В СССР в несколько адаптированном виде идеи стратегического управления получили реализацию в комплексных программах, как, например, Продовольственная или Комплексная программа развития производительных сил Красноярского края и т. п.

В современной России переход от традиционных методов к стратегическому управлению превратился в острую необходимость. И в решающей степени это обусловлено формированием в стране рыночных экономических отношений, возникновением и обострением проблемы поддержания конкурентоспособности целых отраслей производства и их отдельных звеньев в условиях быстро меняющейся экономической конъюнктуры.

Ныне сдерживающими факторами на пути тотального использования стратегического управления выступают еще недостаточная развитость рыночных отношений, дефицит необходимой организационной культуры у значительной части управленцев, как и у других представителей сферы управления, ограниченность маркетинговой информации, кадров, обладающих стратегическим мышлением, и ряд других.

Несмотря на эти ограничения, процесс стратегического управления ныне «набирает обороты», охватывая все новые сферы достаточно эффективного применения [Карпова 2004 : 61–65]. Не стала исключением здесь и система образования, в частности и особенно высшего профессионального, которое представляют вузы [Карамуразов, Жураковский 2004 : 22–36].

Стимулировали это: лавинообразный поток информации, темпы нарастания которой усиливаются с каждым годом, внедрение рыночных экономических отношений практически во все звенья системы российского образования, создавшие для них жесткую конкурентную среду, активно продвигаемая на разных уровнях правящих структур идея реформирования отечественного образования, необходимость которого наряду с изменившимися объективными условиями также тесно увязывается с вхождением России в так называемый Болонский процесс [Давыдов 2005].

Одним из пионеров распространения практики стратегического управления в российских вузах стал Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (далее КГПУ), где 30 марта 2005 г. ученым советом вуза была принята Стратегия развития КГПУ до 2010 г.

Было бы наивно считать, что такой серьезный шаг в деле совершенствования процесса управления вузом стал результатом внезапного озарения кого-то из членов ректората или других представителей коллектива. Такому решению, определяющему стратегическую цель, миссию, основные направления развития университета на достаточно значительный период его жизнедеятельности, предшествовал целый ряд весьма значимых акций подготовительного характе-

ра. В этот период не только разрабатывались методологические и методические основы целостной Стратегии, содержание ее главных составляющих, но и, что не менее, если не более, важно, в самом коллективе велась целенаправленная работа по созданию конструктивного психологического климата по принятию идеи стратегии развития вуза и творческому участию в ее разработке максимально большего числа работников университета.

Объективности ради следует заметить, что первоначально необходимость разработки и принятия Стратегии далеко не однозначно была воспринята в коллективе, и лишь постепенно эта идея, как принято было говорить в прошлом, «овладела массами». В немалой степени этому содействовал имевший место прежний опыт разработки в вузе ряда важных программных документов [Фалалеев 2004 : 157–166]. В их числе «Программа информатизации КГПУ», принятая в 2000 г., «Концепция и Программа обновления профессионально-педагогической подготовки учителя в КГПУ» (2002 г.), «Концепция и Программа измерения качества профессионально-педагогической подготовки учителя в КГПУ» (2003 г.).

Важно отметить, что определение направленности и разработка содержания этих программ велись не узкоколежно, а при участии значительной и наиболее творческой части профессорско-преподавательского состава вуза под руководством ректората. На разных этапах готовности документов их проекты широко обсуждались в различных структурных звеньях университета, а перед принятием на ученом совете они проходили окончательную экспертизу на соответствующих его постоянных комиссиях. Периодически ход их выполнения в обязательном порядке ставится на обсуждение на кафедрах, советах факультетов и институтов, ученом совете университета, что позволяет вносить коррективы в механизм их реализации.

Опыт разработки конкретных программ по важным направлениям деятельности вуза сыграл роль своеобразной стартовой площадки для развития этого процесса, но уже на качественно более высокий уровень, что и представляет переход к стратегическому управлению вузом, проявлением которого и являются разработка, принятие и реализация Стратегии развития КГПУ.

Поскольку стратегическое управление вузами еще находится на начальном этапе развития, целесообразно, на наш взгляд, обозначить некоторые элементы механизма перехода к этому процессу.

Конкретная работа по определению основных параметров Стратегии началась с первых дней 2003–2004 учебного года, когда приказом ректора для этой цели была создана рабочая группа в количестве более 20 человек. В течение почти двух месяцев регулярно и зачастую в очень острой полемической обстановке проходили заседания рабочей группы. В ходе этих дискуссий в конечном счете были определены некоторые исходные позиции для последующего определения самой стратегии развития университета.

Результаты деятельности рабочей группы позволили подготовить все необходимые условия для общеуниверситетского двухдневного выездного семинара по определению главных направлений стратегии развития КГПУ, который и был

проведен в октябре 2003 г. Его регламент включал общие пленарные заседания и отдельные по трем рабочим группам: аналитической, содержания образования, структуры управления вуза. Участниками семинара были все члены ректората, деканы и директора институтов, заведующие кафедрами.

На первом этапе работы семинара на его пленарной части участникам был представлен ряд установочных докладов. Так, автор данной статьи, как руководитель одной из рабочих групп, выступил с докладом «Экономика и управление вузом в условиях глобализации и модернизации». Затем каждая из рабочих групп определяла свои аспекты наиболее значимых составляющих общей стратегии развития вуза, а также оценивала ресурсы, обеспечивающие реализацию этой стороны стратегии.

Представляется важным, что в ходе семинара (и это затем нашло отражение в самой Стратегии) была определена необходимость оптимизации структуры управления вузом с целью устранения дублирования в ряде его звеньев, ликвидации неработающих, хотя и затратных структур, более последовательного внедрения новых технологий управления вузом и образовательным процессом, усиления мотивации творческого подхода к решению задач повышения качества подготовки специалистов, создания реальной конкурентной среды, способствующей более полному проявлению потенциала каждого работника, пропаганды успеха, создания общеуниверситетского образовательного стандарта и т. д.

Особо выделялась необходимость отражения в стратегии такой новой реальности, как возрастающая значимость университета как важного звена в системе рыночных экономических отношений и вытекающей отсюда необходимости адаптации к условиям растущей конкуренции на рынке соответствующих образовательных услуг, а также повышения каждым членом коллектива уровня своей экономической культуры. Подчеркивалось при этом, что конкурентоспособность вуза следует обеспечивать не только за счет высокого качества подготовки выпускников по традиционным для КГПУ педагогическим специальностям, но и за счет специалистов иного профиля, что предполагает высокую управленческую мобильность вуза в целом и его соответствующих звеньев.

В стратегию были заложены идеи превращения вуза в значимый в условиях Сибири научно-образовательный центр с высокими масштабами научной деятельности как в содержательном, так и в денежном выражении.

В обобщенном виде итоги работы семинара, как и ряда других оперативных акций по подготовке главного программного документа, в течение 2003–2004 гг. были в итоге воплощены в Стратегии развития КГПУ, которая после заинтересованного обсуждения на ученом совете 30 марта 2005 г. получила официальное утверждение.

Нетрудно представить, что этим актом отнюдь не завершается процесс стратегического управления вузом, а скорее только начинается, поскольку важно не только и не столько подготовить и оформить Стратегию развития вуза, а главное – обеспечить ее эффективную реализацию. Этому ныне и подчинена вся управленческая деятельность в университете, на это нацелен и каждый его работник.

Важным элементом механизма реализации Стратегии теперь становятся создаваемые в каждом подразделении вуза среднесрочные и долгосрочные программы ее практического выполнения применительно к специфике этого звена вуза. Установлены периодичность и формы контроля со стороны ректората за этим процессом.

Если говорить о трудностях и проблемах, которые стоят на этом пути, то, на наш взгляд, здесь имеются два главных сдерживающих фактора, способных минимизировать эффект на пути практического воплощения в жизнь идей Стратегии развития КГПУ. Во-первых, уже набивший оскомину от многократных упоминаний и ставший неотъемлемым признаком любого образовательного учреждения, как и всей системы в целом, дефицит финансовых ресурсов, являющийся следствием издавна применяемого к ней пресловутого остаточного принципа финансирования. А этот «принцип» является отражением порочного теоретического постулата об образовании как о непроизводительной, т. е. чисто затратной, сфере общества.

В этой связи уместно вспомнить слова одного из патриархов советской и российской экономической науки академика Н.П. Федоренко, который в своем фундаментальном труде «Россия на рубеже веков» обоснованно утверждал: «Затраты на воспитание, образование, спорт, здравоохранение и все другие инвестиции в человека должны рассматриваться не как непроизводительное потребление, а как инвестиции, дающие непосредственный хозяйственный эффект и в конечном счете обеспечивающие прирост национального богатства» [Федоренко 2003 : 727].

Однако пока эти идеи еще не стали руководством для наших финансовых структур и их лидеров по опережающему или хотя бы нормальному нормативному финансированию системы российского образования, подтверждением чего служит тот факт, что, например, из федерального бюджета КГПУ получает такой объем средств, что они в лучшем случае покрывают 40–50 % текущих нормальных потребностей вуза, не говоря уже о формировании здесь бюджета развития. Естественно, что возникающий в таких условиях дефицит финансовых ресурсов для обеспечения функционирования, а тем более развития вуза приходится компенсировать за счет внебюджетной деятельности. Вот тут-то и проявляется с достаточной остротой второй негативный фактор, представляющий серьезное препятствие для успешной реализации Стратегии развития вуза.

Дело в том, что все ее разделы, касающиеся повышения качества подготовки специалистов, развития научной, учебно-методической, воспитательной работы, получают широкое понимание и поддержку в коллективе. Но что касается проблем, связанных с включением университета в рыночные экономические отношения, необходимостью активно заниматься привлечением внебюджетных средств, непосредственно участвовать в поддержании высокой конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг и более того – на рынке труда, то здесь в коллективе уже нет полного единства мнений. У определенной его части еще сохраняется убеждение, что образование как общественное благо и рынок абсолютно несовместимые понятия.

Поэтому в полной мере сохраняется актуальность проблемы экономического образования и воспитания членов коллектива, формирования рыночного экономического мышления. Это лишний раз подчеркивает актуальность, своевременность перехода к стратегическому управлению как качественно новому уровню руководства и необходимость решительного отказа от всяких элементов стихийного характера управления, что в XXI в. абсолютно несовместимо с объективными условиями функционирования любого сколько-нибудь сложного социально-экономического организма, каковым и является ныне КГПУ.

Большая значимость перехода к стратегическому управлению в вузах России нашла официальное подтверждение, поддержку со стороны Министерства образования и науки РФ, в частности, в докладе министра А. Фурсенко на расширенной коллегии 12 октября 2005 г. «О реализации приоритетных национальных проектов в сфере образования», где в ряду 9 критериев поддержки инновационных программ высшего профессионального образования в рамках национальных проектов была выделена разработка вузом «Стратегической программы развития» [<http://www.scienceref.ru>].

Библиографический список

1. Анализ современного состояния экономики России // Российская экономика: прогнозы и тенденции. – 2005. – № 2.
2. Веснин, В.Р. Стратегическое управление: учебник / В.Р. Веснин. – М.: ТК Велби, изд. Проспект, 2004. – 328 с.; Зуб А.Т. Стратегический менеджмент. Теория и практика / А.Т. Зуб. – М., 2002.
3. Вульфсон, Б.Л. О сущности и формах проявления этого процесса. Глобализация и образование // Известия Российской академии образования. – № 1. – М., 2005.
4. Журавлев, Г.П. Какой учебник по экономической теории нужен высшей школе. / Г.П. Журавлев, Д.С. Львов, Н.Я. Петраков, А.Н. Добрынин // Вопросы экономики. – 2004. – № 2.
5. Давыдов, Ю.С. Болонский процесс и российские реалии / Ю.С. Давыдов. – М.: РАО, 2004.
6. Зиядулаев, Н. СНГ в глобальной экономике: стратегия развития и национальная безопасность / Н. Зиядулаев // Мировая экономика и международные отношения. – 2005 – № 4. – С. 29–34.
7. Зуб, А.Т. Стратегический менеджмент: теория и практика / А.Т. Зуб. – М., 2002.
8. Карпова, И.А. Стратегические ориентиры молодежи в современном российском обществе / И.А. Карпова // Будущее молодежи в Сибири. Молодежь и социум. – Красноярск, 2004. – С. 61–65.
9. Козырев, В.А. Высшее образование России в зеркале Болонского процесса / В.А. Козырев, Н.Л. Шубина. – СПб.: РГПУ, 2005.
10. Сангадиева, И.Г. Стратегическое управление социально-экономическим развитием региона / И.Г. Сангадиева. – М.: Изд-во МАИ, 2004.
11. Стратегическое планирование и стратегический менеджмент в университетском комплексе / Б.С. Карамуразов, В.М. Жураковский // Организация непрерывного профессионального образования в университетском комплексе. – Нальчик, 2004. – С. 22–36.

12. Стратегия социально-экономического развития Красноярского края на 2004–2010 гг. – Красноярск, 2004.
13. Фалалеев, А.Н. Совершенствование управления вузом в период модернизации российского образования / А.Н. Фалалеев // Экономика, психология, бизнес. – Красноярск. – 2004. – № 2. – С. 157–166.
14. Федоренко, Н.П. Россия на рубеже веков / Н.П. Федоренко. – М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2003. – 727с.
15. <http://www.sciencerf.ru>

ФОРМИРОВАНИЕ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПОВЕДЕНИЯ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Понятие «домашние хозяйства» отражает логику воспроизводственного процесса, представленного двумя полюсами: производством и потреблением, соединенными между собой посредством рыночных механизмов. Можно предположить, что это понятие вытекает из теории стоимости А. Смита и его последователей, согласно с которой стоимость представляет собой сумму трех видов дохода: прибыли, ренты и заработной платы. В соответствии с таким представлением собственники факторов производства объединены по тому принципу, что все они являются продавцами ресурсов и покупателями конечных благ.

Домашнее хозяйство по устоявшимся в зарубежной литературе представлениям есть простейшая единица потребления. Это субъект экономических отношений, активность которого определяется тем, что он как собственник ресурсов продает их на рынках факторов производства, в подавляющем большинстве – на рынке труда, в меньшинстве – на рынках других факторов: капитала, природных ресурсов, информации, предпринимательских ресурсов. Полученный доход расходует на потребление текущее и будущее (или отложенное), то есть сберегает. Данная модель предполагает рыночный тип связи между производством и потреблением, то есть описывает экономику, в которой вопросы «что? как? для кого производить?» определяются механизмами рынка. При этом всеми теоретическими школами и направлениями признается роль государства, более или менее активная, в зависимости от состояния социума, рассмотренного во времени. Обозначив, таким образом, современную экономику как смешанную, базовая теория открыла простор для исследования экономической активности граждан в модели домашнего хозяйства, поставленного в определенные условия государством определенного типа.

Предметом рассмотрения в данной статье будут процесс формирования домашних хозяйств как собственников ресурсов и их поведение в специфических условиях переходного периода от плановой, централизованно управляемой к рыночной экономике. Автор ставит своей целью рассмотреть некоторые особенности поведения домашних хозяйств именно в трансформационном обществе.

Широкой базой эмпирического анализа поведения домашних хозяйств могут выступать потребительские секторы более 30 стран постсоциалистического пространства. Мы не пытаемся осуществить страноведческое исследование, так же, как и сделать обобщения, охватывающие все обозначенное пространство. В данном случае задача более ограниченная: выявить некоторые особенности экономического поведения домашних хозяйств, используя наблюдения преимуще-

ственно российской действительности и высказать умозаключения относительно государственного воздействия на экономику.

Актуальность такого подхода очевидна: используя зарубежный опыт, мы имеем дело с государственным регулированием, построенным на моделях поведения индивидов в рамках высокоразвитых рыночных структур. Перенесенный на почву переходной экономики, этот опыт дает причудливые, искаженные, часто неэффективные результаты. Мы предполагаем, что одной из причин этого являются особенности экономического поведения, присущего субъектам данного социума.

Системные преобразования, в основе которых лежат преобразования отношений собственности, по сути и представляют собой зарождение сектора домашних хозяйств в том понимании, в каком он представлен моделью кругооборота товаров и доходов. Процесс приватизации государственных предприятий обуславливает появление субъектов – собственников ресурсов, отличных от государства, удовлетворяющих свои потребности за счет дохода, полученного от реализации «доставшегося» фактора производства. Характер и конкретные формы приватизации в трансформирующейся экономике обуславливают общую картину сектора домашних хозяйств как собственников ресурсов.

Каким образом проходил процесс приватизации в России с точки зрения формирования сектора домашних хозяйств как собственников ресурсов?

Первоначально было решено, что инструментом приватизации будут именные приватизационные счета. По Закону РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1529-1 «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР», для каждого гражданина должен был открываться именной приватизационный счет, средства с которого передавались бы по наследству, но их нельзя было бы продавать другим лицам. Многие экономисты сходятся теперь во мнении о том, что это был тот путь, который мог бы обеспечить более или менее равное участие граждан России в приватизационном процессе. Именно приватизационные счета стали инструментом приватизации, например в Чехии [Й. Котрба и др. : 37]. В России же в силу объективных и субъективных причин было решено осуществлять приватизацию ускоренным способом. Отсутствие соответствующей задачам банковской системы и неподготовленность финансовых институтов в целом, а главное, нестабильная внутривнутриполитическая обстановка заставили российское правительство прибегнуть к иному, более быстрому способу приватизации. Для пресечения возможной «реставрации» и ускорения системных преобразований президент страны был наделен специальными полномочиями, снимающими необходимость длительных парламентских дебатов и обсуждений. Указом Президента была придана сила законов, и весь процесс приватизации пошел ускоренным темпом. Уже в конце 1991 г. было решено осуществлять приватизацию ваучерным способом.

По сути, ваучер, так же, как и приватизационные счета, является атрибутом финансового рынка, а соответствующих институтов тогда в России не было. Более того, если банковский сектор уже вовлекался в процесс реформирования, то о рынке ценных бумаг вообще говорить не приходилось. Так что при выборе ин-

струментов пришлось действовать не с точки зрения институциональных возможностей, а с точки зрения политической ситуации.

Первый этап приватизации получил название ваучерного и длился до момента законодательно оформленного действия приватизационных чеков (1992–1994). Именно этот этап «массовой» приватизации был временем возникновения домашних хозяйств как собственников ресурсов, и он заложил предпосылки будущих особенностей сектора домашних хозяйств в России.

Ваучер, по идее, должен был стать обращающейся ценной бумагой с номиналом 10 тыс. рублей – такой была определена доля каждого гражданина в общественном достоянии. Однако рыночная его стоимость в силу объективных причин была гораздо ниже. Недоверие населения и его низкие доходы были, пожалуй, главными из них. Бедность населения заставляла «сбывать» ваучеры по любой возможной цене. Ваучер не смог стать хоть сколько-то надежным финансовым активом для его первичных владельцев. Поэтому предложение ваучеров сформировалось очень быстро и оказалось избыточным.

Спрос же был обеспечен прежде всего теневым сектором экономики, бывшей партийной номенклатурой и высшей администрацией предприятий. Так образовался де факто рынок приватизационных чеков. Он носил уже вторичный характер, а раздача ваучеров была подобием первичного рынка. Бесплатность ваучеров при «первичном размещении», большое и быстро сформировавшееся предложение, а также низкий, полутеневой спрос – все это определило тот факт, что на вторичном рынке цена на ваучеры падала до символических значений и на всем протяжении времени, когда действовали приватизационные чеки, цена на них оставалась ниже номинальной. Все это неизбежно привело к тому, что основной капитал стал концентрироваться в руках отдельных членов общества, прежде всего у субъектов теневой экономики. Продавцы ваучеров доход от их продажи расходовали на текущее потребление и остались «ни с чем», а покупатели в конечном итоге обменяли их на пакеты акций. Так сформировались собственники ресурсов: собственники труда и собственники капитала.

Различные варианты акционирования предприятий, предусмотренные в законах, указах президента и государственных программах приватизации, содержали нормативы льгот, которые должны были обеспечить участие рядовых работников в разделе собственности, сделать их держателями акций. Однако состояние реального сектора экономики и неустойчивость социально-политической обстановки не позволили сделать и акции хоть сколько-то привлекательным долгосрочным активом. Появился рынок акций, и на нем также стал происходить массовый «сброс». Россия очень быстро превратилась из страны с дисперсной акционерной собственностью в страну с высококонцентрированной структурой акционерной собственности [Мониторинг уровня... 2000; От социального общества... 2005].

Среднегодовая динамика численности занятых в экономике по формам собственности характеризует динамику процесса преобразования форм собственности в России и косвенно свидетельствует об изменении структуры населения с точки зрения его разделения на собственников разных ресурсов.

**Среднегодовая численность занятых в экономике России
по формам собственности, в млн. чел. и в %**

[рассчитано по: Российский статистический ежегодник 2003 : 140]

Показатель/год	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Всего в экономике	75,3 100 %	66,4 100 %	66,0 100 %	64,7 100 %	63,7 100 %	64,0 100 %	64,3 100 %	64,7 100 %
На государственных, муниципальных предприятиях	62,2 82,6 %	28,0 42,1 %	27,7 42 %	25,9 40 %	24,3 38,1 %	24,4 38,1 %	24,4 37,9 %	24,2 37,4 %
В частных предприятиях	9,4 12,5 %	22,8 34,3 %	23,5 35,6 %	25,8 39,9 %	27,6 43,3 %	28,3 44,2 %	29,7 46,2 %	30,8 47,6 %
На предприятиях со смешанной формой собственности	3,0 4,0 %	14,7 22,1 %	13,8 21,3 %	11,9 18,4 %	10,5 16,5 %	9,6 15 %	8,0 12,4 %	7,5 11,6 %

Как видно из таблицы 1, уже в итоге первого этапа приватизации, то есть к 1995 г., появился заметный частнопредпринимательский сектор, в котором оказалось около 42 % всех занятых, а с учетом смешанных государственно-частных российских предприятий – 64 %. Но только к 1998 г. численность занятых в частном секторе превысила численность занятых на государственных и муниципальных предприятиях : 43,3 и 38,1 % соответственно.

К началу 2000 г., когда были преодолены самые резкие последствия финансового кризиса 1998 г., уровень дифференциации доходов характеризовался следующими показателями: на долю 20 % наименее обеспеченного слоя приходилось 6,2 % доходов, а на долю 20 % наиболее обеспеченных – 47,4 % [Уровень жизни...].

Таким образом, декларируемая социально-экономическая задача сделать процесс приватизации максимально демократичным, обеспечив как можно более равные возможности всех слоев населения при «дележе пирога», оказалась нереализованной. При этом занятые в таких отраслях, как здравоохранение, образование, наука, культура и т.д., оказались «за бортом» распределения.

Все это привело к тому, что уже на стадии становления домашних хозяйств как собственников факторов производства был заложен высокий уровень дифференциации доходов. Многие страны Центральной и Восточной Европы имеют гораздо меньшую дифференциацию доходов. В Словении соответствующие показатели составляют 12 и 31 % [Зарецкая 2002 : 81–92]; в Чехии – 10 и 37 %

[Котрба и др. 2002 : 36–47]; в Венгрии – 9 и 37 % [Майор и др. 2002 : 48–67; Кейнс 1949 : 68]. Это может быть объяснено как исходным состоянием экономики, так и более последовательным ходом и предварительной подготовленностью реформ. Венгерское правительство, например, последовательно либерализовало систему управления экономикой с конца 1960-х гг. В 1980-е гг. этот процесс ускорился. Результатом реформ стали большая гибкость государственного управления экономикой и менее жесткая экономическая структура, большая свобода производителей. К 1990 г., когда началась планомерная приватизация государственной собственности, в указанных странах уже были созданы и функционировали некоторые рыночные институты [Котрба 2002 : 36–38; Майор и др. 2002 : 49–50].

Ваучерный этап приватизации в России «расчистил площадку» для так называемого первоначального накопления капитала. Дальнейшее закрепление ресурсов за домашними хозяйствами еще более неравномерно разделило их на собственников капитала и натуральных ресурсов и собственников труда.

Таким образом, высокая степень дифференциации доходов является, в частности, следствием той приватизационной схемы, которая была реализована в России.

Каковы же особенности поведения домашних хозяйств в переходной экономике?

В рамках методологии экономикс мы исходим из того, что домашние хозяйства в своем потребительском поведении ежедневно и ежечасно осуществляют выбор. Расходовать доход на текущее потребление или отложить на будущее? В какой пропорции разделить доход на потребляемую и сберегаемую части? Подобные альтернативные варианты поведения человека в условиях рыночной экономики описаны и стали «классикой» экономической мысли, в частности кейнсианского направления. Обосновав свой «психологический закон», в соответствии с которым потребители увеличивают потребление при увеличении дохода, но не на всю величину прироста, а только на ее часть, Дж. М. Кейнс «узаконил» связь экономической теории с психологией, открыв дорогу исследованиям на стыке этих дисциплин [Кейнс 1949 : 109]. Надо отметить, что в экономической теории поведение, обусловленное социально-психологическими мотивами, изучалось давно. Известно, что структура потребления обусловлена не только величиной дохода, как это описывал в конце XIX века Э. Энгель, но и мотивами, обозначенными как эффект Веблена и эффект сноба.

Эффект Веблена – это стремление потреблять блага, характерные для потребления определенной группы людей, как правило, высокодоходных, элитных слоев, с целью обозначения принадлежности к данному классу. Российские потребители демонстрируют подобное поведение. Оно очень ярко проявляется в России в 1990-е годы, и память о таком поведении сохранилась в анекдотах про «новых русских», их малиновые пиджаки и дорогие галстуки. Эффект сноба – потребление с целью выделиться из толпы – также можно обнаружить в поведении российских домашних хозяйств. Такое поведение, например, позволило в условиях, казалось бы, не сулящей никаких перспектив нищеты «удерживаться

на плаву» магазинам, продающим относительно дорогую одежду немассового производства. Психологи утверждают, что покупка вещи, стоимость которой «не поддерживается» текущим доходом, играет важную роль во внутреннем, для самого себя, позиционировании личности. Присущий далеко не всем, этот эффект тем не менее имеет место, и «отлавливать» его для приумножения доходов – задача бизнеса. Думается, что не случайно мы наблюдаем расцвет торговли через сети супермаркетов, где обслуживание поднимает человека в собственных глазах, где, по сравнению с условиями сделок на открытых рынках, он чувствует себя принадлежащим к более высокой социальной страте. Например, пенсионеры, совершающие основную массу покупок на самых дешевых рынках, время от времени посещают супермаркеты именно с целью психологического приобщения к среднедоходным согражданам.

Значительный спрос на телекоммуникационные и информационные услуги, на престижные высококачественные блага в определенной мере также можно рассматривать как зависящий от обозначенных социально-психологических мотивов.

Тем не менее описанное поведение – это фрагмент в повседневном круговороте обменов. Основная масса сделок совершается на рынках, где цены соответствуют уровню доходов. Основная масса домохозяйств, обладая информацией о ценах, приобретает блага, исходя из принципов эффективности, или, в лексике микроанализа, принципа максимизации полезности, ориентируясь на то, чтобы каждый рубль дохода приносил одинаковую полезность. Можно сказать, что несмотря на все недостатки современного российского рыночного механизма, с точки зрения потребительского поведения наша экономика стала вполне рыночной. Однако российский менталитет сказывается на повседневном поведении, что неоднократно отмечалось ведущими экономистами при оценке хода реформ [Ясин 2005 : 8]. Какие же особенности поведения сектора домашних хозяйств искажают модели госрегулирования и делают их недостаточно эффективными?

Исходной предпосылкой экономикс является идея ограниченности ресурсов. Именно ограниченность ресурсов заставляет субъектов экономики делать выбор вариантов их использования. Поэтому мы в первую очередь отмечаем в качестве особенности российского потребительского сектора низкую степень осознания факта ограниченности ресурсов.

Японцу, например, с раннего детства присуще не просто знание, ему присуще ощущение ограниченности ресурсов. В 1980-е гг., во времена обострения конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, любой слух о потопленном в Персидском заливе танкере порождал «волну лихорадочных измышлений о том, что вот-вот грянет третий нефтяной кризис, как бесснежная зима дает пищу зловещим прогнозам о неурожае риса». В результате этих настроений на протяжении 1980-х гг. Япония была «затоварена» и нефтью, и продовольствием. «Однако ни страх неизбежного дефицита, ни общее ощущение того, что сырье и ресурсы не беспредельны, не покидали людей», – писал в 1992 г. известный япон-

ский экономист, футуролог и общественный деятель Тайичи Сакайя [Сакайя 1999 : 341].

В России идея ограниченности ресурсов не могла стать идеей, определяющей повседневность. Наши бескрайние просторы неосвоенных или плохо освоенных земель мешали ее восприятию. То обстоятельство, что за ресурсы надо платить и обеспечивать по возможности их воспроизводство, не воспринимается на «европейском» и тем более на «японском» уровне населением нашей страны ни в сфере производства, ни в сфере потребления. Перечислить причины этого явления не составит особого труда. Они кроются как в природно-климатических и географических условиях, так и в исторических особенностях нашего общества, то есть обусловлены большой территорией страны, «бесплатностью» природных ресурсов при социализме, централизованной системой распределения трудовых ресурсов, плановой системой ценообразования, монополией и монополией основных рынков и т. д.

Уровень восприятия идеи об ограниченности ресурсов задает социально-психологические параметры поведения, которые сегодня влияют на конъюнктуру рынков благ и рынков ресурсов. Отечественное производство благ удорожают не столько ресурсные издержки (за исключением нефти), сколько транзакционные – связанные со сменой собственников, с оформлением и обеспечением прав собственности. Один из ресурсов – труд – остается баснословно дешевым. Это объясняет низкие доходы собственников труда и высокие – собственников земли и капитала, а также бюрократического аппарата, обслуживающего процессы смены собственников и поддержку их прав. В складывающейся у нас модели хозяйствования будет оставаться ориентация на капиталосберегающее и трудо- и природозатратное производство, поскольку капитальные ресурсы воспринимаются психологически как более ограниченные. К тому же предпочитают импортные техника и технологии, что, действительно, способствует более эффективному их использованию, ибо, будучи относительно дешевыми за рубежом, они поднимаются в цене в силу прибавления к стоимости дополнительных транзакционных издержек, связанных с преодолением национальных границ.

Поскольку собственники труда и только труда составляют большую часть населения России, а финансовые портфели, воплощающие сбережения населения, – это практика не нашей экономики, постольку низкий уровень потребления основной массы населения помимо прочих экономических факторов оказывается запрограммированным фактором социально-психологическим: восприятием рабочей силы как неограниченного ресурса.

В качестве второй особенности мы решаемся обозначить тот факт, что массовое потребление носит черты потребления «долго голодавшего» или потребления сверх дохода. Слоганы «я могу себе это позволить», «я этого достойна (достойна)» стали символом потребительского поведения. Точка насыщения в массовом сознании еще не достигнута. Нам далеко до американских стандартов потребления, информация о которых стала доступной, а само потребление – нет.

Это обстоятельство, вероятно, стало одной из причин бума сбережений под высокие проценты, когда люди в надежде на быстрое обогащение помещали

свои деньги в сомнительные фонды и становились жертвами мошенничества. Здесь проявилось не только стремление быстро достигнуть более высокого уровня потребления, но и специфическое, этатистское восприятие рекламы: все, что обещается по радио, с телеэкранов, только поэтому воспринимается как гарантируемое государством.

В определенной степени бум потребления 2000-х гг. свидетельствует именно о такой психологии. Жизнь в кредит стала распространенным вариантом экономического поведения. Финансовая стабилизация и некоторое укрепление банковской системы, расширение сферы «демократичных» форм кредитования сразу сделали заметным источником расходов домохозяйств потребительский кредит. Эксперты отмечают, что граждане в пылу азарта начинают тратить больше, чем могут себе позволить. «В силу того, что в России потребительское кредитование эффективно стало развиваться относительно недавно, наши граждане сейчас ведут себя как дети: покупают все сразу и при этом не считают, сколько приходится выплачивать за кредит, – замечает директор банковского института Высшей школы экономики Василий Солодков. – Пока объемы кредитов небольшие, это проблема, но пока не трагедия. Как раз самое время научиться на негативном опыте, так как лимиты по тем же кредитным картам могут превышать ежемесячный доход» [Россияне «увязли» в долгах... 2005 : 1,7].

Можно предположить, что в основе «потребления сверх дохода» лежит другая специфическая черта российского населения: неприятие факта имущественного неравенства. Если к этому феномену в развитых странах давно привыкли и в определенных рамках считают это нормальным явлением, то для граждан, живших в условиях уравнительного распределения, неравенство в доходах непривычно, оно воспринимается болезненно. В настоящее время в нашей стране, по данным статистики, 32 миллиона пенсионеров, 17 миллионов получающих пособие, 25 миллионов женщин и детей, живущих в неполных семьях, 5 миллионов студентов. Итого 79 млн. человек, то есть больше половины граждан страны. Их доходы настолько низки, что они не могут жить, не получая дотации [Ильичев 2005 : 7]. Недобрые чувства подавляющего большинства граждан к олигархам и прочим чересчур, по их мнению, преуспевающим соотечественникам давно уже стали общим местом в рассуждениях публицистов, социологов, политологов. В 2005 г. Россия, по оценке журнала «Форбс», стала второй страной в мире после США по числу долларовых миллиардеров. Их 27, тогда как в 2002 г. было лишь 7, а в 2004 г. – 25 [Могут ли миллиардеры... 2005 : 5].

Однако картина общественных представлений о роли богатства в жизни российского человека стала меняться. Как утверждают эксперты из института общественного проектирования (ИНОП), сегодня 62 % россиян относятся к крупным предпринимателям «хорошо» или «скорее хорошо», а 30 % – «плохо» и «скорее плохо» [Порох для реванша 2005 : 5]. По данным Фонда «Общественное мнение», это соотношение является не столь внушительным (47 против 30 %), что, впрочем, подтверждает тенденцию: быть богатым, и даже очень богатым, становится все менее стыдно. Надо отметить, что результаты исследования «Левада-центра» свидетельствуют, скорее, об обратных тенденциях, о нарастании в

обществе классовой ненависти: за 2 года с 38 до 49 % увеличилась доля россиян, видящих в деятельности крупных бизнесменов исключительно вред [Ильичев 2005 : 3]. Однако при этом обращает на себя внимание тот факт, что с 51 до 45 % уменьшилось за то же время число граждан, испытывающих чувство раздражения или даже ненависти при известии о том, что все больше отечественных предпринимателей входят в списки богатейших людей мира [Там же].

В условиях «потепления» отношения к бизнесу со стороны населения наблюдается стремление сокращать разрыв в уровне потребления за счет потребления сверх дохода.

С другой стороны, социально-психологические особенности поведения домашних хозяйств обусловлены и высокой имущественной поляризацией населения при очень малочисленной прослойке среднего класса. Обычно средний класс – это основная масса населения. Среднестатистические показатели уровня жизни в таких условиях соответствуют реальности, не являются абсолютной химерой.

Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ) насчитал в России более 13 млн. представителей среднего класса. За последние пять лет их число удвоилось. Однако, отмечают эксперты, по сравнению с ведущими экономиками доля «среднячков» в структуре населения ничтожно мала. В связи с этим необходимо заметить, что кейнсианская теория занятости, предполагающая, что наращивание расходов приведет к увеличению доходов на большую в несколько раз величину, теряет свой смысл. Ведь Кейнс полагал, что размах мультипликационного эффекта определяется коэффициентом, выведенным из среднестатистической, общенациональной функции потребления, предельной склонности к потреблению. Однако в условиях высокой поляризации населения и отсутствия достаточной прослойки среднего класса среднестатистические показатели потребления слишком далеки от действительности. Это обстоятельство не только не позволяет ожидать от эскалации расходов кейнсианских результатов, но и затрудняет воспроизводственный процесс.

Не меньшее препятствие для воспроизводственного процесса создает и такая вполне обозначившаяся черта поведения, как опасение потерять сбережения. Определенные алгоритмы поведения домашних хозяйств связаны с объективными характеристиками «среды обитания». В связи с этим в первую очередь следует отметить, что поведение домашних хозяйств как сберегателей дохода в переходной экономике связано с институциональной незрелостью финансового рынка. Банки ненадежны, развитость их сети, как и уровень обслуживания клиентов, оставляют желать лучшего, банковское законодательство несовершенно. Это в конечном итоге аккумулируется в таком показателе, как место крупнейших российских банков в мировом рейтинге.

Рынок ценных бумаг – другая составляющая финансового рынка – не развит в еще большей степени. Если к этому добавить характерную для переходного общества непредсказуемость неотдаленного будущего, то станет очевидным, что в таких условиях сбережения населения не могут превращаться в инвестиции посредством механизмов, учитывающихся западными моделями государствен-

ного регулирования экономики. А ведь важнейшей особенностью, например, посткейнсианского подхода является акцентирование внимания на роли ожиданий и мнений в принимаемых решениях, особенно инвестиционных.

Справедливости ради надо отметить, что в целом представители посткейнсианской экономики чаще всего отвергают идею рациональных ожиданий как подход к моделированию индивидуальных ожиданий.

Вместе с тем существует множество взглядов относительно формирования ожиданий и предсказаний будущего, начиная с гипотезы об обобщенных адаптивных ожиданиях и кончая идеей о принципиальной непознаваемости будущего [19 : 219–247]. Это говорит все-таки о «совместимости» зарубежных теорий и российской практики, о применимости разработанных современной зарубежной наукой подходов для анализа реалий переходного периода. Тем самым мы не опровергаем, а, напротив, подчеркиваем необходимость учета особенностей в поведении потребительского сектора.

На наш взгляд, опасение потерять сбережения – одна из ярких характеристик поведения домашних хозяйств в условиях переходного периода. Этот аспект поведения, несомненно, присущ домашним хозяйствам и в условиях развитых экономик. Но там он проявляется в поведении на том же финансовом рынке: домохозяйства всего лишь диверсифицируют свои инвестиционные портфели. Развитый финансовый рынок предлагает большой выбор инструментов сбережения. В условиях же институциональной неразвитости опасение потерять сбережения создает особую обстановку на рынках благ длительного пользования, обуславливает высокий спрос на рынках недвижимости. Сегодня самым выгодным размещением сбережений является покупка квартиры. Не случайно мы наблюдаем преимущественный рост цен на однокомнатные квартиры. Это самый ликвидный актив на рынке жилья. Не случаен и рост объемов выпуска в строительстве: он стимулируется стремительным ростом цен. Другое дело, что высокая стоимость делает жилье недоступным для основной части населения, сбережения которой не дорастают до вложений в недвижимость, уменьшаясь или вовсе исчезая под воздействием инфляции.

Исходя из изложенного, становится очевидным, что стимулирование роста производства, а следовательно, и роста доходов в условиях переходного периода, когда недостаточно развиты финансовые институты, не сопровождается оживлением традиционных инвестиционных механизмов. В лучшем случае инвестиционные потоки принимают причудливые направления внутри страны и замораживаются в виде готовых или частично готовых к сдаче дорогих жилых комплексов. При этом большая доля населения живет в домах с высокой степенью износа и испытывает страх в ожидании нового повышения оплаты за коммунальные услуги. Так что процесс воспроизводства осуществляется здесь с заведомо «встроенной диспропорцией» в производстве и потреблении, закрепляя имущественное неравенство, локализируя социальные страты.

Таким образом, отмеченные особенности поведения российских домашних хозяйств – низкая степень осознания факта ограниченности ресурсов, непринятие факта имущественного неравенства и потребление сверх дохода, опасение поте-

рять сбережения – являются предпосылками сбоев в воспроизводственном процессе, основанном на рыночных связях. Они порождены объективными причинами, однако, будучи таковыми, играют самостоятельную роль и оказывают влияние на механизм функционирования экономики. Частично эти особенности будут преодолеваются по мере накопления рыночного опыта функционирования домашних хозяйств, частично – останутся национальной особенностью российского потребительского менталитета. Но и роль государства в устранении диспропорций, порожденных описанной спецификой поведения населения, не следует преуменьшать.

Практика государственного регулирования должна быть нацелена как на формирование и развитие институтов рыночной экономики, так и на создание общества «равных возможностей», которые бы на деле препятствовали перерастанию имущественного неравенства в неравенство социальное. Население может относительно спокойно воспринимать неравенство в доходах, если это неравенство не закреплено социальными барьерами, существует реальная возможность выбора жизненной стратегии и качество жизни в значительной степени действительно зависит от усилий индивида. Правительства, объявляя заботу о повышении благосостояния своей главной целью, должны заботиться не только о росте ВВП, но и о создании традиции, в соответствии с которой окажется приемлемым лишь цивилизованный разрыв в уровне доходов.

Библиографический список

1. Анализ уровня жизни и дифференциации доходов в регионах России / Институт экономики переходного периода / HYPERLINK [http:// www.iet.ru/special/cepra/regdoh/regdoh.html](http://www.iet.ru/special/cepra/regdoh/regdoh.html)
2. Ахполова, В.Б. Мотивация и ее влияние на уровень и качество жизни населения / Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 3. – С. 44–49.
3. Зарецкая, С.Л. Приватизационные фонды в Словении: реферативный обзор / С.Л. Зарецкая // Особенности приватизации в Центральной и Восточной Европе: реф. сб. / РАН, ИНИОН, Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл.; отв. ред. В.А. Виноградов. – М., 2002.
4. Заславская, О. Портфель на лето / О. Заславская // Известия. – 2005. – 14 апреля.
5. Ильичев, Г. Сорок два процента россиян считают себя бедными людьми / Г. Ильичев // Известия. – 2005. – 23 июня.
6. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М., 1949.
7. Котрба, Й. Управление приватизационными фондами в Чехии / Й. Котрба, Э. Коченда, Я. Ганоушек // Особенности приватизации в Центральной и Восточной Европе: реф. сб. / РАН, ИНИОН, Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл.; отв. ред. В.А. Виноградов. – М., 2002.
8. Майор, И. Структурные преобразования компаний после приватизации в Венгрии в период с 1988 по 1997 год / И. Майор, К. Веццони, А. Сзалавец // Особенности приватизации в Центральной и Восточной Европе: реф. сб. / РАН, ИНИОН, Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл.; отв. ред. В.А. Виноградов. – М., 2002.

9. Могут ли миллиардеры сделать Россию богаче? // Известия. – 2005. – № 49. – 25 марта.
10. Мониторинг уровня жизни населения Российской Федерации: бюллетень № 2 / ФНПР, Академия труда и социальных отношений, 2000.
11. От социального общества к социальному государству / Известия. – 2005. – № 69. – 22, 23, 24 апреля.
12. Порох для реванша // Известия. – 2005. – 19 сентября.
13. Российский статистический ежегодник. 2002: статистический сборник. – М., 2003.
14. Россияне «увязли» в долгах // Известия. – 2005. – № 123.
15. Россияне настроены покупать // Известия. – 2005. – 22 июня.
16. Рост отсталости и отсталость роста. Экономический обзор // Экономист. – 2005. – № 3. – С.13–29.
17. Савченко, П. Уровень и качество жизни: понятия, индикаторы, современное состояние в России / П. Савченко, М. Федорова, Е. Шелкова // Российский экономический журнал. – 2000. – № 7. – С. 70.
18. Сакайя, Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего / Т. Сакайя // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 337–371.
19. Сойер, М. Посткейнсианская макроэкономика / М. Сойер // Панорама экономической мысли конца XX столетия. В 2 т. / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта; пер. с англ. под ред. В.С. Автономова и С.А. Афонцева. – СПб.: Экономическая школа, 2002. – Т. 1. – С. 219–247.
20. Уровень жизни населения России // Россия сегодня: реальный шанс. – http://www.nasledie.ru/oboz/№21-24_94/020.htm
21. Финансовый вестник. – http://www.vestnik.scn.ru/?id=news&news_id=1540
22. Ясин, Е. Русский менталитет мешает реформам / Е. Ясин // Известия. – 2005. – № 64. – 15 апреля.

АННОТАЦИИ

Н.А. Коваленко

ПРОСОДЕМА И СВЕРХПРОСОДЕМНОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

В статье говорится об особенностях функционирования просодемы в сверхпросодедном пространстве. При этом подчеркивается роль просодической детерминанты как управляющего параметра, а также указывается на важность выявления разных видов связей и узлов противоречий (активных центров) на материале английского, немецкого и русского языков.

Л.Г. Самотик

ЭКЗОТИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Экзотизмы – малоизученная часть лексики русского языка, тем более никогда не ставился вопрос об использовании их как выразительного средства в художественных текстах. На примере романа Б. Акунина «Турецкий гамбит» автор показывает оригинальную систему лексических выразительных средств, используемых для моделирования национальной языковой среды, куда входят наряду с экзотизмами варваризмы и нациолектизмы. Акунин не отчуждает текст от читателя, а, используя увлечение современной интеллигенции необычными словами, приближает историческую действительность к нему.

О.В. Фельде (Борхвальдт)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОГРАФИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

В статье дается характеристика исторических словарей специальной лексики русского языка, подготовленных красноярскими лингвистами, намечаются перспективы развития исторической терминологии, предлагается концепция комплексного диахронического словаря хозяйственного освоения Приенисейской Сибири.

Е.А. Штейнгарт

МОТИВОЛОГИЧЕСКОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

В статье дается теоретическое обоснование мотивологического терминоведения как самостоятельного направления терминоведения, изучающего явление

мотивации специальной лексики. Автономность мотивологического терминоведения подтверждается наличием специфических предмета, объекта, проблематики и методик исследования.

Е.С. Бойко

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАКИ-ЧЕТЫ В РЕЧИ СТАРОВЕРОВ НА ЕНИСЕЕ

Представлен материал о символических знаках, обозначенных словом «четы». Знаки четы еще никем не описаны. В процессе описания четей мы использовали гомогенный ряд: «язык – религия – верования – обычаи – поведение». Такой подход к исследованию слово «четы» помог увидеть, что духовное и материальное в менталитете староверов слито воедино.

Л.В. Куликова

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Предлагаемая статья отражает некоторые результаты теоретико-эмпирического исследования немецкого коммуникативного стиля в контексте институциональных дискурсов современной Германии.

О.В. Магировская

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме антропологичности языка. Данное свойство языковой организации рассматривается как базовый принцип современных лингвистических исследований. Основной акцент делается на проблеме представленности человека-концептуализатора в языке.

И.В. Ревенко

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГРАДАЦИОННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА

В статье рассматриваются семантические типы градационных структур как элементов ядерной зоны категории интенсивности. Выявляется зависимость семантики градационной структуры от семантики элемента ее структурной схемы (градатора). Выделяются основные семантические разновидности градационных синтаксических структур.

Ж.В. Леонова

**ПРИНЦИПЫ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ 1904 ГОДА**

В данной статье прослеживаются и анализируются принципы, на которых предлагалось реформировать русскую орфографию начала века.

Л.Е. Гаврилина

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ЧАСТОТЫ ОСНОВНОГО ТОНА В ПРОСОДЕМНОМ
И СВЕРХПРОСОДЕМНОМ ПРОСТРАНСТВАХ**

Статья посвящена исследованию просодического уровня языка. Цель данной статьи проанализировать изменение частоты основного тона в наименьшей единице – просодеме и в сверхпросодемном пространстве. Анализ проводится на основе экспериментальных данных автора.

В.И. Пихутина

**О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ «АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ» (НА ПРИМЕРЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)**

В статье описывается проект акцентологического словаря «комплексного» типа, включающего сравнительно-сопоставительную акцентологическую характеристику по данным словарей разных типов: толковых, орфографических, орфоэпических, словарей трудностей русского языка, ударений и иностранных слов – что дает возможность сопоставить и выявить закономерности в постановке ударения.

Л. М. Штейнгарт

**ОБРАЗНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАРТИНЫ
МИРА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ**

Статья посвящена проблеме образности как показателю национальных особенностей картины мира российских немцев. Категория образности рассматривается на материале диалектных пословиц и поговорок. Данная категория является постоянным фактором языка, определяющим особенности национального восприятия мира. По этой картине она национально своеобразна и специфична.

М.И. Солнышкина, О.А. Морозова

**СОСТАВ И МИКРОСТРУКТУРА СЛОВАРЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖАРГОНА
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ РУССКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
НЕФТЯНОГО ЖАРГОНА)**

В статье предлагается концепция словаря профессионального жаргона нефтяников, раскрываются элементы его макро- и микроструктуры.

А.Д. Васильев

ЗАВЕТНОЕ СЛОВО АКАДЕМИКА О.Н. ТРУБАЧЁВА

Академик РАН О.Н. Трубочёв, хорошо известный своими фундаментальными трудами в области славянской этимологии, неоднократно обращался и к вопросам социальной и культурной значимости языкознания. Книга «Заветное слово» содержит суждения ученого по поводу актуальных проблем отечественной истории и современности в лингвистическом аспекте.

Т.Н. Закаблукова

ЗНАКОВЫЕ ОБРАЗЫ В ЖИЗНИ ПОКОЛЕНИЙ СИБИРСКОЙ СЕМЬИ

В статье на материале «Чураевых» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-реки» В.Я. Шишкова рассматривается образ Сибири в контексте семейной хроники. Особое внимание уделяется составляющим этого образа, которые являются своеобразными знаками в жизни сибирской семьи, и их значению в повествовании.

В.В. Дегтярёва

**МИФОЛОГЕМА ВОДЫ / ОКЕАНА / РЕКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
В.П. АСТАФЬЕВА И Г. МЕЛВИЛЛА**

В данной статье рассматривается проблема использования мифологемы воды (океана, реки) в творчестве русского писателя В.П. Астафьева (1924–2001) и американского писателя Г. Мелвилла (1819–1891), связанная с общечеловеческой традицией восприятия воды как космогонического первовещества и эсхатологическим мотивом гибели в воде всего сущего.

Н.И. Дроздов, В.И. Макулов, В.П. Чеха

ГЕОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ ТУВЫ

Территория Южной Тувы в приграничной с Монголией полосе долгое время оставалась наименее изученной в природном, археологическом плане. В представленной работе впервые наиболее полно приведены результаты геолого-геоморфологических и археологических исследований, проведенных совместными полевыми отрядами Красноярского государственного педагогического

университета им. В.П. Астафьева и Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири Института археологии и этнографии СО РАН в 2003–2005 гг. Исследования проводились по северной окраине Убсунурской впадины, примыкающей к хребтам Западный и Восточный Танну-Ола, а также в пределах низкогорий указанных хребтов на протяжении около 500 км – от р. Тэс-Хем на востоке до р. Саглы на западе.

Н.И. Дроздов, Е.В. Артемьев, В.И. Макулов

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ КАНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В 2006 г. археологический отряд КГПУ им. В.П. Астафьева обследовал комплексы палеолитических местонахождений в окрестностях сел Бражное, Чечел, Ашкаул, Степняки. Выявленные местонахождения имеют ряд сходных показателей: поверхностный характер залегания артефактов на высоких гипсометрических отметках; однородный сырьевой материал; однородность технико-типологических характеристик и широкое пространственное размещение материала. Обследованные объекты образуют своеобразный, отличный от известных и изученных памятников тип. Мы предлагаем рассматривать их как памятники, образующие единый *техносырьевой комплекс (сырьевой технокомплекс)*. Этот вопрос предполагает дальнейшую разработку определения и методического обоснования.

В.Г. Дацышен

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ГЛАВЫ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ АРХИМАНДРИТА ПЕТРА (П.И. КАМЕНСКОГО) В ФОНДЕ Г.И. СПАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В статье анализируются документы и материалы, хранящиеся в фондах ГАКК, связанные с архимандритом Петром (Каменским), до сих пор практически не введенные в научный оборот. Содержится обзор архивных материалов, представляющих огромный интерес для исследователей, занимающихся проблемами межкультурного взаимодействия, позволяющих не только глубже исследовать проблемы отечественного китаеведения, но и осветить новые аспекты русско-китайских отношений.

С.П. Журавков, А.Л. Заика

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ НОВОСЕЛОВСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Работа посвящена истории исследования петроглифов Северо-Минусинской котловины на территории Новоселовского района Красноярского края. Авторами проведен анализ изучения древних наскальных рисунков на временном интервале от XVIII до нач. XXI вв.

Б.М. Машевский

СЦИЕНТИЗМ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУКИ

В статье анализируется современное состояние науки как явления культуры. Автор приходит к мысли о том, что философия науки, сохраняя критическую дистанцию к современности, должна не только преодолевать крайние сциентистские настроения, но и предложить модель и программу взаимодействия с естествознанием.

Л.В. Логунова

ДИАЛЕКТИКА ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ В СЦИЕНТИСТСКОЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

В статье рассматриваются понятие времени в физике и математике, проблема определения причины времени, время как числовой уровень существования вечности.

В.В. Минеев

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В РЯДУ СТРАТЕГИЙ АДАПТАЦИИ К ФАКТУ КОНЕЧНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

В данной статье предпринимается попытка рассмотрения научного познания в философско-антропологической перспективе. Автор кратко сравнивает различные хронологические трактовки возникновения науки, дает оценку этим трактовкам, затем сравнивает десять стратегий адаптации человека к факту конечности существования, в которых ведущая роль отводится научному познанию. Наконец автор приходит к выводу о том, что по мере превращения науки в инструментальное знание она утрачивает адаптивный потенциал.

С.П. Штумпф

К ВОПРОСУ СТРУКТУРИЗАЦИИ ДУХОВНОСТИ: ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

В данной статье определяется значимость феномена Духовности в структуре человеческой личности и в бытийном процессе человеческой жизни. Рассматриваются проблемы содержания и структуры внешней и внутренней деятельности индивида. Основной исследовательской задачей является структуризация рассматриваемого феномена, и в частности авторское видение динамической модели духовности.

И.Н. Грекова

ОБРАЗОВАНИЕ: ИСКУССТВО ИЛИ НАУКА?

В данной статье рассматривается проблема соотношения внутреннего индивидуального и внешнего социального процессов восприятия реальной действительности и форм их проявления посредством логики и искусства.

С.В. Максимов

ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье автор пытается раскрыть некоторые существенные черты ценностных ориентаций студенчества, характеризующие особенности тех изменений, которые происходят в его духовном облике под влиянием нынешней социокультурной ситуации в нашей стране. Анализ дается на основе обобщения материалов социологических исследований последних лет по России в целом, включая и результаты собственного анкетирования, проведенного в городе Лесосибирске.

В.Е. Данилова

К ВОПРОСУ О ЗОНАХ И ФОРМАХ НЕКОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ И ДЕНОМИНАЦИЙ В РОССИИ И МИРЕ

В данной статье рассматриваются зоны и формы неконфликтного взаимодействия христианских конфессий в России и на территории Красноярского края.

А.Н. Фалалеев

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВУЗОМ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье дается всесторонний анализ управленческого опыта вузов в сложившихся социально-экономических условиях, делается попытка выявить объективные и субъективные причины допущенных просчетов, определить пути их устранения.

Т.П. Малинова

ФОРМИРОВАНИЕ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПОВЕДЕНИЯ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Автор исходит из понимания домашних хозяйств, которое используется в современной экономической теории, и предполагает, что такое понимание имеет гносеологические корни в представлениях А. Смита о стоимости товара как сумме доходов от трех факторов производства. Автор показывает, что формирование сектора домашних хозяйств есть результат основного системного преобразования переходного периода – приватизации. Приватизация в России в силу

её ускоренных темпов, отсутствия необходимых финансовых институтов и низких доходов населения оказалась менее «демократичной», чем в других странах и чем предполагалось властью. Это привело к тому, что уже на стадии формирования потребительского сектора был заложен высокий уровень имущественной дифференциации.

В статье рассматриваются особенности повседневного поведения домашних хозяйств, которые в определенной степени являются предпосылкой сбоев в производственном процессе.

N.A. Kovalenko

PROSODEM AND SUPRAPROSODEMIC LANGUAGE SPACE

The purpose of the article is to describe the function of prosodems on the supraprosodemic level. The article introduces the prosodic determinante as the main parameter in the phonemic structure of the language. It is primarily concerned with different kinds of connections and active centres in English, German and Russian.

L.G. Samotik

LITERARY TEXT EXOTISMS

In the article the lexis, which allows to depict non-Russian language media in a Russian belles letters text, is considered. First of all these are exotisms as well as barbarisms and national realia lexis. The author analysed the techniques of introducing broken Russian speech into texts, traced the traditions of its imitation in Russian literature. Conclusions point out, on the one hand, the traditionalism of B. Akunin's texts, on the other hand – its originality.

O.V. Felde (Borkhvaldt)

HISTORICAL TERMINOGRAPHY IN KRASNOYARSK KRAI

This article gives the characteristic of historical dictionaries of special terminological lexicon made by Krasnoyarsk specialists in Russian philology. It reveals prospects in developing of historical terminography. This article gives the concept of the complex diachronic dictionary of economical development in Yenisei Siberia.

E.A. Shteynhart

MOTIVOLOGICAL SCIENCE OF TERMINOLOGY

The article provides theoretical substantiation of motivological terminology as an independent branch of terminology science, which studies motivation phenomenon

in special lexicon. Its autonomous character is proved by its specific subject and object, problems and methods of research.

E.S. Boiko

**SYMBOLIC CHARACTERS – CHETYI – IN THE SPEECH OF OLD BELIEVERS
ON THE YENISSEI RIVER**

Material on symbolic characters denoted by word “chetyi” has been presented. The “chetyi” characters has not been explained. To describe “chetyi” “language-religion-faith- customs-behavior” peer group has been used. This approach to investigating “chetyi” word made it possible to see mentality of Old Believers as a fusion of the spiritual and the material aspects.

L.V. Kulikova

**PRAGMALINGUISTIC CATEGORISATION OF COMMUNICATIVE STYLE
IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE**

The article presents some results of theoretical-empirical study of German communicative style in the contest of institutional discourses in modern Germany.

O.V. Magirovskaya

ANTHROPOCENTRICITY OF CONCEPTUAL LANGUAGE ORGANIZATION

The article is devoted to the problem of language anthropology. This characteristic of language organization is regarded as the basic principle of modern linguistic research. The main interest is given to the problem of language representation of a conceptualizer.

I.V. Revenko

**SEMANTIC TYPES OF GRADED SYNTACTIC STRUCTURES
IN THE WAR FICTION BY V.P ASTAFIEV**

Semantic types of graded structures as kernel zone elements of category of intensity have been considered. Semantics of graded structure has been found to depend on semantics of its structural scheme element (grader). Principal varieties of graded syntactic structures have been singled.

J.V. Leonova

**PRINCIPLES OF ORTHOGRAPHIC NORMALIZATION
IN LINGUISTIC DISCUSSIONS OF 1904**

Principles to form the basis to reform the Russian orthography at the turn of the century have been examined and analyzed.

L.E. Gavrilina

BASE FREQUENCY REGULARITIES IN PROSODIC AND SUPERPROSODIC SPACES

The article is devoted to the research of the language prosodic level. The purpose of the article is to analyze base frequency change in the smallest unit called prosodeme and in the the supersodic space. The analysis is carried out on the basis of the author's experimental data.

A.V. Korshunova

**STYLISTIC DEVICE AS A TOOL FOR EMOTIONAL EFFECTIVENESS
IN COMMERCIAL SLOGANS**

Stylistic resources in various realms of the language and speech have been a subject of recent scientific interest and study. The objective of the work is to define a stylistic device as a tool for emotional effectiveness in English and American commercial slogans (an advertising genre).

V.I. Pikhutina

**ON «ACCENTOLOGICAL VARIABILITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE»
DICTIONARY (BY EXAMPLES OF PRONOUNS)**

In this article the project of the accentable dictionary of the complex type is described. It includes the comparative accentable characteristic which bases on the data of different dictionaries: the explanatory dictionary, the pronouncing dictionary, the dictionary of the difficulties of the Russian language, the stress dictionary and the dictionary of the foreign words. It gives the opportunity to compare and reveal normalities in the stressing.

L.M. Shteinhart

**IMAGERY AS REFLECTION OF NATIONAL SPECIFICS
OF THE RUSSIA'S GERMANS' WORLDVIEW**

The article in question is devoted to the problem of imagery as the index of Russian Germans perception of the world. The category of imagery is investigated on the set of dialectical proverbs and sayings. This category is a constant language this reason it is original and nationally specific.

M.I. Solnyshkina, O.A. Morozova

**COMPOSITION AND MICROSTRUCTURE
OF PROFESSIONAL TECHNICAL LANGUAGE (BY EXAMPLE OF DICTIONARY
OF RUSSIAN PROFESSIONAL PETROLEUM WORKERS' LANGUAGE)**

A concept of dictionary of professional language of petroleum workers is proposed, elements of its macro- and micro- structure are disclosed.

A.D. Vassiliev

ACADEMICIAN O.N. TRUBACHEV'S SACRAMENTAL WORD

Academician O.N. Trubachev, famous for his fundamental works in Slavic etymology, at various times addressed the issues of social and cultural significance of linguistics. "Sacramental Word" is a book of the scientist's thinking about topical problems of Russian history and modern time in linguistic aspect.

T.N. Zakablukova

**HALLMARK IMAGES IN THE LIFE OF SEVERAL GENERATIONS
OF A SIBERIAN FAMILY**

Image of Siberia given in the context of a family chronicle is considered on the materials of the books by G.D. Grebenshchikov "Churaevy" and V.Ya. Shishkov "Ugryum-river". Emphasis is made to the image components being peculiar hallmarks in the life of a Siberian family and their role in the narrative.

V.V. Degtyareva

**WATER/OCEAN/RIVER MYTHOLOGEM IN THE ART WORLD
OF V.P. ASTAFIEV AND H. MELVILLE**

This article is devoted to the problem of using the mytheme of water (ocean, river) in works of the Russian writer V.P. Astafjev (1924–2001) and the American writer H. Melville (1819–1891). The subject is connected with the universal tradition of perception of water as cosmogonic primary matter and with the eschatological motive of the destruction of existence in water.

N.I. Drozdov, V.I. Makulov, V.P. Cheha

GEOLOGY AND ARCHAEOLOGY OF SOUTH TUVA

The territory of South Tuva at the border of Mongolia has been poorly studied in natural and archaeological aspects for a long time. In this paper for the first time we present in the most all-round way geological, geo-morphologic and archaeological results of investigations which were conducted by united field groups of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, the Krasnoyarsk Archaeological and Poleo-geographical Laboratory and the Institute of Archeology and Ethnography of Middle Siberia the Siberian Department of the Russian Academy of Science in 2003–2005. The researches were conducted in the northern skirts of the Ubsunurskaya cavity, adjacent to the west and east mountain ridges of Tannu-Ola, and also within the limits of low-hill terrains of these ridges nearly along the length of 500 kilometers from the Tess-Hem river in the east up to the Sagly river in the west.

N.I. Drozdov, Eu. V., Artemiev, V.I. Makulov

NEW EVIDENCE ON THE STONE AGE IN KAN FOREST-STEPPE

In 2006 the archeological team of V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University examined Paleolithic sites in the vicinity of Brazhnoe, Checheul, Ashkaul, Stepnyaki villages. The sites were found to have common features: surfacial occurrence of artifacts at high hypsometric layers; homogeneous raw materials; homogeneous technical-topological characteristics and broad spatial occurrence of material. The objects examined form a peculiar type different from known and studied sites. It is proposed to consider them as a **technical-raw-material complex (raw material technical complex)**. The issue invites further development of the definition and methodological substantiation.

V.G. Datsyshen

DOCUMENTS AND MATERIALS ASSOCIATED WITH ARCHIMANDRITE PETER (P.I. KAMENSKY) STORED IN THE KRASNOYARSK KRAI STATE ARCHIVES HAVE NOT YET BEEN INTRODUCED INTO SCIENTIFIC TURNOVER

Archives materials of great interest for researchers working on intercultural communication make possible not only studying in depth the problems of Russian sinology, but also to bring to light new aspects of Russian-Chinese Relations.

S.P. Zhuravkov, A.L. Zaika

HISTORY OF PETROGLYPHS IN NOVOSELOVO DISTRICT (KRASNOYARSKS KRAI)

The paper is devoted to the history of petroglyphs research in the North Minusinsk hollow of the Novoselovo district in the Krasnoyarsk territory. The authors have analyzed the ancient rock drawings research done from the XVIII-th century up to the beginning of the XXI century.

B.M. Mashevsky

SCIENTISM AND AXIOLOGICAL DIMENSION OF SCIENCE

In this article analysis modern state of science as phenomenon of culture. Author reflections about, that philosopher must get over extreme scientist concepts, but suggests model and program of interaction with natural history.

L.V. Logunova

**DIALECTICS OF TIME AND ETERNITY
IN SCIENTISTS' SCIENTIFIC-PHILOSOPHICAL THINKING**

The concept of time in physics and mathematics, the problem of defining the cause of time, time as numerical level of existence of eternity are considered in the article.

S.P. Schtumpf

ON STRUCTURING OF SPIRITUALITY: DYNAMIC MODEL

Significance of Spirituality phenomenon in the structure of human personality and in the existential process of human life is defined. Problems of content and structure of inner and outer activities of an individual have been considered. The principal research target is to structure the phenomenon under consideration, in particular, the author's view on the dynamic model of spirituality.

I.N. Grekova

EDUCATION: ART OR SCIENCE?

The problem of correlation between inner individual and outer social perception processes of actual reality and forms of their manifestation by means of logics and art are considered.

S.V. Maximov

**CHARACTERIZATION OF VALUE SYSTEM OF RUSSIAN STUDENTS
UNDER MODERN CONDITIONS**

Some essential aspects of students' value orientations specifying changes of their morals undergo under the effect of the socio-cultural situation in the country. The analysis is based on consolidated sociological research materials of recent years both in Russia as a whole and the author's questionnaire survey carried out in Lesosibirsk, in particular.

V.E. Danilova

**ON ZONES AND FORMS OF UNCONTRADICTION RELATIONSHIP BETWEEN CHRISTIAN
DENOMINATIONS IN RUSSIA AND IN KRASNOYARSK KRAI TERRITORY**

This article is devoted to review of areas and fields of uncontradiction relationships between the Christian denominations in Russia and Krasnoyarsk Territory.

A.N. Falaleev

STRATEGIC MANAGEMENT OF UNIVERSITY IN MARKET ECONOMY

Comprehensive analysis of higher educational establishment management under current social-economic situation is made, an attempt is also made to find objective and subjective causes of mistakes committed, to find ways of eliminating them.

T.P. Malinova

**HOUSEHOLD FORMATION AND SPECIFICS OF ITS BEHAVIOUR
IN TRANSITION ECONOMICS**

The Author shows us understanding of the households which is used in the modern economic theory, and assumes, that such understanding has gnosiological roots based on A. Smit representation about cost of goods comparing to the income of the three factors of production. The author states, that the formation of a sector of households is a direct result of the basic system transformation in a transitional period known as privatization. Privatization in Russia at such accelerated speed, without any financial institutions any known sources on the one hand and on the other hand low income of Russian population has appeared to be less «democratic» comparing to some other countries' and expected by government income-demand differences and it has led to formation of a consumer sector with the high level of property differentiation.

In clause, daily behavior of the households which to a certain degree was preconditioned ^{tr}> fail at startup was implemented.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Артемьев**
Евгений Владимирович
- кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, декан исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Бойко**
Евдокия Семеновна
- кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Васильев**
Александр Дмитриевич
- доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Гаврилина**
Любовь Евгеньевна
- соискатель кафедры немецкого языка КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Грекова**
Ирина Николаевна
- старший преподаватель кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Данилова**
Вероника Евгеньевна
- аспирант кафедры религиоведения КГПУ им. В. П. Астафьева.
- Дацышен**
Владимир Григорьевич
- доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Дегтярёва**
Вера Владимировна
- соискатель кафедры русской литературы КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Доброновская**
Анна Павловна
- старший преподаватель кафедры религиоведения КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Дроздов**
Николай Иванович
- доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, заслуженный деятель науки РФ, ректор КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Журавков**
Сергей Петрович
- учитель истории средней общеобразовательной школы п. Ильичево Шушенского района Красноярского края, аспирант кафедры отечественной истории КГПУ им. В.П. Астафьева.

- Заика
Александр Леонидович** – кандидат исторических наук, заведующий музеем археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Закаблуква
Татьяна Николаевна** – аспирант кафедры русской литературы КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Коваленко
Ната Афанасьевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Коршунова
Анжелика Владимировна** – старший преподаватель кафедры английской филологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Куликова
Людмила Викторовна** – доктор филологических наук, доцент кафедры германских языков и межкультурной коммуникации КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Леонова
Жанна Викторовна** – аспирант кафедры русского языка КГУ.
- Логунова
Лариса Валентиновна** – старший преподаватель кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Магировская
Оксана Валериевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Максимов
Сергей Владимирович** – аспирант кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Макулов
Владимир Иванович** – старший преподаватель кафедры отечественной истории КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Малинова
Татьяна Петровна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Машевский
Борис Михайлович** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Минеев
Валерий Валерьевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Морозова
Ольга Алексеевна** – Казанский государственный университет.

- Пихутина
Валентина Ивановна** – старший преподаватель кафедры современного русского языка и методики его преподавания КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Ревенко
Инна Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Самотик
Людмила Григорьевна** – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Солнышкина
Марина Ивановна** – Казанский государственный университет.
- Фалалеев
Альберт Николаевич** – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Фельде (Борхвальдт)
Ольга Викторовна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Чеха
Виталий Петрович** – доктор географических наук, профессор кафедры физической географии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Штейнгарт
Елена Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Штейнгарт
Лариса Мироновна** – старший преподаватель кафедры германских языков и межкультурной коммуникации КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Штумпф
Светлана Петровна** – старший преподаватель кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.

ВЕСТНИК
Красноярского государственного
педагогического университета им. В.П. Астафьева
2006(3)

Редактор М.А. Исакова
Корректор С.Ю. Глазунова
Верстка М.Л. Гукайло

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 22-12-89

Подписано в печать 04.12.06. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 31,15. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ 36. Цена договорная

Отпечатано ИПК КГПУ,
т. 23-48-60